

Игорь Ушаков

СЕМЕЙНАЯ САГА

САН - ДИЕГО
2008

Игорь Ушаков

**СЕМЕЙНАЯ
САГА**

(роман-коллаж)

**2013
Сан-Диего**

Дизайн обложки:

Кристина Ушакова

Copyright © 2013 by Igor A. Ushakov

Содержание:

От автора.....	8
ЧАСТЬ 1.....	9
ГОРОДСКАЯ СОНАТА. ПРЕЛЮДИЯ: ЗАВОЛЖСК.....	9
ВРЕМЕНА ГОДА: ЮНОСТЬ.....	38
ГОРОДСКАЯ СОНАТА. ИНТЕРМЕЦЦО: ЛЕНИНГРАД.....	93
ВРЕМЕНА ГОДА: МОЛОДОСТЬ.....	102
ЧАСТЬ 2.....	107
ПРИТЧА О ПРОРОКЕ: МАГДАЛИНА И ИОАНН.....	117
ГОРОДСКАЯ СОНАТА. СКЕРЦО: МОСКВА.....	127
ВРЕМЕНА ГОДА: ЗРЕЛОСТЬ.....	196
ПРИТЧА О ПРОРОКЕ: ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ.....	203
ЧАСТЬ 3.....	207
ПРИТЧА О ПРОРОКЕ: РАСПЯТИЕ.....	212
ПРИТЧА О ПРОРОКЕ: ВОСКРЕСЕНИЕ.....	243
ВРЕМЕНА ГОДА: СТАРОСТЬ.....	311
ЭПИЛОГ.....	325

*Посвящается Тане,
послужившей прообразом Марии*

От автора

То, что вы видите перед собой, есть сага о трех поколениях простых русских людей. Я определил жанр этой повести как «роман-коллаж», поскольку повествование ведется не от автора, а одновременно от нескольких действующих лиц. Это сделано для того, чтобы не навязывать читателю своего отношения к героям романа, чтобы читатель мог общаться непосредственно с героями, жить их жизнью, думать их думами.

За собой же я оставил несколько авторских вставок, которые представляются органически необходимыми для выделения основной психологической линии (Притча о Пророке), места действия (Городская соната) и возраста главных героев (Времена года).

Надеюсь, что не слишком придирчивый читатель не обвинит меня в попытках эксплуатировать Джона Голсуорси (название), Михаила Бугакова (использование «около-библейской» вставки), Бориса Пастернака (использование стихов в тексте романа), или Кирилла и Мефодия за использование кириллицы.

И. Ушаков

Сан-Диего, 2003

P.S. Большая просьба к верующим, особенно к православным: пожалуйста, пропустите и не читайте все главки с названием ПРИТЧА О ПРОРОКЕ. Если же будете читать, то ругайте только себя, ибо предупреждены были, но искусились!

ЧАСТЬ 1

Городская соната. Прелюдия: ЗАВОЛЖСК

Происходило это в самом начале прошлого, то бишь двадцатого, века в старинном русском городе Заволжске, стоящем на берегу Волги. Город этот и до большевистской революции был довольно большим, хотя все же, как и все остальные большие российские города, кроме Москвы и Санкт-Петербурга, оставался городом провинциальным. Здесь вроде бы было все, как полагается в большом городе: величественный православный собор, с дюжину церквей и даже неплохой костел, вполне приличная синагога, какая-никакая мечеть. Но особенно Заволжск славился своим оперным театром и на всю Россию известной ярмаркой... Население города до революции составляли в основном ремесленники да рабочие, мещане, купцы и промышленники, перемешанные с огромным числом крестьян, пришедших в город из окрестных деревень да сел на отхожий промысел, да так в городе и осевших.

Под крутым берегом, у самого города вольготно текла матушка-Волга, красивейшая из наших российских рек...

Самое место для столицы такого славного государства, как Россия – настоящее сердце страны: расположение в самом центре, от границ далеко, да и могучая судоходная река, протянувшаяся аортой через всю страну с севера на юг... Да, Волга – самое место для стольного града! Но в России все делается наперекосяк. Возьмем реки, на которых стояли и стоят столичные города российские. Разве можно сравнить с Волгой Москву-реку, которая более для красоты, нежели для судоходства предназначена? Да и Нева-то, хоть и судоходна, а все же смотрится таким недомерочком рядом с Волгой...

Все это так: все в Заволжске, вроде бы, как надо, а вот какого-то блеска, что ли, или просто духа аристократизма не хватает! Все вроде бы так, да и не так! Как мог бы сказать чересчур взыскательный любитель всего столичного, «онучами попахивает».

Хотя вот возьмите, к примеру, Москву: ведь не зря говорят – большая деревня! И правда: сдвинься чуть-чуть при подъезде к Тверской-Ямской в сторону, особенно где-нибудь до Петровского дворца, – деревянные избы-развалюшки приютились, да и дороги, ведущие мимо

них, как говорится, ни пройти, ни проехать. А уж речушка там протекает, так ей лучшего имени, чем Таракановка, и не выдумать. Так она и течет себе Таракановкой, не претендуя на возвышенные названия...

В центре города, правда, немало добротных особняков, но таких и в Заволжске немало! А вот шарм в ней, в Москве-то, какой-то особый все же чувствуется, какая-то внутренняя сила так и прет, так и прет! А самое сердце – Кремль, Храм Христа Спасителя, Иван Великий, Василий Блаженный – так такой красоты на маленьком пятачке земли в мире больше, может, и не сыскать нигде!

А уж о Петербурге и говорить нечего: это ЕВ-РО-ПА! Нет, не «окно в Европу», а сама Европа. Блеску его позавидовать может любая европейская столица. Исаакий один чего стоит! Только соборам Петра да Павла уступает куполом своим, да и то Петр-то Святой на холме Римском стоит, с ним сравниться еще можно, а уж Павла лондонские улочки так затискали, что он, как Лаокоон среди змеев, удушается...

Но, говоря по правде, сам-то я люблю все же провинциальные города. Даже, может, не столько они мне нравятся, сколь раздражают чванливость и высокомерие городов наших столичных. Это какие-то «звери алчные, пиявицы ненасытные». Ведь стоит образоваться, где бы то ни было, заметному таланту – музыканту ли, художнику, композитору – всех проглатывает либо молодая, либо старая столица.

Такого паразитизма столичных городов вы не встретите больше нигде, ни в Европе, ни в Новом Свете, ни даже в Азии. Это явление исконно русское.

А уж сколько молодых жизней исковеркали наши престольные города! Иной подающий вроде бы надежды молодой человек только гимназию закончит – мчит в Москву или Санкт-Петербург учиться. Чему учиться?! Нет, чтобы ума-разума дома набраться да и стать достойным гражданином у себя на родине. Нет! Как магнитом влечет его опьяняющая столичная суета. А собственно, что там? Чужая роскошь, рестораны, экипажи, женщины недоступные под вуалями, картишки и прочие соблазны... Глядь – и сгинул человек: спился ли, пулю ли себе в лоб от долгов непомерных пустил, или же влачит жалкое существование в мире разбитых мечтаний...

Но хоть и не люблю я столицу, а ведь вот что странное и необъяснимое происходит: стоит уехать в какую-нибудь глухую глухомань, где можно отдохнуть душой, вне суеты и толчеи пообщаться с достойными людьми, как через какое-то время чувствую, что чего-то не хватает. Как-то уж слишком все хорошо: никто тебя в суетлоке не толкнет, никто не обожжет злым взглядом, никто не скажет тебе недоброго слова... Да и бурного дружеского общения – обильного, хотя, может, и не такого ду-

шевного, как в провинции, – тоже не хватает. Чувствуешь вдруг себя рыбою, выброшенной на берег – дышать нечем!

И неумолимо тянет опять окунуться в эту столичную круговерть, в мир того всеобщего безразличия, в одурманивающую светскую или около-светскую суету... В этом есть что-то наркотическое! Но потом проходит время, и хочется опять «отпуститьсь», поехать в отпуск или в длительную поездку в мир философического спокойствия и спокойного философствования...

И так вся жизнь проходит в поисках эфемерного душевного комфорта. Но – увы! – не угодить суетной человеческой душе... И сколько Господь ни старается ниспослать на нас свою благодать, вся она изливается мимо нас и питает стебли трав, по которым мы ходим, да корни деревьев, под кронами которых мы живем. А сами мы живем, как под зонтами, прячась от той низливаемой на нас Божьей благодати.

Впрочем, на этом затянувшемся вступлении я вас, читатель, оставляю: пусть герои сей повести говорят за себя сами. Это они авторы своей жизни, своей судьбы, а я лишь созерцатель, не в силах которого ни исправить того, что не ладно, ни предотвратить действия, негодные Богу. Жизнь – она, как Волга, течет и течет неотвратимо. И если кто замыслит поставить плотину, перегородить реку, чтоб текла она по новому пути, то сметет она все на своем пути и будет продолжать свое течение в русле, уготованном ей Господом...

Посему будьте снисходительны к героям нашим: если и грешат они, то все же не более нас с вами. И ведут они себя так, как ведут, лишь оттого, что просто им досталась такая стезя. Поскольку герои наши происходят именно из упомянутого провинциального Заволжска, то – уж не взыщите – на них будет замечен, возможно, отпечаток провинциальности, тем паче, что и корнями они через поколение, не боле того, уходят в приволжские деревни. Так что не ищите в них голубых кровей!

Итак, начнем мы наше калейдоскопическое повествование, как тому и положено быть, с главного героя...

☆☆☆

Михаил. 1927, 18 августа

Сегодня день моего рождения, мне исполнилось шестнадцать лет... Как только я проснулся, мама моя, Антонина Егоровна, подошла и поцеловала меня в лоб, перекрестила и сказала мне несколько добрых слов, поздравляя с днем рождения. Сказала что-то про долгое плавание, в которое я отправляюсь. И я сразу понял – кончилось безмятежное детство... Ведь и правда, шестнадцать – это какой-то совершенно новый возраст.

Я вышел на улицу с этой мыслью и, оглядевшись, увидел все другим, не таким, каким оно было еще вчера: по-другому светило солнце, по-другому шелестели деревья, по-другому ветер шевелил мои волосы... И еще какая-то то ли грусть, то ли тоска зацепила мое сердце. Я весь был будто в ожидании чего-то... Но чего?

К вечернему чаю мама испекла пирог с яблоками, мой любимый. Этот пирог – наша семейная традиция, которую я помню с самого своего раннего детства: в день моего рождения мама всегда печет яблочный пирог. Иногда, когда по Поволжью гулял голодный мор, это был весьма символический пирог, скорее даже просто маленький пирожок. Но хоть малюсенький и «гощий», а пирожок был. Корочка теста была прозрачная, как пергамент, сквозь нее торчали, как ребра у оголодавшей кобылы, кубики мелко нарезанных яблок... Этот маленький пирожок разрезали на три части, большую мама давала мне, а два маленьких кусочка они брали с папой. Такова была семейная традиция: не проходил мой день рождения без яблочного именинного пирога!

Отец мой, Платон Андреевич, был человеком верующим, строго соблюдавшим все церковные праздники, но у него были и свои особые «языческие» и личные ритуалы. Одним из таких ритуалов был и мой день рождения, а поскольку на следующий день наступал Яблочный Спас, то отец и ввел эту традицию с яблочным пирогом. Он чтит древнюю языческую масленицу, отмечал «Перунов день», как он называл день первой весенней грозы, был у него и праздник весеннего ледохода, когда вскрывалась матушка-Волга. И эти наши семейные праздники были у нас в семье не менее святы и не менее важны, чем праздники церковные.

Папа мой вообще был большой выдумщик на праздники – он говорил, что нужно пользоваться любым поводом, чтобы радоваться жизни и радовать других. Отец говорил, что жизнь коротка и насыщена невзгодами, а посему о хороших днях жизни нужно почаще вспоминать, чтобы жить было радостнее.

Когда мы с Павликом, моим братом, были маленькими, то

лет, наверное, до десяти каждому из нас справляли по два дня рождения в год: «круглый» и «с половинкой». А день свадьбы родители мои отмечали каждый месяц: отец говорил, что любовь нужно лелеять. Он очень любил маму... Глядя на них, я понял, что любовь – это самая большая ценность в жизни.

И вот сегодня я опять подумал об этом. Может, это и есть настоящее счастье? Может, у меня и настроение такое непонятное было сегодня, что я захотел счастья?

Обычно в день моего рождения, когда Павлика еще не было, мы сидели за столом втроем – мама, мой отец и я.

Отец мой был удивительный рассказчик: он всегда находил такие интересные истории из своей жизни, что можно было подумать, что он живет не в нашем провинциальном городишке, а в каком-то другом увлекательном и необычном мире.

Каждый день рождения был всегда для меня большим праздником: это был день, который мои родители целиком уделяли мне, если только не было из ряда вон выходящих обстоятельств. И эта радость общения была для меня самым главным. Подарков каких-то особых мне в этот день не дарили, обычно это были книги. Может, поэтому я и люблю книги: не только читать их, но и ласкать рукой их корешки, люблю брать их и открывать наугад на любой первой попавшейся странице, погружаясь в середину уже знакомой мне истории... Да и читать я приучился медленно, смакуя: речи героев звучали у меня в голове разными голосами, а авторский текст я читал про себя с выражением. Мама даже по-доброму посмеивалась надо, говоря мне, что когда я читаю, то начинаю гримасничать...

Отец мой считал, что подарки надо дарить любимым людям не по избранным датам, а постоянно, всю жизнь. Делание добра, говорил он, должно быть потребностью, естественным движением души, а не обязанностью по праздникам. Поэтому на дни рождения у нас никогда не дарили «нужных вещей»: подарки были всегда просто памятными, но по возможности с символическим значением. А нужные вещи мы получали тогда, когда они были нужны.

Когда в 22-ом году отца навсегда увели чекисты, мы с мамой проводили мой день рождения за чаем сначала вдвоем. Мама сидела напротив меня, всматриваясь в мое лицо, и я чувствовал, что она во мне ищет черточки моего отца, которого она так и не долюбила... Потом к нашему с мамой чаепитию с именинным пирогом присоединился и мой подросший младший братишка Павлик.

Вот и сегодня мы сидим втроем. Мой восьмилетний брат

Павлик что-то увлеченно рассказывает, смешивая маму. По-моему, ей даже кажется, что за столом опять сидит ее Платон – Платоша, как она его называла, любя, – и балагурит нам на потеху.

А у меня сегодня почему-то пирог не лез в горло...

Мама заметила это и, посмотрев на меня с тревогой, спросила:

- Ты совсем не ешь, Мишенька... Не захворал ли?

- Нет-нет, мама, я здоров...

- Что-то случилось?

- Нет, все хорошо, не волнуйся... Я просто подумал, что мне уже шестнадцать, а я так и не понял, для чего я живу.

- Ну, этого не знает никто. Вот и я тоже не знаю. Жизнь дана Богом, она им и направляется. Твое предназначение в этой жизни предопределено Им. Жди и все придет. Но ты должен помогать Господу и поступать, как тебе подсказывает совесть...

- Ах, мама! Вот ты говоришь: «Бог, Бог...» Я верю в добро, в любовь к ближнему, но я не могу верить в того Бога, который позволил этим антихристам погубить моего отца!

- Не говори так, не гневи Господа! Нельзя Его судить за то, что происходит в нашей жизни. Господь защищает нас. Может, Платон и жив, если есть на то воля Господня.

Помолчав, она добавила:

- А ты верь, верь, Мишенька! Бог в тебе есть! Носи веру в себе. Вера напоказ грешна, а сейчас даже и опасна. Но без Бога не проживешь...

Она помолчала немного, а потом как будто выдохнула с горечью:

- Три года прошло, а от него и весточки нет... Жив ли?.. Дай Бог ему силы выдержать это испытание и вернуться домой...

Я пожалел, что расстроил маму: не надо было так про Бога... И вообще, зачем обижать верующего человека своим неверием? Ведь маме ее вера помогает жить, выживать, как мне нынешнее мое безверие помогает бороться, а не ждать «Божьей помощи». Я дал себе слово больше не огорчать ее.

А вера?.. Что такое вера? Наверное, каждый верит во что-то свое. Вот мама сказала «Бог в тебе есть». Может, и правда, есть у меня мой Бог, не тот, общий, а мой собственный. Ведь что-то направляет

мои действия, что-то позволяет отличать добро и зло, что-то удерживает от дурных поступков...

Собственно в христианстве ничего дурного нет, если не брать во внимание религиозных фанатиков и юродивых. А христианские добродетели? Ну, что же, я следую им, разве эти не самое главное? Разве я хуже того верующего, который бьет поклоны да бормочет молитвы, а сам непрерывно грешит?

А уж что меня просто раздражает – так все эти выдумки: воскрешение мертвых, изгнание несуществующих бесов, хождение по водам... Бред какой-то! Мне эти сказки совершенно не нужны!

Да и что же в жизни главное? Надо быть христианином в душе, а не числиться им. Разве не сказано в той же Библии:

«Не по словам вашим, а по делам вашим судимы будете»? Да и вообще, хоть комсомол – это тоже своеобразная церковь, но там хоть веселее!

Живой образ отца моего, Платона Андреевича Макарова, стоит перед моими глазами. Я его очень любил: любил его за отношение ко мне, как к равному; любил за его любовь к маме; любил за его удивительно нежное отношение к маленькому Павлику. Все, что бы он ни делал, меня восхищало, он был моим идеалом и, я бы даже сказал – идолом. И сейчас он будто оберегает меня, как Ангел-хранитель, ведет меня по жизни. Может, это и есть настоящий мой Бог? Да, я не верю в Бога для толпы, но в своего Бога, в свою судьбу, в свое предназначение, пока еще мне неизвестное, я верю. И именно я, моя мораль, мои внутренние устои творят все, а не какая-то неведомая сверхъестественная сила. Мне часто кажется, что именно мой отец постоянно помогает мне, подсказывает, направляет... Я ведь постоянно мысленно с ним беседую, советуясь...

Отец мой был человек скромный и выдержанный. Пост он занимал довольно высокий – был казначеем самого большого в городе Всесвятского прихода, хотя никакого церковного сана, кажется, и не имел. Во всяком случае, мне он об этом никогда не говорил, да и я его не спрашивал – мне как-то это было совсем безразлично.

Отец, работая почти всю жизнь при деньгах, жил скромно, будучи человеком честным. Когда он женился, моя мама вела хозяйство весьма экономно, что позволяло нам жить вполне достойно, даже можно сказать хорошо. И квартира у нас была прекрасная: три комнаты – одна общая и две спальни: одна наша с Павликом, а другая, что побольше, – родительская.

Но вот пришла революция, церковь заколотили, приход прекратил свое существование, а многих священников порасстреляли... Отца не тронули, поскольку он был скорее служащим, нежели церковным служителем. Ему с трудом удалось устроиться бухгалтером на какую-то фабрику, жизнь стала трудной, но ведь многое в жизни зависит от самого человека. Отец любил говаривать, что счастье – это состояние души, а не свойство окружающего мира.

Так мы и жили, пусть трудно, но счастливо. Однако какие-то злые языки стали распускать слухи, что отец мой припрятал огромные церковные богатства, а он – будучи человеком честным – не умел защитить своего доброго имени, только ухмылялся в ответ да укоризненно покачивал головой. Да и как доказать, что ты не крал, если ты не крал?

Три года назад вот так же осенью – нет, это было попозже, в сентябре – вечером, уже после девяти, в дверь громко постучали. Мама открыла дверь, мужской голос спросил ее, не тут ли проживает Платон Макаров, бывший казначей церковного прихода. Мама позвала отца, он вышел в прихожую, ему сказали, чтобы он одевался и шел с ними.

Отец вернулся от порога, надел пиджак, потрепал меня по затылку, с какой-то виноватой улыбкой подошел к маме и поцеловал ее, сказав ей, чтобы она не волновалась, и позаботилась о детях. Открыв дверь в нашу спальню, он посмотрел на спящего Павлика, затем потихоньку притворил дверь, чтобы не разбудить его.

Его увели в ночь и навсегда...

Мама не плакала, не голосила, как наша соседка, когда забирали ее мужа. Она села на стул около стола, ссутулилась и молча вперилась слепым взглядом в одну точку. Так она просидела долго-долго. Я молча сидел рядом с ней, а потом уговорил ее все же лечь спать. Сам я тоже пошел в нашу с Павликом спальню, но глаз сомкнуть не смог до самого утра...

Вскоре из нашей квартиры нас выселили, дав небольшую комнату в полуподвальном помещении. В центре комнаты мама повесила абажур – все, что сохранилось от нашей прежней счастливой и беззаботной жизни. У окна стоял обеденный стол, слева от него у стены стояла мамина кровать. Около ее кровати за большим шифоньером в темном уголке были наши с Павликом кровати.

Мама моя была отличной хозяйкой, она делала все быстро и хорошо: готовила, прибиралась, стирала и гладила белье... Она быстро нашла работу в доме какого-то большевистского начальника, ко-

тому по чину положена была домработница. Семен Урицкий, как его звали, был человек добрый, к маме относился хорошо. Ей даже разрешалось иногда брать с собой Павлика, чтобы он не торчал один дома: мало ли что малому взбредет в голову одному? Жена Урицкого, Софья, иногда баловала нас с Павлом простенькими гостинцами, что было для нас настоящим праздником.

Деньги мама получала не ахти какие, но нам хватало. Основная проблема у мамы была с одежкой для Павлика и для меня. Мама шила-перешивала вещи отца на меня, а мои вещи потом, когда было нужно, подтачивала и перекраивала для Павлика.

Вернусь, однако, к своему дню рождения. Когда мы попили чая, мама пошла укладывать Павлика, а я вышел на улицу подышать. Погода была дивная: тепло, с Волги тянул легкий свежий ветерок, на небе появились первые, еще неяркие звезды. И тишина, тишина... Хотелось разбежаться, подпрыгнуть, расставить руки и полететь птицей. Я остановился, закрыл глаза и почти явственно почувствовал, что я лечу высоко-высоко...

Я не знаю, что со мной происходило, но такого еще никогда не было... Какая-то странная грусть, беспричинная, тревожная наполнила меня всего. Я будто чего-то жду, но не знаю, чего. Как будто ко мне должен был придти самый дорогой друг, но вот задерживается, его все нет и нет...

Я стоял на тихой и пустынной вечерней улице, глядя во тьму безоблачного звездного неба, и в голове моей, как-то помимо моего сознания, стали складываться строчки...

**На скатерть неба высыпали звезды...
О чем-то задумавшись, висит луна...
Дурманит немного прохладный воздух...
А сердце – ноет, как расстроенная струна.**

Я прибежал домой и с волнением записал эти строчки. Никогда не думал, что смогу написать стих, а сегодня он получился сам собой, будто бы вовсе без моего участия. Вот появилось это четверостишие, и душа моя как-то даже успокоилась, как после исповеди... А уж не исповедовался я почти три года, с момента ареста моего отца!

Странно, пока я был маленький и верил в Бога, исповедь действительно облегчала душу. Но после ареста отца вера во мне сломалась: где же он «Всемиловитый»? Где же он справедливый? Не на-

шел какого-нибудь злодея, чтобы предать его мукам? Мой отец был святой человек, так за это его нужно было отнять у нас?..

Катерина. 1927, 2 сентября.

Папе день ото дня все хуже и хуже... Он похудел.

Лежит бледный, глаза ввалились. А сегодня стало совсем плохо. Нас с Ксюшкой к себе не подпускает. Говорит, что чихотка – очень заразная болезнь. Но все время улыбается, успокаивает всех нас. Улыбка немного грустная, но не сходит с лица. Сказал, что будущим летом мы все вместе поедем в Крым, и он там вылечится. Ох, если бы!

Мама держится молодцом. Все свое свободное время проводит у постели отца, они о чем-то все время шепчутся. Иногда отец даже начинает тихонько смеяться, но заходится кашлем. Мама тут же бежит в кухню за теплым чаем.

Мама стала очень много курить. А ведь ей это вредно – голос беречь надо. Она ведь еще до сих пор считается лучшей певицей во всем Поволжье.

За последний год она сильно поседела, хотя ей всего тридцать два года!

Иногда, когда я ночью встаю попить, я застаю ее в кухне с вечной папирсой. Она сидит неподвижно, подперев руками голову. От папирсы, которую она держит в руке около виска, вьется струйка дыма. Я стараюсь тихонько налить себе воды и незаметно исчезнуть из кухни. Я понимаю, как горестно маме из-за папиной болезни. Я несколько раз пыталась посидеть с ней, как-то помочь своим присутствием. Но она говорила, иди, мол, доченька, поспи, я вот докурю папирску и тоже пойду. Но я-то знаю, что она и после этого еще сидит часами...

Неужели папу никак нельзя спасти? Ведь есть же какие-то лекарства! И в Крым ему надо обязательно. И если у нас так плохо с деньгами, то надо послать его одного... Я вот скоро кончу школу и пойду работать. Будут у нас деньги, будут! Я сделаю все, чтобы помочь папе! Я так его люблю... Дай Бог, чтобы он хоть чуть-чуть поправился. А не могу себе представить нашу жизнь без него. Что же тогда будет с нами?

☆☆☆

Вчера я была первый день в школе после летних каникул. В классе появилось несколько новичков, из них два мальчика. Новенькие интереснее старых мальчишек. Может, потому что я их еще не знаю? Вообще-то наши мальчишки еще сопляки, хотя и хорохорятся. Кое-кто даже форсит с папиросой во рту. Но от этого они еще смешнее. Щенки!..

А вот Анатолий – это новенький – отличается. Он высокий, широкоплечий, наверное, очень сильный. Выглядит он лет на шестнадцать. Взгляд у него такой, что от него у меня холодеет где-то внизу позвоночника. Уж не вторилась ли я?

Мне пятнадцатого сентября будет уже четырнадцать лет. Все говорят, что я выгляжу старше своих лет. Вернее, не то чтобы старше. У меня просто и грудь и бедра, как у настоящей девушки. А все остальные девчонки в классе, как воблы!

Я знаю, что я красивая и нравлюсь другим. Мне приятно, когда на меня оглядываются. Иногда даже взрослые мужчины! От этого чувствуешь себя будто летящей по воздуху.

А Анатолий – это загадка... Что он из себя представляет?.. Мне так хочется, чтобы кто-то сильный и взрослый опекал бы меня, был бы рядом, чтобы было на кого опереться при необходимости.

Михаил. 1927. 12 сентября

Я понял, что со мной происходит: я влюбился, влюбился не в кого-то конкретного, я влюбился в выдуманный мною образ. Нет, это, конечно, не любовь, это просто готовность к любви. Но девочки из класса – это все не то: одни очень уж фривольны и глупы, другие – умны, но страшны, как смертный грех, а третьи – вообще какие-то серые существа, бесхребетные амебы. Я на них даже не смотрю, хотя, впрочем, и они отвечают мне тем же. В моих мечтах живет Незнакомка, но не Незнакомка Блока или Крамского: моя Незнакомка, пожалуй, ближе всего к Шекспировской Джульетте. Я этот образ почти явственно вижу, когда вечером ложусь спать и долго-долго не могу заснуть в каком-то тягучем ожидании, ожидании сам не знаю чего.

Моя Незнакомка – это молодая девушка, почти девочка, которая восхищенно смотрит на меня, готова слушать все, что я говорю ей, сама хорошо и умно говорит... Для нее любовь – это не только прогулки под луной, но прежде всего – слияние душ. Она почти во всем похожа на мою маму... Я представляю, как мы гуляем по высокому берегу Волги, вдали, отражаясь в волшебном зеркале реки, в

дымке виднеются поля и леса, по небу медленно плывут важные, напыщенные облака... Потом мы садимся с Незнакомкой на скамейку в парке над обрывом, и я читаю ей свои стихи. Я чувствую, я чувствую, что скоро я напишу много-много хороших стихов!

В своих мечтах я иногда захожу еще дальше... Я представляю, как мы, переправившись на тот берег, идем босиком по траве, смотрим друг на друга восторженными глазами и говорим о чем-то, не важно, о чем. Потом я подхватываю ее на руки, она обнимает меня за шею и прижимается ко мне всем телом... Я бегу по полю, и вдруг мы падаем со смехом в копну свежескошенного пахучего сена. Она как-то сразу замолкает, я нахожу ее полуоткрытые губы и нежно ее целую... Но не больше... Все остальное – что и представить-то невозможно! – только после свадьбы. А потом у нас с ней будет счастливая жизнь, такая же, как у моих родителей, но только долгая и спокойная... Я мечтаю о том, как я буду ее любить – беззаветно, преданно и страстно...

☆☆☆

В школе начался учебный год, которого, признаюсь, я ждал почти с нетерпением: я люблю эти ежедневные встречи с друзьями, веселую болтовню на переменах, сами уроки. У нас прекрасные, умные учителя, которые учат нас не только своим предметам, но и жизни вообще. И вообще я люблю учиться, хотя это не значит, что я зубрила: многие даже наоборот считают меня лодырем. Но это только из-за того, что я много времени провожу с друзьями в играх и вечерних посиделках во дворе. А на самом деле, мне просто все быстро и легко дается, а потом еще я дома не теряю времени на раскачку и валяние дурака: надо все сделать и быть свободным!

Уроки я обычно делаю, сидя за обеденным столом около окна, которое выходит на улицу. Из нашей полуподвальной комнатки мне в окно видны только ноги спящих по улице людей. Я иногда отрываюсь от книжек и тетрадок и смотрю на мелькающие ноги, которые, как маятники часов – тик-так-тик-так! – мелькают перед глазами. Особенно интересно смотреть на женские ноги, они гораздо выразительнее, чем мужские, возможно потому, что не скрыты за ширмой брючин и сапог. А возможно, и не только поэтому... Мне кажется, что я по ногам, по походке могу определить характер человека, его лицо, его глаза. По крайней мере, мне так кажется.

В течение нескольких последних дней я был буквально зачарован удивительными ногами какой-то молодой девушки. Они – эти ноги – то быстро мелькали, будто бежали куда-то, то шли медлен-

но, как во сне... Я их сразу же узнавал, я мог отличить их из сотен других, мелькавших перед моими глазами. Обладательница этих ног стала для меня волнующей загадкой, овладела всеми моими мыслями, отвлекала от уроков, погружая меня в какие-то неясные грёзы. Я в нее влюбился, не видя ее, не зная, кто она. (Вообще-то я понимаю, что влюбиться «в ноги» – это немного странно, если не сказать, что просто глупо.)

И вот однажды, когда обладательница заморозивших меня ног проходила мимо моего окна, я не выдержал, сорвался со своего стула и выбежал на улицу. Я увидел ее уже только в спину: что-то в ней показалось мне знакомым, и я невольно почти побежал за ней следом, чтобы узнать, кто она, эта спустившаяся с облака незнакомка. Странные чувства обуревали меня: я боялся, что вдруг меня постигнет разочарование... Этого я боялся более всего.

Мне ничего не стоило, как будто ненароком, догнать Незнакомку... С приближением к ней я все больше и больше понимал, что я уже давно ее знаю! И вот я сравнялся с нею. Конечно же! Это была Катя Белая! Я ее знал с детства, но никогда не обращал на нее особого внимания. Я молча кивнул Кате и помчался дальше, будто взаправду куда-то спешил. Успел только заметить, как она улыбнулась мне и махнула в след рукой... Что-то тенькнуло у меня в груди, и по всему телу разлилось необыкновенное тепло... Сердце мое громко, до звона в ушах, застучало, будто бы вырываясь прочь из моей грудной клетки, в глазах пошли какие-то радужные разводы...

Какая она стала красивая за лето! А какие у нее удивительные глаза! А может, это ОНА?..

Катя... Катюша... Катенька... Катеринка...

Да, несомненно, это ОНА! Но что мне делать? Я же не могу подойти к ней и сказать прямо так: «Катя, давай дружить!» А если она рассмеется в ответ?..

Но как же мне быть? Как? Да и учимся мы в разных классах: я в десятом, а она в восьмом...

Да, да! Она и есть та самая, которую я уже долго ждал! Я не знаю, что мне делать, но теперь я знаю, что ОНА существует, существует та, ради которой стоит жить!

**Я живу или не живу?
Это сон или наяву?
От несбыточных грёз устав,
Может, я обретаю явь?**

**В жизни нет теперь пустоты:
В этом мире есть ты...
Есть Ты!**

Катерина. 1927, 24 сентября

Бабье лето! Бабье лето! Сегодня было тепло и солнечно! Сегодня суббота. На одной из переменок Анатолий позвал меня после школы покататься на лодке по Волге. Сделал он это непринужденно и уверенно, как-то по-взрослому.

Я согласилась, но сказала Анатолию, что встретимся мы прямо на пристани. Не хочу я пока, чтобы нас видели вместе. Ведь длинные языки моих «закалятых подруг» могут все испортить в наших еще таких хрупких отношениях.

За эти три недели между нами Анатолием будто протянулась тонкая ниточка. На уроках я часто чувствую его взгляд на своей спине. Он сидит через две парты сзади, на соседнем ряду. Иногда я не выдерживаю и поворачиваюсь, встречаясь с ним взглядом. Он тогда мне улыбается одними глазами. От этой улыбки по моему телу прокатывается какая-то волна, а в лицо ударяет кровь...

На переменках он оказывает мне знаки внимания, которые я, как бы неохотно, принимаю. А у самой от радости сердце рвется наружу. Оно так громко и гулко стучит, что я боюсь, как бы его не услышали другие.

Внутренний голос подсказывает мне, что я все делаю правильно.

Анатолий буквально сходит с ума, ходит за мной по пятам неотступно. Все девчонки, по-моему, мне завидуют, но я делаю вид, что меня-то это совершенно не трогает. Наташка Семиглазова – наша классная «аристократка» – вся уже изощла: и так к нему подъезжает, и эдак. А Анатолий на нее и внимания даже не обращает!.. Да и Оляка Верещагина все ему глазки строит, а он и ее не замечает...

Я не показываю вида, что мне его внимание ужасно приятно. Я просто не отталкиваю его. Это делает его почти безрассудным, он не скрывает своего влечения ко мне. Это так приятно – чувствовать свою силу над таким сильным и симпатичным парнем!

... Забежав домой, я бросила портфель и сказала маме, что приду сегодня попозже, а сама тут же помчалась на встречу с Анатолием. Мне хотелось бежать во весь дух, но я сдерживала себя,

переходя просто на быстрый шаг. Вот и пристань... Я пришла первая, Анатолий еще не пришел. Появившись, он галантно извинился и, уверенно взяв меня под локоть, повел на причал.

Лодка нам досталась новенькая. Даже уключины не скрипели так противно, как они скрипят обычно.

Когда мы отъехали от причала довольно далеко, он бросил весла и запел. Голос у него был приятный. Пел он русские романсы, многие из которых я уже слышала от моей мамы.

Анатолий пел, и я зачарованно его слушала. Стало чуть-чуть смеркаться. Похолодало. Анатолий предложил поехать к нашему берегу и разложить на берегу небольшой костерок, чтобы согреться, а потом поехать и сдать лодку. План показался мне романтическим, и я согласилась. Он налег на весла, и вскоре мы были уже у берега. Пристали мы к пустынной косе, относительно далеко от пристани. Анатолий ловко спрыгнул с лодки, привязал лодочную цепь к какому-то деревцу, а сам подошел к лодке и подтянул борт к берегу. Я уже встала на борт, чтобы шагнуть на берег, но в тот же момент он взял меня на руки, подхватив под колени. Я невольно обняла его за шею... По-мужски сильные руки и его горячее дыхание мне в щеку вскружили мне голову... Я чувствовала, что вся дрожу, что сознание уходит от меня... Все это было так ново, так восхитительно! Весь мир вокруг закружился, закружился и растаял...

Потом я почувствовала какую-то тяжесть на себе. Я очнулась и миг отрезвела. Я стала вырываться и шептать ему:

- Не надо, миленький, не надо! Отпусти! Не надо! Перестань... Перестань...

Но он уже совсем потерял голову. Он не слушал или не слышал меня. Он держал меня за запястья. Я была будто распята на траве, его сильное колено раздвигало мне ноги... Тут в последнем безнадежном порыве я оторвала голову от земли и впилась зубами в его шею!

От неожиданности он громко вскрикнул, отпустил меня и вскочил на ноги. Я тоже быстро поднялась, поправив сбившуюся юбку.

- Ты что, совсем сдурила? Смотри, укусила до крови!

На его рубахе и взаправду заалело небольшое пятно. Отчего-то я невольно прыснула. Не знаю, почему – будто бес какой в меня вселился. В этот момент Толя, разъяренный, замахнулся на меня, хотя рука его так и застыла в воздухе.

Это было уже слишком! Я развернулась и почти бегом понеслась в сторону пристани. Я не испугалась. Я просто не могла придти в себя от обиды и злости. Этого еще никто никогда себе не позволял со мной. Уже стало смеркаться, я шла уже почти наугад, на огоньки. Вскоре я оказалась у пристани и свернула в сторону дома.

Почти затемно я добралась до дома. Во мне шевелились смутные чувства. Я особенно-то не сердилась на Анатолия за то, что он потерял голову. Это даже вызвало какое-то чувство необычного возбуждения. Обидело то, что он не слушал моих просьб оставить меня, отпустить. Но больше всего меня оскорбило то, что он на меня замахнулся. Правда, и я была хороша – прокусила парню шею до крови... А если бы попалась сонная артерия? Я опять невольно прыснула от смеха, представив себя вампиром или ведьмою, пьющей кровь грешника...

Пока я так и не поняла, куда меня завела судьба. Анатолий мне очень нравится, я бы очень хотела дружить с ним. Но я не готова к тому, что он от меня хочет. Ведь мы еще только учимся в школе...

Как мы завтра будем друг другу в глаза глядеть? Ведь народ в школе шустрый, о чем-то догадуются, что-то понапридумают. Ославят ни за что ни про что! Нет, зря я так думаю: Анатолий не даст меня в обиду. Ну, горяч он, несдержан, но ведь есть и вопросы мужской чести. Об этом во всех книгах пишут.

Но что будет, что будет завтра?..

Михаил. 1927, 24 сентября.

Сегодня после уроков я задержался во дворе школы, хотел, как всегда теперь это делаю, дождаться Кати, дать ей уйти вперед, а потом пойти за ней и любоваться ею: ее походкой, ее стройными ногами, ее льняной косой, которая колышется около ее талии... Я уже так привык к этому за последнее время! Ходит она домой, правда, не одна, а в сопровождении двух, а то и трех мальчиков-одноклассников. Один из них постоянный сопровождающий, остальные меняются. Зовут его Анатолий Дубравин, он появился в нашей школе только в этом году: его отца прислали из Москвы, назначив каким-то важным губернским начальником.

Я плетусь за этой троицей, проклиная себя за свою нерешительность. Все никак не решаюсь подойти к Кате как-нибудь на пе-

ремене, заговорить, а удастся, то и на свидание

пригласить... И как это другие парни так запросто с девочками общаются, ходят с ними, даже под руку берут... А я не могу, робость какая-то меня одолевает. Может поэтому на меня девчонки и внимания не обращают? Но что же я могу с собой сделать? Для меня женщина – это святыня... Этому меня учил мой отец.

Так вот, стою я, жду Катю. Она выбегает из дверей какая-то легкая, почти воздушная, глаза блестят. Меня не заметила и помчалась, сломя голову, обгоняя всех.

Ну, что мне делать, не бежать же за ней! Пошел я в том же направлении, но вскорости она уже скрылась из виду, потерялась. Ну, дома наши рядом, все равно мне по тому же пути домой идти. Подошел к своему дому, но не вхожу: а что как она выйдет из дома, пойдет куда, и я ее пропущу? Ведь мало ли, почему она бежала, может, маме помочь, может еще зачем. Например, в магазин пойдет – всё мимо моего дома ей идти надо.

Ждал я, ждал, долго стоял на улице, но потом все же пошел домой. А дома-то не сидится, будто что меня гложет, все из рук валится. Мама с Павликом у Урецких задержалась, как всегда: по субботам до прихода хозяев еженедельная тщательная уборка, чтоб, когда Семен Исаакович с Софой появятся с работы, все было бы в полном порядке.

Взял я тетрадку, в которой пишу черновики своих стихов, да и пошел в соседний парк. Все на природе легче, чем дома, когда на душе кошки скребут...

Я люблю бывать на природе. Вот и сегодня сел я в парке на скамью. С крутого берега далеко видна Волга с редкими и будто неподвижными лодчонками, а на том берегу, далеко-далеко раскинулись бескрайние поля, окаймленные позолоченными дубравами... Легкий, уже осенний, но еще ласковый, как котенок, ветерок нежно касается моего лица. Солнце уже низко, но закат еще не зачался, хотя брюшки облачков уже подсвечиваются бледным золотом. И грустно, и светло...

Травы косят...
Солнца просят –
Непогода наплыла.
Плачет осень,
Плачет осень –
Мало прожила.

Серым кровом
Небо снова
Затянули облака.
Осень – рыжая корова
Надоила молока.
Весь в тумане,
Как в обмане,
Лес сосновый.
Так и манит,
Так и манит
Сказкой новой.
Сердцу мило
Всё, что было,
Всё, чему бывать!
Напоила,
Напоила
Душу благодать...

Я пишу и все время подспудно думаю о Кате. Я так хочу, чтобы она меня полюбила, за мои стихи, за самую любовь мою к ней. Ведь я знаю, что ее никто и никогда не сможет любить сильнее меня, никто не сможет отдать ей себя всего-всего, без остатка...

Катенька... Катюша... Катеринка...

Катерина. 1927, 26 сентября

Я собираюсь в школу. Волнуюсь, у меня даже дрожат руки. Так никогда еще не было. Все воскресенье я не находила себе места. Мне очень нравится Анатолий, я хочу дружить с ним. И если честно – я боюсь его потерять. Хоть бы он простил меня за то, что я его до крови укусила... Но ведь мне же ничего не оставалось делать! Я же поняла и простила его уже за то, что он на меня замахнулся. Мы же уже взрослые люди, надо уметь прощать друг друга...

А вообще-то пора мне кончать корчить из себя принцессу-недотрогу. И нечего скрывать нашу дружбу с Анатолием. Пусть все увидят, что мы дружим. Тогда может, и Анатолий будет вести себя поспокойнее. Ведь дружат же у нас все мальчики с девочками нормально. Ну, бывает, что на перемене кто-нибудь невзначай вроде бы коснется рукой неположенных мест. Но это же шалости! Да, честно говоря, смотря кто и коснется, а то и приятно...

Ах, как бы я хотела, чтобы, когда я приду сегодня в класс, Толя улыбнулся бы мне, как ни в чем не бывало. А после уроков, как всегда, пошел бы провожать меня домой. Может, он даже догадается отослать от себя свою «опричнину», и мы пойдем одни.

И всё снова будет хорошо, мы будем дружить... Ведь ни о чем другом сейчас и думать нельзя. Нужно, по меньшей мере, ждать еще года три. А потом, когда будет можно, мы поженимся. Мы будем счастливо жить. И у нас, конечно, будут дети, хорошие дети... Ой, и о чем я только думаю-то! Но ведь это же нормально – это мечты, мечты, мечты...

Я неслась в школу, как на крыльях. Но я так долго собиралась и прихорашивалась, что едва успела к началу урока. Все были уже в классе, хотя еще и не на своих местах. Когда я вошла в класс, Анатолий стоял ко мне спиной и о чем-то болтал с Наташкой Семиглазовой. Она возбужденно хохотала, хлопая его при этом запястьями ладонью по плечу. Что он говорил ей, я не слышала.

Наташка вообще-то большая воображала, хотя смазливенькая, и не дура. Она хорошо одевается, одежда у нее элегантная и, видимо, дорогая. Родители наняли ей репетитора, который учит ее дома французскому языку. Она из-за этого все время форсит и называет себя «Натали». Все остальные имена она тоже коверкает на французский лад: «Катрин», «Нинон», «Жан»... Всю свою речь она пересыпает французскими словечками, к которым мы даже попривыкли и теперь понимаем «по-французски». Одним словом, «светская дама»!

Прозвенел звонок, пора расходиться по своим местам.

Слышу, Наташка говорит:

- Тре бьен, Анатолий! После лесон встречаемся на углу локоль!

Анатолий утвердительно кивнул ей и повернулся, почти натолкнувшись на меня. Он произнес, видимо еще по инерции «французского» общения: «Пардон», - и пошел за свою парту.

Начался урок. Мне ничего не шло в голову. Мысли крутились вокруг Анатолия. Мне все время хотелось оглянуться, как всегда, и увидеть его улыбающиеся глаза, но я сдерживалась... Я не могла понять, как же так можно? Ведь это же предательство! Ведь в классе все знают, что Анатолий пытается ухаживать за мною. Все девчонки завидовали мне, и в первую очередь, Наташка. Он про-

вожал меня до дома, правда, не один, а всегда с кем-нибудь еще. Мальчишки вообще за ним хвостом ходят.

И как же так? Теперь вот просто так взять и начать «крутить» с Наташкой? Получается, что я во всем виновата? Ну, конечно, с Наташкой проще – она в шею не укусит! Нет, я ему покажу! Он что, думает, что я буду плакать? Я отомщу ему тем же! Но как я ни храбрилась, комок стоял у меня в горле, а слезы наворачивались на глаза...

- Белая, ты в классе или витаешь в облаках? – раздался голос учительницы.

- Ой, Александра Михална, я думала, правильно ли я решила домашнюю задачку.

Шура-дура, как звали мы нашу математичку, поверила мне. Я ведь была в классе по математике одной из самых сильных. Кстати, наша Шура не такая уж и дура, я думаю, что она один из лучших учителей нашей школы. Это просто кто-то придумал в рифму «Шура-дура», так с тех пор и пошло.

Я опять начала думать: кого же, кого же выбрать, чтобы отомстить Анатолию? Эти сопляки-одноклассники еще и побоятся, кабы Анатолий им не врезал... Кто же еще?

Так что ж я, глупая! Конечно же – Михаил, Миша Макаров! Ведь я же вижу, как он млеет, когда я на него лишь просто взгляну! Он и старше, и симпатичный, и говорят, что умный. К тому же мы знаем друг друга с детства. И наши мамы знакомы давным-давно.

Михаил, правда, какой-то не от мира сего, все время будто витает в облаках, но это и к лучшему: не будет с глупостями приставать!

Ну, Толечка, мы еще посмотрим, кто кого!

Но чувствую я себя все же премерзко! Мне ничего сейчас не хочется. И меньше всего хочется, чтобы Михаил подошел ко мне сейчас, увидев, что я иду домой одна. Ну их всех к черту! Я хочу побыть сегодня одна... Да, одна, одна, одна! Видеть никого не хочу!

Михаил. 1927, 27 сентября

Вчера Катя шла домой из школы почему-то одна, без своей вечной свиты. Даже не шла, а как-то устало брела, понурая. Может, что произошло в школе? А может, дома? Ведь ее отец, Арсений Николаевич, очень сильно болен.

Я, как всегда, шел за Катей хвостом, на почтительном расстоянии. Подойти к ней и заговорить я опять не осмелился... А неверное, надо было! Ведь необходимо поддержать человека, когда ему трудно, когда он наверняка нуждается в помощи или хотя бы обычном добром слове. А я опять шел и не смел... А надо бы было подойти!

Сегодня, как всегда, выйдя из школы после уроков одним из первых, я стоял вроде бы в раздумье. На самом деле, я дожидался, когда выйдет Катя, чтобы опять пойти за ней «хвостом». Вот она вышла... Сегодня она бодрее, чем вчера, оглянулась по сторонам, будто ища кого-то. Увидев меня, она махнула мне рукой, сбегала вниз по ступеням и пошла... в мою сторону! У меня ослабло под коленками, во рту внезапно как-то пересохло. Еще этого не хватало! Я же не гимназисточка какая! Что со мной творится, нужно же собой управлять хоть немного!

Она шла в моем направлении и, проходя мимо меня, слегка замедлив шаг, спросила:

- Привет, Миша! Идешь домой? Пошли вместе, нам по пути, кажется?

Я мотнул утвердительно головой и, не промолвив ни слова от растерянности, пошел с ней рядом. Когда Катя спросила меня, почему я какой-то не такой, я совсем смутился и как-то невпопад ответил ей, что я всегда такой, от рождения. Сказал я конечно глупость, поэтому она звонко захохотала и сказала:

- Смешной ты, Миша, какой-то! И даже остришь как-то необычно. Разве можно быть с детства растерянным?

- Ну, конечно, я пошутил. На самом деле, я почему-то все время жду, что ты ко мне подойдешь, но вот был как-то не готов к этому... – Опять невпопад сказал я.

- А как это тебе нужно было специально готовиться к тому, чтобы я к тебе подошла? – Сказала Катя и снова залилась своим звонким смехом.

Шли мы бок о бок, так вот разговаривая ни о чем. Иногда она случайно касалась меня своей рукой, или ее широкая юбка задевала мою ногу – тогда будто электрический разряд пронзал меня. Такого со мной никогда еще не было: ведь в свои шестнадцать лет я ни разу даже не коснулся ни одной девочки. Мои друзья ходят на танцы, устраивают пикники с девочками, где иногда некоторые из них даже кладут голову кому-нибудь из девочек на колени. Я этого представить даже не могу: отец меня всегда учил, что

любовь – это святое, ее нельзя разменивать по мелочам, она одна на всю жизнь. Я понимаю, что только такие отношения, какие были между моим отцом и моей мамой, достойны называться любовью.

И вот теперь этот трепет, который я чувствую... Может, это и есть начало того большого и светлого чувства, ради которого надо жить?..

А Катя – молодчина! У нее все как-то просто и легко получается. Когда мы уже подошли к ее дому, она вдруг мне сказала:

- Ты когда в школу утром выходишь? Может, выйдешь из дома пораньше, подождешь меня, вместе пойдем, а?

У меня аж дух перехватило от нахлынувшего восторга:

- Ну, конечно, конечно!

Мы распрощались, она скрылась за входной дверью своего дома, а я ошалевший от счастья, сдерживаясь, чтобы не побежать вприпрыжку, пошел домой.

Вот и свершилось! И так все просто! А я все переживал и придумывал, какие мне сделать ходы, что предпринять, как с Катей заговорить, что ей сказать... А уж предложить ей до школы ходить вместе – об этом у меня и в мечтах не было!

Завтра! Завтра я увижу ее с самого утра! А потом после школы мы опять пойдем вместе домой. Неужели все это правда? Неужели это не сон? И опять в голове сами собой зазвучали стихи:

**Я хочу и боюсь
Этих встреч на ходу.
Вечерами томлюсь,
Утра нового жду.**

**Будто бабочку ночью
Влечет на свечу.
Я боюсь тебя очень...
И очень хочу...**

Катерина. 1927, 28 сентября

Сегодня весь день я вела себя, как всегда. Была гордая и независимая, на Анатолия внимания особого не обращала, но это все выходило естественно. Я его не игнорировала, даже какие-то фразы

ему иногда кидала, но не более чем остальным. И зацепила-таки его! Он с Наташкой говорит, а я замечаю боковым зрением, что сам на меня косится. Пусть, пусть! Я ему не та Катерина, что с обрыва бросается! Я – Кармен! Любовь свободна, черт подери! Он у меня еще попляшет!

Прозвенел последний звонок, все метнулись к выходу. Я же, как всегда, не спешу. Собираю книжки и тетради в свой ранец и выхожу в коридор одной из последних.

Выхожу на улицу, останавливаюсь и оглядываюсь. Вижу, метрах в тридцати от меня прогуливается Анатолий – наверняка ждет меня. А вдали, при выходе из школьного двора стоит Михаил, вроде ждет чего, а вроде и нет. Я-то знаю, что он меня ждет, хоть мы и не уславливались сегодня после школы идти домой вместе. Он такой застенчивый, что все приходится начинать мне самой: это с одной стороны интересно, а с другой – хочется, чтобы мужчина был мужчиной, чтобы он владел ситуацией, решался на что-то. Анатолий метнулся было ко мне, но я в это время подняла руку и помахала Михаилу. Я направилась мимо Анатолия к Михаилу, подошла к нему и сказала:

- Привет! Идешь домой? Пошли вместе!

Он, видимо, этого от меня и ждал, хотя опять как-то растерялся. Пошли рядом, говорили о каких-то пустяках, он был совсем потерянный. Видно, что парень умный, но уж очень весь «зашнурованный». А ведь тихоней его не назовешь – я же вижу, какой он с другими мальчишками: уверенный, сильный, никому не уступит, если считает, что прав.

А в меня он, наверное, всерьез втрескался! Ну, что ж, это хорошо: девушка, прежде всего, должна быть любима, как говорят подружки, а уж там видно будет, куда поворачивать – достоин ли претендент твоей любви или нет! В конечном счете, это мы их выбираем, а не они нас: мы просто позволяем тому, кого мы выбрали!

Идем-идем... О какой-то чепухе болтаем. Вот уже и его дом прошли, идем к моему. Я все жаду, когда он что-нибудь предложит: вечером погулять или может в выходной в кино сходить. Нет, молчит, будто воды в рот набрал. Вот малахольный! Пришлось мне начать, хотя я ничего лучшего не нашла, как спросить, не хочет ли он меня утром подождать у своего дома, чтобы в школу вместе идти.

Он весь аж засветился! Даже не ответил толком, только головой кивнул. Чудной!

А впрочем, он очень хороший парень: и симпатичный, и

умный. Вот разговорю его, распеvelop, растоплю – мне еще все девчонки завидовать будут! Да и Анатолию с его «Наталли» нос утру! Кстати, у меня как пелена с глаз спала: даже немного странно, что я нашла в Анатолии?

Арсений Николаевич. 1927. 27 октября

Замучил меня кашель!.. Да-а-а... Неважно идут дела: часто отхаркиваю с мокротой кровь... Врачи рекомендуют поехать в Крым, говорят, может помочь. А как поедешь? На что? И так живем с хлеба на воду... Лёля-Алёнушка извелась совсем, работает, как ломовая лошадь – Катю с Ксеной растит без моей помощи, да еще я тут лежу пластом... А она каждый день мне молоко горячее с жиром дает, сало откуда-то приносит... Как выкручивается? Ума не приложу.

И себя не бережет, не боится заразиться от меня. По вечерам устроится, как воробышек, на краешке кровати, руку мою держит, то к щеке своей приложит, то поцелует. Говорю ей, остерегись, Лёля, ведь и сама заразишься и детей заразишь. А болезнь-то суровая, не приведи Господи!

Все вечера вместе проводим, говорим о многом, вспоминаем прошлое. Вот вчера стала расспрашивать про отца моего да про мать, да про житье-бытье наше. Я пообещал ей рассказать все завтра, устал уже сегодня. Когда она ушла, я долго не мог заснуть, вспоминая бывшее...

Мать свою, Агришину Ивановну, я помню не очень отчетливо: умерла она, когда мне еще и восьми лет не было, а брату моему младшенькому, Глебу, было и вовсе около двух.

Отец мой, Николай Ипатьевич Белый, был священником в Заволжской церкви. Голосище у него был, что твоя иерихонская труба. Многие даже неверующие ходили в церковь на «Николину службу». С матерью моей они были погодки, любили друг друга без памяти, хотя отлюбить свое им Господь не дал: забрал маму совсем молодой, ей только должно было тридцать стукнуть...

Отец очень любил нас с братом, но растил в строгости, воспитывая по-спартански. Все говорил: в этом мире, чтоб прожить, надо быть сильными и выносливыми. Как только стало можно, отдал меня, а потом и Глеба в юнкерское училище: почему-то не хотел, чтобы мы по его стопам пошли.

Кончил я училище, получил чин подпоручика, направили меня служить в Заволжский гарнизон.

Вот тогда-то и повстречался я со своей Алёнушкой, Лёлей, как называли ее в семье. Она пела в церковном хоре в одной из Заволжских церквей, но слух о ее голосе гремел далеко за пределами нашего города.

Сходил я как-то на службу в церковь послушать, как Лёля поет. И впрямь – чудо: голос глубокий, чистый, мощный, что твоя Волга течет... Да и сама красоты неписаной: волосы цвета вороного крыла, глаза темно-карие, цыганские, сама – кровь с молоком! Зачаровала меня, околдовала с первого же взгляда.

Повстречался я с нею, представился. Едва и перебросились-то парой слов, но я как-то почувствовал нутром, что и в ней ко мне ответ такой же. Часто стали видеться, чуть ли не каждый день. А тут узнаю я от нее, что какой-то заезжий купец хочет ее за свои деньги в Италию послать, пеннио учиться. Знаю я этих благодетелей, охочих до молодых и красивых девиц!

Ну, думаю, надо решаться – уедет Алёнушка, потеряю я свое счастье. Раздумывать было некогда, я и отцова благословения не спросил, пошел к родителям ее, в ноженьки бухнулся, мол, благословите нас с Лёлей под венец. Родители у нее были простыми людьми, из подзаволжских крестьян-калмыков. Отец ее, Степан Никодимыч Бургутов, был из погорельцев.

Когда дом у них сгорел вместе с хлевом, где была какая-никакая скотина, им остался он гол, как сокол, подался он с женой да детьми малыми в Заволжск. Сначала пристроился дворником, потом стал извозчиком. Обжился. Жена у него тихая и безответная, тоже калмычка. У них пять дочек, Лёля – старшая. Были еще три брата младших, но все умерли в детстве от болезней.

Когда пришел я к Бургутовым руки их дочери просить, то согласились они быстро – как-никак, а офицера в зятя получили. Отец же мой, когда узнал, был сначала категорически против, мол, не ровня она тебе, но потом сказал: «А!.. Был бы ты счастлив, а то, что бесприданницу берешь – не беда. Голова-руки есть, а там как-нибудь все образуется».

Родилась у нас с Алёнушкой через год дочка, Катюшка. Да вот, как всегда не вовремя, война Германская началась. Глеб, только кончив училище, заремел на фронт, его контузило, попал он в германский плен, сначала писал, а потом мы все связи с ним потеряли... Жив ли, брательник?

Отец мой, как-то не болея даже, умер в первый же год войны от разрыва сердца. Теперь-то я понимаю, что ему, «попу», – не

зря нас с Глебом «поповичами» величали – при большевиках была бы первая пуля. А так хоть умер своей смертью.

Я на войну не попал, так и служил в Заволжске. А вскоре другая напасть – революция. Времена переменялись: всех офицеров без разбора хватили да к стенке – поди, докажи, что ты просто царский, а не белый офицер! У меня во взводе солдаты были почти все наши, заволжские, они и посоветовали мне, чтобы я поостерегся да от властей на время схоронился... Как все это было – и вспоминать тошно!

Потом вдруг други-солдатики отыскали меня, оказывается, им надо было выбрать себе командира, вот они обо мне и вспомнили. Согласился я, пришел, повинился властям. Попался мне добрый человек, вопросов лишних не задавал, зачислил в Красную Армию командовать моими же солдатами. Бросили нас против «голубых чехов». Люто они бились: родина за тридевять земель, отступить можно только на восток, а там что? Китай, чай, тоже не медовый пряник!

Потом послали меня в Бухару каких-то эмиров в советскую веру обращать. Жара. Грязь кругом. Мужики под чинарами чай потягивают, бабы ходят в чадры замотаны. Где друг, где недруг – не разобрать. Только и жди нож под лопатку. Больше всего боялся я там, на басурманщине, за Алёну свою да за Катюшку, доченьку.

Посему, как только можно было, попросился я в отставку, чтобы вернуться обратно в Заволжск, хотя и голод там свирепствовал в это время лютей. А тут тетка моя письмо мне прислала, что, мол, в Поволжье за мешок муки можно хороший дом приобрести. Купили мы с Лёлей на последние гроши мешок муки пшеничной и повезли с собой. А в пути – проверка. Отобрали муку да еще чуть не арестовали как спекулянта. Благо документы были справные, что я красный командир, да к тому же еще со мной жена с дочкой малой...

А потом служба в какой-то вонючей конторе. Лёля подрабатывала солисткой городского хора – церкви-то позаколотили. Ну, что ж, пение – дело хорошее! И душе приятно, да и денга дополнительная к нашему скудному бюджету притекает...

Хотя ежели посмотреть, то какие это были деньги?..

А потом Ксеничка родилась. Хотелось парня, а вышла девка! Но вот теперь не нарадуюсь: малявочка совсем – и трех нет – а лопочет во всю, все понимает. И глазища – большие, умные, поди, таких и у парня редко какого найдешь!

Вот заболел некстати, будь она неладна! Всё теперь на Лёлю

взвалилось: и работа, и по дому хлопоты, да и я тут еще лежу бревном... С тех пор, как я слёт, Лёля гнет горб на текстильной фабрике. Работа тяжелая, весь день на ногах. Глядя на неё, сердце кровью обливается!..

Вот и сейчас она вернется с работы усталая, а нужно и Катюшку с Ксеничкой накормить, и еду на завтра приготовить. А потом ко мне придет...

Откуда ж такая кара с небес на нас пала? Ведь как любим друг друга, как хорошо нам, так нет – на тебе! За что Господь ниспослал такое наказание?!.. За какие грехи?

Ну, вот опять кашель душит... Стоит чуток поволноваться, как совсем невтерпеж становится...

Эх, Лёля-Алёнушка! Может, плохо я тебя любил, может, иногда и на других женщин заглядывался, но я всегда понимал, что ты у меня – золото, что без тебя мне и не жить. Понятно, что теперь-то я святой стал – на кровати, что те на кресте распят, только что ладони гвоздями не приколочены, никуда не рывнешься...

Но коли было что не так, Лёля, уж ты прощай... Выкарабкаться б! Одна ты у меня на целом свете... Ты да доченьки мои родные...

Елена Степановна. 1927. 27 октября

Арсению становится все хуже и хуже. Я вижу, как он храбрится и бодрится, чтобы меня поменьше огорчать. И я принимаю эту игру и сама тоже стараюсь казаться спокойной и уверенной в будущем. Однако, правда жизни страшна...

По вечерам, когда Сеня засыпает, я остаюсь одна, и воспоминания овладевают мною...

Ах, Сеня, Сеня! Как же я люблю тебя... Почему же Господь так несправедлив к нам? Или на всех Белых лежит какое-то проклятье?

Но за что, за что? И матушку твою Господь прибрал раньше срока, и отца твоего, а уж как тот веровал! Да и брат твой младший где-то пропал без вести...

Нет, Сеня, я не мыслю жизни без тебя. Конечно, ты прав, я должна жить ради наших дочерей, но будет ли это для меня жизнь?..

Я помню все-все с самой первой нашей встречи. Помню,

как молодцеватый молодой офицер подошел ко мне после службы в церкви и, щелкнув каблуками, произнес: «Разрешите представиться, мадемуазель! Арсений Белый!» Мне молодой калмыцкой девушке было впервой и такое обращение, и такая ситуация. Молодой человек был более чем приятной наружности: закрученные слегка вверх усики, как у героя модного уже в то время Мопассана, черные с какой-то бесовской искринкой глаза, приятный баритональный бас...

Бывает же так, что лишь раз увидишь человека, а чувствуешь, что он тебе близок и будто знаешь его уже долго-долго, чуть ли не всю жизнь. Я много про такое читала в романах, но думала, что все это досужие выдумки беллетристов ради занимательности сюжета. Но тут именно такое произошло со мной самой!

Мы стали встречаться, он оказался начитанным, наши вкусы и суждения во многом совпадали. Человеком он был очень деликатным, тонким. Прощаясь со мной, каждый раз брал мою правую кисть за кончики пальцев и легко так целовал, вернее, даже слегка касался губами и усами. Я была от него просто без ума, но чувства свои сдерживала и ничего лишнего себе с ним не позволяла.

Чтобы ничто не омрачило наших отношений впоследствии, когда могут открыться некоторые факты, скрываемые обычно людьми в обществе, я рассказала ему сразу же, что я происхожу из простой крестьянской семьи, что предки мои звались «Бургуты», что на калмыцком означает «Орль», что «Бургутовы» они стали только после отмены крепостного права. Мой отец, правда, что называется, «выбился в люди» и даже смог определить меня в гимназию.

Некоторые подружки из гимназии, в которой я училась, смотрели на меня свысока, как на простолюдинку. Может, это было оттого, что я – калмычка из крестьянской семьи – превосходила их, выходцев из дворянских, а то и почти аристократических фамилий? Но мне их отношение было безразлично: я училась лучше многих, учителя любили меня за знания и живость ума.

Арсений на мою исповедь сказал мне, что он и сам не «голубых кровей», его прадед тоже был крепостным. Но его совершенно не волнует, из какой я семьи. На том наши дальнейшие разговоры о мезальянсе прекратились навсегда.

Все так и текло: неспешно, спокойно, душевно. Арсений частенько ходил в церковь послушать мое пение. Нужно сказать, что, видимо, у меня и на самом деле был неплохой голос, раз люди приезжали даже из других городов послушать меня. Но вот однажды очень почтенный и пожилой купец, Иннокентий Збруев – было ему

уже лет, наверное, за сорок, – предложил мне поехать в Италию года на три поучиться пению. У меня аж дух захватило: это же как-никак оперная Мекка! Я радостная сообщила об этом Арсению, Сенчике моему. Он сначала опешил, а потом, не раздумывая, сказал: «Алёна, я предлагаю тебе руку и сердце. Пойдем, испросим благословения твоих родителей».

Это было так неожиданно! Втайне я мечтала, конечно, о том, как мы с Арсением поженимся, но все это было для меня далекой и сладкой сказкой, не более. Выбора у меня не было, вернее, выбирать мне было не нужно: жизнь с Арсением – можно ли мечтать о большем счастье?

Мы поженились. Об Италии речь уже и не шла. Началась моя счастливая жизнь. Я любила моего Сенечку, как кошка. Может, в том и была немного моя ошибка: те, кто беззаветно любят, рискуют получить обидное разочарование в верности супруга.

Так случалось несколько раз и со мной. Арсений был яркой личностью, красивым мужчиной, женщины висли на нем гроздьями. Нетрудно и искушению поддаваться! Несколько раз так и случилось, но он после этого буквально приползал на коленях, молил прощения, каялся, клялся, что это больше никогда не повторится... Наступали блаженные дни примирения, Сеня был идеален – внимателен, нежен, предупредителен... Прямо-таки медовый месяц наступал вновь!

А потом, где-нибудь через полгода-год – очередная пассия, очередное падение и очередные его слезы раскаяния в мои колени. Я его каждый раз прощала. И не по этой обычной бабьей расчетливости, что, мол, другого такого не сыщешь. Нет, я просто не мыслила себя без него, да и знала, к тому же, что и он меня любит беспредельно и сам же страдает от своей ветрености.

Потом началась Германская война... Но не она оказалась опасной для нас, а революция и все, что начало твориться по всей стране. Ведь Сеня был «попович», то есть сын священнослужителя, да еще царский офицер к тому же с фамилией – Белый! Офицер Белый – ясно, что белый офицер! А для таких не было ни суда, ни следствия.

Ему его армейские друзья посоветовали на время исчезнуть с глаз власть предержащих. Прятали его я в подполе. Как кто к дому приближается – я его тут же посылаю в подпол, а крышку закрываю половичком, будто и нет ничего. Соседи обо всем знали, но никто властям не выдал нашего секрета. Оставались-таки порядочные люди! Арсений страсть как не любит вспоми-

нать это время...

Но вот однажды пришли солдаты, которые были в его подчинении в царской армии, сказали, что они, мол, выбрали «Николаича» себе в красные командиры, хотят его видеть и просить стать ними, а за него они готовы головы свои положить, но в обиду его не дадут. Я сказала им, приходите завтра в это же время, я Арсения вам сыщу и приведу. Ведь не могла же я его при них из подпола вызволять!

Ну, так вот всё и утряслось. Стал он снова на легальном положении. Как-то обошлось все: ведь против красных он никогда не выступал, солдаты все были за него горой, да и репутация его как офицера была высокая.

И зажили мы трудной, но уже спокойной жизнью. Кончились наши страхи да опасения. Ведь власть страшней врага: враг виден, да с ним и биться можно, а супротив власти не попрешь, как говорится. Помотало нас немало: направили его с его частью в Узбекистан. Трудно было: Катюшка совсем малая была, но было нам вместе хорошо. Потом не без приключений вернулись домой, в За-волжск...

А тут теперь эта напасть – болезнь легких. Не зря чахоткой называют – вон как, родимый, чахнет. Я все, что могу, делаю: сало с рынка, молоко с медом, молоко с маслом. Иной раз так и кажется, что вот-вот и на поправку дело пойдет. Надеюсь, надеюсь... А что же еще и делать-то? Только что и остается, что надеяться да молить Господа о милосердии...

☆☆☆

Времена года: ЮНОСТЬ

Какое еще время года воспето поэтами больше, чем весна? Весна – это начало жизни. Весна – это первые зеленые побеги. Весна – это время первой любви.

Начало жизни... А помните, эту печальную мысль, высказанную, видимо, чересчур уж пессимистически настроенным человеком: первый шаг ребенка – это шаг к могиле...

Впрочем, постойте, г-н Пессимист! Что же, по-вашему, получается, что лучше этому ребеночку и вовсе не делать первого шага?

Лучше так и оставаться «Вечным Ничем»? Да вы спросите лю-

бую тварь Божью, хотела бы она не появиться на свет только потому, что когда-то ей суждено сгинуть навеки? Нет, нет и нет! Каждый, появившийся на этом свете, цепляется за эту подаренную судьбою жизнь и ни за что добровольно ее не отдаст!

Только люди, с их слишком уж развитой психикой, способны на акт самоуничтожения, да и то лишь в истерическом припадке или под гнетом непомерной душевной депрессии.

А уж возьмите даже ничтожную букашку какую, либо птичку малую или рыбешку незаметную – все они рвутся в любых обстоятельствах хоть на миг еще, а продлить тот самый путь, начатый с первого шага, с первого шевеления крыла или плавника...

Так что – да здравствует весна! Да последует за ней и лето, и осень и зима... Но ведь сейчас-то это весна! Вот и живите, вот и наслаждайтесь!

Конечно, у людей чувственных весна может вызвать некоторые грустные ощущения. Но вовсе не из-за страха какой-то там эфемерной смерти. Это просто состояния ожидания чего-то большого, теплого, что вот-вот наступит...

Но вот на улице становится теплее, солнце светит увереннее и ярче, с крыш по сосулькам стекают слезы, из-под снега по краешкам тротуаров несмело появляются первые, еще не окрепшие, ручейки, на деревьях уже заметно набухают почки... Снег сходит довольно быстро. И вот уже пробивается первая травка, распускаются первые листочки, даже воробьи начинают чирикать как-то иначе, и теплый весенний ветерок шевелит на голове волосы, либо – у кого оных не наблюдается вовсе – просто ласково поглаживает лысины...

Говорят, что где-то есть страны, где не бывает весны вовсе: там просто круглый год весна. А хорошо ли это? А где же чудо бабьего лета? А что же это за осень без свинцового, затянутого тучами неба из которого льет, как из ведра? А что же это за время Крещенских морозов, когда ты можешь ходить в рубахе без рукавов? Не кажется ли жителям сих стран, что время остановилось? А каково жить в остановившемся времени? Не скучно ли?

А вот русская весна, особенно в средней полосе, очаровательна! Дети радостно шлепают по лужам своими галошами, все еще надетыми на валеночки. Да-да, вот так стоят посреди лужи и топают ногой, заливаясь смехом и заливая окружающих прохожих брызгами серовато-коричневатой весенней воды. Другие, постарше, наклонившись стайками над бурными ручейками, пускают спичечки - «кораблики» по весенним потокам, наблюдая, чей же фрегат достигнет первым водосточной решетки. А из водосточных труб вода хлыщет с позднего утра до раннего

вечера, пока легкий морозец опять не схватит на крышах не дотаявший снег.

На лицах прохожих невольно расцветают улыбки, люди готовы, как в старину селяне, говорить каждому прохожему «Бог в помощь» и желать добра. Правда, лишь готовы, но не говорят, то ли потому, что не верят в то, что Бог может помочь, то ли уже по городской привычке не лезть к незнакомцу с распахнутой душой.

А потом, когда снег сойдет совсем, оставшись иногда до середины мая только лишь в лесных овражках, начинается пора зеленого буйства природы. Деревья покрываются листвой буквально за считанные денки. Все звенит, благоухает, ослепляет глаз...

Как хороши, как чарующи эти быстрые весенние перемены! Разве не в этом смысл всей жизни, чтобы моменты нашего пребывания на этой грешной, но вечной Земле отличались бы один от другого: чтобы день сменял утро, а вечер сменял день, а потом наступала бы ночь, а потом пять утро; чтобы за весной следовало лето со своими прелестями, чтобы оно сменялось осенью, которая, умирая, переходила бы в зиму со своими радостями и, конечно же, с ожиданием новой весны...

Разве не в этом? Разве не в этом?..

Но все же весна имеет свой особый знак – знак надежды.

Если ты юн, то тебе кажется, что ты все смеешь, всего можешь достичь. Если ты стар, то тебе кажется, что впереди еще о-го-го сколько всего интересного предстоит.

И даже если ты очень-очень болен, весной в тебе просыпается радость оттого, что удалось дожить еще до одной весны...

Да, весна – это начало года. И как во всяком начале, в ней же заложен и будущий конец года. Но ушедший навсегда год продолжается новым, впервые появившимся годом... И так всегда... И конца в этом мире вовсе нет – один день сменяется другим днем, один год сменяется другим годом, одна жизнь сменяется другой жизнью.

Зацвела весна с рассветом!

Но пройдет, пройдет и это...

В этом мире все не вечно.

Только время бесконечно.

Михаил. 1928, 13 марта

Это такое удивительное чувство – постоянная мысль об одном человеке, постоянное восхищение им, постоянное желание его видеть. Наконец-то мы с Катей видимся почти каждый день, мы проводим довольно много вечеров вместе, гуляем, я рассказываю ей то, что я прочитал, о чем думаю, а еще читаю ей свои новые стихи. Мне хочется писать стихи про нее, про мою любовь к ней, но для этого нужны какие-то особенные слова. Пока я пишу про свои внутренние настроения, описывая только природу.

Я люблю весну, но именно самая ранняя весна, март порождают у меня какое-то тревожное чувство. Я заметил это свое состояние уже давно, еще когда был совершенно неспособен анализировать свои мысли и чувства. Вот и сейчас, казалось бы, все у меня хорошо, просто чудесно! Вот уж правда – моя Катерина это «луч света в темном царстве»! Но даже и сейчас у меня психика подспудно чем-то угнетена... Но я знаю, вот увижу Катю, и все развеется, все пройдет.

А стихи... А стихи они почти всегда грустные получаются. Ведь это же не в барабан стучать на демонстрации!

Вчера опять что-то грустное пелось внутри:

**Серый март. Серое небо. Серый снег...
Мне почему-то плохо бывает именно по весне.
И я боюсь, боюсь заранее
Весны такой предтечно-ранней.**

Как такие грустные стихи Кате показать, и не знаю... Но скоро, скоро, – я знаю, – пройдет эта моя меланхолия. Вот зазеленеет все, зацветет, и у меня на душе все развеется!.. Вот даже уже сегодня все видится светлее и радостнее, чем вчера:

**Весна сегодня очень ранняя –
Февраль морозами не пожил.
И получаем мы заранее
То, что могли бы много позже.**

**Уже и в марте солнце греет,
Все крыши изошли слезами.
И оттого еще скорее
С дороги талый снег слезает.**

**Наклонудись на ветках почки,
Не веря в мстительную вьюгу.
Того гляди, по небу точки
Далеких птиц потянет с юга...**

Это уже можно и Кате показать, да вот увижу я ее, к сожалению, только послезавтра...

Катерина. 1928. 15 марта

«Мой» пришел сегодня какой-то особенно грустный. Я уж даже спросила, ты чего? Он стал что-то говорить про сезонную депрессию, про то, что весной многим бывает плохо.

Мы уж с ним почти полгода гуляем, а он все будто боится меня. Идем рядом, так даже под руку меня не возьмет, будто я заразная какая. Конечно, с ним интересно, он много знает. А читает столько, сколько у нас, наверное, мальчишки в классе и вместе взятые не читают. Стихов много знает и даже сам их пишет. Читает мне иногда свои стихи, хотя и волнуется очень, как будто в любви признается.

За все это время ни разу меня не обнял, а уж чтобы поцеловать!.. Он, по-моему, даже не знает, что это такое. Правда, я и сама-то только с Анатолием целовалась по-настоящему. Ведь с этими сопляками-одноклассниками, когда в фанты играли, это же не в счет.

Вспоминаю я иногда Анатолия, и что-то под ложечкой посаывает... А ведь вроде твердо для себя решила – разбитые горшки не склеишь! И чего, дурень, спешил? Чего дров наломал? Но руки его под коленками моими, когда он меня с лодки подхватил, до сих пор ощущаю с каким-то трепетным волнением...

Ну, да ладно, и этого замороженного Мишу разморожу!

Он мне сегодня свой стих про раннюю весну читал. Мне кажется, что стих хороший. Но мне, честно говоря, и школьные-то стихи поперек горла... Совсем замучили своими:

«Мороз и солнце, день чудесный!..» или «Гляжу, поднимается медленно в гору...» Ну, и что об этом писать? Я никому не признаюсь, но стихи я не люблю.

Вот Флобер, Стендаль, Мопассан!.. Вот это да, это – жизнь! Тут и любовь, и страдания – все такое, от чего сердце замирает. Да и читается взахлеб!

Нет, Миша, конечно, очень парень хороший: деликатный, образованный, но уж чересчур недотёпа! Иногда ведь и обнять меня можно, и поцеловаться можно... Что же, мне и тут верховодить надо?

Но он мне нравится все больше и больше! Может, он и есть моя судьба?

Михаил. 1928. 20 апреля

Ну, вот, весна в разгаре! Солнце! Солнце! Вся хандра, как испарилась! День сегодня был просто изумительный!

Катя сказала мне, что очень уж я грустные стихи пишу.

Но вот весна в разгаре, и на душе становится легче, дышится вольготнее, и грустные мысли отлетают прочь. Сегодня я ей прочел вот это стихотворение.

**Кончается апреля прелесть,
Весна шагнула за порог.
И по полям, от солнца прелым,
Дымится струйками парок.
Грачи по пашне гордо бродят,
Себя неся, как франты фраки.
И будто холод с гор доходит,
Когда спускаешься в овраги.
Там рыхлый снег лежит устало.
Лишь он – непрошен и заброшен,
Весенней пылью запорошен...
Кругом уже весна настала!**

Мы с ней сидели на моей любимой скамейке в парке, откуда далеко-далеко видна Волга. Когда я кончил читать стихи, она, поглядев на меня какими-то необычными глазами, произнесла:

- Мишенька, голубчик! Как здорово! Я прямо картинку вижу... И про грачей во фраках – здорово! Мишуня, прочитай это еще раз!

Я никак не могу привыкнуть, к тому, что она меня ласковыми именами называет. Иногда она произносит их без особого смысла – ну, идем мы разговариваем о чем-то, и эти ласковые имена как бы ничего особенного и не значат. А сегодня она еще так на меня посмотрела!

Она положила свой локоть мне на плечо, и я почувствовал тепло ее упругой груди. Я прочел стихотворение еще раз... И тут!..

Она развернула меня к себе и поцеловала меня в губы... Я крепко ее обнял, прижал к себе и ответил ей долгим-долгим поцелуем...

Я понял, что у любви есть и другая сторона – не только слияние душ, но и слияние тел. Она положила мне голову на грудь, и мы долго-долго сидели так. Я сидел тихонько, не шевелясь, будто боялся ее спугнуть. Только держал ее крепко-крепко, как если бы кто-то хотел ее у меня отнять.

Я не знаю, сколько мы так просидели. Уже начало смеркаться. Катя опять посмотрела на меня своими светящимися глазами, улыбнулась, потянулась ко мне, и мы еще раз поцеловались. Потом мы поднялись и тихо побрели в сторону дома. Она держала меня под локоть и склонила голову мне на плечо. Такого я никогда не испытывал! Это были мгновения, ради которых стоило жить... Я понял, что такое любовь. Это именно то состояние души, когда ты готов отдать за любимого человека все на свете. Мое сердце, моя душа ликуют оттого, что моя любимая рядом. Что может быть лучше единения помыслов, настроений и устремлений! Я люблю Катеньку, люблю ее безмерной любовью! Я счастлив...

Катерина. 1928. 20 апреля

Сегодня я решила растопить лед между нами с Михаилом. Я уже так не могу: разговоры, разговоры, разговоры... Он специально, что ли, меня доводит до какого-то безумия? Сегодня опять сказал мне, что у него есть новые стихи для меня. Конечно, это приятно, что тебе пишут стихи. Вон Наташке ее Анатолий, небось, стихов не пишет – кишка тонка! Эх, коли можно было б Анатолия с Михаилом перемешать вместе и разлить по двум разным сосудам... Вот, наверное, вкусный напиток получился бы!

Мы с Мишей пошли вечером на его любимую скамейку в парке. Место, действительно, очень красивое. С высоты обрыва простирается вправо и влево Волга. Далеко внизу видна пристань и тот причал, где мы брали лодку с Анатолием. Люди едва видны, как муравьишки – маленькие, ничтожные...

Мы сели, я положила руку на спинку скамьи, а Миша, будто боясь меня коснуться, сидел как статуя. Он начал читать стихи. Голос у него красивый, читает он хорошо. Не подвывает, как волк на луну, что делают наши школьные «поэты» на вечерах самодеятельности. Да и стихи у него несравненно лучше, на мой взгляд, – настоящие.

Прочитал мне Миша свой стих, я ему положила руку на пле-

чо, прильнувши к его спине. Чувствую, что он весь прямо дрожит! Я попросила его прочесть стих еще раз. Он прочитал, сильно волнуясь, и я поняла, что он уже мой. Я за плечи повернула его лицом к себе и поцеловала в губы. Тут он уже не смог удержаться, какой-то мешавший ему и сдерживающий его барьер в нем сломался. Он обнял меня и поцеловал меня долгим и нежным поцелуем.

О, это было нечто! Таким поцелуем меня еще никто не ода- ривал! Тут было все – и страсть, и нежность, и восторг!

Одним словом, растаял мой девственник! Я расслабилась и положила ему на грудь свою голову. Его грудь была, как одно большое сердце, гулко колотившееся в мое ухо. Мне было очень приятно.

Он обнял меня и держал крепко-крепко, не меняя позы. Так мы долго сидели, молча. Мне с ним было так спокойно!..

Стало темнеть. Я подняла свою голову, посмотрела на него снизу вверх, улыбнулась ему... Он нагнулся ко мне и порывисто поце- ловал.

Потом мы встали и побрели домой. От неподвижного сиде- ния у меня затекли руки и ноги, поэтому теперь их приятно покалы- вало, когда кровь возвращалась на место.

Я, кажется, начинаю понимать, что такое любовь. Тело мое наливается каким-то неодолимым желанием, истомой. И все это рвется наружу, навстречу любимому человеку... А Мишу я начинаю любить... Он такой хороший!

ПРИТЧА О ПРОРОКЕ: Встреча с Магдалиной

... Оставив Назарет, пришел Пророк в Капернаум приморский, что на берегу моря Галилейского, и поселился в нем. Городишко неболь- шой, зеленый, проживали в нем в основном рыбаки да торговцы.

Проходя однажды близ моря, увидел Пророк двух братьев Симо- на и Андрея, закидывающих сети в море, ибо были они рыболовы.

- И много ли рыб выловили вы? - спросил их Пророк.

- Да не скажем, что много, но и что мало сказать не можем: по- способностям нашим...

- Идите за мною, и сделаю я, что вы будете ловцами человеков.

Поразили братьев слова те, Симон уверовал незнакомцу сразу же, а Андрей последовал безгласно за братом старшим, хотя и невдомек ему было, что значило ловить человеков и зачем их ловить. И, оставив сети свои, пошли они за Пророком. И нарек Пророк Симона Петром, что значит "камень", ибо вера его была тверда.

Идя далее, увидел Пророк других двух братьев, Иакова и Иоанна, брата его, в лодке с отцом их, Зеведеем, починивающих сети свои. Призвал Пророк и этих братьев, и они тотчас, оставив лодку и отца своего, последовали за ним.

И ходили они по всей Галилее, и учил Пророк в синагогах, а также исцелял он всякую болезнь и немощь в людях. И пошел о нем слух по всем окрестным царствам, и приводили к нему всех немощных, одержимых различными болезнями и припадками, и бесноватых, и лунатиков, и расслабленных, и он исцелял их.

Исходила от Пророка сила необыкновенная, слова его душу пронзали, оставляя след вечный. И увидевши, его с первого же раза люди верили ему и шли за ним безропотно и без колебаний душевных. И следовало за ним множество народа из Галилеи, и Десятиградия, и Иерусалима, и Иудеи, и даже из-за Иордана.

И взяв учеников своих, взошед Пророк на гору, сел на камень. И когда сел, приступили к нему ученики его, и он, отверзши уста свои, учил их заповедям, исполнение которых приведет их в Царствие Небесное: не убий; не прелюбодействуй; не кради; не лжесвидетельствуй; почитай отца и мать; люби ближнего твоего, как самого себя...

И слушали его ученики и дивились, откуда в нем сила такая и убежденность берутся и сколь разумны речи его.

И поставил из них двенадцать, чтобы с ним были и чтобы посылать их на проповедь, и чтобы они имели власть исцелять от болезней и изгонять бесов. Двенадцати же учеников имена суть сии: первый Симон, называемый Петром, и Андрей, брат его; Иаков и Иоанн Зеведеевы, коим Пророк нарек имена Воанергес, то есть «сыны громовы»; Филипп и Варфоломей; Фома и Матфей-мытарь; Иаков Алфеев и Леввей, прозванный Фаддеем; Симон Кананит, прозываемый Зилотом, и Иуда Искариот, который – по преданию – предал Пророка.

И более всех лелеял Пророк совсем юного еще Иоанна, поскольку светел тот был и чист душою. И Иоанн любил Пророка, как брата своего старшего, и разрешал ему Пророк возлежать рядом с собой и преклонять голову курчавую его на грудь свою. Но и все остальные ученики были для Пророка, как братья, хотя видел он и греховность некоторых помыслов их, и дела не всегда праведные, но прощал им все за ту веру, которую они имели в него и в его учение.

И так шествовал Пророк вместе с мытарями и грешниками по всей земле Галилейской, а фарисеям и книжникам, вопрошавшим, хорошо ли, что он ест и пьет с такими людьми, отвечал: «Не здоровые имеют нужду во враче, но больные. Пришел я призвать к покаянию не праведников, но грешников».

Многих калек поставил Пророк на ноги, многих от падучей исцелил, слепых прозревал, плюнув им в очи, даже умершего воскресил, сказавши: «Не почил он, а заснул сном глубоким. Велю тебе, человек, встань и иди!»

И встал тот человек и пошел, ибо велика была в Пророке сила творить добро.

А до кого не спускалась милость Пророка, тот прикасался сам к краю одежды его и исцелялся этим.

И вот остановились Пророк с учениками в доме одном на отдых и на ночлег, а в доме том проживали сестры Лазаря, оживленного Пророком после смерти. Одна из них - старшая, которую звали Марфой, тут же начала трапезу готовить для странников, а младшая, звали которую Магдалина, подошла к Пророку и, разбив алавастровый сосуд с миррой из нарда чистого, возлила ему на голову, а потом, разув ноги его, стала их мазать маслами благовонными да миррой, втирая их в иссохшую кожу ног его и отирая ноги его своими волосами. И дом наполнился благоуханием от мирра. Разомлел Пророк, прикрыл глаза, а Магдалина продолжала нежно втирать масла ему в ноги от пальцев до щиколоток, от щиколоток до колена, от колена и выше...

Пророк речи ласковые стал говорить Магдалине, а та, сидя у ног его, ловила каждое его слово. Марфа же, подошед, спросила Пророка:

– Пророк! Или тебе нужды нет, что сестра моя праздно внемлет словам твоим, а я одна забочусь об угощении вам, странникам? Скажи ей, чтобы помогла она мне!

Ответил ей Пророк:

– Марфа! Марфа! Ты заботишься и суетишься о многом, Магдалина же, сестра твоя, убажует душу мою. Не хлебом единым...

– Да и не тебе одному она убажует и душу, и тело своими ласками... Да, поди, едва ли не каждый Божий день! Да и не кается никогда перед Богом...

Тут отвечает сестре Магдалина:

– А что мне каяться, ведь не ворованным – своим торгую. А коли Господь сотворил меня женщиной, то мне на роду написано с мужчиной быть. Не греховным содомством занимаюсь я, нечего меня и корить.

И сказал Пророк:

– Не тронь ее, Марфа. Искупила она грех свой добротой своей, отпускаю ей...

И сказала Марфа на то:

– А ты кто такой, коли грехи отпускаешь? Не тот ли Богов сын, которого пришествия ждут все?

И ответил Пророк:

– Ты сказала, не я сказал...

И тут опять Магдалина не удержалась, добавила:

– А коли Господь хочет, чтобы продолжался род людской, который бы его прославлял да молился на него, то благословить он должен сами грехи детозачатия и деторождения. Без оных изойдет род человеческий до полного исчезновения, а то ли воля Господня?..

Посмотрел на нее Пророк, поглаживая свою бороду, и сказал Магдалине, чтобы шла она с ним и с его учениками вместе, но держалась бы чуть в стороне, поскольку не пристало женщине быть мужчинами окруженной у всех на виду.

Потрапезничал Пророк с учениками своими, и стал на ночь укладываться. И прошла ночь, и настало утро. Пророк с учениками встали и пошли. И Магдалина встала за ними и пошла, скромно потупив очи долу.

И пошли они дальше ловить человеков в сети Божии. И Магдалина ходила с ними.

Михаил. 1928. 28 апреля

Вчера произошло страшное: у Кати умер папа... Она прибежала к нам часов в шесть вечера, вся в слезах, неспособная произнести ни слова. Моя мама как-то сразу все поняла, обняла ее и стала успокаивать, говоря какие-то добрые, ничего не значащие слова и глядя ее по спине. Я конечно тоже сразу же понял, что произошло. Спазм перехватил мое горло, а глаза сами собой налились невольными глазами.

Я принес стакан холодной воды, Катя выпила его, стуча зубами по краю стакана, будто ей было смертельно холодно. Потом она рассказала, что она услышала звук упавшего тела, и, вбежавши в комнату, где лежал отец, увидела свою маму, лежавшую на полу в беспамятстве. Она метнулась к маме, подтащила ее к кровати и уложила на нее.

Потом она подошла к отцу, чтобы поправить одеяло и только тогда поняла, что он умер... Она не знала, что делать, к кому обратиться, а потому прибежала к нам, самым близким для нее знакомым соседям...

Моя мама быстро распорядилась, приказав нам с Катей бежать к сестрам Елены Степановны – а было их четыре, все младшие – и сообщить им обо всем. Сама она пошла на квартиру Бельх, чтобы быть с Еленой Степановной. Павла она послала за врачом, чтобы тот пришел засвидетельствовать смерть Арсения Николаевича.

Мы с Катей помчались по сестрам Елены Степановны.

Ближе всех жила Прасковья, тетя Пана. Она, как только узнала о смерти Арсения Николаевича, запричитала по-бабьи, но очень делово собралась и почти бегом направилась к Белым. Потом мы нашли остальных сестер – Нюру, Клаву и Глашу. С последней, самой младшей из сестер, мы побежали вместе к Белым домой. Когда мы прибежали, все уже были в сборе, врач уже побывал. Моя мама и Прасковья, как самые старшие, занимались подготовкой похорон. Тело покойного уже обмыли, одели в самый хороший костюм.

С Еленой Степановной, по обе стороны от нее, сидели Нюра и Клава и как-то пытались ее утешить. Елена Степановна сидела отрешенная, с лицом без всякого выражения и только тихонько покачивала головой, будто поддакивая кому-то.

До Кати опять дошел ужас всего произошедшего: она беззвучно зарыдала и ткнулась лицом своим в мою грудь, обвив меня своими руками. Я обнял ее, гладил ее по плечам, по волосам. У меня самого готовы были вырваться рыдания, но я знал, что должен держаться.

Это странное ощущение чужой смерти... Кажется, что твое сопереживание даже чрезмерно: вроде бы умер чужой человек, ну, не такой уж чужой, но все же чей-то отец, а не твой. Но глядя на чужие страдания, сам начинаешь ощущать почти что свою вину: вот кто-то дорогой и близкий собравшимся людям умер, а ты живешь. Я знаю, что многих этот страх чужой смерти даже отдаляет от друзей и близких.

Многие после чьей-то смерти боятся ходить в дом, где жил этот человек, навещать его близких: не знают, что сказать, как себя вести. Так проходят первые дни, недели... А потом, чувствуя, что что-то безвозвратно потеряно в отношениях, люди боятся переступить ими же самими созданный порог.

Я помню это по себе. Мой близкий друг и одноклассник, Вадим Опекунов, в доме которого я бывал и где меня всегда привечали, утонул в заволжских озерах, попав, как говорили, на холодный родник, отчего случился спазм сердца. Я был на похоронах, видел безутешную мать и сторбленного от горя отца Вадима. Я боялся подойти к ним с соболезнованием, которое казалось мне неуместным и даже безжалостным... И потом я не ходил к ним, боясь собой, живым, напомнить им о погибшем сыне и снова всколыхнуть боль их утраты. Но однажды кто-то из друзей моих, посещавших изредка родителей Вадима, сказал мне, что они спрашивали про меня, почему я пропал и не показываюсь у них... Я смалодушничал и опять не пошел к ним. Так и жил я с чувством вины перед родителями Вадима и страха встречи с ними, пока не встретил однажды на улице отца Вадима, который позвал меня зайти к ним ненадолго.

Это был удивительный визит, мне его не забыть никогда. Мать Вадима, открывшая дверь, обняла и поцеловала меня, как родного сына, ввела в гостиную, как все называли еще по старой памяти общую комнату, не имевшую с настоящей гостиной ничего общего: там стояла и кровать, и платяной шкаф. Меня усадили за стол, на который вскоре мать Вадима подала роскошный по тем временам чай: с куском черного хлеба с маслом да несколькими кусочками колотого сахара.

Начался разговор, вернее, рассказ отца и матери Вадима о своем сыне. Они взахлеб вспоминали какие-то трогательные и смешные истории, которые приключались с их сыном, перебивали друг друга. Говорилось это так легко и непринужденно, будто Вадим просто куда-то отлучился и вот-вот вернется, а мы сидим и просто ждем его.

Помню, как мать его сказала:

- Я счастлива, что Вадим был, что он порадовался жизни, хоть и недолго. И нам с мужем он принес столько радости, что без этого его краткого пребывания на грешной нашей Земле мы бы чувствовали себя пустыми и никчемными людьми... А так, он у нас был. И память о нем согревает нас, она всегда с нами. Она источник нашей гордости и даже радости: у нас был такой сын... – И помолчав, она добавила. – Жаль, очень жаль, что слишком рано его Бог прибрал... Правда, Бог редко думает о родителях тех, кого он забирает к себе, а зря! И вообще это как-то не по-божески, когда дети уходят из жизни прежде родителей...

Я, в Бога не верующий, и не понял – всерьез или же с сарказ-

мом это было сказано. Но я понял глубокую мудрость родителей Вадима: их любовь к сыну победила мрак темных воспоминаний о его смерти. Вадим остался жить в них, в их сердцах, в их памяти... Может, это и есть жизнь после смерти?

После этого я часто заходил к родителям Вадима. А на его день рождения нас – его бывших одноклассников – приходило несколько человек. Это были незабываемые вечера, на которых царил дух жизни, вечной жизни, жизни, несмотря ни на что...

Но вернулся я к нашим печальным событиям. Разошлись все довольно поздно. Младшая из сестер Елены Степановны, Глаша, осталась с ночевкой, чтобы не бросать сестру и свою племянницу одних в эти скорбные часы. Сегодня рано поутру все сестры Елены Степановны собрались опять. Пришли и мы с моей мамой. Катина мама была все такой же отрешенной, пыталась что-то делать, кому-то помогать. Ее оберегали, кто-нибудь постоянно был с ней.

Когда кто-то сказал, что надо бы сходить уладить все похоронные дела, я с какой-то даже радостью вызвался помочь. Катя тоже решила пойти со мной, хотя я ее и отговаривал, зная, что процедуры предстоят не очень-то приятные.

Но ей, видимо, тоже было тягостно оставаться дома среди снующих туда-сюда тетушек.

Мы сходили оформить по медицинскому заключению и по паспорту Арсения Николаевича свидетельство о его смерти, потом пошли на кладбище. Благо там работал в конторе все тот же знавший еще моего отца старикан, звали которого Филиппыч. Тот вспомнил меня, узнав, в чем дело, приласкал добрым словом Катеньку и принялся за оформление похоронных бумаг.

Как ни странно это выглядит для работника похоронных дел, Филиппыч совсем не пил. К тому же он и не мздоимствовал, что делало его белой вороной среди остальных кладбищенских хищников. Все остальные же только и думали, как бы урвать побольше за любую кладбищенскую услугу, заломить невероятную цену, понимая, что человек в несчастье не сочтет возможным торговаться и сбивать назначенную сумму.

Филиппыч помог все уладить быстро и благопристойно. Место нашлось в старой части кладбища. Он говорил, что место хорошее, «сухой песчаничек, а не суглинок какой». Мы вернулись с Катей к ним домой, когда уже начало смеркаться.

Кто-то уже сбегал и купил скромный гроб. Покойного положили головой к окну, ногами к двери.

Была суббота, на работу завтра никому не нужно было спешить, поэтому Прасковья, старшая из сестер Катиной мамы, и Глафира – младшая остались на ночь. У первой дети были уже достаточно большие, а Глаша гуляла еще в девках. Я увидел умоляющий взгляд Катюши, обращенный ко мне, когда мы с мамой собрались уходить. Я сказал маме, что хочу остаться с Катей, и она поддержала мое намерение. Я остался, подошел к Кате, обнял ее за плечи, она уткнулась мне в плечо, и я почувствовал ее беззвучные рыдания.

У изголовья покойного зажгли две свечки. Прасковья прочитала молитву за упокой души, утирая слезу уголком платка. Говорили все шепотом, больше молчали. И вот тогда наступило какое-то всеобщее единение. Мы все стали каким-то общим организмом, с единой мыслью, с единым чувством. Мы стали одной **семьей**.

Мы сидели с Катенькой на одном диванчике, стареньком, с обтертыми валиками, наверху которого, на полочке на белой узорчатой салфетке стояли семь белых мал-мала меньше слоников, которые должны были олицетворять семейное счастье.

Потом Катя задремала у меня на плече... Я сидел не шелохнувшись... Грустная штука жизнь!..

Сами собой стали слагаться стихи.

**Небо, звездами мигая,
Мне о вечности шептало.
Вдруг звезда одна упала,
А за ней еще другая...
И сказала, убегая:
- Здесь, где
Путь разлился Млечный,
Здесь, увы, ничто не вечно!
... Кроме смерти.**

Елена Степановна. 1927, 29 апреля

Я все еще не чувствую ни времени, ни окружающих меня людей... На какие-то мгновения возвращаюсь, будто из небытия, а потом опять все меркнет и плывет в каком-то вязком тумане. Одна боль, всепоглощающая, тупая и безысходная...

Только что вернулись с кладбища... Но в голове все это не укладывается. Иногда, забывшись, я открываю рот, чтобы позвать Сеню, спросить, не надо ли ему чего, но тут же обрушивается на меня ужасная действительность... Пустота... Пустота... И слезы опять наполняют мои глаза...

Но постепенно все же прихожу в себя. Надо жить. Сеня прав: дочки наши – наше продолжение. Надо жить ради них. Они ведь его кровиночки.

Мучает меня, что получилось все как-то не по-христиански. Сеня хотел собороваться, но где его ноне найдешь, священника-то? Он сказал уже почти шепотом, совсем негромко: «Аленушка, ты у меня сама святая, зачем еще священник-то?» Исповедался он мне, и было это как клятва вечной любви ко мне.

И сердце мое разрывалось от невозможности происходящего. Я держала его горячую руку, которая импульсивно сжималась, хотя и сил-то уже у него не было. Да и соборовала я его сама, взяв грех на душу: нашла бутылки из-под подсолнечного масла, да и нацедила из нее с трудом с пол-ложки чайной масла, да и помазала им лоб щеки да губы его.

Он тихонько, одними губами улыбнулся мне и закрыл глаза. Он буквально угасал на глазах, как догорающая свеча... Открыв глаза, он попросил меня спеть ему его любимую шубертовскую “Ave Maria”... Я сидела на краешке его кровати, держа его руку и пела, пела тихо-тихо, слезы застлали мои глаза, голос мой прерывался, делая и без того трагическую вещь еще более трагической.

Вдруг я почувствовала легкое судорожное пожатие его руки. Я посмотрела на Сенечку, и он каким-то затуманенным взором ответил мне, потом вдруг обмяк, хотя все еще сжимал мою руку, и замолк. Тут я заплакала в голос, а потом потеряла сознание...

Я не знаю, что произошло потом. Я будто провалилась куда-то. Очнулась я уже вечером, где-то после шести. Должно быть, Катя сбежала за соседями и за моими сестрами, и они помогли ей.

Следующий день все что-то делали, куда-то бегали, что-то улаживали. Кто-то пошел за гробом, кто-то за врачом, чтобы зарегистрировать факт смерти, кто-то побежал устраивать все на кладбище... Все происходило для меня, как в тумане... Мне дали какое-то успокаивающее снадобье, я провела весь день в забытии...

А сегодня были похороны... И опять все было не по-христиански: не было ни отпевания в церкви, ни священника над могилой... А ведь Арсений веровал, его душе было бы легче, если бы все

было так, как должно быть... На кладбище пришло несколько человек из конторы, где он работал, да пара-тройка его бывших солдат: он ведь и после службы в армии поддерживал с ними добрые отношения, помогал, чем мог...

Когда возвращались с кладбища, вели меня Катя и ее кавалер – Миша Макаров, сын Антонины Егоровны, моей давнишней знакомой. Помнила я его еще малышом, а теперь вон вымахал какой, не узнать.

Катя рассказала мне, как он вчера и позавчера помогал. А я ничегошеньки и не помню, была, как не своя.

Когда шли мы вместе, попыталась я заговорить с ними, но звуки не выходили из губ моих. Катя сказала мне, что ничего не слышно, что я говорю. Тут я поняла, что в плаче, видимо, сорвала свои голосовые связки. А может, голос пропал на нервной почве, Бог его знает...

Ну, да что это за чепуха по сравнению с горем, обрушившемся на меня... Правда, без пения будет намного труднее жить... Как девочек-то прокормить на скудную фабричную зарплату? А ведь Арсений наказал мне: береги дочек...

Сберегу, сберегу, родной мой... Как-нибудь сдюжу...

Вот хорошо, что мальчик у Кати добрый, деликатный, из порядочной семьи... Теперь им жить – Кате да Ксене, дай им Бог удачи в этой суровой жизни!

Что-то мысли скачут... Что же будет? Что же будет? Как я-то жить буду без ненаглядного моего Арсения? Погасло солнце жизни... Почему ж ты бросил меня так рано, родимый мой?..

Катерина. 1927. 6 мая

Сегодня 9 дней... Я все еще никак не могу прийти в себя. Но надо держаться самой и поддерживать маму, ей-то во сто крат трудней. Да и Ксения маленькая еще, ей тоже особое внимание нужно...

Хороший все же парень этот Миша! Как он помог нам, без него не знаю, как мы бы и обошлись. Все организовал пугем, быстро, но без спешки, как и полагается мужчине. И меня он так опекал эти трудные три дня. А ночь просидеть у гроба при свечах!.. Я-то вон не выдержала, свалилась, а он просидел, да еще баюкал меня, как дитя малое... Нет края моей благодарности... На него можно поло-

житься.

Может, я еще и полюблю его по-настоящему? У меня отношение к нему, почти как к брату. Но совершенно нет того, что было с Анатолием. Меня не бросает в безумную, неудержную дрожь, даже когда он целует меня. Да и поцелуй- то его обычно какой-то робкий, осторожный, будто я бабочка, которую он боится спугнуть. Только однажды и потерял голову, тогда, первый раз на скамейке в парке...

Маме он нравится. Она сказала, что она давно знает Мишину маму, хотя и не была с ней никогда в близких подругах.

Все-таки я, наверное, большая эгоистка: у меня умер отец, а я думаю чёрт-те о чем...

Михаил. 1928. 18 августа

Сегодня мне исполнилось 18 лет... Аттестат зрелости уже в кармане. А вот расставаться со школой было грустно: хорошие друзья, да и учителя у нас отменные, получше, чем в других соседних школах, но главное – я не смогу теперь видеть каждый день Катю. Это самое тяжелое для меня испытание!

Я уже больше месяца как работаю: должность громкая – помощник заведующего фотолабораторией. А по сути все просто: вся лаборатория-то состоит всего из двух человек – заведующий, да я у него, выполняющий функции мальчишка на побегушках и «чернорабочего». Деньги платят маленькие, но все же это заметное подспорье семейному бюджету: по крайней мере, я теперь не на маминной шее сижу, а сам что-то в дом приношу.

Иногда удается еще подработать в соседней булочной: каждый день привозят свежий хлеб из пекарни, и я работаю на разгрузке с пяти утра до шести или полседьмого.

Павлу уже пошел одиннадцатый год. Он хороший мальчишка, хотя какой-то немного заторможенный, учится без интереса, читать не любит. Но вот подрастет, поймет, что к чему, и все уярсется.

У меня есть мечта стать летчиком. Хочется чего-то необычного, «неземного». Меня еще в школе влек к себе образ Икара. Ведь подумать только: больше двух тысяч лет этому мифу, а он все так же волнует сердца людей. А теперь уже люди и взаправду летают и такие чудеса выдвывают в воздухе, что аж дух захватывает!

Я, можно сказать, готовлюсь, тренируюсь: вот в городском

парке качаюсь на «гигантских шагах». Сначала сердце от страха замирало, но я себя преодолел, теперь осталось только какое-то восторженное чувство опасности. Но все же невольно схватываюсь за подлокотники, когда оказываюсь на верхней точке, а грузило на другом конце качелей ударяет в землю, и тебя прямо выбрасывает вверх по инерции: чувствуешь, как врезаются страховочные ремни на ногах и на плечах.

С Катей мы видимся реже, чем раньше. Я работаю с двенадцати до восьми, а с утра она в школе. Остаются практически только воскресенья, да и то часто она не может уйти из дома: сестренка ее, Ксеничка, еще совсем малышка. Ей приходится маме помогать, а еще уроки...

Но сегодня вечером Катя была у нас в гостях. Это мама моя дала мне совет пригласить ее к нам на именинный чай. Она пришла в скромном летнем платьице без рукавов, которое очень гармонировало с ее длинной льняной косой. Как только она вошла в комнату, все будто засветилось каким-то внутренним светом...

Как всегда, был традиционный яблочный пирог – круглый, похожий на большую ватрушку, с поджаристыми бочками, а сверху – сеточка из теста. Сидели мы вчетвером – мама, Павлик и мы с Катей.

Вечер прошел замечательно: мама рассказывала Кате, как гремела по всему Поволжью слава редкостной певицы – Лены Бургутовой, говорила, как восторгался молодой солисткой церковного хора мой отец, Платон Макаров. Вспоминала и Катиного отца, которого она, правда, знала только понаслышке.

Уже давно стемнело, Катя стала беспокоиться, что ее мама может начать волноваться. Я пошел ее проводить, накинул на нее свой пиджак и даже тихонько обнял за плечи. Мы шли тихо, молча, хотя мне казалось, что мое сердце гудит, как церковный колокол, и Кате его слышно.

Около двери ее дома она отдала мне мой пиджак, повернулась ко мне, обняла меня одной рукой за шею и поцеловала в губы.

Я в ответ стал целовать ее лицо, глаза, губы. Мы уже давно не целовались с Катей, и я совсем потерял голову, я почувствовал, что так сильно ее желаю, что если бы это происходило не на улице, я мог бы потерять над собой контроль...

Но главное, все же, не это опьянение, а чувство душевной близости.

Какое это счастье – любить и быть любимым!

Мы вот с ребятами в школе частенько философствовали, в чем смысл жизни: было все – и служение народу, и самоотдача в творчестве, и свершение великих дел... Все это ерунда! Смысл жизни – только в любви!

И не в той аморфной христианской «любви к ближнему», а вот именно в такой всеопалюющей любви к единственной и любимой женщине...

А любовь к ближнему вообще и творение абстрактного добра – это общечеловеческие ценности жизни цивилизованного человека, независимо от его религиозной или антирелигиозной позиции в жизни. Это принцип жизни, но не ее цель.

Проводил я Катюшку и пока шел домой, в голове у меня зазвучали стихи:

**Слабые верят в Бога.
Сильные верят в себя.
А мне же одна дорога –
Верить только в тебя.**

Катерина. 1928. 17 сентября

Вот и девятый класс... Опять уроки, уроки, уроки. Уж скорей бы кончить школу!

С Мишей видимся редко. После его дня рождения виделись только четыре раза по воскресеньям, да и то накоротке. Один раз посидели на его любимой скамейке в парке над обрывом. Он набросил на меня свой пиджак и обнял, тихонечко прижав к себе. Но он всё же странный: я всё ждала, что он меня поцелует, а он – как ледяной. Чувствую, что он от меня с ума сходит, но все время только в небо смотрит да вдаль. Еще оживляется немного, когда стихи свои читает, хотя делает это с робостью и стеснением. Неземной он какой-то, хотя и очень добрый и хороший. Очень мне хочется его полюбить, чтобы где-то внизу живота немело и будто кололо маленькими иголочками.

Но не могу же я все брать на себя – и обнимать его, и целовать! Ведь я же женщина, а он мужчина, а не наоборот!

А в школе интересно. За лето все повзрослели.

Я среди наших девчонок держусь немного отчужденно, все знают, что я дружу с Мишей Макаровым, а его во всей школе уважают – он и учился хорошо, и в спорте был не последний, а уж какой он товарищ преданный – об этом почти легенды ходят.

Анатолий вьется вокруг меня, как муха над мёдом. Ведет себя, как мальчишка, делает все так, чтобы я на него внимание обратила. А я, как все: когда смешно – смеюсь, когда глупо – фыркаю. Натали бесится. Она, совсем было, его у себя в кармане держала. В конце прошлого учебного года даже вела себя, как королева с пажом: «Анатолий, я хочу...» или «Анатолий, а не можешь ли ты...» Вот и доигралась! Ну, да так ей и надо, воображале.

С Анатолием мы помирились, но я его к себе не очень-то подпускаю. Если он пытается меня взять за руку или обнять за талию, я его обжигаю таким взглядом! Он после этого, как кутенок, приседает и хвостик поджимает. Вот теперь я могу им крутить, как хочу! Могу, да не надо мне теперь этого: что-то лопнуло, какая-то пружинка сломалась в моем отношении к нему.

Но все равно приятно иметь такую власть над человеком. Только вот удивляют меня эти парни: почему нужно сначала по морде получить, чтобы потом, наконец, нормально себя вести?

Михаил. 1928. 5 октября

Работы полно. Изя – заведующий фотомастерской – стал меня обучать всем своим премудростям: как отснятую пленку обрабатывать, как раствор для проявления готовить, как фотографии печатать и проявлять. Химию в школе я никогда не любил – она для меня была какой-то неодушевленной. А здесь – живое дело, все любопытно, все интересно. В общем-то, мне моя работа понравилась.

Сам Изя – хороший парень, всего лет на пять старше меня. Отец его удачливый нэпман, он и организовал дело для сына. Однако времена заметно меняются, коммерция опять начинает притесняться. Тем, кто побогаче, власти не дают спокойно жить.

Поэтому и отец Изю свое дело почти свернул, да и у сына хозяйство не процветает, а тлеет, или же он умышленно не дает ему роста – ведь ниже взлетишь, ниже падать придется!

С Катей своей вижу, к сожалению, не часто. А вот вчера столкнулся с ней, когда она шла вечером с тем самым Анатолием Дубравиным. Она, правда, извинившись перед ним, подбежала ко

мне, поздоровалась со мной за руку, была немного перевозбуждена, но я ее понимаю: неудобно немного – идти с одним, встретить другого... Проснулось что-то вроде ревности: почему на него время есть, а на меня вечно не хватает?

Чувствую, что она ускользает из моих рук, как Жар-птица...

Или это я зря нагоняю на себя тревогу? Ведь нам вместе так было хорошо!

**О тебе опять мечтаю,
Жизнь свою, как стих, читаю,
И, как свечка, тихо таю,
Но в тоске не причитаю.
Только грустно дни считаю...
С веток лист, шурша, слетает.
Исчезают птичьи стаи.
Песнь дождя звучит простая,
Ноты осени листая...**

Катерина. 1929, 1 января

Собрались мы вчера с друзьями на Новый год. Были только наши, из класса. Были на вечеринке и Анатолий, и Наталья. Та пришла разодетая, как принцесса: юбка в обличку, какая-то модная кофточка, прическу сделала «под фокстрот» и даже какими-то духами от нее несет... Ну, по правде-то, духи очень приятные, тонкие, у меня от них даже голова чуть-чуть закружилась... Может, это зависть? Просто самой захотелось быть тоже также элегантно одетой?

Анатолий опять начал бурно ухаживать за мной, забросив Наташку. Мы танцевали с ним и чарльстон, и танго под старенький граммофон. Причем он приглашал меня почти на каждый танец.

Наша «Натал~~и~~» опять рвала и метала. Она неестественно громко хохотала, похлопывала мальчишек по щечкам с таким видом, будто одаривала их королевскими милостями. Анатолий не был удостоен такой чести. В то же время она вроде бы ненароком очень часто посматривала в нашу сторону. Но вот и наша аристократка не выдержала: когда кто-то объявил «белый танец», она подошла и увела от меня Анатолия.

Они, танцуя, о чем-то довольно бурно говорили, потом вдруг посредине танца Наташка бросила Анатолия, выбежала в прихожую, нервно сорвала свою шубку и выскочила в коридор, ведущий на улицу.

Анатолий, хмыкнув, вернулся ко мне. Я его ни о чем не спрашивала, он мне ничего не рассказывал. Перед полуночью чокнулись за старый год, потом сразу после двенадцати выпили за новый год. Было весело, но я решила пойти домой, чтобы мама зря не волновалась. Анатолий, конечно, спросил меня, можно ли меня проводить. Я не отказала. Мне было интересно играть с ним в кошки-мышки, чувствуя своё сильное положение.

Я накинула пальто на плечи, не надевая его в рукава, поскольку до дома было совсем недалеко. Когда мы вышли за дверь в темный коридор, освещенный тусклой лампочкой, что горела где-то около парадной двери на улицу, Анатолий вдруг повернул меня к себе лицом, взяв меня за локти, и приблизил к себе. Я не успела ничего сообразить, только вдруг почувствовала, что у меня нет сил сопротивляться... Он в волнении стал нашептывать мне что-то, что я не слышала, потому что все поплыло у меня перед глазами, как тогда, когда мы были с ним одни на берегу Волги. Ноги мои буквально подкашивались... Я потеряла контроль над собой и не могла произнести ни слова... Мое пальто свалилось с плеч... И хоть в коридоре было достаточно морозно, я этого не чувствовала...

В это время раздались голоса за дверью квартиры, из которой мы только что вышли. Видно, кто-то еще собирался уходить из гостей. Голова моя тут же отрезвела, я оттеснила Анатолия и подняла упавшее на пол пальто. На этот раз я его надела в рукава, показав, что «сеанс окончен».

Слава Богу, слава Богу, что ничего не произошло! Я не знаю, что со мной случилось? Опять проснулось какое-то животное желание... Я ругала себя последними словами...

До дома своего я почти бежала, Анатолий за мной едва поспевал. Вот я уже дома. Открыв входную дверь, я исчезла в подъезде.

Сердце мое бешено стучало. Я тихонечко разделась и нырнула под одеяло. Ксения уже спала. Мама, наверняка, не спала, дожидаясь меня, но сделала вид, что спит.

Я ничего не могла понять. Как вернулось ко мне это плотское желание к человеку, которого я уверенно выкинула из своего сердца? Но ведь, действительно, оба раза с ним мне было

так, как не было ни с кем! Что это? Или животный инстинкт сильнее здравого размышления?

Вот, называется, и поиграла в «кошки-мышки»! Начала кошкой, а кончила мышкой!

Михаил. 1929, 3 марта

Жизнь моя сломалась... Катя меня избегает, я ее вижу все время в компании с ее школьными друзьями. Чаще всего это все тот же Анатолий Дубравин. Понятно, почему он нравится девочкам: он яркий и, видимо, неглупый парень. Нельзя сказать, чтобы Катя очень бы к нему льнула, как это обычно делают другие девочки, она вроде бы даже сторонится его, но он настойчив.

А я опять потерял уверенность и веру в себя. Остается только ждать и надеяться на лучшее. Но, все же, прощая Кате все, я невольно чувствую в ее поведении некоторое предательство... А может, это просто заурядная ревность? И почему, собственно, она **должна** меня любить? Ведь любовь, как говорится, от Бога. А я вот вдобавок и в Бога не верую... Ну, да про Бога все это ерунда – если он есть, то, что ему делать больше нечего что ли, как заниматься попечительством над молодыми парнями и девушками? Ха-ха!

Конечно, Катя никогда не говорила мне, что любит меня. Она чиста предо мной. Да и я, лопух, ни разу не признался ей в любви... А может, это и лучше? Это не накладывает никаких жестких моральных обязательств, не давит ни на нее, ни на меня, что позволяет мне продолжать встречаться с ней хоть изредка. А ведь я без нее совсем не могу жить! Чувствую все время Атлантову тяжесть глубокой тоски на плечах своих.

И стихи слагаются грустные...

Дождь, дождь весь день...

Ложь, ложь везде.

Молоком туман, туман.

Все кругом – обман, обман...

По земле – мгла, мгла.

Всё ты мне глага, глага...

Катерина. 1929, апреля 7

Анатолий меня просто преследует! И как это тогда на Новый год я позволила себе так расслабиться? Он почувствовал это и стал очень настойчив. Но всё – я решила с ним бесповоротно порвать. Я ему сказала сразу же после того случая в темном коридоре, что у меня что-то сломалось, что я у меня нет к нему никаких чувств. Он несколько раз пытался «выяснить отношения», но теперь я непреклонна.

Мне сейчас нужна чья-нибудь защита. На счастье ко мне стал подкатываться Кирилл. Он на год старше, десятиклассник из нашей же школы. Парень легкий для общения, балагур, не корчит из себя сверхчеловека. Мы с ним часто встречаемся после школы, гуляем. Провожая меня до дома, он каждый раз аккуратненько целует меня в щеку, прямо как ребенка. Недавно и я поцеловала его в ответ таким же внешне безразличным поцелуем. Но он как-то удивленно посмотрел на меня в ответ и постоял, пока я не скрылась за дверью.

А вот сегодня в парке, кстати, на той самой Мишиной скамейке, он поцеловал меня по-настоящему, в губы. Он поцеловал очень нежно, без того озверения, как это делал Анатолий, но и не с той осторожностью, как это делал Михаил.

И рукам своим он не позволял ничего лишнего, просто обнял меня легонько за спину. Мне было очень приятно, а главное, я почувствовала себя с ним в безопасности.

Поцелуй поцелуями, но ничего больше! Когда мне нужно будет это «больше», я сама решу, сама выберу, кто будет этот «он», и сама все сделаю, как я захочу.

Михаил. 1929, 23 апреля

У Кати появился новый кавалер... Что это лучше для меня или хуже? Я все еще не соображу, как мне завоевать ее сердце. Мне кажется, что это возможно, потому что никто никогда не сможет любить ее сильнее меня. Я уверен, что ей со мной будет хорошо.

Ходит она с Кириллом, который на год моложе меня. Я его хорошо знаю. Он сам по себе нормальный и симпатичный парень, хотя на нем совсем не виснут девчонки, как, например, на Анатолии. Я несколько раз встречал их с Катей на улице. Мы останавливались,

обменивались репликами о чем-нибудь незначашем. Катя ведет себя со мной дружелюбно, как со старым другом, но какой-то тонкий ледок в ее отношения ко мне присутствует. Она приглашала заходить к ним, сказала, что мама ее меня очень любит и всегда будет рада. Эх, если бы она сказала вместо этого, что она сама будет рада!..

Что делать... Что делать... Не умею я так, как остальные мои друзья, делать все просто, напрямую, независимо. Меня гложет тоска по Катеринке...

Но я себя уговариваю: ничего, ничего, все образуется. Нужно только время и терпение. Время и терпение...

А пока настроение пасмурное...

И стихи слагаются не веселые...

Неба голубизна глубока, ясна.

Капли

закапали, капли запели:

«Дон-

-динь-

динь-

-дон...»

Неба синь пронзает звон.

Я снова без сна.

Словом, весна.

Неба болото

в тучки одето.

И любит кого-то кто-то где-то.

А я один,

как тоскливый стон...

«Дон-

-динь-

динь-

-дон...» -

запели капли, закапали капли...

А мне не нужна неба голубизна...

Елена Степановна. 1929, 24 апреля

Сегодня я узнала страшную новость: Гришу Фридмана забрали в ЧК... Для нас, для меня и Кати, это страшный удар! Гриша был одним из лучших друзей Арсения. Когда Сеня умер, и мы с девочками остались одни-одинешеньки, без всякой поддержки, он начал помогать нам материально, часто приходил к нам. Сам он был довольно удачливым коммерсантом, хотя я никогда не интересовалась, чем он занимается. Первым делом он устроил нескольких своих знакомых ко мне «нахлебниками», как у нас почему-то называют тех, кто ходит столоваться в семью. Я подавала им обед в их рабочий перерыв. Потом они привели и своих товарищей. Готовлю я неплохо, так что от клиентов отбоя не было. Это на первых порах сильно нас выручило, пока я не нашла себе постоянной работы.

Однажды, где-то полгода назад, Гриша попросил меня принять в гости на денек двух его сыновей, которые жили в другом городе у его жены. Он объяснил мне, что очень не хотел бы, чтобы кто-нибудь видел, что сыновья его побывали у него.

Приехали они к нам, славные такие мальчишки, воспитанные, видно, что умненькие, одному семнадцать, а второму уже около двадцати. Вечером пришел и Гриша.

Мы с девочками вышли на улицу, чтобы не мешать их семейной беседе. Катя пошла погулять со своим очередным кавалером, а мы с Ксенией сели на скамейку около дома и говорили о каких-то пустяках. Вдруг выбегает весь взъерошенный и очень возбужденный Григорий и зовет меня помочь ему.

Вошли мы в комнату, и вижу я: сидят два насупившихся парня, а у младшего полны глаза слёз. Думаю, чем же их обидел отец, такой деликатный и воспитанный человек.

- Ты представляешь, Лёля, эти два великовозрастных оболтуса не слушают своего отца! Ты видела ли где-нибудь приличную еврейскую семью, где дети не слушают своего отца? Это что же такое получается: если Советская власть, так можно и про заветы Моисеевы забыть?

- В чем дело, Гриша?

- Да в том-то и дело, что просто ни в чем! Я прошу их совсем о пустяке, чтобы они написали заявление о том, что они отказываются от своего отца, нэпмана и спекулянта, и клянутся отдать свою жизнь за дело рабочих и крестьян. И больше ничего! Делов-то! А они уперлись, как бараны, даже, как ослы, и отказывают-

ся!..

- Но, Гриша, это же жестоко заставлять собственных детей отекаться от отца...

- А ты думаешь, что не жестоко с моей стороны будет смотреть потом, как будут они страдать всю жизнь из-за того, что их папаша был богаче всей этой окружающей пантрапы?! Им надо в комсомол и под красными флагами, стройными колоннами... Пусть будут, как все! Я же не заставляю их меня не любить, я прошу их только о маленькой ничего не значащей бумажке! Они еще поймут попозже, какой мудрый у них отец – Григорий Ицхакович Фридман!

Поняла я Гришу и не могла с ним не согласиться. Уговорили мы сообщки мальчиков, и написали они эти ненавистные им заявления...

И вот давеча Гришу забрали... Семью его не тронули, потому, что с женой он успел устроить развод, а сыновья были защищены теми заявлениями, которые он их заставил написать.

Что-то странное вокруг происходит... Живем, как во вражьем плену...

Катерина. 1929, 25 апреля

Сегодня Анатолий после школы просто умолял меня пройтись с ним, потому что ему нужно сказать мне что-то очень-очень важное. Так уж умолял, чуть не со слезами, что не смогла я ему отказать.

Пошли мы, куда глаза глядят, а оказались, в конце концов, в том же парке на обрывистом берегу Волги.

Оказались даже на той же скамейке, где я прежде целовалась с Михаилом, а потом с Кириллом. Это же просто наваждение – всё происходит на этой скамейке! Может, знамение какое?

Анатолий очень волновался, все подбирал слова, не зная, как начать. А потом выпалил, что любит меня и не может без меня жить. Это было первое признание в любви, которое я слышала в моей жизни... Но, к сожалению, хоть это и взбудоражило меня, но мне этого уже не было нужно. Признание запоздало.

Что-то прошло такое, чего уже не вернуть. Может, мои отношения со «Святым Михаилом», а потом с Кириллом открыли мне глаза на многое? Может, если я и не поняла, чего хочу, то хотя

бы поняла, чего не хочу? Во всяком случае, я чувствовала, что Анатолий мне не нужен, это не тот человек, с которым я хотела бы идти по жизни. Я ему об этом и сказала в очень мягкой форме конечно, чтобы не ранить его душу.

Анатолий совсем обезумел: он встал передо мной на колени, держал меня за руки, целовал кончики пальцев, говорил что-то дрожащим голосом, на глазах его блестели слезы... Я никогда не думала, что такой сильный человек может оказаться таким слабым и беззащитным. Я больше молчала. Тут он разрыдался, уткнулся в мои колени и плечи его затряслись.

Мне стало его просто жалко, как бывает жалко маленького ребенка, когда ему больно. Я стала гладить его по волосам, успокаивая: все пройдет... ты полюбишь еще другую, лучше меня... а мы останемся хорошими друзьями... два раза в одну и ту же воду не войдешь... и что-то еще подобное.

Сознаюсь, что в душе я ликовала: я победила, я отомщена. Я поняла, что может женщина сделать с мужчиной...

Михаил. 1929, 30 апреля

Чтобы выжить в этой сложной обстановке отношений с Катериной, я решил загрузить себя так, чтобы не оставалось времени на размышления и на копания в своей душе.

Я бросил работу в булочной, теперь хожу каждый день в порт на разгрузку. Это намного труднее, поскольку приходится таскать огромные мешки со всякой всячиной, катать здоровенные и тяжеленные бочки с сельдью. Работают с шести утра до десяти. После этой работы, буквально валюсь с ног, но надеюсь, что скоро привыкну и будет легче. Потом бегу домой, умываюсь и иду на работу в фотомастерскую.

Денег стал приносить домой больше, мама даже начала понемногу откладывать «на черный день».

Стихи пишу реже – не хватает времени и сил. Устаю. Но больше всего устаю психически из-за того, что нет со мной Катеньки. А стихи теперь короткие и похожи на исповедь уставшего от жизни человека...

**Устаю, устаю...
Жизнь безмерно пуста.
Я себя предаю,
Как Иуда Христа...**

Катерина. 1929. 11 мая

После школы шли мы опять с Кириллом, балагурили. С ним так легко! Острых чувств у меня не возникает, сердце не колошматится, как это бывало у меня с Анатолием. Ну да это, наверное, все так вспоминают свою первую любовь!

Но зато с Кириллом целоваться совсем не страшно: рукам волю не дает, даже когда мы совсем одни где-нибудь в пустынном месте. А целоваться в безопасности мне нравится!

И вот идем мы с ним, еще около школы, подходит сзади быстрым шагом Анатолий, берет меня за руку и пытается заговорить со мной. Я поворачиваюсь к нему и говорю: «Толя, у меня очень важный разговор с Кириллом, давай завтра обо всем поговорим».

Когда Анатолий отошел, Кирилл вдруг начал выяснять со мной отношения. У него, смотрю, проявляется какая-то ревность, что ли. Он стал говорить мне, чтобы я завтра с Анатолием не встречалась и вообще прекратила с ним отношения. Ну, думаю я, началось: еще один претендент на монопольное владение Екатериной Белой!

Я мягко так говорю ему:

- Кирюша! Ты мне не муж, а я тебе не жена. Я дружила с Анатолием, дружила с Михаилом, теперь дружу с тобой. Мне ни от кого из вас ничего не надо, и я никаких условий никому из вас не ставлю. Поэтому прошу и мне никаких дурацких условий не ставить: что захочу, то и буду делать, ясно? Я с вами со всеми просто дружу! И уж извини – я сама буду распоряжаться собой, ладно? Мне с тобой хорошо, мне нравится с тобой общаться, гулять, беседовать на разные темы, но это ровным счетом ничего не значит, понял? Давай оставим всё, как было, хорошо?

Он эту пилюлю проглотил, но, по-моему, понял, что сверчку указан его шесток. Мне нравится, что я могу всеми этими парнями так управлять. Я понимаю, что я красива, но уж слишком ко мне парни липнут! Ведь кроме этих троих, сколько еще оказывают мне знаки внимания, которые я не принимаю, но и не отвергаю категори-

чески. Пусть, пусть попляшет весь этот кукольный театр!

Михаил. 1929, 15 июля

Я – на седьмом небе! Сегодня, когда я шел с работы вечером, мне встретила Катя. Она обрадовалась, увидев меня, подошла и, ласково так на меня посмотрев, спросила, где я пропадаю.

Я забыл все: и всю эту дурацкую ревность к Анатолию Дубравину и Кириллу Мызину, и обиду на саму Катю. Да и какое право я имею ее ревновать? Какое право имею на нее обижаться?

Она несколько переменилась, ведет себя как-то уж очень независимо, по-взрослому. Ну, да ведь время идет, ей уже почти семнадцать! Красивая, очень красивая девушка!

Мы шли рядом, бок о бок, говорили о чем-то незначительном. Когда мы уже подошли к ее дому и остановились, она предложила встретиться завтра после моей работы и немного погулять. Я от неожиданности предложения онемел и только кивнул головой. А она поймала своей рукой мою ладонь, я почувствовал ее горячие пальцы, сердце мое бешено заколотилось... Она спросила: «Ну, договорились?» Я кивнул головой, будучи опять неспособен произнести ни единого слова, даже простого «да»...

Я был счастлив, и она, по-моему, это заметила, потому что посмотрела на меня то ли удивленным, то ли ироничным взглядом... Неужели опять вернется это счастье быть с Катей?

**Моя любовь вне времени и вне пространства.
Моя любовь всегда везде к тебе...
Так после долгих лет тревожных странствий
Корабль и гавань гимн поют судьбе!**

Катерина. 1929, 15 июля

Сегодня вечером случайно встретила на улице Михаила. Я даже обрадовалась ему. Всё-таки он очень хороший парень! Нет, терять Мишу никак нельзя! Это такой преданный друг, с ним чувствуешь себя, как за каменной стеной. Впрочем, у него-то ко мне не просто дружеские чувства. Но, по крайней мере, он не пристает с разными обжиманиями-прижиманиями и не предьявляет своих прав «собственника». Конечно, в нем чего-то не хватает. Ему бы чу-

ток пылкости Анатолия и безалаберной легкости Кирилла... А с другой стороны, не эти ли пылкость и безалаберность тех парней в результате оттолкнули меня от них?

Миша, конечно, недотёпа, но про таких девчонки говорят – «хороший материал»: лепи из него, что твоей душеньке заблагорассудится!

Когда я, взяв его руку, предложила ему встретиться завтра, то он, по-моему, даже лишился дара речи! А ведь были же мы уже с ним достаточно близки. Я же чувствую, что настоящий поцелуй для него мно-о-го значит.

Эх, Катерина, Катерина! Совсем запуталась в своих чувствах. Хочется чего-то несбыточного, сама не знаю чего... Но все, что есть – какое-то не такое. Пожалуй, Миша в целом лучше всех, хотя и в нем чего-то для меня не хватает. Чего? Да вот как-то сердце по-особенному не стучит...

Может, как говорится, стерпится – слюбится?

Елена Степановна. 1929, 2 августа

Встретилась вчера случайно на улице с Мишей Макаровым. Мне Катерина как-то сказала, что они опять сблизились с ним, что он очень хороший и надежный товарищ. Мне он тоже нравится, я совсем не чувствую тревоги, когда Катерина проводит время с ним. Другим мальчишкам я не очень-то доверяю – не довели бы Катю до греха. Она уж больно не по годам созрела, из нее настоящая баба так и прёт, а ведь всего восемнадцатый год! За одеждой своей очень следит, все время меня просит тут подтачать, там подправить... Трудно ей конечно: девушка видная, одеться поприличнее хочется, а что я могу?

Разговорились мы с Мишей прямо на улице. Он такой стеснительный. А когда про Катерину я заговорила, он и вовсе потерялся, но заметила, что при этом аж светится весь.

Потом дома как бы невзначай завела разговор с Катериной и, подведя линию к Мише, решила прояснить ситуацию для себя. Сказала ей, что мне Миша Макаров из всех ее ухажеров больше всех нравится, что ты, мол, держись за него. Да, видно, чересчур перегнула палку: она ведь не девочка несмышленная, а уже маленькая женщина. Ведь всеми этими подсказками да вопросами можно навредить больше, чем помочь!

Она выдала мне длинную тираду, что у нее у самой голова на

плечах, что Миша хороший парень, но замуж за него она бы не пошла – не от мира сего он, и вообще, мол, сейчас не до гулянок – последний класс, учиться нужно, поэтому не беспокойся, никаких мальчиков у меня в голове нет.

Ну, я ей, ясно, поддакиваю: молодец, так и надо. А сама про себя думаю: поздно уже воспитывать дочку – выросла, займись-ка лучше младшенькой своей!

В целом-то Катерина хорошая девочка, и мне по дому помогает, и с Ксенией хорошо управляется. У меня к ней претензий никаких в этой части нет. Но вот ее отношения с мальчиками меня немного тревожат... Была бы осторожна!

Дай-то ей Бог счастья в жизни...

Катерина. 1929. 18 августа

Вчера Михаил заходил к нам домой после работы, но меня не застал. Оставил маме записочку для меня в конвертике. Когда я пришла, и мама дала мне его записочку, я даже слегка удивилась: что за новая форма обращения – объяснения еще с одним ухажером да еще в письменной форме? К счастью, оказалось все проще – это было приглашение на его день рождения. А я и позабыла об этом! Ведь, верно, у него же 18 августа день рождения, как раз перед Яблочным Спасом! А завтра как раз Преображение Господне!

Сегодня после работы Миша зашел за мной. Я была уже готова: надела новое платье, которое мне мама сшила для работы, такое простенькое, но элегантное. Молодец у меня мама! Все умеет делать – и готовит блестяще, и шьет, и дом содержит в безукоризненном порядке!

Пошла я к Мише с большим удовольствием. Во-первых, не виделись мы с ним уже давно, и я даже соскучилась, а во-вторых... А что «во-вторых»? Да просто много я о нем думала последние дни. Примеряла, как новое платье – где жмет, где топорщится, где задирается, а где приспущено... Что-то не то, что-то не то... А вот что – не пойму!

Одним словом, это «платье» – не то, что мамино, которое мне тютелька в тютельку! Но если уж продолжать аналогии, то не ходить же мне голой! Какое платье есть, то и наденешь.

Вечер мы провели хорошо. Антонина Егоровна приготовила чудесный яблочный пирог и объяснила мне, что это у них в семье традиция в день рождения Миши устраивать чай с яблочным пиро-

гом. Рассказала мне, что эту традицию придумал ее муж Платон Андреевич: ведь благодаря яблоку с дерева познания, говорил он, стал множиться род людской! Она в этот раз много интересного рассказала про своего мужа, как они жили, как он ее любил.

Миша сегодня был в ударе, не млея и не тупился, как всегда, и что-то смешное рассказывал. Братишка его, Павлик, хохотал аж до слёз. Антонина Егоровна тоже заливалась.

Потом, около восьми вечера, Антонина Егоровна сказала, что им с Павликом нужно куда-то на часочек сбежать. Павлик начал канючить, что он не хочет, но его мама настояла, и они пошли.

Я догадалась, что деликатная Антонина Егоровна решила предоставить нам с Мишей возможность побыть вдвоем, без лишних глаз и ушей, поговорить и вообще...

Я подумала, что наши мамы, как сговорились: будто сватают нас с Михаилом. Глупые! Неужели не понимают, что этим можно все только испортить! Да я и без них уже решила, что сейчас лучше Миши у меня никого нет, а может быть, и вообще больше никого не надо.

Мы пересели с ним на диван. Я положила голову ему на плечо. Он как-то нерешительно обнял меня за плечи, будто я хрустальная фигурка и могу хрухнуть от малейшего нажима... Потом он притянул меня к себе, я была податлива... И вот он впервые сам первый поцеловал меня. Сначала тихонько, чуть коснувшись губами уголка моего рта. Чувствуя, что я не отстраняюсь, он поцеловал меня в губы долгим поцелуем. Я отозвалась тем же... Он учащенно задышал и прижал меня к своей груди. Потом он, совершенно обезумев, целовал мне шею и, в конце концов, зарылся лицом в мою грудь...

Я чувствовала, что он на грани срыва, но его самоконтроль не позволял ему ничего лишнего. Я тоже подошла к краю невидимой пропасти, но он и мне помог удержаться, не упасть...

Не знаю, сколько прошло времени. За входной дверью раздались неясные звуки. Мы отпрянули друг от друга. Я одёрнула юбку. Он поправил на себе выбившуюся из-под ремня рубашку... Слава Богу, тревога оказалась ложной!

Я встала и взъерошила его волосы. Сказала, что надо привести себя в порядок, пока его мама не вернулась. Мы пошли, умылись холодной водой, которая остудила немного жар наших лиц.

Вернулись в комнату, опять сели за стол. Миша трясущимися

от волнения руками разлил нам в чашки уже остывший чай. Но это и хорошо, что остывший: жара нам хватало и своего.

Вскоре вернулись и Антонина Егоровна с Павликом. То ли мы уже пришли в себя, то ли она сделала вид, что ничего не заметила. Я засобиралась домой. Мишина мама предложила еще по чашечке чая, но я отказалась. Миша пошел меня провожать.

Около моего дома мы остановились. Было около половины одиннадцатого вечера. Улица была пустынная. Мы остановились около моей двери. Он взял меня за обе руки, я потянулась к нему и тихонько поцеловала его в губы. Он страстно ответил, и мы оба потеряли голову. Но Миша опять пришел в себя первый. Он на прощанье крепко сжал мои ладони, и я скользнула в свою дверь...

Как с ним хорошо! Чувствуешь себя в полной безопасности. Мне с ним все лучше и лучше. Все-таки мне удалось «растопить» эту льдинку в нем!

Да и у меня внутри уже что-то начинает звенеть, когда Миша меня обнимает и целует...

Михаил. 1929, 19 августа

Вчера опять отмечали мой день рождения, на который я опять, как и в прошлом году, позвал Катю. Почему-то боялся, что она откажется пойти – она стала какая-то непредсказуемая.

Но она, по-моему, даже с радостью согласилась. Я после работы зашел за ней, и мы пошли ко мне.

На ней было скромненькое платьице в обтяжку, с открытой шеей, рукава фонариками.

У нее изумительная фигура! У нее очень красивые ноги, длинные, стройные, налитые силой и упругостью... А когда она идет, я не могу без волнения смотреть на нее, каждое ее движение заставляет бешено колотиться мое сердце.

Когда я гляжу на нее, у меня невольно вспыхивают яркие воспоминания тех моментов, когда я держал ее в своих руках и целовал ее. Это волнующее ощущение не покидает меня, я могу вызвать его почти с физической явственностью. А сколько ночей я провел, не смыкая глаз, представляя ее лежащей рядом с собой...

А сегодня вообще был волшебный день. Мы сидели и

пили чай. Потом около восьми вечера мама с Павликом куда-то ушли ненадолго. Мы остались с Катей одни. Не помню уж как, оказалось, что мы сидим на диване, она прильнула ко мне. Я обнял ее и поцеловал... Она ответила мне, обняла меня, и мы прильнули друг к другу в долгом страстном поцелуе...

Такого я никогда еще не испытывал. То, что было тогда, на скамейке в парке – было совсем другое! Сегодняшний поцелуй был какой-то плотский, зовущий в бездну, отнимающий волю и сознание. Это было такое слияние в одно целое, что трудно было представить, как это можно после этого жить поврозь...

И сегодня мои ночные грезы обуяли меня с невиданной силой. Я почти воочию видел, как Катерина сбрасывает с себя одежду, как мы падаем друг другу в жаркие объятия, как мы вместе погружаемся в сладкое небытие...

Среди ночи я проснулся от необычного ощущения: меня будто что-то ожгло изнутри.

Я не мог заснуть, пошел потихоньку на нашу кухоньку, чтобы никого не разбудить, и там, при свете свечи, описал свои ночные грезы...

**Полусумрак. Треск поленьев.
И навстречу мне из тьмы –
Плечи, руки и колени,
Будто снежные холмы.**

**Печь мурлычет. Отсвет лижет
Ног стволы и ветви рук.
Ты все ближе... Ты все ближе...
И уже сомкнулся круг...**

**Плечи, руки и колени –
Все сплелось в одном клубке...
Пляшут трепетные тени
На стенах и потолке...**

**Печь стихает с полустоном,
С полутреском, наконец...
Тишина, почти со звоном...
Только слышен стук сердец.**

Катерина. 1929, 22 ноября

Вот и зима почти в разгаре. Холодрыга. Выпал снег. Волга стала. На душе кошки скребут...

Главное – не сорваться, окончить школу, хотя вся эта мутата надоела. Анатолий, слава Богу, отвязался. Кирилл школу окончил, на глаза не попадается. Да это и было все не то!

Михаил успокоился, у нас прямо семейная жизнь началась, хотя и без всякой постели! Не помню уж, когда мы с ним и целовались-то по-человечески! Никаких диванов, никаких скамеек – говорит, что «сейчас тебе нужно сосредоточиться на учебе». Он, конечно, прав, но ведь «не учебой единой»!

Приходит он едва ли не каждый Божий день вечером после работы, объясняет мне мои домашние задания по физике и математике. Уходя от меня после наших занятий, он целует меня в щеку, как, наверное, будет целовать свою дочку, когда она у него будет.

А математику я здорово запустила! Александра Михайловна меня просто извела своими вопросами. «Что с тобой случилось, Белая?», «Что с тобой случилось, Белая?»

я ничего не случилось! Устала я от всей этой неразберихи в себе самой...

И, тем не менее, эти частые «беззубые» встречи с Михаилом меня стали тяготить. Подружек у меня хватает и без него. Мне нужен рядом парень, мужчина, который бы не только оберегал меня и помогал в жизни, но и видел бы во мне женщину.

Ну, потяну еще эту ляжку – ведь школу-то, и на самом деле, надо закончить!

Михаил. 1930, 19 февраля

Не могу понять, что же случилось? Катя последнее время была какая-то взвинченная, резкая. Вчерашний вечер вообще закончился для меня катастрофой: она сказала, что ей надоела эти занятия, что она устала от меня и не хочет меня видеть...

Что делать? Что делать? Я же так хочу ей помочь! Я ее так люблю... Иногда мне даже думается: вот произойди с ней какой-нибудь несчастный случай, станет она увечной... И я посвящу всю свою жизнь тому, чтобы ей было хорошо, чтобы она была окружена моей заботой, моим теплом и вниманием и чтобы полюбила бы она меня и любила только меня. Я тут же оттоняю эти мысли – как можно да-

же думать о том, что что-то
плохое случится с Катенькой!

Но она меня отвергла... Сказала, чтобы я больше к ней не приходил, что она устала от меня...

Что будет со мной? Что будет с ней?

Гулко выстрелил лёд.
Чёрной молнии мгла –
Между мной и тобой
Польньня пролегла.

Злой и чёрной водой
Пролегла польньня,
Отделяя всё больше
Тебя от меня...

Ледяная вода
Почву рвёт из-под ног.
Жаль, что кто-то устал,
Жаль, что кто-то не смог...

С белой льдины своей
Руки тщетно тяну.
Если ты не протянешь –
Упаду, утону...

Но, как пропасть,
Меж нами растёт польньня...
Будет поздно...
А сможешь ли ты без меня?..

Катерина. 1930, 1 апреля

Уже больше месяца не видела Михаила, а вот сегодня встретились! Он шел ... с Натал*и*! Первый апрель – никому не верь! Я и взаправду не поверила своим глазам... Ай да Натал*и*! Всё норовит после меня недоеденное поднять да дожевать! А что же, милочка, Кирилла-то пропустила, а? Ну, да ладно – пользуйся, пока дают.

А охомутила она его, видимо, крепко. Идут, она на его руке аж висит и в глаза заглядывает. Правда, это у нее вечная манера такая кокетничать с парнями. Она и на Анатолии висла, как пальто на вешалке! Михаил, как меня увидал, по- моему, даже смутился. Но нормально прошли мимо друг друга: я им кивнула, они мне кивнули.

Ну, да мне плевать. Ни капельки не жалко: не меня бросили – я бросила.

Я решила, что так и надо всегда быть хозяйкой положения, делать, что тебе хочется, а не быть чьей- то рабыней.

Парни вокруг меня продолжают виться, отбою нет! Прогуливаюсь то с одним, то с другим. Все лезут с поцелуями да с обниманиями, но дальше я не допускаю. И ведь если вовремя себя правильно поставить, то все нормально – не лезут своими ручищами, куда не следует.

Поцелуй, поцелуй... Приятно, конечно... Особенно щекочет нервы, когда доведешь кого-нибудь до раскаленного состояния, а потом – бабах на него ушат холодной воды!

Развлекаюсь... Но все же всё это не то...

Михаил. 1930. 28 апреля

Сегодня произошло мое «трехопадение»... Но об этом чуть позже. Начну все по порядку.

Я уже больше месяца встречаюсь с Натальей Семиглазовой. Зову я ее не как все – «Натал**и**», а просто Наташа. И она мне почти сразу сказала, что ей очень нравится, что я ее так называю, а то «Натал**и**» для нее стало вроде подпольной клички.

Наташа очень красивая девушка: стройная, высокая, с приятным лицом. Глаза у нее, черные, как созревшие вишни, волосы тоже цвета вороньего крыла, прическа короткая, под фокстрот. У нее очень умные глаза, очень приятная улыбка, обнажающая ровные белоснежные зубы.

Это странно, что я все это в Наташе заметил и отметил про себя, а вот о Катиных достоинствах никогда и не задумывался! Может, только в самом начале, когда я видел мельканье ее ног из своего полуподвального окна... Я никогда не задумывался, красивая она или нет. Это просто была *ОНА*.

А с Наташей все получилось как-то просто и естественно. К тому же она первая подошла ко мне как-то на улице и о чем-то незначительном заговорила, поздоровавшись. Само собой как-то получилось, что мы договорились встретиться: она попросила объяснить ей что-то по математике.

Наташа мне очень нравится. Она очень легкая и простая в обращении. А Катя... Ну, что делать, если я ей не нравлюсь?.. Мне же все равно кто-то нужен, кто меня понимает, кто был бы рядом... Мне нужно о ком-то заботиться, кому-то дарить свое тепло.

Мы часто гуляем с Наташей по вечерам. Часто ходим в парк, ходим в обнимку, целуемся иногда, сидя на какой-нибудь скамейке.

Я избегаю той скамейки, где мы сидели с Катериной. Мне кажется, что эта скамейка принадлежит только Кате, на ней я никого другого не смогу ни обнять, ни поцеловать. Да и сами поцелуи с Наташей мне стоили больших душевных переживаний. Но если признаться, Наташа очень сильно помогает мне избавиться от гнетущего состояния потери Катерины. Она, мне кажется, понимает, что я еще витаю далеко от нее, но она умница – и вида не подает. Я ей за это очень благодарен.

Она много рассказывала про себя, про своих родителей. Отец у нее постоянно в каких-то командировках, он геолог. Мама тоже работает, часто во вторую смену, приходя уже за полночь. Наташа – единственная дочь, родители души в ней не чают, немного балуют, но она хорошая, скромная девочка. Правда, на людях ведет себя иногда экспансивно, даже вызывающе, вставляет в свою речь надо и не надо французские словечки, запанибрата со всеми. Но я думаю, что это у нее какой-то комплекс, хотя, чего бы вроде – и симпатичная, и умная, да и любят ее все...

Однажды, гуляючи, мы встретили на улице Катерину. У меня аж сердце захолонуло... Какая-то тупая боль пронзила меня, но я не подал вида. Она с независимым видом, но дружелюбно кивнула нам головой и прошла мимо... Больше я ее с тех пор не видел.

С Наташей мы видимся едва ли не каждый день. А вот что было сегодня, об этом мне даже страшно подумать... Встретились мы с Наташей, как всегда, около половины восьмого. Погуляли немного, а потом она и говорит: «Давай зайдём ко мне, чайку попьём...»

Я с радостью согласился: у них дома я уже бывал, мама Наташина, Зинаида Сергеевна, меня всегда радостно встречала. Вообще, мне с родителями моих друзей всегда интереснее общаться, чем с

самыми друзьями: и темы серьезнее, да и ума-разума от них набираешься. А Наташина мама одна из самых интересных женщин, которых я встречал. В молодости она, видимо, была очень красива. И сейчас в свои сорок пять она выглядит прекрасно: у нее живые, с искринкой глаза, приятная улыбка, приятный низкий грудной голос. Иногда, когда я прихожу к ним и не застаю Наташу, то мы с Зинаидой Сергеевной беседуем на самые разные темы. Она знает, что я пишу стихи, Наташа ей читала некоторые из них. Иногда просит прочитать и ей, при этом спокойно и, как мне кажется, искренне, хвалит. Она много интересного рассказывала мне о своей жизни, о том, как они познакомились с мужем.

Мне нравится бывать у Наташи дома: две уютные комнаты – родительская спальня и общая комната, где стоит диван, на котором спит Наташа. Хорошая, хотя и не новая, мебель, на стенах репродукции в рамках, на столе, начиная с весны, постоянно стоит небольшой букетик простеньких полевых цветов. Иногда это те цветы, которые мы с Наташей собираем на прибрежных откосах.

И вот подошли мы с Наташей к двери их квартиры, но она не звонит в дверь, как это она всегда делает, а достает ключ и отпирает, объясняя:

- Моя мама уехала на два дня к папе, его экспедиция сейчас здесь недалеко, за Разгуляем. Они уже давно не виделись, вот она и решила съездить к нему: сам понимаешь, они еще совсем не старые, кровь кипит... – Хихикнула она.

Прошли мы в дом, Наташа быстро накрыла на стол и сварганила чай, сидим, пьем, говорим про стихи. Наташа много читает, очень любит стихи и знает много их наизусть. И мои стихи ей нравятся, она говорит, что у меня способности к стихосложению, а некоторые мои стихи, она говорит, получше тех, что печатают. Некоторые мои стихи она сама читает по памяти, а ведь слышала их от меня от силы раза по два. Вот способность!

Наташа решила показать мне альбом семейных фотографий. Мы пересели на диван, Наташа, погасив верхний свет, зажгла бра над диваном, положила альбом мне на колени и стала рассказывать про семейные фотографии. Мы сидели вплотную друг к дружке, бедра наши соприкасались, отчего нога моя прямо запылала жарким пламенем...

Когда Наташа переворачивал страницы альбома, то невольно касалась меня своим локтем, что начало сводить меня с ума. Наташа раскраснелась, глаза у нее светились каким-то восторгом. Вся она будто излучала удивительное радостное тепло...

Вдруг от чьего-то неловкого движения альбом упал на пол... Мы одновременно нагнулись, чтобы его поднять. Наши плечи столкнулись... Я не помню, как я оказался лежащим на диване... Я почувствовал на себе дурманящую тяжесть разгоряченного Наташиного тела. Она прильнула ко мне и безотрывно целовала, целовала, целовала меня... Потом она на ощупь нашла выключатель сбоку от дивана, и мы погрузились в ласковый полумрак уже догорающего за окном заката.

Она шептала мне ласковые слова и продолжала целовать меня... Я был не в силах пошевелиться, блаженство растекалось по всему моему телу... Потом мы понеслись, понеслись куда-то далеко-далеко, пока, наконец, оба не сорвались с глубокого обрыва...

Я был ошеломлен этим бурным натиском ее легкого и, казалось, очень хрупкого тела. Мы лежали бок о бок, я чувствовал ее трепет. У меня было двойственное чувство: благодарности за то, что она подарила мне, и какого-то странного неудобства, ощущения, что не должен был я этот дар от нее принимать.

Но вот Наташа склонилась надо мной и стала с жаром и почти безостановочно говорить мне тихим голосом, почти шепча:

- Миша, Мишунечка, мой любимый, мой хороший! Если б ты знал, как я тебя люблю... Как я тебя все время ждала, желала... Как я хочу, чтобы ты был моим и только моим! Я буду тебя любить так, как никто – никто и никогда! – больше тебя не полюбит... Забудь про Катерину – она неверная, она плохая, она тебя совсем не любит... Ты же видишь, она то с одним, то с другим крутит... Ей всё равно с кем... Вон у нее уже новый парень... Да и кто? Этот придурок Васька, у которого, кроме мускулов, больше ничего нет... Не нужен ты ей совсем! От нее у всех только несчастье... Будь со мной! Тебе ведь хорошо со мной было, правда? И так будет всегда-всегда!.. Мишенька... Ведь ты у меня первый... И будешь единственный, на всю жизнь...

Я, действительно, сразу понял, что был у нее первым мужчиной, хотя про нее говорили такое, что нельзя и повторить. А ее умение в любви мне было понятно: она не раз мне рассказывала про французские эротические романы, которые она читала. Она и раньше говорила со мной об этом, но очень осторожно, Эзоповым языком. Я понял теперь, что она отлично освоила эти «самоучители» интимных отношений. Ну, что же, это, наверное, и не плохо, в конце концов. А то ведь, сколько семей, говорят, распадается только из-за того, что муж и жена не умеют проводить вместе ночь.

**В тебе и Грига пение,
И магия шаманская...
В тебе игриво пенится
Искристое шампанское...**

**И светят откровением
Очей бездонных омуты...
Вся жизнь твоя – горение,
Не можешь по-другому ты!**

И все же что-то было не так... Отчего это чувство неудобства и даже почти вины? Ведь, правда же, было так хорошо.

И это был первый раз у меня и первый раз у нее. Мне так хочется, чтобы у нас все стало хорошо по-настоящему хорошо! Наташа такая славная!

Катерина. 1930, 23 июня

Наконец-то, наконец-то! Сегодня был выпускной вечер-бал! Ура!.. Кончилась эта обрыдлевшая уже школа, в печенках аж сидит.

Аттестат получила я нормальный. Даже алгебру с геометрией вытянула-таки на пятерку, на радость нашей Шуре-Дуре. По-моему, она была за меня рада больше даже, чем я сама. Ну, в общем-то, хорошая она тетка, добрая, да и меня очень любит.

Но самое главное было позже, уже после выпускного бала, хотя – все по порядку... А было такое, что прямо сразу об этом и сказать страшно!

Меня, «бесхозную», давно уже присмотрел Вася из параллельного десятого класса. Он, конечно, не ахти что, но зато здоровенный бутай, самый сильный, наверное, из всех наших, даже здоровее Анатолия, широкоплечий, с отличной фигурой.

Как пара, мы с ним смотримся ничего, опять все девчонки слюнки глотают!

Мы с ним гуляем недолго, месяца два всего. Он, как все сильные парни, добродушный и незлобивый. Над ним часто девочки подтрунивают, но он отвечает только доброй улыбкой, да иногда изловит какую-нибудь из насмешниц и на локтях поднимает аж под самый потолок, а потом когда резко спускает, то юбка у нее, как парашют раздувается. Эти его шуточки все знают, поэтому, если кто

не так под платьем одет, с ним не шуткуют. Со мной, правда, он никогда ничего подобного не позволял, да я и не подавала повода. А уж как стали мы с ним гулять, он и девочек трогать перестал.

Сегодня на выпускном вечере мы с ним такие номера откалывали! Ну, фокстрот, танго – это обычное дело, а вот когда дело дошло до вальса, то я буквально летала по воздуху: при поворотах он совершенно отрывал меня от пола, и я летела по воздуху, как на качелях. Ну, и сильнющие же у него ручки! Все на нас заглядывались, очистили середину зала, чтобы нам вольготнее было кружиться. Одним словом, балетное представление да и только!

После вечера все, кто мог, разбились на парочки и разбрелись по близлежащему парку. Кто-то пел, кто-то бреччал на гитаре.

Мы с Васькой тоже пошли со всеми. Потом, уж не знаю и как, оказались мы снова около школы, со стороны двора, там, где запасная на случай пожара дверь, которая вечно заперта. Как всегда, если появлялась возможность, Василий начинал меня целовать, а делал он это отменно. И тут мы опять начали целоваться, я прислонилась к двери, чтобы было удобнее. Он меня целовал, как всегда, вза-сос, но осторожненько. Я, что называется, вошла во вкус и стала ему отвечать более пылко, чем всегда. У самой даже голова кругом пошла, и ноги стали подкашиваться. Тут Вася прижал меня к этой двери, я почувствовала сначала его руки, потом... Потом я уже потеряла волю и отдалась нахлынувшим на меня волнам его ласк...

Когда он отпустил меня, я, пожалуй, только тогда осознала, что произошло... Мы, отвернувшись друг от друга, привели себя в порядок, после чего он, сказал: «Ну, пошли...» и больше за всю дорогу не вымолвил ни единого слова. Когда мы вышли на освещенную улицу, я не говоря ни слова, быстро пошла домой.

Я была страшно зла, зла на себя, на то, что не обернулась, зла на Ваську за то, что он воспользовался своей дикарской силой. Впрочем, по-честному говоря, я сама его спровоцировала, не желая того... Никогда не могла себе представить, что потерю девственность вот таким полуживотным образом – где-то в темном дворе с озверевшим от похоти парнем...

До меня только потом дошло, что дело может плохо кончиться... Это же позор какой! А мама? А Ксения? Каково это будет для них? Допрыгалась, «королева»! Отдалась, как Екатерина Великая, какому-то конюху!

Впредь будет наука!.. Только вот не дорогой ли ценой? Ну, да Бог не выдаст, свинья не съест.

Михаил. 1930. 20 июля

Я почти отошел, мои терзания кончились. Может, все и к лучшему: Наташа славная девушка, хотя после Кати... Да, все как-то не так! Но ведь должна же жизнь наладиться!

Безответной любви на всю жизнь не бывает, я в этом уверен. Да и зачем она: для вечных терзаний?

Но я уже почти успокоился, жизнь входит в свою колею. Наташа довольно часто находит возможности для наших интимных встреч, но происходит это только у нее дома, когда ее мама уходит во вторую смену. Все происходит теперь спокойнее, чем в тот первый раз, хотя ласки, которыми меня осыпает Наташа, по-прежнему беспредельны.

Я начал испытывать к ней ужасно теплое чувство. Это, пожалуй, больше, чем просто чувство благодарности за то, что она вытащила меня из пропасти.

Теперь теми вечерами, когда мы остаемся одни, мы уже можем поговорить о поэзии, о музыке, о живописи прежде, чем погрузиться в океан страстей.

Наташа открыла передо мной мир музыки, который был для меня доселе просто неведом. Она ставила мне на отцовском граммофоне пластинки с ариями из опер Верди, Чайковского, Мусоргского, Маснэ... Она удивилась, она была просто счастлива, что мне больше всего понравился Мусоргский, сказав, что обычно до Мусоргского доходят постепенно, что он сложен и полифоничен: «Всё-таки ты у меня замечательный, Мишенька! Мусоргского выбрал!»

Наши отношения для меня немного пугающе просты. Когда Наташа гасила свет, она становилась хозяйкой положения, она подсказывала мне, что и как делать. Я послушно выполнял все ее ласковые приказы, понимая, что она гораздо опытнее меня в вопросах любви.

Она показала мне много эротических книг, из которых она черпала свои познания. Книги эти стояли на самой верхней полке высоченного книжного шкафа красного дерева.

«Это мое Древо Познания» – прошептала она мне. Она сказала, что ее мама очень современная женщина, она считает, что девушка должна знать все про любовь, потому что тогда ей будет легче выжить в этой жизни. Родители не прятали от Наташи эти

эротические книги, хотя и держали их на самой верхней, недостижимой без стула полке, чтобы уберечь от посторонних глаз и рук приходящих друзей и соседей, хотя книги эти были все на французском, и вряд ли кто их мог понять.

Почти каждый раз, когда наша страсть потихоньку успокаивалась, мы перед приходом Зинаиды Николаевны пили чай, а я читал Наташе свои новые стихи, которые получались как-то сами собой, более того, я не мог их не писать. Она очень любила стихи о природе. Особенно она любила вот это стихотворение, написанное мною для нее:

**Уж было лето на излёте.
Стада страдали от жары.
Дуга лежали в позолоте
Недавно скошенной травы.**

**И в мареве, почти растаяв,
Поля звенели знойным звоном.
И аисты сбивались в стаи,
Готовясь к дальним перегонам.**

Катерина. 1930, 16 августа

Я начала работать, уже почти две недели, как работаю. Взяли меня ученицей-чертежницей в одно большое конструкторское бюро. Работа нудная, сидишь все время, согнувшись над кульманом, правую кисть сводит от постоянного напряжения – никак не могу научиться правильно и расслабленно держать рейсфедер. Еще труднее им работать, когда используешь лекало.

Зато у меня замечательный начальник – Илья Зильберштейн. Это удивительно светлый человек, с вечно смеющимися глазами. У него длинные, слегка выющиеся черные волосы, какие бывают у художников или музыкантов. Он всегда безукоризненно одет, даже нарукавники у него какие-то особенно элегантные. Иногда он подходит ко мне сзади, стоит и смотрит, как я черчу, потом наклоняется, берет меня за руки, будто обхватывая меня сзади, и показывает, как надо чертить. У меня в эти моменты аж сердце замирает!

Кажется, я в него по-настоящему влюбилась. И боюсь, что по мне это видно, потому что иногда я вся вспыхиваю и заливаюсь краской под его слегка насмешливым взглядом.

Но здесь, в отделе, это нормально. По-моему, в него влюблен весь отдел, состоящий поголовно из девушек и молодых женщин. Он и с другими чертежницами так же открыт, так же прост.

Он такой загадочный... Девчонки сплетничают о нем, рассказывают всяческие интимные небылицы. Откуда они это все берут? Он же ни к кому не пристает, у него никого нет. Это я точно знаю, просто чувствую своим женским чутьем.

А как он рисует! Одним движением руки, практически не отрывая ее от бумаги, он может нарисовать женщину в платье, идущую навстречу ветру, или старичка с тростью, придерживающего рукой шляпу...

Илья – удивительный парень! Все же мне везет: встретила такого хорошего и интересного человека!

А вчера он пригласил меня в наш оперный театр на «Прекрасную Елену» Оффенбаха. Это было замечательно! Я первый раз была в театре. Илья сказал, что наш Заволжский театр чем-то напоминает Мариинский театр в миниатюре, объяснив мне, что Мариинский в Питере и Большой в Москве – это лучшие оперные театры в России. Он сказал мне, что сам он из Ленинграда, как теперь называют Санкт-Петербург, что у него там остались друзья, о которых он очень скучает, и он мечтает поскорее вернуться обратно, только там трудно найти работу.

Вот мы и в театре: все блещет золотом, кругом нарядно одетые люди. Я в своем лучшем наряде выгляжу здесь Золушкой.

Мне все очень понравилось: и музыка, и сама история про Прекрасную Елену. Это не то, что скучный миф, который мы проходили по истории в школе, по-моему, еще в четвертом или пятом классе.

Мне понравилась оперетта: и музыка красивая, и танцуют и поют, и сюжет такой милый, к тому же про любовь.

После спектакля Илья проводил меня домой, шли через весь город, темно. Илья о чем-то увлеченно мне рассказывал, но я не слушала, я витала где-то в облаках. Потом само собой получилось, что я взяла его под руку. Он согнул руку в локте, и я почувствовала его сильные мышцы. Он продолжал говорить, как будто ничего не произошло, а я буквально вся растаяла...

Около дома он деликатно распрощался, склонив голову и поцеловав мою руку. На прощанье он сказал, что через две недели будут давать «Периколу» того же Оффенбаха, и он обязательно

пригласит меня еще раз.

Я растворилась в подъезде своего дома. Он не сделал ни шагу за мной в полумрак коридора, оставшись на улице. Я это оценила. Вот я-то была готова на все! Меня даже не пугало, что это подъезд моего дома. Я знала такое укромное местечко под лестницей на второй этаж, где никто никогда бы нас не увидел...

Должна сказать, что после того злополучного выпускного вечера многое сломалось во мне. С потерей девственности с меня спало бремя сдерживания *своих* желаний. К счастью, меня тогда «пронесло»! У меня пропал страх перед интимным общением, осталась только мысль о том, чтобы надежно защититься от возможных неприятностей. Мне даже хотелось теперь испытать то же, но с тем, кого *я* хочу. И кажется мне, что я встретила, наконец, того, кого я хочу... Да-да... Если признаться, я в Илью не на шутку влюбилась...

Елена Степановна. 1930, 17 августа.

Как мне помнится, завтра у Миши Макарова день рождения. Надо бы, чтобы Катерина пошла: ведь последние два года Миша приглашал ее, и она с удовольствием ходила. Встретила я как-то на днях Антонину Егоровну, Мишину мать, на ходу перебросились парой слов. Ну, о чем могут говорить матери? Конечно, о детях. Поговорили малость о Катерине и Михаиле, об их взаимоотношениях. Мне ее сын очень нравится, не похож на остальных шалопаев. Антонина, в свою очередь, похвалила Катю. Да вот что-то последнее время у них не ладится: не встречаются, Катерина давно про Мишу ничего мне не рассказывает.

Вчера он забежал, оставил записочку для Кати – той не было, кто-то пригласил ее в оперный на представление. Пришла она поздно, я уже лежала. Записку и посмотреть не стала – та так и осталась на столе лежать.

А сегодня вечером завела я разговор про Михаила, про его завтрашний день рождения. Она мне в ответ выпалила, что, мол, уже говорила мне, что взрослая и будет решать свою жизнь сама, что на Михаиле свет клином не сошелся и что-то еще и еще... А потом вдруг разрыдалась, бросилась ко мне в объятия и стала мне говорить, что она мне завидует, как мы с Арсением дружно и в любви жили, что она тоже хочет кого-нибудь полюбить вот так же...

Бедная девочка! Я ее хорошо понимаю: ведь хоть хороших людей и немало, но не ко всем сердце лежит. А без любви не проживешь... Вот мне моя прошлая любовь жизнь мою нынешнюю осве-

щает. Свыкнуться не могу с тем, что Сенички моего нет... Но все же, как подумаю, благодарю Господа, что оделил он меня хоть ненадолго такой любовью! Вот так и живу я светлыми воспоминаниями о нашей с Сеней любви. Грустно, порой невыносимо грустно, но в то же время эти воспоминания помогают мне жить, выживать...

Ладно, образуется все и у Катюшки, даст Бог!

Катерина. 1930, 29 августа

Вчера я наврала маме: сказала, что иду с подружкой в театр, а после театра приду поздно, загляну к ней на чаёк.

Встретились мы с Ильей недалеко от моего дома, сели на трамвай и поехали в оперный. «Перикола» была – прелесть, но это все ничто по сравнению с тем, что было потом...

После спектакля разговорились с Ильей, и я попросила его показать мне его рисунки. Кстати, мы с ним перешли на «ты», хотя он попросил в отделе продолжать формальные отношения на «вы», чтобы не пошли лишние разговоры.

Пришли мы к нему домой. Он отпер дверь, и перед моими глазами открылся длинный коридор коммуналки. Мы тихонько, даже не зажигая света, буквально прокрались до его комнаты, он ловко в темноте вставил ключ в замочную скважину, мы нырнули во тьму, он тихонько прикрыл дверь и щелкнул выключателем. Свет озарил небольшую комнатку.

Я первый раз была в доме у мужчины. Сердце вырывалось из груди от возбуждения и какого-то даже страха, но волнующее любопытство, интерес к Илье пересиливали этот страх. К тому же – сама напросилась!

Комната была опрятная и, видимо, уютная. В центре комнаты под лампочкой с маленьким красивым самодельным абажурчиком из ватманской бумаги стоял небольшой круглый дубовый обеденный стол на резных ножках в виде грифонов. В углу стоял тоже дубовый двухтумбовый письменный стол, на котором стояла элегантная зеленая настольная лампа, ножка которой представляла собой античную женскую обнаженную фигурку. Рядом с письменным столом стоял всего один легкий венский стул. На столе под лампой лежала стопка бумаги, как мне показалось, какие-то карандашные наброски. Справа от входной двери, вдоль стены стояла кровать с полукруглыми никелированными спинками. По другой стенке стоял красивый платяной шкаф с резными дверцами. Видно было, что Илья хоть и очень скромно живет, но комнатка его обставлена со

вкусом.

Илья, извинившись за неудобство, посадил меня на кровать, а сам пошел к письменному столу. Оказывается, я не ошиблась – на письменном столе действительно лежали рисунки. Он принес мне целую охапку и выложил все это мне на колени.

Рисунки почти все изображали обнаженных женщин, часть из них позировала, как мне показалось, на той самой кровати, на которой я сейчас сидела, часть – сидела верхом на венском стуле, обняв руками его спинку. Были и рисунки, изображавшие обнаженных женщин в парке под деревом на разостланном ковре, или женщин, выходящих из реки... Во мне невольно пробудилась острая женская ревность, сердце сжалось от боли и обиды: значит, не зря судачат бабы в отделе об Илье?

У меня, помимо моей воли, вырвался вопрос:

- И ты вот всех их раздевал и рисовал? А потом они были твоими любовницами?..

Он улыбнулся, встал, отошел к письменному столу, развернул стул, достал лист бумаги и карандаш, и, севши лицом ко мне, сказал мне: «Давай я и тебя нарисую!»

Во мне бурлило негодование. Я мечтала о нем, я не верила всей той грязи, которой его поливали в отделе женщины, а он... а он...

- Я не буду раздеваться! Я не такая, как те твои шлюхи!

- А не надо раздеваться, Катя! Ты выбери удобную для себя позу и посиди немножко неподвижно. Мне больше ничего не надо. Например, подбери ноги под себя и обопрись одной рукой о кровать.

Я успокоилась, мне даже стало неудобно, что я ему наговорила. Я, сбросив туфли, забралась с ногами на кровать и села, как попросил Илья. Он начал быстро рисовать, мельком взглядывая на меня, а в основном углубившись в свой рисунок. Минут через десять он протянул мне свой рисунок.

Я обомлела... На кровати, правда, украшенной каким-то балдахинном, сидела я – совершенно нагая! Меня буквально пронзило то, что моя грудь, именно моя грудь была изображена на рисунке! Я хорошо знаю свое тело, я люблю покрасоваться перед зеркалом. И я знаю, что женские груди все очень разные, это только под лифчиком все они кажутся одинаковыми безликими полусферами. А на рисунке Ильи я увидела именно себя! Я из-за этого прямо обом-

лела: как это он мог все так точно угадать через мою одежду?

- Ну, нравится? – Спросил он.

- Да... Здорово... И очень похоже...

- Видишь, и раздеваться не нужно было!

Он сел рядом со мной на кровать, стал перебирать свои рисунки, показывая мне те, что ему самому нравились больше. Он мне рассказывал, что черчение для него – это только средство для получения денег, что он очень хотел бы стать художником, да жаль, что время уходит. Он даже показался мне расстроенным, когда говорил это. Я его успокаивала и даже погладила по плечу. Сердце мое при этом билось в груди, как птица об решетку клетки...

Он повернулся ко мне, его глаза посмотрели на меня не как всегда, а с каким-то вопросом. Мне страшно захотелось его поцеловать, я приоткрыла губы, закрыла глаза и... он нежно-нежно поцеловал меня. Я не сдержалась и буквально впилась в его губы, я вся дрожала... Но он не стал, как все делали до него, набрасываться на меня. Он продолжал сидеть рядом со мной, обняв меня и отвечая на мой поцелуй, но не пытаясь со мной ничего сделать, как бы оставляя инициативу за мной.

Я совсем потеряла голову... Как бы помимо своей воли, увлекаемая какой-то внутренней волной, я упала на спину, увлекая за собой Илью...

Мы слились воедино, и это упорительное слияние продолжалось долго, вернее, я просто потеряла счет времени. И вдруг какая-то горячая молния пронзила все мое тело, я содрогнулась, внутри меня вспыхнул сладостный пожар... Потом всё затихло, силы покинули меня.

Он лежал рядом, потом повернулся ко мне и стал нежно ласкать меня своей рукой. Постепенно силы возвращались ко мне. Я открыла глаза, но чудесный сон все еще продолжался. На меня нашло какое-то умиротворение. Было впечатление, что я утолила нестерпимую жажду. Я была ему так благодарна за эти изумительные мгновения неопишуемого счастья.

Когда мы проснулись, уже светало. Я вскочила с кровати и кинулась быстро одеваться – нужно было бежать домой! Все мое тело приятно ныло, как будто я всю ночь переносила мешки с мукой...

Уже пошли первые трамваи. Скорее, скорее домой! Придется еще врать маме, что было поздно, и я побоялась одна воз-

вращаться домой и осталась у подружки с ночевкой. Нужно еще переодеться, а потом, сломя голову, мчаться на работу – опаздывать никак нельзя, с этим очень строго.

А зато там я опять увижу *моего* Илюшу...

Михаил. 1930, 27 ноября

Я живу теперь умиротворенной, размеренной жизнью. С Наташей все прекрасно, с ней интересно, она добрая, мягкая. Мне все время неловко, что она меня любит, любит сильно и может даже беззаветно, а я всё только еще стараюсь полюбить ее так, как она того заслуживает.

Как только выдается возможность, мы проводим время у нее дома. Каждый раз она очаровывает меня новыми «рецептами», которым выучилась по французским «кулинарным книгам». Казалось, что ее фантазии нет предела!

И все же, иногда меня захлёстывают воспоминания о Кате. Ее образ сразу заслоняет все. Опять какая-то тягучая грусть наполняет меня, я никого не хочу видеть, ничего не хочу делать... Эти грёзы о Кате уносят меня куда-то в заоблачные выси... Я начинаю мечтать о чем-то несбыточном.

Но тут возникает жизнерадостная, открытая, искренняя Наташа и увлекает меня обратно в реальную жизнь! Я благодарен ей за это, очень благодарен. С ней так хорошо, спокойно.

И все же я так ни разу и не сказал ей, что я ее люблю. Чего-то еще мне не хватает, чтобы быть в себе настолько уверенным, чтобы произнести это. Она каждый день в той или иной форме говорит мне о своей любви, я же, кроме того, что «мне с тобой очень хорошо», так ничего ей и не сказал!..

Но я верю, очень верю, хочу верить, что я по-настоящему люблю эту замечательную девушку...

Дайте только срок, все образуется! Все станет на свои места!.. Старые раны зарубцуются, и я о них вовсе забуду!

**Помолись Христу,
Магомету,
Будде:
Если любишь не ту
(Или вовсе нету) –
Будет!**

Катерина. 1931, 17 марта

Как много произошло за эти последние дни!.. Боюсь, что обо всем я и не смогу рассказать...

Илья бросил меня... Бросил трусливо, нагло. Но страшно не это, а то, что я оказалась оторванной ото всех близких мне людей, одна в чужом городе. Ну, ладно, все по порядку.

Почти полгода мы прожили с ним вместе, фактически, как муж и жена. Когда только можно было, я оставалась ночевать у него. Маме я сказала, что мне позволяют ночевать в молодежном общежитии около работы, пока одна из девушек уехала рожать к родителям.

Все было чудесно, Илья был внимателен, галантен и прочая, и прочая... На работе, естественно, никто из нас не подавал и виду, что между нами что-то есть.

В середине февраля он мне вдруг заявил, что уезжает в Ленинград. Я даже обрадовалась, сказав ему, что я давно мечтала уехать из Заволжска в Москву или Ленинград. На это он, как-то немного смутившись, ответил, что он думал поехать один, устроиться, а потом уже вызвать меня. Я запротивилась: «Как же я буду без тебя? Я не мыслю, как я смогу без тебя жить!»

Одним словом, он пообещал меня взять с собой. Когда я заикнулась о женитбе, он сказал, что это пока преждевременно. Все же я упростила его пойти и познакомиться с моей мамой. Я решила сказать ей, что мы с Ильей распишемся, и я как его жена, поеду с ним по месту его новой работы. На это он нехотя согласился.

Мама, конечно, расплакалась, когда узнала об этой «новости». (Врать я стала отменно, она ничего не замечает, да и всегда-то она была простодушна и доверчива!) Благословила она нас с Ильей, и вскорости мы уехали.

В Ленинграде мы с Ильей уже около месяца. Жить мы стали у какого-то его еще школьного друга, Якова, в маленькой темной без окон комнатке для прислуги. Благо, что платили мы за проживание мало. Вся квартира была большая, многокомнатная, принадлежавшая до революции какому-то богатому человеку. Сейчас же жило там, кроме нас, еще шесть семей. На кухне вечная толкотня и свара, в уборную почти всегда очередь. Словом

жизнь была не из сладких, и для меня все скрашивала лишь напаша с Илюшей любовь. Он работал где-то далеко, а я устроилась подсобной работницей в овощной магазин по соседству. Приходил Илья с работы обычно очень поздно, усталый и угрюмый. Мне его было очень жалко, но он не очень-то отзывался на мои ласки и утешения.

Но вчера, как гром грянул среди ясного неба: Илья заявил мне, что у него есть невеста, которая ждала его все эти годы, и что они уже подали заявление в ЗАГС. У меня пропала даже способность говорить, я сидела на стуле, буквально не понимая, что же произошло.

- Ну, вот молодец, что не устраиваешь сцен... – сказал Илья. – Ты же понимаешь, это жизнь. Ты хорошая девочка... Но ведь я же никогда не обещал на тебе жениться... А моя невеста ждала меня несколько лет, ее родители и мои – друзья с самой юности.

- При чем здесь чьи-то родители?..

- Понимаешь, мы с ней обручены, мы любим друг друга давно, уже лет шесть.

Он промолчал. Я спросила его:

- А как же я?..

- Не беспокойся, можешь продолжать жить здесь. Я уже заплатил Яше за месяц вперед. И вообще, если тебе будет трудно с деньгами, я тебе одолжу.

- При чем здесь деньги? При чем здесь «одолжу»?! Я ради тебя бросила маму, свой дом, а ты меня теперь вот так просто покидаешь? А как же напаша любовь?..

- Прости меня... Но ты так настаивала, что у меня не хватило сил отказать тебе... Прости, прости, Катюшечка...

- Не смей, не смей называть меня теперь так! Я тебя ненавижу! Ненавижу! Забирай свои манатки и катись к чертовой матери! Я тебя видеть больше не желаю!..

Я разрыдалась, бросилась на кровать и зарылась лицом в подушку... Я не слышала, как он ушел. Я пролежала будто в забытьи до глубокой ночи. Очнувшись, я дождалась утра и бросилась на почту отправить маме телеграмму...

Елена Степановна. 1931, 19 марта

Чужало мое сердце, что с Катериной будет что-то неладно!.. Не понравился мне этот ее Илья! Ведь прошло не больше месяца, а уже разошлись. Как говорят, поматросил и бросил... Да еще к тому же Катерина меня обманула, никакой он ей не муж. А этот наглец посмел еще явиться передо мною!

Нет, я просто не верю своим глазам:

МАМА Я ОБМАНУЛА ЗПТ ИЛЬЯ МНЕ НЕ МУЖ ТЧК ОСТАЛАСЬ
ОДНА ВЫРУЧАЙ ТЧК АДРЕС ЛЕНИНГРАД ШЕСТАЯ ЛИНИЯ ВАСИЛЬЕВ-
СКОГО ДОМ 14 КВ 27 ТЧК КАТЯ

Что же мне-то делать? Послать денег на дорогу? А вдруг она уже в положении? Поехать самой? А чем я ей там помогу? Господи, и позор-то какой! Но, тем не менее, надо выручать свое дитя неразумное... Что делать? Что же делать?..

Ну, конечно, конечно же! Нужно Мишу Макарова спросить, они ведь дружили, может, он что-нибудь придумает! У него голова светлая, чай, и совет даст толковый, я-то совсем голову потеряла...

Пойду, пойду к Макаровым немедля же!..

Михаил. 1931, 19 марта

Сегодня вечером к нам пришла Катина мама, вся заплаканная, голос опять почти пропал. А ведь начала было совсем нормально говорить, вот толькопеть не могла.

Рассказала про страшную Катину судьбу... Это я, я во всем виноват! Я отвернулся от нее, я ее не уберег от несчастья... Оказывается, она еще месяц назад сбежала из дома с каким-то здепшим негодяем в Ленинград, где тот ее бросил одну, без средств к существованию, безо всего.

Как я виноват перед ней! А теперь еще вдрызг запутался с Наташей... Наташа такая хорошая, мне так не хочется делать ей больно. А ведь получается, что я ничем не лучше этого Катиного совратителя! Ворочается, ворочается во мне подленькая мыслишка, что это, мол, Наташа сама меня вовлекла в наши отношения! Но у меня же есть своя голова на плечах! В таких делах ответственность всегда лежит на мужчине. Я чувствую, что Наташа во мне души не чает, я вижу, какой она добрый, искренний человек! А я – подлец...

Но что же делать? Ведь Катю надо спасти! Наташа – сильная, она выживет. А Катя – погибнет. Наташа дома, с родителями. Да и найдет она другого, лучше меня. А Катя сейчас нуждается в моей помощи, в моей поддержке. Ее надо спасти!

Я поеду в Ленинград. Я найду там работу, я буду поддерживать Катю и помогать ей. Пусть она пойдет учиться, придет в себя, опять обретет силы. Я тоже пойду учиться. Может, так и случилось, как я когда-то глупо мечтал, чтобы с Катей случилось несчастье, и я оказался единственным в мире, кто ее спасает. Я должен завтра же ехать в Ленинград. Я успокою Катю, я сделаю все, что могу. А потом мы поженимся и проживем нормальной счастливой жизнью. А без нее мне все равно не жизнь!

Завтра же я еду в Ленинград. Покупаю билеты и еду в Ленинград. Моя мама меня поймет и поддержит, я уверен. Надо пойти и сообщить о моем плане Елене Степановне.

Ах, Катя-Катенька! Катериночка моя любимая!

**Я люблю Тебя... Ведь Ты –
Воплощение мечты,
Жизнь без чувства пустоты – это Ты,
И над пропастью мосты – это Ты,
В зиму вьюжную цветы – это Ты,
И сиянье красоты – это Ты...
Я люблю Тебя: ведь Ты –
Воплощение мечты...**

Городская соната. Интермеццо: ЛЕНИНГРАД

Санкт-Петербург...

Петроград...

Ленинград...

Снова Санкт-Петербург, но уже без «твердых знаков» и без того аромата очарования, который мы ощущаем в описаниях этого города до-революционными русскими писателями от Пушкина до Достоевского...

Да, да, я не оговорился, до Достоевского. Может показаться, что у Достоевского показан только погрязший в бедности и суете мрачный город, но на самом деле вы всегда ощущаете, что Петербург Достоевского потому так и страшен своей страшной обыденностью, что за ним, как в тумане, проявляется тот, другой Петербург.

Не любить Петербург нельзя... Его можно даже и ненавидеть за мерзкую осеннюю до костей проникающую промозглость, за свирепость пронизывающего зимнего ветра, дующего с Финского залива, но – однако же – не любить при всем этом его нельзя! Так же, как можем мы прощать любимому человеку порой и неоправданную резкость, и ненароком сказанное грубое слово, продолжая его любить и даже не помышляя об иной жизни, с иным мягким и душевным, но нелюбимым человеком. Точно так же нельзя забыть или поменять на что-то другое этот суровый, но удивительно прекрасный город.

Может, именно на контрасте с теми неприятными часами холодов и дождей начинаешь так бережно и любовно относиться к редким минутам выпавшего солнечного счастья!

Вспомните лето в Петродворце! Если вас и захватит ненароком насмешливый прибалтийский дождичек, насыпав вам за шиворот пригоршни холодных капель, то потом выглянувшее из-за туч солнце вновь приласкает, обогреет, как бы извиняясь за проделки нежданного дождя.

А Летний Сад с его скульптурами, освободившимися от гнёта тюремных ящиков, защищавших их от долгой петербургской непогоды!

А Александрийский Столп с его ангелом, вознесшим крест в высокое поднебесье!

А бирюзовый Зимний Дворец, смотрящийся в Неву наподобие Нарцисса, и не могущий, как и Нарцисс, налюбоваться на свою красу!

А Исаакий, закрывающий своей гордой золотой главой полнеба! А Петропавловская Крепость, отражение шпиля которой вьется по воде бесконечной змейкой, если Нева только не покрыта чешуей ряби!

А горбатые мостики через Мойку и Канал Грибоедова!

А порывистые Клодтовские кони на Фонтанке!

А Медный Всадник, этот запечатленный навеки миг: рвущийся ввысь непокорный конь, оседланный Великим Творцом всего этого великолепия!

Да что говорить! Можно ли перечислить все красоты, все милые сердцу места в Петербурге?

Но и среди этих незабываемых памятников, меня всегда неумолимо влечет к самой Неве... И непонятна мне эта притягательная магия

этой серой северной красавицы, вроде и нет в ней ничего особенного, а какое-то трепетное и в тоже время щемящее чувство охватывает тебя, когда ты идешь по набережной. Что-то похожее на состояние влюбленного, у которого любовь еще не удалась, а может, и не удался вовсе.

Может, это свинцово-стальная вода навевает такие грустные лирические мысли? А может, это только мое, субъективное ощущение? Бог его знает!..

Я любил белыми ночами бродить по городу, не выбирая направлений, идя, куда Бог на душу положит. Но как-то получалось, что вечно меня приводило к одному и тому же месту – к Сфинксам. Я садился на ступени между ними и всматривался поочередно в их загадочные лица. «Загадочные Сфинксы» – это уже стало общим местом, кто только про это не писал! Но все ли писавшие про это пытались всмотреться в этих двух Сфинксов-близнецов? Все ли пытались безмолвно пообщаться с ними? Все ли узрели, что при всем своем сходстве оба эти Сфинкса различаются характерами, таинственными улыбками, колдовскими взглядами?

Я могу сидеть рядом со Сфинксами часами, и каждый раз, когда я прихожу к ним вновь, я нахожу в каждом из них что-то новое, ранее неувиденное или незамеченное. А когда я уйду, чтоб побродить еще, я не огорчаюсь: я знаю, что ноги сами приведут меня сюда же, если не через час, так через два, три...

А Нева у ног там так близка, ступени спускаются почти до самой поверхности воды. Вода, при всей своей кажущейся суровости, беззлбно плещется о каменные ступени, и легкие фонтанчики брызг почти достигают твоих ног.

Я не люблю толчеи на Невском. Эти люди, куда-то постоянно спешащие, как муравьи на своей тропке перед грозой, усталые и даже угрюмые лица, серые под цвет небу одежды... Впечатление, что в воздухе живет обида молодой красавицы на дряхлую Москву, вновь вырвавшую престиж столицы у северной жемчужины...

Я никогда не понимал, почему это так, списывая все на климатические условия. В конце концов, вон в Европе в каждом государстве сколько равных по красе и значимости городов, которые живут сами по себе гордо и независимо. И оттого, что какой-то из них называется столичным, остальным вовсе не хуже!

Может, эта ревность двух Российских столиц и впрямь исконно русское явление? Ревность эта напоминает мне, древний миф о том, как греческие богини соперничали друг с другом перед Парисом, жаждающая получить золотое яблоко за высшую красоту.

Я не знаю, я не знаю... Каждая из Российских столиц по-своему

хороша: одна – это невиданной красоты антикварный перстень, вторая – подернутое патиной истории медное кольцо с ярким бриллиантом в скудной оправе...

Жаль, конечно, что город со временем приходит в упадок, скудеет из-за отсутствия должного внимания властей, из-за отсутствия необходимых средств на поддержание уникальной архитектурной красоты... А время жестоко делает свое дело, внося одно разрушение за другим, незаметно, понемногу, но неумолимо...

Но пора уже опять возвращаться к нашим героям, которые оказались в этом самом замечательном городе – Петербурге, извините, Ленинграде...

Михаил. 1931, 6 апреля

Сегодня самый счастливый день моей жизни – Катя стала моей! Мысли мои сбиваются от переполняющих меня чувств, но расскажу все-все по порядку.

Двадцатого марта с самого раннего утра я послал Кате телеграмму:

СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ ВЫЕЗЖАЮ ЛЕНИНГРАД ЖДИ ТЧК МИХАИЛ

Но, черт бы их побрал, в тот день не было прямого поезда на Ленинград, пришлось взять билеты на следующий день и послать новую телеграмму:

СЕГОДНЯ НЕГ ПОЕЗДА ЗПТ ВЗЯЛ БИЛЕТЫ НА ЗАВТРА ТЧК МИХАИЛ

Катю я нашел быстро: оказалось, что надо было пройти всего-навсего от Московского вокзала по Невскому до Невы, там – через Дворцовый Мост на Васильевский Остров, а потом налево по Набережной Лейтенанта Шмидта и через несколько кварталов – направо. С моим небольшим вещмешком достичь того места не представляло никакой трудности.

Наконец, я отыскал дом, в котором жила Катя, и стал подниматься по лестнице. Найдя нужную дверь, которая оказалась незапертой, я вошел и спросил одну из попавшихся на глаза жилищ, где я могу видеть Екатерину. Мне было указано на дверь в кон-

це коридора, я подошел и постучал. Катя открыла дверь и, увидев меня, со слезами бросилась мне на шею:

- Мишенька, родненький! Как хорошо, что ты приехал!.. Мне так плохо... Ты прости меня, это я во всем виноватая...

Утешая ее, я ввел ее в комнатенку – иначе и не назовешь это убогое жилище – и притворил дверь. Катенька продолжала горько плакать, не прекращая, я никак не мог ее успокоить. Потом, наконец, она утерла слезы, пошла на кухню поставить чайник, чтобы напоить меня с дороги. Оказалось, что у нее к чаю ничего нет, кроме нескольких кусочков сахара. Я быстро сбежал, купил в ближайшей булочной пару саечек и принес их. Хорошо, что чай не успел остыть, а то соседи начали бы ворчать, что Катя подогревает тот же чай второй раз.

Попив чая, мы сидели допоздна, разговаривали, я всячески успокаивал Катю, уверял, что все плохое и страшное позади, что теперь все будет хорошо.

Пора уже было укладываться спать. Я расстелил на полу свое демисезонное пальто, которое мама перешила мне из старой шинели моего отца, положил под голову свою котомку и лег. Катенька погасила свет и легла на свою кровать. Спустя какое-то время она сказала:

- Мишенька, тебе там, на полу, наверное, и холодно, и жёстко. Иди сюда, мы уместимся на кровати вдвоем: ляжем «валетом», ни ты мне, ни я тебе не помешаем, кровать большая, полугораздпальная...

Я, как был – одетый, перебрался на Катину кровать, лег к ее ногам сверх одеяла, накрывшись своим пальто. Сердце у меня замирало от близости ее тела, от одной мысли, что я лежу с ней на одной кровати. Я лежал, не шевелясь, будто боясь спугнуть это чудо.

- Мишенька, ты еще не спишь?..

- Нет...

- Я что-то прямо окоченела...

С этими словами она развернулась и легла рядом со мной, уже голова к голове. Потом, повернувшись ко мне свое лицо, прошептала:

- Я так тебе благодарна за все... Ты такой добрый... Я так тебя люблю...

Она обняла меня вокруг шеи, прижалась к моему плечу и снова зарыдала. Плечи ее тряслись, она сдерживалась, но от этого ее рыдания только усиливались. Я приподнялся на одном локте, стал гладить ее шелковистые волосы и успокаивать, говоря ласковые слова и называя ее такими именами, какими никогда еще до этого не называл. Я ее целовал и целовал – в щеки, в мокрые от бурных слез глаза... Вдруг она открыла свои заплаканные глаза, и опять прошептала:

- Я так измучилась... Мне никто, кроме тебя, не нужен... Обними меня покрепче...

И я впервые потерял голову, мои руки обвили ее тело, я шептал ей какие-то ласковые слова, она мне шепотом что-то отвечала.

...Она отдалась тихо, ласково. В ней не было того дикого ошеломляющего натиска, который был у Наташи. В Кате было что-то возвышенное, неземное. Я старался делать все нежно, потихоньку, чтобы не сделать ей больно или неудобно. Нет, это невозможно описать словами! Разве может что-либо сравниться с первым обладанием желанной женщиной?

Я был даже рад и благодарен Кате, что не было никаких бурных ласк, ненужных слов. Я именно этого и хотел, именно этого и ждал: тихой и нежной – святой любви!

**Я жду, когда настанет вечер,
Чтоб погрузиться в грёзы таинств...
Я обниму тебя за плечи
И в поцелуях губ расту...
И пусть мерцают бледно свечи.
Ты – здесь, возвышенно простая.
И отплатить мне просто нечем
За все, что в сердце нарастает ...**

Катерина. 1931, 6 мая

Прошел месяц с той первой нашей ночи с Михаилом. Он уже утром тогда сказал мне, что после того, что произошло с нами, он хочет, чтобы я стала его женой. Я всегда предполагала, что у него серьезные намерения по отношению ко мне, но, тем не менее, это было для меня немного неожиданно.

Я согласилась, но сказала, что не могу жить в этой тру-

побою, с этими злыми соседями, в этой грязи. Вот переедем куда-нибудь, а тогда распишемся и начнем новую жизнь. Миша согласился, сказав, что он все организует как можно быстрее – найдет новое жилье, устроится на работу и будет учиться, меня тоже пристроит учиться куда-нибудь, а тогда мы и поженимся официально.

За этот месяц – всего за месяц! – он все устроил, как и планировал. Живем мы в небольшой трехкомнатной квартирке, где хозяйка-старушка сдает нам одну из комнат. Сын ее со своей женой работает где-то в Москве по вызову из какого-то важного учреждения.

Милая эта старушка очень полюбила Мишу, да и не мудрено: он ей все в квартире наладил, где молотком подстучал, где гаечным ключом подвинтил – руки у него золотые.

Сегодня сходили в ЗАГС и расписались. Вот я и мужняя жена! Теперь уж маме за меня краснеть не придется даже и случись что!

Да и Миша моей маме очень нравится. Он и действительно очень хороший парень! И хозяйственный, и умница. И меня любит без памяти: уж месяц до ЗАГСа жили, как муж и жена, а он и по сию пору млеет, когда я руку ему на плечо положу, да грудью чуть-чуть прижмусь...

Конечно, иногда я вспоминаю, как меня буквально опшаривало кипятком, когда я была с Анатолием, а особенно с Ильей... У-ух! Аж мороз по коже пробирает! Сейчас все другое: спокойное, мирное, но зато надежное.

Ничего, ничего. Вот успокоится все, наладится, глядишь, и из Мишки мне удастся слепить нормального мужика! А то все оберегает меня, как фарфоровую статуэтку, лишний раз не обнимет, лишний раз не поцелует. Может, чувствует, что я-то сама не горю пламенем ярким? Но что же поделывать? Хотела бы, да не получается пока.

Ну, да наверное, не зря говорят, что время – лучший лекарь!..

Михаил. 1931. 7 мая

Сегодня мы с Катенькой моей были в ЗАГСе. Теперь она моя жена! Даже поверить в это не могу! Неужели сбылась мечта моей жизни?..

Вчера она решила отметить наш «первый юбилей», как она

сказала: прошел ровно месяц с нашей первой ночи... Вечером мы устроили праздничный чай, даже позвали хозяйку нашу, Пелагию Трофимовну, она посидела с нами минут двадцать, а потом покинула, сказав, что, мол, «ваше дело молодое, небось, и полюбитесь хочется».

Когда она ушла, мы, и правда, довольно быстро легли. Ночь была длинная, я не мог оторваться от моей Кати. И она была такая нежная, тихая, какая-то одухотворенная.

Почему же я себя с ней чувствую так скованно? Может, это от того, что я ей изменил с Наташей? Но ведь в это время и она была не одна... Но в Наташе я чувствовал тело, а здесь для меня главное – душа... Хотя иногда я и с Катей голову совершенно теряю, становлюсь смелее, тогда, мне кажется, и она начинает вести себя по-другому.

Да беда вся в том, что только лишь во мне просыпаются плотские, телесные желания, когда я с Катей, перед моими глазами возникает образ Наташи. Это прямо наваждение какое-то! Не надо, не надо мне было поддаваться Наташиным чарам, тогда и с Катей в постели все было бы хорошо...

Но, в конце концов, что такое постель? Разве мало быть каждый день рядом с любимой женщиной? Думать о ней, боготворить ее? Знать, что она твоя, твоя навеки?

Как я безумно люблю Катерину!

Ты – словно солнца луч.
Ты – словно ветра теплого касанье.
Ты – словно небо ясное без туч.
Ты – будто бы волшебное сказанье...
Ты в небе жизни,
Будто Млечный Путь...
Загадка и разгадка...
Жизни суть!

Катерина. 1931. 31 мая

Вот и началась размеренная семейная жизнь... До сентября работаю, а потом Миша сказал, что поможет мне устроиться куда-нибудь учиться. Не знаю вот только куда?

Михаил работает на двух работах. Взяли его в какое-то фо-

тоателе, он говорит, что там им довольны, даже не прошло месяца, как дали надбавку к жалованью, чтобы не подумал уйти. Пригодился его заволжский опыт. А по утрам он еще ходит на пристань что-то грузить-разгружать. Благо, что это не очень далеко. Изматывается, как лошадь, но все время бодрый, счастливый. Меня все время готов на руках носить, а вот к ночи становится какой-то опять замороженный. Может, устает за день слишком?

И чего люди так рвутся к этой семейной жизни? Каждый день одно и то же – встала рано утром, побежала не работу, с работы в магазин, из магазина – к плите, от плиты – к столу, от стола в кровать... Да и ежедневная постель – это тоже не удовольствие, а обязанность, почти работа! Утром встаю из холодной постели: Михаил уже ушел... И опять начинается эта круговерть!.. И так день за днем, день за днем!

Попросила Мишу, может легче нам будет, если мы мою маму с Ксенькой выпишем к нам. Он сразу же согласился. Он все мои капризы готов выполнять. Конечно, он отличный парень! Полюблю я его, полюблю, обязательно полюблю! Где другого такого сыскать?

Миша уже ходил к хозяйке, поговорил с ней. Та даже обрадовалась: она хотела еще квартирантов искать в оставшуюся свободную комнату: сына ее еще на неопределенный срок в Москве задержали. А тут так здорово для нее получилось! Так что о комнатке для мамы с Ксенькой уже все договорено.

Елена Степановна. 1931, 12 июня

Вот мы с Ксенией и в Ленинграде. Сборы были недолги. Что нам особенно собирать-то? Миша прислал длинное письмо с приглашением и объяснением ситуации. Я к этому уже была готова: Катя писала мне, что есть у нее такое желание, да вот все никак не решается спросить у Миши разрешения на наш переезд. А тут не только письмо, но и телеграмму отгрохал, написал, что он уже и задаток хозяйке дал, чтобы она комнатку другим не сдала. Вот мы и приехали.

Смешно сказать, из всей «мебели» привезли только семь мраморных слоников «на счастье». Мне их когда-то Сенечка подарил, поэтому дороги они мне очень.

Хорошая квартирка, комнатки уютные. Нам с Ксенией Миша выделил комнатку побольше, но зато это одновременно и общая

столовая. На первый же семейный обед позвали хозяйку, Пелагию Трофимовну, славную такую старушку. Говорит, что сын у нее какая-то важная «шишка» в Москве. Ей так понравилась моя готовка, что она спросила меня, не могу ли я еду готовить и на нее. Так у меня появилась «нахлебница»! Это удобно – все равно на семью готовить. А она за это немного квартплату скостила. Вот и я свой вклад внесла!

Катя с Мишей живут ладно, дружно. Катерина переменялась, стала внимательной, предупредительной. Вот что значит – жизнь потрепала!

Миша работает без усталости. Бедняга, на него еще два рта свалилось! Но он настаивает на том, чтобы Катя через полтора месяца пошла учиться. Как он тогда-то будет тянуть ляжку один? Две девки будут учиться, а я дома – сидеть... Ну, да я что-нибудь придумаю: буду в пошивочной мастерской работу на дом брать, может, хоть квартплату покрою. Шью я вроде бы хорошо и быстро, машинку швейную с собой захватила – единственное приданное, какое было за мной!..

Всё уладится! Главное, что у Катерины жизнь не растоптана, спасибо Мише!

Времена года: МОЛОДОСТЬ

«Ах, лето красное, любил бы я тебя...» Что за «бы»? Лето нельзя не любить! Восхитителен весь этот плавный переход от расцветшей до одури весны в осторожное еще раннее лето, в май, который безумствует цветением всего и вся! Белоствольные березки в свежем ярко-зеленом наряде стоят по кромке леса, как девки на выданье. Клены и осины тоже покрылись зеленью, но их зелень гуще, темнее, чем у берез. Даже вечно зеленые, а потому и никогда не молодые, ели и сосны выпустили стрелочки новых девственных побегов.

И кругом это стрекотание, посвистывание, жужжание...

А видели ли вы зависшего, как сказал поэт – «между небом и землей» – жаворонка, изливающего из поднебесья свою нехитрую, но волнующую песенку?

А вечерние безумства соловья, который притаился где-то в кустах

и выдает удивительные трели, выделяет такие коленца, что и не всякому даже опытному флейтисту по плечу, а потом зацокает, помолчит, зацокает, опять помолчит, и вновь зальется... Только и слушай его, забыв обо всем на свете...

А летние грозы? Нет, не те, Тютчевские, что в начале мая. Майская гроза – это еще не песнь, а только проба голоса. А вот те грозы, что в середине июня или в начале июля. Вот они – удивительнейшее явление природы нашей средней полосы России. Вроде тишь да гладь, да Божья благодать... Небо бирюзово, солнце буйствует. Вдруг, будто полчища Батыя, на невинно-голубое небо неведомо откуда напоздает темная аж до черноты туча. Вот оно заволакивает уже все небо. Становится душно, и небо давит тебя своим свинцовым грузом.

И вдруг, откуда ни возьмись – ветер. И вот он уже безумствует, устраивая игрушечные смерчи, которые поднимают в воздух сухие былинки, обрывки каких-то бумажек, а более всего пыль. Начинается какой-то ведьмин шабаш! И вот уже все небо заволокло, стемнело, будто уже и вечер подступил... Но вот словно по взмаху невидимой дирижерской палочки все мгновенно затихает. Тишина наступает необыкновенная, и все замирает вокруг в ожидании чего-то невиданного... И вот тут-то, ослепляя все и вся, длиннющая молния распарывает небо пополам. Раздается громище, да такой, будто вся Земля раскололась надвое. И тут же, будто дождавшись условного сигнала, начинают падать с небес огромные с вишню величиной капли. Они падают сначала редко, но ритм их ускоряется и вот уже льет, льет действительно, как из ведра! Если вас первая капля застала метрах в двадцати от укрытия, то этот потоп небесный вымочит вас до последней ниточки за какие-то считанные секунды!

Но потом так же вдруг неожиданно, как началась, гроза и перестает, оставляя после себя мокрую в лужах землю и удивительный запах в воздухе – запах земли и свежести... Да-да, именно **запах свежести!**

А злая туча, которая оказалась вовсе и не злой, а так... Просто опереточной ведьмой. И мчится она дальше, оставляя за собой шлейф безукоризненно бирюзового неба, на котором вот уже опять во весь свой рот улыбается нам солнце...

А тихая радость грибного дождя? Теплынь, светит солнце, и неизвестно откуда на тебя изливается, нет, не изливается, а сыплется мелкая-мелкая изморось дождя. И тепла тела твоего оказывается достаточным, чтобы тут же высушивать тонкую пелену влаги, упавшую на твою рубашку. И от такого дождя вовсе не хочется прятаться, скорее наоборот, хочется выйти и подставить лицо свое под ласкающие водяные пылинки.

И обычно тут же, или же немного спустя, можно увидеть огромную, в полнеба радугу, а если повезет, то и двойную радугу – красавицу,

каких свет не видывал! И ты стоишь сопричастный этому чуду, и чувство в груди такое, будто это именно тебе досталось это видение, это твой талисман, это тебя зовет радуга далеко-далеко, за горизонт и обещает тебе в твоей жизни что-то необычное, неповторимое...

Верьте, верьте радуге! Верьте любому хорошему знаку в жизни! Поскольку именно вера в себя, вера в то, что тебе подвластно все, что ты можешь завоевать все, что захочешь, вера в успех – именно это и приведет вас к успеху и радости. Не тот выплывает в бурном океане жесточайшей повседневной жизни, кто хоть и умеет плавать да возлагает надежды на одну лишь ирреальную Божью помощь, а тот, кто не сдается, ожесточенно борется с волнами, и выплывает из пучины, веря в свою счастливую звезду, в свою земную радугу.

Но все своим чередом, своим разумением: где один видит красоту неземную и переполняется восторгом, там другой смотрит на мир с безразличием, как бык-дальтоник, которому все едино – что-то серое и безликое; где один паникует, предвидя непреодолимые сложности, другой спокойно берется за дело и преодолевает все на свете; где один видит во всем только черную краску и уныние – «Жизнь, мол, не удалась, да и вообще, что такое жизнь?» – думает он, там другой радуется каждому мигу этой так быстро летящей жизни...

Да, хороша была весна, но прошла. Так куколка кончает свое существование, превращаясь в яркую и сильную бабочку. У бабочки своя новая судьба – она парит, порхает, перелетает с цветка на цветок, радуясь тому, что цветы эти есть...

**Да, цвела весна рассветом,
Но прошло, прошло всё это...
В пышных красках буйство лета!
Но пройдет, пройдет и это...
В этом мире все не вечно.
Только время бесконечно.**

Михаил. 1931. 20 сентября

Я так себе всё и представлял! Трудная, но счастливая жизнь. Каждый день – Катя, ее глаза, ее улыбка, ее нежные руки...

Очень хорошо, что приехала Елена Степановна: она замеча-

тельная женщина – умная, добрая, все понимающая. Трудно теперь даже представить, как мы обходились без нее! В доме идеальный порядок, всегда готов вкусный обед...

И Ксеничка – прекрасная девочка, смысленная и трудолюбивая! Учится хорошо, иногда я помогаю ей с уроками, но обычно она обходится сама. Всегда я мечтал о младшей сестренке – вот и появилась!

Работаю я много, на двух работах и еще учусь в военном училище. Без образования сейчас нельзя. Работал я сначала в фотолаборатории этого училища. Дело мне знакомое, меня заметили, даже очень быстро повысили в зарплате, а также посоветовали поступить в то же училище учиться. Это удобно – не надо тратить времени на дорогу: кончил работу – садись за парту! А еще одна работа тоже привычная: по утрам работаю грузчиком. Зарабатываю достаточно, так что без ущерба для своей семьи даже ежемесячно отсылаю немного денег маме в Заволжск. Ну, конечно устаю, как собака, ну да это все ерунда! Главное, что у меня своя семья, свой дом... И Катенька со мной! А чего еще желать?

Катя учится в инженерном техникуме, дается ей легко: математику она любит, а азы черчения уже знает. По-моему, она совершенно пришла в себя после всех потрясений, которые выпали на ее долю.

По выходным мы всем семейством гуляем по городу. Красивейший город! Люблю я Заволжск – это место, где я провел детство и юность, это моя родина. Но Ленинград своим величием меня просто околдовал. Стихи во мне зреют, но честно говоря, так наматываюсь за день, что сесть со своей тетрадкой просто некогда.

Живем мы, хотя и трудновато, но дружно и даже весело. Всё семейство Белых – просто замечательное! Так я себе и представлял семью... И какое счастье:

Катя – со мной! Что может быть лучше этого?

**Полусумраком согретьй,
Я к тебе ужасно близок.
За дымком от сигареты
Ты с улыбкой Моны Лизы.**

**Улыбаешься глазами –
Мрамор серо-голубой.**

Мы пока что не сказали,
Что так важно нам с тобой.

Тонких пальцев дрожь и холод
Я в ладонь свою ловлю.
Мир, как надвое расколот
Тем, что я тебя люблю...

В половине – только ты,
Остальное всё – в другой...
Так сбываются мечты,
Обретается покой...

ЧАСТЬ 2

Елена Степановна. 1932, 22 августа

Сегодняшний разговор с Катей поверг меня в отчаяние. Я-то думала, что у них с Михаилом дружная, хорошая семья, а тут выясняется, что Катя, оказывается, его не любит...

У нас с ней давненько не было такого откровенного разговора по душам. Уж, пожалуй, с ее детства, когда она любила ластиться ко мне и верить свои девчачьи тайны. А потом наступил этот «грудный» возраст, когда она, как, наверное, и вообще все дети, стала отчуждаться, болезненно реагировать на мои замечания и советы. Ну, я и перестала, как она говорит, «вмешиваться в ее личную жизнь».

А сегодня, когда Миша ушел на свою вечернюю учебу, она подошла ко мне, села рядом, ткнула меня щекой в плечо и молчит. Я ее погладила по головке, как маленькую. Смотрю у нее глаза слезами налились, чуть сдерживается, вот-вот зарыдает. Я молчала, боясь нарушить то состояние редкого единства матери и взрослой дочери. И тут она сама раскрылась мне, как на исповеди. Рассказала мне и про Анатолия, и про Кирилла, и про Василия... А потом уж и про ее роман с Ильей, где она сама была во всем виновата – она мне так и сказала. Много и восторженно говорила она про Михаила, но тут разрыдалась и долго не могла успокоиться:

- Мама! Мамочка! Ну, что я с собой могу поделать: нет у меня к нему чувства! Не испытываю я трепета от его ласк, да он и ластись-то по-настоящему не умеет. Грех сознаться, что я без ненависти вспоминаю Илью, который так подло бросил меня. Но ведь я сама настаивала на том, чтобы уехать с ним. Да и грехопадение мое состоялось с ним по моей, нежели по его воле...

- Не горюй, доченька! Жизнь – сложная вещь... Мало у кого она складывается безупречно, а может, и вовсе ни у кого...

- Но ведь вы-то с папой жили душа в душу! Все только радовались, глядя на вас!

- Ох, доченька... Не говорила я тебе никогда и, наверное, не сказала бы, если бы не этот наш разговор... Да, любил ме-

ня Сенечка... Но по-своему... Он ведь изменял мне, как кобель какой! Сколько слёз я своей подушке доверила, сколько ночей бессонных провела! Хотела и сама ему изменять начать, но не смогла: все мне были противны, непривлекательны и глупы. Да и найди умного и красивого – все одно: на сердце будто замок висит. Я ведь однолюб-ка...

- И ты его прощала?! Как ты могла?

- Любишь – простишь... А любила я его беззаветно, беспмятно... Потому и мучилась. Да и он каждый раз после очередного согрешения каялся, умолял простить, плакал, как ребенок, клялся в вечной любви. Понимала я, что природа у него такая: он и уйти от меня ни к кому никогда не уйдет, и без флирта прожить не может! Мужикам ведь проще – им не рожать и детей не нянчить... А ведь приходила ко мне одна, видите ли, забеременела от него! Что ее на аркане к нему тянули что ли? Сказала я ей тогда: «Иди, милочка, говори с Михаилом сама, если он, действительно, ко всему, что ты тут порассказала, причастен. Я его не неволю. Захочет – пусть к тебе уходит!»

Но ты отца не осуждай: для вас с Ксенией он был замечательный отец! А всё это его баловство... Ну, кто не без греха?

- Мамочка, родная, а мне-то что делать? Мне иной раз даже кажется, полюби Михаил кого, мне на душе спокойнее будет!

- Не горюй, не горюй, моя доченька! Стерпится – слюбится...

- Да я уже пыталась себе это внушить! А что как не стерпится? А что как не слюбится? А жизнь-то одна! Так что же, принести ее в жертву, да еще и святую из себя корчить?

- Испытай еще одно лекарство, Катенька: нужно тебе ребеночка завести. Он все склеит, поначалу все обязательно наладится, а там глядишь, бесы в тебе и поулягутся.

Посидели мы с ней допоздна. Отошла моя дочурка, даже вроде повеселела. Это хорошо – как раз к Мишпину приходу. Ох, дай Бог ей счастья! Хоть свечку ставь, да где нынче поставишь! Да и Богово ли то дело?..

Михаил. 1933, 15 июня

Сегодня у меня произошло огромное событие в жизни: у меня родился сын! Я, конечно, очень волновался за Катеньку, когда мы вместе с Еленой Степановной вчера отвезли ее в роддом. Ведь хоть и говорят, что это рутинная процедура, но ведь раз на раз не приходится, могли быть и какие-то осложнения. Но все было хорошо: родился мальчик, около трех с половиной килограммов, здоровенький. У Кати тоже все хорошо.

Родила Катя рано утром, где-то сразу после четырех. Когда мы с ее мамой утром около восьми пришли ее навестить, она уже была на ногах. Я покричал снизу и она, в серовато-синеватом больничном халатике, подошла к окну на третьем этаже. Через закрытое окно жестами она что-то нам показывала. Потом показав, что напишет записку, и показав пальцем по направлению ко входу в роддом, пропала.

Мы поняли ее, и пошли к входной двери. Там через некоторое время около вахтера появилась медсестра и стала раздавать посетителям записочки от молодых мамаш. И мы получили свою от Катеньки. Оказывается как раз, когда она стояла у окна, в палату пришла медсестра и сказала, чтобы все быстренько писали записочки. Катя написала, что мальчик здоровенький, а она себя чувствует нормально.

Мы были счастливы! Елена Степановна даже как-то подсознательно перекрестилась, хотя она обычно этого не делает.

Она пошла домой, а я побежал на работу. После работы и лекций, я забежал домой, перекусил и пошел бродить по городу. Сейчас в Ленинграде белые ночи: такой зыбкий и чудный свет будто бы растворен в воздухе. Ходил бы и ходил до утра, да завтра на работу... Но я все равно не могу спать от счастья: у нас Катенькой сын! И имя она ему хорошее придумала: Сергей...

У меня есть любимое место неподалеку: на набережной Лейтенанта Шмидта, у Сфинксов. Вот и сегодня я пришел туда. Сфинксы зачаровывают меня своей сопричастностью с вечностью, своей каменной мудростью. Они всегда наводят на какие-то философские размышления о бренности бытия... Это место для меня стало каким-то особенным. Может, вот таким же местом для верующих людей является церковь? Видимо, всем людям нужно иметь место для тайного общения с сокровенными глубинами собственной души...

Мост лейтенанта Шмидта.
Рядом на берегу
С грустной улыбкой Сфинксы
Молча Неву стерегут.
 Сколько они пережили?..
 Тысячи, тысячи лет...
 Скольким векам разможили
 Этой улыбкой хребет...
Годы, столетия льются:
Войны, миры, революции...
Только они не отмечены
Поступью времени вечного.
 Но почему же на лице
 Грусти мелькают блики?
 Грусть ли по родине милой
 Камень сердец защемила?
Может, волна проронила
Восточку с синего Нила?
И рвется каменный идол
В страну, где стоят пирамиды.
 В осени северной стынет,
 Мечтая о знойной пустыне...
Трудно вдали от родины –
Там, где даль синенебья!
Здесь душат домов уродины,
Чужие стоят деревья...
Мост лейтенанта Шмидта.
Рядом, на берегу
С грустной улыбкой Сфинксы
О Ниле мечту берегут...

Катерина. 1933, 16 июня

Вчера я родила сына... Слава Богу, кончились эти тяжелые дни беременности! Родился Серёжа рано утром, на рассвете. Хотя рассвет в белые ленинградские ночи, это понятие условное.

Не знаю почему, я сразу же окрестила сына Сереей. У нас в родне нет ни одного Сергея, насколько я знаю. Да и среди знакомых тоже. Правда, уже несколько лет многие называют Сереей-ми своих сыновей в честь Есенина. Не знаю, почему мне это имя нравится... Да и важно ли это? Звучит хорошо и полное имя – Сер-

гей и даже Сергей Михайлович, и уменьшительное – Серёжа – мне очень нравится.

Признаться, когда мне его первый раз принесли, чувство было какое-то странное: запеленатый, одна мордашка торчит, красная, страшненькая. Рот корчит, крикает по-утиному. К груди его поднесла, он зачавкал, заурчал как котенок, потом втянулся и только ровно сопел, пока сосал. Вот тут-то во мне начало просыпаться что-то теплое, инстинктивное, даже отдавать его сестре не хотелось, но что поделаешь!..

Когда потом приносили еще, то очень ждала, всматривалась в его личико, в его мутные еще глазки... Вот он – мой сын!

Утром ко мне приходили мама с Мишей. Миша покричал с улицы, я подошла к своему окну, они меня сразу увидели. Мишенька мой чуть не прыгал от радости. Может, мама права? Может, у нас с ним все станет хорошо? Как я этого хочу! Потом пришла сестра и сказала, чтобы мы быстро писали записки, она их передаст вниз. Я только и успела написать, что у нас с Сережей все хорошо, что он красивый мальчик. А какой же он еще для отца с матерью?

Михаил. 1933. 18 июля

Позавчера получил телеграмму из Заволжска от Павла: умерла мама... Вчера с утра уже был дома... Встретил меня Павлик, сильно подросший, повзрослевший. Когда я вошел в комнату, то увидел маму, лежащую в гробу на столе. Она мне показалась будто живой, просто заснувшей, только очень бледной и осунувшейся: щеки еще больше впали, нос обострился... Потом я уже перестал что-либо различать: слезы застили мои глаза. Мы стояли с Павликом рядом, я положил руку ему на плечо и крепко прижал его к себе. Он содрогался от рыданий, я тоже едва сдерживал себя... Мы так долго стояли вместе, я беззвучно плакал, слезы текли по моим щекам...

Зеркало, висевшее у ее кровати, было завешено темной тканью. Занавески единственного окна нашей полуподвальной комнаты были опущены. На комодe горела свеча. В полумраке комнаты суетилась, причитая, мамина родственница, кажется, двоюродная или троюродная ее сестра. Вообще-то после революции мы порастеряли родственников. Многие стали нас чураться после того, как моего отца забрали чекисты. Да и родственников у нас было немного.

Мы с Павлом пошли улаживать похоронные дела, благо, что наша двоюродная тетка могла остаться при маме. Свидетельство о смерти мамы Павел уже получил. Он пошел договариваться о телеге, чтобы отвезти гроб на кладбище, а я пошел к тому же Филиппычу, который все еще продолжал работать на кладбище. Филиппыч истинно опечалился, узнав о кончине моей матушки, вспомнил и отца моего добрым словом. Нашел он опять хороший участок, добавив: «А коли Платон Андреич сыщется – кто знает, все под Богом ходим! – и ему местечко будет рядом с женушкой его... Ведь как любили они друг друга! Жили по-божески. Какая завидная была супружеская чета! Залюбуешься! Жить бы им да поживать долгие годы на радость детям... Ан нет, эва как жисть-то вывернулась...»

А сегодня были похороны. Гнедая лошаденка понуро дотащилась до кладбища, будто и сама сопереживала с нами. Встретил нас Филиппыч, повел к месту. Наступило время прощания. Мы с Павлом подошли к гробу... Тут и я не смог сдержаться и зарыдал, закусив себе аж до крови правый кулак... Потом застучали молотки могильщиков, заколачивающих крышку... Потом гроб опустили в свежерытую могилу... Мы с Павлом бросили первые комья земли... Потом гулко застучала земля, сбрасываемая лопатами могильщиков... Потом на могильный холм Филиппыч приладил жестяную табличку, какие сейчас в ходу вместо креста: «А.Г. Макарова. 3/IV 1890 – 16/VII 1933»...

Вечером я взял с собой Павла, и мы поехали в Ленинград – не оставаться же ему одному после такой тяжелой утраты. А с нами ему будет легче. К тому же у него и школа еще не закончена – остался десятый класс. А нам он не в тягость, я думаю, никто не будет против, я всех смогу содержать. Да и Елене Степановне не будет особых лишних хлопот: какая разница готовить на четверых взрослых или на пятерых? А через год Павел кончит школу, пойдет работать и нам станет совсем легко. А пока вся ответственность на мне, но мне это даже нравится: делать все возможное для любимых людей, что может быть лучше?

Вот едем сейчас с Павлом в прокуренном махрой плацкартном вагоне. Он уже заснул: больше всех намаялся за эти тяжелые дни... А я сижу, не спится.

Сегодня перед отъездом пошел я к тому пруду с ивушками, который я так любил еще с детства. Посидел там, на стволе уже состарившейся, но все еще бодрой на вид ивы, которая своим стволом почти касалась воды – будто напиться тянется. Вспомнил нашу нелегкую, но радостную заволжскую жизнь, отца своего с мамой,

свои дни рождения, как Павлик родился. Потом проснулась горечь воспоминаний, как забирали отца...

Стучат колеса, отбивая монотонный такт. Очень грустно...

**Ивы плачут над прудом –
Это мой родимый дом.
По проселочной дороге
Не пройти – увязнут ноги.
Покорежена изба –
Как хозяйская судьба...**

**Рубища замест одежды...
Уж какие тут надежды!
Ивы плачут над прудом...
Это – мой родимый дом.**

Павел. 1933. 5 октября

Живу я у Мишки. Вернее, в его семье. Я учусь в десятом классе. Вот скоро кончу школу, Мишка обещал мне помочь на работу хорошую устроиться.

Катерина, Мишкина жена, мне очень нравится. Она и добрая, и ласковая. А вот в классе девчонки все какие-то надменные. От них и слова ласкового не услышишь. Только «Пашка» да «Пашка», «Чё пялишься?» да «Што губы-то развесил, лопух?» Дуры!..

От Кати какое-то тепло идет... Третьего дня сижу я на табуретке, делаю свои уроки на завтра. Подошла она сзади, через плечо мое в книжку мою смотрит.

- Ну, что вы сейчас проходите-то?

- Да про индустриализацию...

- А-а... Ну, учи-учи, Павлик! Я тебе мешать не буду, вот посмотри немного, про что читаешь, да и пойду по делам.

Она подошла ближе, и я чувствую, как она животом своим ко мне прислоняется, а он горячий, как утюг. У меня аж дух захватило! Жар по телу разбегается, а уши, так те вообще, как в огне. Как-то не по себе, а отодвинуться не могу – приятно... Даже наоборот немного откинулся назад, чтобы это тепло поплотнее к себе прижать. А Катя не отодвигается... Потом потрепала меня по затыл-

ку и ушла...

И каждый день теперь я сажусь за уроки и жду, когда же Катя придет опять читать мою книжку через мое плечо. Я даже хитрость небольшую придумал: книжку, которую читаю, я ближе к себе пододвигаю, чтобы ей пришлось побольше наклоняться...

Сводит она меня с ума! Никто из наших школьных девочек ей и в подметки не годится. Катя и умная и деликатная... Вот настанет время, найду я себе такую же подругу, на всю жизнь! А почему и нет? Ведь Мишке-то повезло, нашел свою Катерину... А чем я-то хуже?

Ну, а пока буду Катю любить, как своего ангела! Она же мне за сестру старшую.

Михаил. 1933, 10 октября

Кажется, я понял, что люди называют семейным счастьем! Что еще нужно?

Красивая и умная жена, которая меня любит. Она, по-моему, успокоилась после всех своих жизненных невзгод и переживаний. Она так внимательна и ласкова ко мне. И этот маленький, тепленький комочек – Сережка, которого она мне подарила.

Я никогда не думал, что смогу возиться с малышом-несмышленишкой часами. Хотя это неверно, он не несмышленишка. Он уже много понимает. И интересно, какие умные, да просто мудрые у маленьких детей глаза. Кажется, что они все понимают, что им говорят, только вот сами ответить не могут!

А как я люблю Елену Степановну, эту добрую и мудрую женщину, которая восполняет во мне ту пустоту, которая образовалась в моей душе после смерти моей мамы. Насколько это тактичный и все понимающий человек!

Ксеничка – такая ласковая и отзывчивая девочка. Я люблю ее, как любил бы свою младшую сестренку. Мы с ней так дружны! Она часто просит меня помочь решить какую-нибудь задачку, и я с радостью это делаю. Жаль только, что времени у меня самого мало на семью!

Павлик тоже хорошо прижился в нашей семье. Он хороший получился паренек, учится вот только все еще без интереса, а ведь уже десятый класс! Пора бы понять, куда тебя тянет.

По-моему, он просто влюблен в мою Катеньку. Да в нее и невозможно не влюбиться! Она над ним слегка подтрунивает, чем повергает его постоянно в смущение.

У меня почти не остается времени на писание стихов. Правда, я теперь когда иду на работу – а идти мне минут двадцать пять, сочиняю что-нибудь на ходу, а потом, когда прихожу на работу, записываю все на каком-нибудь клочке бумаги, который попадет под руку. А еще лучше получается, когда я поздно вечером возвращаюсь с учебы: спешить особенно не нужно, можно слегка расслабиться... Тогда тоже в голове слагаются стихи...

Я очень полюбил Ленинград. Да и как его можно не любить?

**Ночь. Тишина.
Отшуршали шины машинные,
Пешеходов галоши отшлёпали тоже.
Над Невою ночные джины
Разбросали фонарные рожи.**

**С одноглазого неба вымело
И луну, и блески окон.
Льёт осеннее, чёрное вымя
Чёрное своё молоко...**

Катерина. 1933. 15 октября

Сегодня, как почти и во все предыдущие дни, подошла сзади к Павлику, когда он делал уроки. Наклонилась над ним, задев его ухо грудью. Он весь аж вспыхнул. Мне нравится с ним играть, как с котенком. Конечно, он совсем еще мальчик... Но так приятно чувствовать, как он млеет и балдеет от меня! Наверное, я нехорошая женщина! А с другой стороны, что в этом плохого? И мне хорошо, и парень получает какое-то представление о жизни. А то ведь они с Михаилом – два сапога пара.

Так вот подошла я к Павлику, положила ему руку на плечо, погладила его немного, а потом спрашиваю:

- Павлик, а ты с девочками уже целовался?
- Не-а...
- А что так?

- Да я и не умею...

- А чего тут уметь? Хочешь, покажу?

Он, бедолага, аж задохнулся и впилился в меня, не моргая. Были мы дома одни, мама куда-то ушла, Ксенька убежала к подружке, Сережка спал, а Михаил всегда приходит поздно. Я пересадил его на диван и сама села рядом.

- Теперь разверни меня к себе. Вот так. Обними меня своей правой рукой за спину. Смелее, смелее! Прижми меня сильнее...

Потом я сама нашла его губы и легонечко поцеловала так, чтобы его не испугать. Он робко ответил.

- Ну, вот почти получилось! У тебя хорошие губы – мягкие, нежные. Давай теперь повторим, но все надо делать немножко сильнее.

Как и должно было быть, на второй раз все вышло у Павлика, как надо. Он раскрепостился и уже начал сам целовать меня, теряя голову. Мне с ним было хорошо. Я даже подумала – может для самооправдания? – что делаю благое дело для Павла: надеюсь, он не будет такой холодной рыбой, как Михаил!

Потом я сказала:

- Ну, дорогой мой, на первый раз хватит! Ученик ты хороший. Как-нибудь повторим пройденное, как говорят в школе. А теперь приди в себя и делай уроки!

Павел. 1933. 30 октября

Катя уже несколько раз, когда мы оставались вдвоем одни, учила меня целоваться. Вот и сегодня мы опять целовались с ней. Мне нравится, что она все делает так просто, безо всякого напряжения, будто и взаправду учительница. Мне с ней очень хорошо. Но меня начали мучить сомнения и угрызания совести: ведь она же Мишкина жена. Это же, наверное, нехорошо... Посоветоваться бы с кем, что мне делать? А вдруг я в нее влюблюсь, а она братова жена? А может, уйти мне надо из дома от греха подальше?.. Вот кончу школу, пойду работать, сниму где-нибудь угол и буду жить отдельно.

Но с кем посоветоваться? С Михаилом – глупо. Что я ему скажу, мол, жена у тебя хорошо целуется? С мамой Катинной, Еленой Степановной? А что я ей скажу? Нет, наверное, нужно

все решить самому.

А что с Катей делать? Она чуть что, поманит меня пальцем, а когда я подхожу к ней, спрашивает: «Ну, что школьник, не забыл еще мои уроки?» и мы целуемся с ней... Иногда в коридоре иногда на кухне, когда дома никого нет... Мне страшно: а что как Мишка узнает? Что я ему скажу? Нет, нет, надо собрать волю и прекратить это! Я чувствую, что это нехорошо: ну, «поучился» – да и будет...

Притча о Пророке: МАГДАЛИНА и ИОАНН

И ходил Пророк по земле Иудейской и творил добро, исцеляя прокаженных и калек, изгоняя духов нечистых из бесноватых и воскрешая умерших. Много чудес сотворил он, многих обратил в свою веру. Долгими вечерами он, собрав учеников своих, среди коих была где-нибудь в уголке неприметном и притаившаяся Магдалина, читал им свои проповеди да рассказывал нравоучительные притчи. По ночам, когда все ученики спали праведным сном младенцев, Магдалина прокрадывалась и возлегала на ложе Пророково. Но частенько, устав от дел праведных за день, он засыпал мертвецким сном, и тогда Магдалина напрасно пыталась достучаться до его сердца, придя к его ложу ...

Кровь Магдалины играла, как молодое вино - вся жизнь заключалась для нее в любви. И не в той Пророковой любви к ближнему, а в обычной плотской любви, хотя и освещенной пламенем чувства. Она презирала тех женщин, что отдавались мужчинам за деньги. Для нее любовь плотская была естественным выражением чувства к любимому человеку. И не видела она в этом никакой греховности.

Но это едва и не привело к побиению ее камнями толпой обезумевших иудеев, обвинивших ее в прелюбодеянии. Слава Всевышнему, во время на площади появился Пророк и, подойдя к Магдалине, произнес спокойным, но твердым голосом: «Да пусть бросит первый камень тот, кто сам без греха!» Как побитые псы, все тут же разошлись, поджав хвосты, а Пророк добавил им в след: «Не судите, да несудимы будете...»

Магдалина испытала буквально взрыв благодарности к этому сильному и мудрому человеку и с тех пор следовала за ним неотступно, внемля его проповедям и удивляясь его доброте.

И вот однажды настала ночь, и пришла Магдалина к ложу Пророка и спросилась лечь в ногах его, на что получила благоволение.

Среди ночи пробудился Пророк оттого, что что-то жжет неведомым огнем его тело. Хотел было подняться, да не смог: будто тяжестью какой его придавило. И почувствовал он на щеке своей жаркое дыхание, и слова ласковые запали ему в ухо. И узрел он - более мыслю, нежели взглядом – Магдалину, склонившуюся над ним и опирающуюся руками на плечи его. И отдался он ей безропотно, а она творила дело свое страстно и умело. Подумал Пророк: «Истинно говорю, коли сотворил Господь женщину женщиной, то не грешно то, что она делает сейчас со мной».

С той поры она при первой возможности проникала ночью на ложе Пророково, даря ему себя.

Пророк любил Магдалину той просветленной любовью, которая отрывает человека от суетности жизни земной, возвышает его. Магдалина нужна была Пророку не столько как женщина для утоления страстей греховных, сколько как душевный друг. По натуре он был человек стеснительный, а потому был хотя и ласков, но скуп на мужские ласки.

А в Магдалине бурлили страсти и искали выход на волю... Не могла она понять, почему Пророк по ночам с ней хладен, как лед, никогда сам не приласкает, а только отвечает – и то, как бы нехотя – на ее страстные призывы.

Ожесточилось сердце Магдалины, потому как не могла она жить без любви, а коли нельзя напиться из родника чистого, но жажда мучит, то и из болотца придорожного взалкаешь.

Ходя с учениками Пророковыми, присмотрела Магдалина любимца Пророкова - Иоанна, юнца еще совсем зеленого. Наблюдала она за ним и видела, что робеет он перед ней, млеет, и кровь ему в лицо ударяет, когда она ему слово какое молвит. И решила Магдалина, что молодое семя быстрее старого прорастет, а недостаток опыта любовного у юнца скорее благо, нежели недостаток, ибо из сырой глины слепить любой сосуд можно.

И вот однажды ночью, когда уснули все ученики Пророковы вместе с Пророком, встала Магдалина тихохонько и возлегла рядом с Иоанном. Спал он, словно дитя, дышал ровно и спокойно. Положила Магдалина руку свою на тайное его место и почувствовала всю силу желания Иоаннова даже во сне глубоком. Примкнула уста свои к устам Иоанновым, пробудился тот, а она его обвила своим телом, как лианой. И тут разверзлась она, как пучина морская, и поглотила юного праведника. И уже больше не выпустила его из жаркого плена, пока он, опустошенный, не обмяк...

На следующую ночь повторила она все то же, но на этот раз Иоанн не спал, а ее дождался и сам набросился на нее, аки лев голодный на газель раненную. Полночи, не смыкая глаз, провели они в жарком рис-талище, а под конец Магдалина ушла спать опять в ноги Пророка...

Пророк, между тем, все эти ночи спал спокойно, и поутру у него никаких не возникало ни сомнений, ни подозрительных помыслов. Был он поглощен своей исполинской целью – спасением душ человеческих.

Иоанн же чувствовал себя настолько грешным, что не мог взглянуть в чистые очи Пророка. Но тот был так усердно занят деланием добра, что зло чужое было для него и слишком далеко и почти безразлично.

Иоанн понимал в глубине души своей, что предает он Пророка, который был ему как брат старший, но совладать с собой не мог: очень уж его Магдалина околдовала. Иногда, когда она ночью не восходила к нему на ложе, он понимал, что она тешит своими играми любовными Пророка, и не было ревности в сердце его, ибо Магдалина была для Пророка как жена. И это даже придавало сердцу Иоаннову спокойствия: ведь он не срывает плодов с дерева чужого, а лишь поднимает паданку, которая все равно с дерева уже пала на землю, так что если не им, то каким-то другим червем попорчена будет.

Магдалина же чиста была перед собой: она ни у кого ничего не крада. Пророк получал от нее все, что мог или что хотел. А помышляла она так: излишки хоть в землю зарой, хоть оголодавшему отдай – греха в том нет.

Блажен, кто находит оправдания деяниям своим, сколь скверны б они не были! Получает тот много, а даже малым раскаянием не платит. Таким, возможно, и Господь многое прощает: ведь не со зла, а по неразумению творят... Да и вообще – на все воля Господня!

Катерина. 1934. 2 июня

Несмотря на все наши финансовые трудности, Михаил отправил меня с мамой и Сережей на дачу. Сам с нашими «школьниками» – Павлом и Ксеней – остался в городе. Мама пару раз в неделю мотается домой в город, готовит там обед на два-три дня. Павлик иногда приезжает после школы, привозит продукты.

С Михаилом у нас установились странные отношения. Сначала после родов я, ссылаясь на боли и усталость, долго не подпускала его к себе. В конце концов, пришлось мне уступить, но мне не

удавалось даже имитировать какую-либо радость от нашего общения. Он мою холодность воспринимал сначала, видимо, как продолжение моих недомоганий после родов, но потом стал раздражительным и даже грубым. Понять его можно: Сережке уже год, а я все, как рыба холодная. Понятное дело, мужику баба нужна... Но что поделаться? Никакой у меня к нему тяги нет.

Мои «уроки целования» с Павлом зимой практически прекратились. А я к нему не просто привыкла, а по-моему, просто по-своему его полюбила... Да, он мне нужен, мне с ним хорошо. Жаль только, что он еще совсем мальчик...

Вот тебе и на! Опять допрыгалась Катерина Белая! Это же надо: замужем за одним, а люблю другого! Но что я могу с собой сделать? Ну, может, время вылечит?

Сегодня мама уехала в город, а Павлик привез продукты. Он вошел, а я в это время кормила грудью Сережу. Павлик смугился немного, попятился назад, но я сказала, чтобы он проходил в комнату. Когда я кончила кормить, то запахнула халатик и отнесла Сережу в кроватку, а потом под села к Павлику на диван.

Я решила для себя, что надо кончать свой роман с Павлом, и распрощаться с ним. Он сидел какой-то встревоженный, напряженный, чуть сдерживая, как мне показалось, рыдания. Я взъерошила ему волосы, спросив, что случилось, он ответил:

- Катя, я много думал... Это, наверное, нехорошо... Ну, ты понимаешь... Это надо кончить... Но ты не сердись на меня, я тебя очень люблю...

Тут он зарыдал, уткнулся своим лицом мне в грудь, плечи его начали конвульсивно вздрагивать. Я стала его утешать. Его признание опеломило меня: значит, и он влюбился в меня? Значит, и ему тяжело, как и мне?

Я стала как-то бессвязно утешать его, подняла его лицо и стала целовать его в мокрые от слез глаза, но он продолжал беззвучно рыдать. Тут я не знаю, как-то само собой получилось, что мой халат распахнулся, я прижала лицо Павлика к своей груди. Он начал целовать меня безудержно, продолжая плакать. Во мне что-то зажглось внутри и, сжигаемая этим греховным огнем, я потеряла разум...

Когда мы очнулись, Павлик смотрел на меня какими-то безумными глазами, повторяя: «Что же теперь будет? Что же теперь будет?» Я пришла в себя и поняла, что все зашло так далеко, что обратного пути у меня нет. Я сказала Павлу, чтобы он успокоился, что значит это рок такой у нас с ним, что да, это не хорошо, но от

себя не убежишь, что я его тоже люблю. Надо пока подождать, а потом, может быть, станет яснее, что нам делать. Но теперь у нас с ним общая тайна, он не должен показывать вида, что между нами что-то такое особенное было. Он молча кивал головой с отрешенным видом.

Когда он уехал, я сидела в задумчивости, пока Сережа спал. Эх, Катька, Катька, дурья башка! Ну, почему у тебя все, не как у людей? Загнала себя в какой-то безвыходный тупик: спишь с двумя братьями!..

Ну, а что сделаешь? Сердцу не прикажешь!.. Хотя не начинай этих «уроков целования», глядишь, и было бы все пугём! Вот и побаловалась невинной игрой!

А может, все это неизбежно? Ведь жизнь-то одна, другой не будет! Ну, а хочу ли я этого серого и беспросветного существования с хорошим, но нелюбимым человеком?

И понимаю я умом, что Павел и мизинца Мишиного не стоит, но люб он мне. И пусть он не блещет, как Михаил, пусть не пишет стихов, что из этого? Я же хочу быть не женой поэта, а просто женой, бабой, которую ждут в постели, которую целуют до одури! А если и Павел любит меня, значит, так тому и быть. Вот надо Сережу взрастить, а потом видно будет.

Павел. 1934, 2 июня

Сегодня свершилось то, чего я и хотел, и одновременно боялся. Катя мне отдалась... Как и во время всей этой ее «поцелуйной школь», она опять сделала со мной то, на что я никогда бы и не решился.

Сначала я аж обомлел, когда увидел, как она кормит грудью Сережку. Когда мы целовались, она учила меня, как нужно ласкать грудь, чтобы девушке это понравилось. Но сегодня я увидел то, что не видел никогда, хотя и ощущал через платье.

Я уж было собрался сказать, что хочу через месяц, после выпускных экзаменов съехать с нашей квартиры, которую Михаил снимает, и начать жить самостоятельно, но не успел. Почему-то я разрыдался. Катя стала меня утешать, а потом все происходило, как в бреду...

Когда я очнулся, меня обуяла паника: что я наделал? Что мы наделали с Катей? Как дальше жить? Я понял, что я люблю ее, но не могу предавать Михаила. Катя, будто читая мои мысли, стала

очень спокойно и трезво мне говорить, что против судьбы не попрешь, и что было, то было. Что мы теперь повязаны одним общим тайным грехом. И еще она сказала, что если мы любим друг друга, тогда то, что произошло – совсем не грех. Что нужно выждать какое-то время, а там как-нибудь все и образуется. А пока, мол, молчок!

Что же делать? Смогу ли я смотреть в глаза Михаилу? А впрочем, я-то здесь причем? Это же все Катя понатворила!.. Хотя нет, я же достаточно взрослый человек, не дитя несмысленное, своя голова на плечах...

Но Катерина права: всем будет лучше, если это сохранится в тайне. Что толку в том, что я покаюсь Михаилу? Он меня не простит. А ведь я ему стольким обязан! Он помогал нам с мамой, он привез меня в свою семью, а я, как свинья последняя, польстил на его жену. Да пусть Катерина тысячу раз права, но я-то каков?..

А теперь мы, как соучастники преступления, одной веревочкой повиты. Придется делать так, как Катя велит. Она умнее, она опытнее.

Михаил. 1937, 20 июня

Сегодня мне позвонила в фотолабораторию, где я все еще подрабатываю, Лиля Савицкая, жена Валерия, моего друга по военной академии. После первого же курса по спецнабору его взяли на работу в НКВД. Помню, что он очень этим гордился и рассказывал, какая у него интересная и увлекательная работа: «Представляешь, Мишка, работаю, если и не Шерлоком Холмсом, то уж не менее чем Ватсоном!»

Лиля, плача в трубку, сказала, что Валерий в очень тяжелом состоянии психической депрессии, и она просит меня прийти к ним. Я, не раздумывая, поехал вечером к ним, уйдя даже с последних лекций.

Застал я Валеру, отходящим от тяжелой попойки. Глаза его были красные и опухшие, как от слез. В комнате висел густой запах водки или самогонки. Валера лежал на диване, а Лиля сутилась вокруг него, отпавшая его огуречным рассолом да крепким чаем.

Он очень обрадовался моему приходу. Я сел на крайшек дивана, он взял мою руку и заговорил со мной. То и дело Лиля вставляла свои реплики.

- Миша, дружище, как здорово, что ты пришел! А я вот, видишь, чуть живой, ха-ха!

- Какое там «ха-ха»! – всхлипывала Лиля. – Пришел опять домой к обеду сам не свой, достал пол-литра «сучка», налил в тарелку, покрошил ржаного хлеба и ел ложкой будто тюрю, молча...

- Ну, Лиля, Лилечка! Мне после моей «работы» в горло больше ничего не лезет!

- Что, Ватсон, дела запутанные разбираешь? – Спросил я, решив сбить некоторое напряжение, витавшее в воздухе.

- Эх, Миша, Миша... Не дела, а тела... И запутанные проводами, чтобы не сопротивлялись... Меня же из следственного отдела «повысили», перевели в «расстрельный взвод», дали лишнюю «шпалу» на гимнастерку...

И тут Валерий, под всхлипывания Лили, рассказал мне о последних месяцах своей работы в НКВД. Его как-то вызвали к начальству и сообщили, что его направляют выполнять некое спецзадание, повышая при этом в чине. На следующий же день его направили со взводом в какой-то подземный каземат. Там в одной из камер уже стояли с завязанными глазами и скрученными за спиной руками пять «врагов народа». Их нужно было расстрелять. Во взводе были уже «поднаторевшие» солдаты-палачи. Перед самым расстрелом один из «врагов» успел крикнуть: «Да здравствует товарищ Ста...» Пуля не дала ему договорить. После этого расстрела Валерия рвало, как после сильного отравления. Солдаты подали ему стакан водки, которая полагалась каждому, участвовавшему в экзекуции...

На следующий же день, он пошел к начальству и попросил вернуть его на прежнюю работу. Он получил резкий отказ, который завершился словами: «...Кроме того, не забывайте, что у вас есть семья – жена, дети».

С тех пор он, приходя домой, напивался до потери сознания, а на утро шел опять на «работу». Лиля обо всем знала, хотя Валерий был предупрежден, что о характере его работы никто не должен даже догадываться, даже жена.

- Мишка, Мишенька, Михрютка мой дорогой! Мотай отсюда, как можно скорей! Подумай о своей семье! НКВД смотрит на нашу академию, как на источник вербовки кадров для себя. Ты говорил, что тебя какой-то твой старый друг приглашал в Москву работать в каком-то научном военном учреждении. Вот и поезжай! Поезжай к чертовой матери отсюда, и чем скорее, тем лучше!

А я?... А вот сопьюсь вдрибадан, может, меня разжалуют, ос-

тавят в покое. А неровён час – и сам во врагах народа окажусь! А эти изверги... Ты же знаешь, у них теперь половина героев Гражданской во врагах ходит! Хотя и те сами тоже были изверги порядочные... «Борцы за идею!» – И о грязно вырутался. – Помнишь, как они всю царскую семью с детьми уничтожили?

Беги, беги отсюда, куда глаза глядят!

☆☆☆

Встреча с Валерием оставила у меня тяжелый след на душе. Но он прав, надо из академии уходить, пока не поздно. А ведь я и сам хотел с ним пойти в НКВД: было бы легче семью прокормить. Да вот Бог уберег... Что я говорю, какой Бог? Кого он и когда уберег?!

Сегодня самый разгар белых ночей. Катя с Еленой Степановой на даче. Я зашел домой, предупредил Павла с Ксеничкой, что приду поздно, а сам пошел погулять по городу. Нужно прийти в себя и составить план бегства из этого энкавэдэшного капкана...

Опять меня привело к Сфинксам. Я сел на ступени, открыл тетрадку для стихов, которую захватил с собой, но долго сидел, не шевелясь, глядя в серебристо-серую воду Невы... Я был потрясен рассказом Валерия. Невольно вспомнился арест отца. Может, и его вот так же безжалостно убили где-нибудь в подвале?..

Я много думал, сидя на холодных ступеньках, сходящих к воде... У меня сложилось большое стихотворение, которое я никому показать не могу. Даже Катерине, а то она испугается за мою судьбу из-за моих крамольных мыслей...

Поздний вечер.

**Через двор с конвоем –
трое взрослых,
пятеро подростков.**

Их вели дорожкой боковой.

Выглядело все и буднично, и просто.

Вся семья бывшего самодержца.

Каждый взят – детей считая – на прицел.

**Сам с достоинством особым держится –
ведь мужчина! (И к тому же офицер.)**

Говорит жене:

«Не плачь...

Не надо!»

Сына гладит по ершистым волосам.
А солдат его легонько в бок прикладом –
мол, давай, иди быстрее и сам!
(Ведь солдат-то знал, что в путь последний
шли и бывший царь, и маленький наследник.
Вот пошто девчонок в тот же путь –
даже тот солдат не мог смекнуть.)
Правду понимал и гражданин Романов,
улыбаясь дочерям и сыну для обмана...
Жаль, что не завязаны глаза...
Не причудятся святые образа,
Матерь Божия не улыбнется напослед,
и Христос не ниспошлет свой тихий свет...

Грохнул залп – и вся восьмерка наповал...
Запах пороха наполнил весь подвал.
Гражданин Романов замертво упал –
Николай Второй и впрямь кровавым стал...
Кровь сочится из кровавых спин...
Стал кровав и Николая сын...

И от четырех кровавых дочерей кровь
ручьями льётся до дверей...
И жена кровава...
И служанка...
Ничего
и никого
для Революции не жалко!
Только чья-то, видно, дрогнула рука:
первым залпом не добила царского сынка...

Детский стон –
всей Революции укор!

...Комиссар
достреливал
в упор...

Может быть, печать проклятья Каина
с той поры над Русью неприкаянной?

Может, с той поры мильоны Авелей
Каины
по тюрьмам раскрасовали...

Жертвы завтрашние...
Господи,
Спаси их!
Помоги!
Сними проклятие с России!..

☆☆☆

Был июль...
Звезда
на небе светлом,
пулею пронзившая ночной покров...
Над расстрельным взводом веет тёплым ветром.
Под ногами –
кровь,
кровь,
кровь,
кровь,
к
р
о
в
ь . . .

☆☆☆

Городская соната. Скерцо: МОСКВА

Сейчас, в конце тридцатых, Москва ошеломляет приезжего невероятной суетой, сонмом снующих туда-сюда озабоченных людей, не совсем опрятными улицами. Изредка этот человеческий муравейник будто рассекают, как огромные тараканы, черные лимузины, мчащиеся от одного госучреждения к другому.

Город обрел много новых зданий, среди которых выделяется модернистский Ле Корбюзье со своими стеклянными коробками, столь неестественными для сурового московского климата, да несколько помпезных конструктивистских зданий, как например, Дом Правительства и Гостиница «Москва».

А московское метро! Не зря москвичи гордятся им, оно, и правда, лучшее в мире. И дело не в том, что все станции московского метрополитена – истинные произведения архитектурного искусства. Это метро и самое удобное в мире: поезда ходят регулярно и очень часто в течение всего рабочего времени, кругом чистота и порядок. Причем все это поддерживается как бы само собой – никакого обслуживающего персонала, никаких понукал и погонял.

От такой ослепляющей чистоты и красоты ни у кого из пассажиров даже мысли не возникает бросить на пол что-либо, даже малюсенький входной билетик метро. Возможно, ветки московского метро не такие густые, как в Лондоне и Нью-Йорке, но дайте время – Москва «догонит и перегонит», как это сейчас принято говорить.

Как и прежде, чарует своей неизбывной древней красотой Кремль. Правда, вместо двуглавых орлов на башнях появились пятиконечные звезды, выглядящие несколько нелепо, напоминая макушки новогодних елочек. Да и Кремлевские куранты бьют что-то невразумительное, поскольку старую мелодию «сломали», а новой не удосужились обзавестись: умелые мастера-часовщики перевелись. Но к этому диссонирующему «тим-дирльям-тим-дирльям-бам-бам-ба» все как-то попривыкли, и полночный перезвон курантов, завершаемый «Интернационалом» воспринимается, как естественное завершение еще одного прожитого дня.

На месте славного храма Христа Спасителя теперь образовался провал, заполненный водой, который быстренько превратили в плавающий бассейн «Москва». Была идея воздвигнуть на этом месте помпезный Дворец Советов в виде нечеловечески огромной статуи Ленина, у которой внутри должны размещаться различные публичные учреждения: в голове – библиотека ниже – современные кинозалы, на уровне живота

– рестораны... А острые языки шептали ехидно, что в задней части здания-скульптуры разместится огромная общественная уборная. Но, не дай Бог, если эти даже шепотом произнесенные слова достигнут всеслышащих ушей славных советских чекистов... Страшно даже подумать!

Но проект этот благополучно приказал долго жить. Видимо, боялись ставить такую махину на зыбком месте: а что как гробанётся на жилые дома? И остались в память об этом только несколько почтовых марок, выпущенных загодя, когда проект только лишь был утвержден.

Красная Площадь, которая всегда была центром первопрестольной, по-прежнему сияет своей красотой. Храм Василия Блаженного все также привлекает гостей столицы своими несуразными ярмарочно-балаганскими пестрыми куполами, но уже без крестов. Но, слава Богу, что хотя бы без красных звезд!

Лобное Место, как и встарь, напоминает обладателям голов, что голова на то и нужна, чтобы ее хозяин не угодил на плаху.

Но, конечно же, главное нововведение на Красной Площади – это Мавзолей. В нем лежит набальзамированный наподобие египетских мумий вождь пролетарской революции – Владимир Ленин. Буквально круглыми сутками от открытия до закрытия в Мавзолей стоит длиннущая очередь, уходящая своим концом аж в Александровский сад (по небрежению властей пока еще не переименованного на революционный манер). Человеческую натуру не переделать: запретили Христа, разрешили Ильича! Ведь хоть в кого-то верить народу нужно!

Особенно неузнаваема Москва в дни революционных праздников: День Октябрьской революции, День Сталинской конституции, Первое Мая... Через все главные магистральные улицы натянута кумачовые транспаранты с советскими лозунгами, все уличные фонари украшены алыми флагами, из уличных репродукторов льется бравурная музыка, долженствующая повысить праздничное патриотическое настроение.

А народные демонстрации? Стройными рядами, с заранее назначенными партийными правофланговыми, с песнями, с флагами, с портретами любимых вождей и с огромными букетами бумажных цветов народ со всех концов столицы стекается к Красной Площади. Время от времени специально назначенный «поминальник» через микрофон с усилителем выкрикивает что-нибудь вроде: «Товарищу Сталину – сла-а-а-а-а!» или «Да здравствует партия большевико-о-ов!»

И колонны демонстрантов радостно откликаются громовым, хотя и не достаточно отрепетированным: «Уррра-а-а!»

У самой Красной Площади, на Манежной площади, демонстрантов ждут партийные регулировщики с неизменными красными повязками

на левом рукаве. Они знают, какая колонна должна пройти вслед за какой. Они опрашивают, не случилось ли в рядах демонстрантов затесаться незнакомому человеку.

А потом колонны быстрым шагом, почти бегом проходят мимо Мавзолея, на трибуне которого стоят вожди партии и государства и непременно сам товарищ Сталин...

Ах, как замирает сердце у тех, кому повезло попасть в колонну, проходящую у самого Мавзолея, и хорошо разглядеть корифея всех времен и народов, любимого товарища Сталина! Потом долго можно рассказывать друзьям-приятелям: «Я самого Сталина видел!»

Но вот пройдена Красная площадь... Женщины с детьми, которые упростили взять их посмотреть Сталина, возвращаются домой. Ближайшие станции метро закрыты, да и у дальних толчея, регулируемая милиционерами... Мужчины, почти поголовно, растекаются по близлежащим пивным да закусочным. У многих с собой четвертинки московской, а кому не повезло, тот ходит «стреляет», к кому бы примкнуть «третьим» на поллитровку.

Потом и эти возвращаются по домам, а там начинается обычный праздничный «гудёж». Обычно собираются с соседями, в складчину. И опять тосты за любимого вождя, за сам праздник. Когда народ уже слегка подвыпьет, начинаются песни. Обычно это песни из кинофильмов, слова песен многие знают, потому что день-деньской только и слышны из настенной «тарелки» эти песни да имитация народных песен в исполнении хора Пятницкого. И пошло-поехало: «Широка страна моя родная...», «... Москва моя, Москва моя, ты самая любимая...», «Эй, вратарь, готовься к бою...»...

А назавтра – опять работа. Подъем по будильнику: у кого станок, у кого служба, у кого школа...

Хорошо живется! Весело! Все чувствуют локоть друг друга, все полны энтузиазма: «Эх, хорошо в стране советской жить!»

Да здравствует товарищ Сталин!

Катерина. 1938. 2 июня

Михаила пригласил его старинный друг еще по Заволжску на

работу под Москву, в Мытищи, в какой-то исследовательский военный институт. Военным трудно менять работу, но Мишин друг оказался большой шишкой, чуть ли не заместителем наркома, и помог ему перевестись.

Мне не очень-то хотелось переезжать: жилье нам дали в военгородке, а это значит, жизнь, как в большой деревне: все на людях. А у меня с Павлом расцвел бурный роман. В Ленинграде мы как-то приспособились, находили время, когда можно было остаться одним дома или раствориться где-нибудь в пригороде с Сережей вместе. Михаил это даже поощрял, поскольку предполагалось, что Павлик будет помогать мне возиться с Сережей. Вообще-то, Михаил и впрямь святой... Как жаль, что не люблю я его! Но что поделаешь...

Павел стал мне просто необходим. Я должна его видеть, почувствовать его рядом, обладать им. Я понимаю, что путь мой и нечестный, и чреватый неприятностями, но я его сознательно выбрала. Павел тоже не идеал, он не очень-то интересен, как человек, но он влюблен в меня, а я в него. Любовь слепа... Или, как сейчас говорят, любовь зла, полюбишь и козла. А тут такой хорошенький козлик попался!

Павлик, по-моему, уже привык к своей роли. Он уже освоился настолько, что с Михаилом ведет себя естественно, без ощущения греха или даже предательства. Ну, это моя заслуга: я и ему внушила, что жизнь нельзя превращать в сплошную жертву.

Михаил же ко мне не то чтобы охладел, но ходит какой-то подавленный, живет, как по принуждению. Может, догадался до чего? Но я стараюсь все делать шито-крыто, и даже стала к нему теплее и ласковее, чем раньше. Может, Павел, лопух, как-то себя выдал или, не дай Бог, покаялся перед братцем в своих грехах? С этими мужиками глаз да глаз нужен!..

Елена Степановна. 1938, 4 июня

Вот мы и в Москве! Ну, не совсем в Москве – до Москвы на электричке минут двадцать. Мытищи, военгородок. Перевели Мишу на новую службу. Жаль было Ленинградом расставаться. Свыклась я уже, приятный город, если бы не противная погода, особенно поздней осенью да зимой.

В четырехкомнатной квартире живем три семьи. Соседи – славные такие люди: муж с женой, молодые еще, хотя и постарше моих, да еще пожилой уже мужчина – тихий такой, задумчивый.

Комнаты наши смежные. В дальней комнате разместились Катя с Мишей и Сережей. В большой, проходной комнате – я, Ксеничка и Павлик. Павлу отгородили шкафом угол около двери, чтобы он не мешал своим присутствием женской половине. Одним словом, разместились очень удобно.

По вечерам, когда Сережу отправляют спать, все мы сидим за большим круглым обеденным столом, и каждый делает свое дело – кто занимается, кто просто что-нибудь читает, а я сижу с ручным шитьем – нашла себе работенку надомную в местной пошивочной мастерской.

Миша все сделал так, чтобы я себя чувствовала себя хозяйкой: деньги с полочки все отдает мне, даже сам, когда нужно вдруг, просит их у меня. Я как-то сказала, что мне неловко даже как-то, а он говорит: «Так лучше, Елена Степановна, ведь вы корень нашей семьи. Пусть все это понимают». Я ему в ответ, что не гадала, не чаяла, а получилось вот, что даровал мне Господь на старости лет сыночка. А он в ответ мне, что, мол, совсем вы не старая – вы такая красивая и сильная, а что правда – так это то, что я вас за мать почитаю.

Рада я за него: зарабатывать он стал побольше, нет необходимости при нашей-то скромной жизни прирабатывать. Да и негде здесь, слава Богу – военный городок!

Михаил. 1938, 5 июня

Сегодня к нам в отдел приняли новую сотрудницу. Это очень молодая красивая женщина, видимо умная и интеллигентная. Мне она сразу понравилась: длинноногая, с широко распахнутыми глазами, светящимися какой-то радостью. Я поймал себя на том, что оценивающе рассматриваю ее с головы до ног: ее светло каштановые волосы, спадающие на плечи, грудь, которая натягивала пуговицы на ее блузке, изящный изгиб спины, красивые бедра и стройные длинные ноги... Такого со мной еще не случалось. И я задумался, что во мне переменялось?

Моя семейная жизнь вошла, вроде бы, в обычную колею... Катерина отличная хозяйка, все в ее руках спорится, Сережку она любит... Но вот наши с ней отношения совершенно изменились... Она холодна и бесстрашна. Я не могу сказать ничего плохого: она так же внимательна ко мне, как и раньше, даже ласкова иногда, но вот ночью она либо избегает близости, либо делает все так, будто исполня-

ет обязанности...

Грешным делом, я невольно часто вспоминаю Наташу Семиглазову. Я помню этот опшеломляющий ее натиск, постоянное желание обладать мной, несмотря на то, что я был всегда поначалу скованным и даже пассивным. Но ей удавалось растопить меня. Она и меня доводила буквально до иступления.

Наташа, наверное, понимала, что мысли о Кате мешают мне быть с ней самим собой. Но она умела сделать все, как надо. Я же, как ни стараюсь, мне не удается сделать то же самое с Катериной... Может, я что-то делаю не так?

Неужели так у всех? Неужели и Наташа охладела бы ко мне после нескольких лет супружеской жизни? Я понимаю, что бурная страсть может затихнуть, но ведь естественные отношения между мужчиной и женщиной должны продолжаться?.. Пусть это будет не пожар, а костер, но ведь должен же быть хоть какой-то огонь!

Катя ставит меня в такое положение, будто я ее домогаюсь. Я начинаю чувствовать себя каким-то безудержным самцом... Да, я ее желаю почти постоянно, я ведь нормальный мужик, мне нужна женщина с теми естественными эмоциями, которых я от нее жду. Но ответа от нее я не получаю...

Да и сам хорош! И Наташа в голове мелькает, а теперь вот эта новенькая появилась – Оля, или Оленёнок, как ее все называют. Она, и правда, напоминает грациозную газель...

Ну, что-то я не в ту степь попёр... Где же моя вечная любовь к Катерине?

А может, дело в том, что Катя все еще любит этого своего Илью? В это слабо верится. Я уверен, что она с ним больше никогда не встречалась. И я уверен, что у нее никого нет: она все время дома, с Сережкой. Может, пройдет еще время, и наши отношения войдут в нормальное русло?

Я очень этого хочу. Ведь я так ее люблю! Или любил?.. Нет, нет! Люблю! У меня, кроме нее, никого не было и нет.

Ксения. 1939, 12 мая

Мне уже пятнадцать... Мы переехали из Ленинграда под Москву – Мише дали новую работу. Живем мы очень дружно, семья наша мне ужасно нравится. Миша такой замечательный

человек! Я полюбила его, как старшего брата, он мне всегда и во всем помогает. Счастливая Катька! Какой у нее замечательный муж!

А я тоже влюбилась. Мама говорит, что эти нормально для моего возраста. Мальчик из нашего класса, на полгода моложе меня, но очень высокий, физически развитый и очень красивый. Зовут его Константин. Они с братом занимаются какой-то японской борьбой, а это требует очень хорошей физической подготовки. Костя – чемпион по гимнастике в Мытищах. Говорят, его на следующий год пошлют выступать на первенство Московской области. Он может выполнить на кольцах «крест», что не все спортсмены-гимнасты могут сделать. Он умеет колоть грецкие орехи, зажав их между большим и указательным пальцами. А когда в школе у нас делали медицинскую проверку и просили нас сжимать динамометр в ладони, то он сжал его так, что тот сломался!

Я тоже хочу стать гимнасткой, а еще лучше – балериной. Мы с Костей выступали однажды на школьном вечере, где он меня держал на ладонях вытянутых вверх рук. Он все пытался научить меня делать «стойку» на его руках, но я не смогла. Струсила – очень уж высоко! А ведь на полу у меня стойка получается очень хорошо. Ну, да потренируемся, на следующий год, может, и получится!

У Кости еще есть старший брат, его тоже Миша зовут, как Катиного мужа. Он-то и увлек Костю заниматься японской борьбой. Дело в том, что Миша с детства немножко хромает, переболел чем-то, поэтому его часто обижали мальчишки. Тогда он решил стать сильным. И теперь он хоть иногда и с палочкой ходит, но его лучше не тронь! Они с Костей каждый день чуть ли не по часу стучат ребром ладони по камню или по дереву. Им ничего не стоит резким ударом руки разбить деревянный брусок или даже кирпич.

А однажды была такая история. Три хулигана вечером подошли к Михаилу и хотели снять с него часы – видели, что человек хромает да с палочкой идет. Он двоим ударил по предплечьям и сломал руки, те завыли и убежали, а третьему завернул руку за спину и отвел в дежурное отделение милиции! Вот такой у Кости брат!

Костя мне очень-очень нравится. Я думаю, что когда мы вырастем, мы обязательно поженимся.

Михаил . 1939, 25 июля

Сегодня вызвали к военкому нашего института, который сообщил, что меня направляют с ответственным заданием на Халхин-Гол. Я последнее время занимался так называемым «акустическим

оружием» – звуковой имитацией движения танковой колонны в темноте, целью которой является спровоцированный огонь вражеской артиллерии по пустому месту. Идея примитивная, но оказалась очень эффективной: из двух динамиков расположенных на грузовиках на относительно большом расстоянии друг от друга транслируют запись шума от танковой колонны, меняя громкость и создавая иллюзию приближающихся танков, а меняя громкость в динамиках создается эффект перемещения танков, например, справа налево.

А направляют меня туда под видом командира орудийного расчета.

«Маньчжурская кампания», как ее иногда называют, уже идет более двух месяцев. Вот и мой черед наступил... Поеду заниматься «наукой» на фронте!

Катерина. 1939, 27 августа

Михаил уже почти месяц на фронте – воюет с японцами на Халхин-Голе. Мне стыдно признаться, что я даже обрадовалась, когда он объявил о том, что его посылают в Монголию. Нехорошо, конечно, – мужа на фронт, а жена радуется. Но я почему-то уверена, что с Михаилом ничего на войне не случится: он ведь направлен командиром орудийного взвода. Насколько я понимаю, пушки всегда стоят за линией фронта и палят оттуда по врагу.

Михаил пишет бодрые, иногда даже забавные письма. Как я и предполагала, его служба вполне безопасная, хотя в газетах много пишут о зверствах японцев и об их издевательствах над военнопленными. Но ведь сначала нужно в плен попасть! А Михаил как он пишет, служит в безопасном месте.

А то, что Михаила нет дома, упрощает мои отношения с Павликом, которые зашли уже очень далеко. Мы стараемся быть очень осторожными, но Павел совсем потерял голову. Иногда он ночью потихоньку, чтобы – не дай Бог! – никто ничего не услышал, приходит ко мне. Конечно, никто в мою спальню никогда не войдет, но все же ко всему прилепывается какое-то дополнительное будоражащее волнение...

Правда, однажды Сережа проснулся, наверное, сон страшный приснился, и прибежал ко мне, а Павел-то был как раз у меня. Хорошо, что он лежал у стенки, Сережка ничего не заметил, уткнулся в меня и тут же засопел, засопел и глубоко заснул. Отнесла я его обратно в его кроватку, но с Павлом уже больше ничего в эту ночь не получилось...

Но скоро все это кончится... Говорят, что самураев вот- вот вышибут из Монголии. Как мне быть дальше? Я так привыкла к этой жизни с Павлом...

Что же я наделала? Неужели не судьба мне жить так, как все живут? Все понимаю, что не так, что не по-людски... Но жизнь-то она одна! Что же так ее и жертвовать постоянно?

А ради чего жить, ежели не жить?

Елена Степановна. 1939, 5 сентября

Сегодня я была свидетельницей ужасного! Но все по порядку, а то собьюсь. С утра Ксения пошла в школу, а Сережу Катя отвела в садик. Потом она вернулась, и они с Павликом сели за стол заниматься, как всегда. Я взяла продовольственные карточки и пошла в каптерку отovarиваться, да с полдороги вернулась – очки забыла. А за этими жуликами глаз да глаз нужен – чуть что и выстригут лишний купон.

Я вошла в нашу комнату, посмотрела на тумбочку около кровати, где обычно кладу очки, не нашла их там, а потом вспомнила, что вчера я на ночь сказки Сереже читала, наверное там и оставила. Я влетела в Катину комнату и застала там Катерину на кровати с Павлом, когда они... Нет, я это даже не могу вымолвить! Они моментально вскочили и разбежались, в спешке приводя себя в порядок. Я, конечно, ничего не сказала Павлу, все же он не сын мне, а вот с Катериной имела долгую строгую беседу.

Она мне честно сказала, что «это» у них началось уже давно, еще в Ленинграде, что она так и не полюбила Михаила, а вот с Павлом ей очень хорошо. И Павел по-настоящему любит ее.

Я прямо растерялась и не знала, что даже сказать... Это же все ужасно! С одной стороны, мне Катерину жалко, а с другой, – это же полный разврат: спать с братом мужа! Я сказала ей, что презираю ее за это, за предательство Михаила, за совращение молодого еще Павла. Но ведь она моя дочь, ее не проклинать надо, а постараться как-то помочь... Да и что делать с Михаилом? Если он не знает и не догадывается об истине при всем его простодушии, может, лучше попытаться все свернуть и прекратить?

Ат я вся в слезах умоляла меня ничего не говорить Мише. Обещала, что она поговорит с Павлом, что они попытаются прекратить свои ненормальные взаимоотношения.

Боже мой! Что же творится-то? Какой срам! Ведь все это

происходит, когда Михаила нет дома – он на фронте, воюет с японцами на Халхин-Голе!

Что же мне делать? Покрывая Катерину, я становлюсь ее пособницей, а раскрыв все Мише, я только сломаю их семью! Может, положиться на волю Божью? Дай-то Бог, образумятся неразумные!

Павел. 1939, 5 сентября

Какой позор... Я не знаю, как мне теперь смотреть в глаза этой святой женщине – Елене Степановне! Да и она избегает меня. Ну, что же я этого заслужил...

Нет, что-то не так! Катерина не права, думать только о себе нельзя. Я не имею права поступать так по отношению к Михаилу! Ведь он на фронте, воюет с японскими самураями, а я тут предаюсь, черт знает чему, с его женой!

Мне уже почти двадцать один. Я должен сам отвечать за свои поступки. Я должен сам решать, что делать. Может, пойти в военкомат и попроситься добровольцем в Монголию?

Михаил. 1939, 22 сентября

Лежу я в госпитале с контузией. Домой ничего не пишу, чтобы не волновать зря домашних: ведь все обошлось!

А произошло вот что.

Вот уже больше месяца я был на фронте. Наши «акустические эксперименты» оказались не такими успешными, как мы ожидали. Был я прикреплен к одному орудийному расчету со своей акустической установкой. И вот однажды японцы начали сильный артобстрел, видимо, перед атакой. Мне в таком случае было предписано сворачивать установку и ехать в штаб, но под таким шквальным огнем это было невысказано. Так и оказалось, как мы ожидали: муравьиная масса врагов уже катилась на наши позиции. Наши дрогнули и начали отступать.

Соседние расчеты замолчали, может, их поубивало, может, просто побежали, не знаю, некогда было интересоваться. Оставшись одни, мы продолжали огонь, даже ускорив темп стрельбы. Вдруг какая-то шальная пуля сразила командира расчета. Я остался единственным из состава – времени на раздумье не было, и я

принял командование, благо, что за этот месяц насмотрелся, как надо действовать, и многое уже понимал. Самураи были все ближе и ближе. Уже послышался их истошные вопли: «Банзай!» Тут упал и подносящий. Я бросился на его место и стал подавать снаряды.

В это время со стороны наводящего разорвался снаряд, и он аж взлетел в воздух, рухнув бездыханным. Меня, к счастью, загордило орудие, а то бы и меня постигла та же участь. Но в ушах загудело, видимо, взрывной волной и меня хорошошибануло.

Сознаюсь, меня обуял страх, но рассудок подсказывал: бежать уже поздно, без защитного щита орудия меня изрешетят пулями... Я стал судорожно впихивать снаряды в орудие, закрывать замок и палил, палил по врагу, практически не целясь. Они были уже буквально в нескольких шагах, но почему-то вдруг дрогнули и побежали назад. Я продолжал стрелять им в след, как ненормальный. Я уже не чувствовал тяжести снарядов, потерял счет времени. И тут я пропал... Последнее, что я помню, это взлетающую к небу землю...

Очнулся я оттого, что кто-то тряс меня за плечо. Я, видимо, попытался сопротивляться, но услышал: «Браток, браток! Очнись! Это свои! Спасибо, что продержался! Без тебя не знаю, что и было бы!»

Ну, а потом госпиталь. Сегодня пришел командир артполка и сказал, что меня представили к медали «За отвагу». Я в ответ пошутил: «Да я просто струсил и не побежал, как все!» «Все бы так трусили!» – Ответил он мне и потрепал по плечу. Оказалось, что Вася, мой подносящий, был ранен в грудь и лежит в том же госпитале, а вот наводящий, погиб...

Ну, вот теперь и письмецо домой можно написать, хотя голова и не совсем еще хорошо варит...

Павел. 1939, 17 декабря

Сегодня пришла повестка из военкомата. Забирают в армию, посылают воевать с белофиннами. Я даже рад. Может, когда вернусь, кончится это сумасшествие с Катей. Я уже извелся: и с ней очень хорошо, люблю я ее, и в то же время Михаилу в глаза смотреть стыдно, а Елена Степановна меня, по-моему, просто презирает...

Катя, узнав, что меня забирают, просто с ума сходит.

Уже и Михаила всего издергала – «сделай что-нибудь» да «сделай что-нибудь». А что он может? Вон и сам только вернуться

с войны контуженный...

Да и чем я лучше других? Нет, надо идти! Да что я, собственно, рассуждаю? Можно подумать, что у меня есть другой выход!

А вот приду из армии, когда война кончится, то обязательно начну жить отдельно.

Михаил. 1940, 8 января

Кажется, сбывается моя мечта! После возвращения из госпиталя в военный исследовательский институт, где я работаю, вызвали меня к начальству и сообщили, что меня, как уже «пониохававшего порох», рекомендовано направить на важный участок – преподавателем-инструктором в летное училище по самолетному оборудованию при Военно-воздушной академии.

Я, конечно, согласился, размечтался, что, может, хоть вторым пилотом полетаю. Но не тут-то было. Классы, классы, классы... Учу будущих пилотов на примитивных тренажерах пользоваться радиоаппаратурой и прочими приборами. Да и сама аппаратура тоже примитивная: высотомер, измеритель топлива, радиосвязь да, пожалуй, и все. Курсанты меняются, не успеваешь к лицам привыкнуть...

Явно готовимся к войне... С кем? Ведь с японцами все закончили, с финнами тоже, с немцами – Пакт о ненападении...

Но кроме немцев, на горизонте врагов не видно.

А полетать на самолете ужасно хочется. Но боюсь, что и здесь медкомиссия не пропустит: у них очень жесткие критерии отбора.

А работы много, устаю. Да и в училище приходится из Мытищ ездить на электричке. Как-то не люблю я преподавать – руками или головой работать привычнее, чем языком воздух сотрясать...

Катерина. 1940, 28 января

Вот уже почти два месяца, как Павел на фронте... Я очень за него боюсь. Хоть его и назначили каким-то вестовым при штабе, но ведь в Финляндии так опасно. Это не открытые враги, а всякие финские «кукушки»: идешь себе с конвертом в штаб, а тебя снайпер с дальнего дерева – бабах! – и наповал! Такие страсти даже наши пишут в газетах! Вон какие-то белофинские шпионеры незаметно забрались на крышу дома, где располагался наш штаб, броси-

ли в трубу связку гранат, а сами, как с трамплина, сиганули с крыши и скрылись в лесу...

Павел часто пишет, но пишет, конечно, нам всем. Хорохорится. Видно, у них у всех порода такая макаровская – никогда не покажут, что им трудно. Присылает Сережке вырезки из фронтовой газеты – рассказы в картинках про Василия Тёркина. Ну, в газете-то армейской все замечательно обстоит: красноармеец одним махом чуть не сто белофиннов убиваю. На бумаге все всегда отлично. А вот в соседнем доме уже похоронку получили...

Господи! Да я тебе свечку поставлю: огради Павлика от смерти! И верить начну, как мама: она вон сначала, когда Михаила отправили на войну с самураями, поставила свечку на комод в углу, хоть у нас, конечно, никаких икон отродясь не бывало.

Вернулся бы! Я даже оставляю его, откажусь от своей любви... Лишь бы жив остался!..

Елена Степановна. 1941, 22 июня

Сегодня утром Левитан объявил о нападении на нас фашистской Германии... Встала я по «тарелке», как всегда утречком. Сегодня воскресенье, все еще спали... И тут: «Говорит Москва! Сводка Главного командования Красной Армии... С рассветом 22 июня 1941 года регулярные войска германской армии атаковали наши пограничные части на фронте от Балтийского до Черного моря...»

Я растолкала всех, собрались все у репродуктора. Левитан второй раз прочел сводку. Ждали мы этого, конечно, ждали, а все равно, как снег на голову.

А у нас с Сереженькой на сегодня уже были куплены билеты на теплоход в Заволжск, должны ехать к моим сестрам. Билеты на это воскресенье были взяты давно, когда Сереженька был еще в детском санатории в Закарпатье. У него оказалась при очередной проверке положительная реакция Перке, вот врачи и посоветовали послать его в легочный детский санаторий в Карпаты. Миша смог с трудом устроить его туда. Слава Богу, что Сережа вернулся за два дня до начала войны, а то говорят, что немцы продвигаются очень быстро и уже к середине дня захватили и часть Западной Белоруссии, и часть Закарпатской Украины...

А чтобы закрепить Сережино лечение, меня решили послать с ним сразу, как он вернется, на Волгу. И вчера мы уже были в полном сборе. Да и сборы-то у нас простые: пара моих платьев да

пара летних Сережиных костюмчиков... И вот на тебе – война!

Но Миша по-деловому сказал, что надо обязательно ехать, в Москве может быть опасно. У немцев хорошая авиация и они наверняка начнут бомбить Москву. Хорошо, что билеты на утренний рейс, пока еще не началась паника.

К одиннадцати утра мы уже были на теплоходе. Вот сидим мы в каюте. С нами едет еще одна пара, видимо, из важных персон: мамаша с сыночком. Мальчик сверстник Сережи, капризный, избалованный. Вечно всем недовольный. Мамаша этакая краля, при длиннющих наманикюренных ногтях, с перманентом. Кормит сыночка своего вареной курицей чуть не силком, помидоры откуда-то ранние... Это в июне-то!

Кто же такие? Миша хоть и военный, а на его зарплату не больно-то разгуляешься. Вот и в дорогу нам дали по бутерброду с вареной колбаской да картошки отваренной в небольшой кастрюльке. Как было раньше, так и осталось: у кого густо, а у кого пусто! Какой там коммунизм! Правда, радио послушать так все мы живем прям-таки в Царствии Небесном! Ну, да Бог с ними! Не в том ведь счастье, чтоб брюхо набить!

Думаю все про Катерину с Михаилом. Жаль мне его... Такой хороший человек: вон ведь какую семью на себя взвалил и тянет, улыбается, всем доволен. За Катю мне иногда так больно и стыдно становится, что едва сдерживаю себя. Но что поделать? Одна надежда – прости, Господи, за грешные мысли! – может, бедствие это всеобщее повлечет, образумит. Ведь пошлют обоих на фронт – и Мишу, и Павла. Будет время и Кате подумать, какую она для себя жизнь выбирает. А так ведь с двумя братьями напересменку спать – это же негожее дело! Ох, Миша, Миша! Святой ты человек...

Я вся в своих мыслях, а Сережа взялся читать. Хороший мальчик, я его так люблю! Не зря говорят: «Первый внучок – последний ребёнок». Он и зовет-то меня «Мама». Это еще с детства пошло. Когда мы с ним в Озерках под Ленинградом на даче жили. У всех детей мамы, ну и у него, значит, я стала мамой! Так и начал меня мамой называть, а Катя приезжает – и она мама! Пытались ему растолковать, да мал еще был: решил, что у него две мамы – одна большая, а другая – маленькая. Так и звал нас поначалу: меня – «Мама О-о», а Катю – «Мама А-а», как он тогда выговаривал «большая» и «маленькая» на своем птичьем языке.

Сидит и читает «Дона Кихота»! Это ж надо представить – первая книга в жизни и сразу Сервантес. Сейчас бьется над первой страницей. Перечитывает предложения по несколько раз, меня

про слова новые спрашивает. И я уверена, что ведь осилит! Он упорный. Ну, а мне вот и делать нечего: отобрал книгу внучек!

Что дальше-то будет? Когда нас провожали, сказали, чтобы мы не торопились обратно. Надо дождаться, пока наши немца в шею выгонят из Советского Союза. Думаю, долго ждать не придется: ведь у наших армия хорошая, самолетов-танков полно, да и в Сталина мы верим. С таким вождем не пропадем!

Катерина. 1941, 25 июня

Что за напасти! Ну, почему все так происходит?! Только вернулся Павлуша с финской, слава Богу, здоровый-невредимый – ему опять повестка из военкомата! Просила я Михаила: помоги, постучись в двери к своим знакомым. Он сначала молчал, а потом мне сказал: «Катя, началась война. Серьезная война. Вопрос о том жить нам свободными людьми или попасть под фашистское иго. У нас с Павлом есть долг – защищать Родину, свой дом, вас... Я ничего не буду делать, если бы я даже и смог... Как мы будем смотреть другим в глаза? Я и сам жду повестку со дня на день».

Павлика забрали еще вчера. Я, провожая его, не плакала, только в каком-то истерическом порыве при всех, даже при Михаиле, обняла его и крепко-крепко поцеловала в губы. У меня предчувствие, что я больше никогда его не увижу...

А плакала я уже потом, вечером. Даже не плакала, а полубеззвучно выла, стиснув зубы. Я ушла на улицу и бродила вдали от дома по пустырю.

По-моему, Михаил о чем-то догадался, что это больше, чем просто сестринская любовь к его брату. Да ну и пусть... Мне не до этого сейчас. А спросит – все ему расскажу, как на духу!

Чуть было не рассказала обо всем ему сегодня, когда он пришел домой. Но он был чем-то сильно огорченный. Я спросила его, в чем дело. Он ответил: «Меня не взяли... Подожди, Катя, не спрашивай меня пока ни о чем... Сказали, им здоровые нужны...»

Михаил. 1941, 13 августа

Получили сегодня первый солдатский «треугольник» от Павла. Он пишет, что уже на передовой. Его, как и на финской определили вестовым – видимо, посмотрели где-то его личное де-

ло. Я порадовался за него: на войне везде опасно, но все же вестовой – это не в окопе под пулями лежать. Катя сегодня опять устроила сцену с упреками, что я не уберег Павла.

А как уберечь? И чем мой брат лучше сотен и тысяч таких же, как он? Я ведь тоже еще раз попытался: пошел к начальнику академии, в которой сейчас работаю, и попросился на фронт. А что мне сказали? «Мы высоко ценим ваш патриотический порыв. Но пока берут только совершенно здоровых. А вы еще от прежней контузии не совсем отошли. Придется подождать. К тому же вы здесь нужнее. Вы понимаете, как важно сейчас подготовить как можно быстрее и как можно больше опытных летчиков? Вы ведь по образованию специалист по электрооборудованию? Нам сейчас такие специалисты нужны позарез!»

Сказали, что буквально на днях академия эвакуируется в Приуральск. Уж скорее бы. Соскучился по Сережке, наверное, уже здоровый вымахал – в этом возрасте тянутся вверх быстро! Да и без Елены Степановны пусто... А особенно по ней Ксеничка скучает. Как только обоснуемся в Приуральске, тут же вызову Елену Степановну с Сережей из Заволжска.

А пройдет полгода – опять на фронт попрошусь. Я же вполне смогу служить в авиачасти техобслужбой.

Павел. 1942. 19 ноября

Лежу я в госпитале в Приуральске, куда меня перевели из прифронтового госпиталя. Это Михаил похлопотал об этом, а то могли в Казахстан послать. А здесь хорошо, со своими!

Врачи удивляются, каким чудом я выкарабкался! А дело было так. Уже входил я в землянку к командиру полка с очередным донесением от комбата, как сзади – шарах! Больше ничего не помню. Очнулся только на вторые сутки уже в медсанбате. Открыл глаза, надо мной улыбающееся лицо Вари – медсестры... И какими судьбами она тут-то оказалась?

С Варей у нас был еще до того небольшой роман. Ну, что значит роман? Ничего особенного: там не разгуляешься – она в санчасти, я – вестовым при штабе полка. Ну, целовались по укромным местечкам да обнимались, вот и всё. Варя – хорошая девушка. Ей всего-то едва восемнадцать стукнуло, пошла добровольцем на фронт. Сама из какой-то сибирской глухомани, из деревенской семьи. И десяти классов даже не кончила, обманула в военкомате, что-

бы записали.

- Ну, что, милоч? Ожил? А врачи уж и не чаяли! Тебя же осколком со спины насквозь прошило! На полтора сантиметра выше сердца, слава Богу, а то бы каюк! Говорят, пол-легкого потерял, но жить будешь. Ты у меня живучий!

Она часто приходила ко мне, вся такая прямо светящаяся. С ней было так хорошо... Сядет, бывало, около койки на стул, возьмет мою руку в свои руки и болтает всякую милую чепуху.

Однажды, когда меня уже собрались выписывать, пришла, села, как всегда рядом, да как заплачет навзрыд. Мои соседи по палате деликатно отвернулись. А она стала целовать мое лицо, мокрое от ее же слез, и сбивчиво зашептала:

- Ты меня не забывай, родной мой! Я свыклась с тобой. Ты мне пиши, вот тебе адресок мой. И вот фоточка моя тебе на память. А ты мне свою пришли, когда на ноги совсем встанешь. Отвоевался ты, поди. Посылают тебя в тыловой госпиталь на поправку. Приедешь туда – не забывай меня, хорошо? И пиши мне, пиши! А я тебе обязательно отвечать буду... Полюбился ты мне.

Я молчал, в горле у меня ком стоял. Я тоже чувствовал к Варе какое-то возвышенное, почти святое чувство. Я представлял себе, как было бы хорошо уехать с ней после войны в далекую Сибирь, начать жить вместе с ней, нарожать кучу детей, жить легко и свободно, без чувства вины, без презрения к самому себе!

Тут она опять сбилась на скороговорку:

-Я тебя буду ждать, всю войну буду ждать. Я себя сохранию для тебя. Я ведь и с тобой девичества своего не потеряла, а уж как я тебя люблю! И ты меня жди, хорошо? Я знаю, там, в тылу, полно всяких кралей, но ты жди меня, жди! Ведь мы поженимся с тобой, правда, Павлушенька ты мой ненаглядный... Правда?..

Пишет она мне, часто пишет, в госпитале все удивляются – никто столько солдатских «треугольничков» не получает! И когда время-то выкраивает там, на фронте? Я-то здесь лежебокой, а и то не успеваю отвечать. Послал ей свое фото, как она просила.

А тут опять попал, как в водоворот... Как из него выплыть? Как только появился я в приуральском госпитале, у меня каждый день то Катя, то Ксения, то Елена Степановна. И Михаил заходит навещать. Я, конечно, им безумно рад всем. А вот как вести себя с Катей и не представляю. Она, когда мы одни остаемся, плачет от радости, что я вернулся. Говорит, что вот только Сережа вырастет, она ему все объяснит и разведется с Михаилом... Гово-

рит, что она с ним все равно жить не может. Я пытаюсь ее урезонить, сказать, что надо бы нам прекратить наши отношения ради всех: ради Михаила, ради мамы, ради сына... А она на это резко так спрашивает меня: «Уж не связался ли ты с какой «фронтвой подругой»? Больно рассудительный стал!»

Да, запутался я совсем... И Кате прямо ничего сказать не могу, и с Варей не знаю, что делать...

Катерина. 1942. 10 декабря

На прошлой неделе Павла, наконец, под расписку отпустили домой. Будет дожидаться дома. Он уже довольно хорошо себя чувствует, ходит, даже на улицу выходит, когда надо идти на процедуры в госпиталь. Правда, без посторонней помощи он это делает только последнее время. Обычно я хожу с ним. Пытаюсь поцеловать, приласкать, но он какой-то холодный...

Вчера стала я его гимнастерку перевешивать в гардеробе, чувствую, что-то у него в нагрудном кармане. Достāju, смотрю – фотография какой-то школьницы. Думала, наверное, из школы какая подружка ему прислала в письме.

А потом случайно нашла его планшкетку, которую он привез с войны – вестовому такая положена. Открыла планшкетку, а там!.. Огромная пачка писем! Стала я их читать и у меня аж волосы на голове зашевелились! Он, оказывается, роман крутил с медсанбатовской сестрой! Ну, и тихоня! А мне ни гу-гу. А письма-то не только в прифронтвой госпиталь, но и на этот адрес, в Приуральск! Значит, он ей и отсюда писал! Прочитала я письма и поняла, что у них это всерьез.

Ну, уж нет! Я своей семейной жизнью, можно сказать, пожертвовала, с матерью отношения испортила... Вот только Михаил пока ничего не знает и, может, даже ни о чем не догадывается. А Павел Платонович, видите ли, решил искать счастья на стороне! Нет уж! Забудешь у меня свою фронтвую б...дь!

Павел. 1942. 12 декабря

Сегодня, когда мы остались с Катей вдвоем, она устроила мне страшную сцену ревности, с криками и даже с матерными

словами. Такого с ней никогда не случалось, хотя и поводов я никаких раньше не подавал.

Она нашла Варины письма, ее фотографию... Она при мне разорвала фотографию на мелкие кусочки, а письма бросила мне в лицо:

- Что, связался с малолеткой на фронте? Там что, помоложе б...ей выбирают, чтобы за вами ухаживать? Скоро папочкой надеешься стать? На каком она уже месяце? И может, ты не один у нее муженек? Может, усыновишь «сына полка»? Как это там: «Нам не страшен серый волк, нас ведь делал целый полк», да?

А про меня подумал? Я ради тебя всем пожертвовала...

Тут она совсем разревелась... Я не знал, что мне делать. Я стал ее утешать, что-то обещать... Я проклинал себя за слабохарактерность...

Катерина сказала, чтобы я поклялся, что больше не буду переписываться с Варей. И я пообещал... Да какая там, к чертовой матери, слабохарактерность! Это просто полное отсутствие характера! И из-за этого станет несчастным еще один человек... Опять предательство... Что же у меня за судьбина такая?.. Я же не хочу никому зла...

Катерина. 1943, 8 января

Сегодня была я дома одна, вдруг стук в дверь. Открываю и вижу: стоит молодая девушка, в холодном демисезонном пальтишке, в береточке, с небольшим чемоданом, перевязанным брезентовым жгутом. Я сразу догадалась, вспомнив фото: это Варвара, фронтовая Павлова любовница. У меня и мысли не возникло ее в квартиру впустить. Спрашиваю:

- Вам кого?

- Мне ваш адрес дали... Здесь живет Павел Макаров?

- Здесь... А вы кто?

- Я его знакомая... Мы вместе воевали, в одной части... И переписывались... Он мне из госпиталя писал. Я вообще-то медсестра.

- Ну, а я его жена. Приятно познакомиться! Меня зовут Екатерина, а вас?

- Варвара... Варвара Белкина...

Смотрю, девушка растерялась, не ожидала такого оборота.

Ну, думаю, нужно побыстрее все кончать, пока Павел из госпиталя не пришел, где он был на процедурах.

- Понаслышана я про вас от Павла. Он тут каялся, просил прощения за свои фронтовые грешки... И о чем же таком вы с ним мечтали, милочка моя?

- Да как сказать... Мы хотели пожениться после войны...

- Ну, дорогуша, во-первых, война еще не кончилась, а во-вторых, он женат. До войны еще был женат! Так что обманул он вас!

Варвара стояла, будто громом пораженная. На глазах у нее заблестели слезы отчаяния.

- Так что, дорогая фронтовая подруга, – я нарочно выбрала слова пообиднее, – забудьте про Павла и навсегда, забудьте этот адрес, не пишите больше ему никаких писем. У нас с ним сыну уже почти пять лет, а вы про «поженимся после войны»! Так что прощайте. Дай вам Бог, как говорится, удачи на вашем, извините, женском фронте. Но про Павла забудьте!

Я захлопнула перед Варварой дверь. Боялась только одного: вдруг она не успеет уйти, и ей встретится Павел... Я прислонилась ухом к фанерной двери и с облегчением услышала, удаляющиеся шаги. Я быстренько оделась и побежала к госпиталю, чтобы задержать там Павла, а потом повести его домой какой-нибудь окружной дорогой, чтобы, не дай Бог, не встретился бы он с Варварой! Главное успеть до Сережиного прихода из школы, а то у него ключа нет, а мама стоит в длиннющей очереди в каптерку отовариваться по карточкам, когда она придет, неизвестно.

Павел. 1943, 22 марта

Скучаю я по Варю. Уже почти четыре месяца от нее ни слова, ни духа... Катя со мной такая ласковая добрая, ластится ко мне, а я ей ответить ничем не могу: пропало у меня желание... Все про Варю думаю, разные ей ласковые имена придумываю. Думаю, вот придет, как обещала ко мне, я всем скажу, что уезжаю с ней в Сибирь, куда-то под Красноярск. Варя рассказывала, что там, в долине, где их деревня, какой-то необыкновенный для Сибири климат: помидоры и огурцы за лето вырастают. А помидоры такие здоровенные и сочные, что их даже в народе зовут «бычье сердце». Такие больше нигде в

России не встречаются. Но что там помидоры! Даже арбузы растут, правда, не созревают, но их солят, и Варя говорила, что вкусноты необыкновенной: мужики такими солеными арбузами «водочку закушивают», как она выразилась.

А вчера сон цветной видел. Видел себя, будто со стороны: иду я босой за бороной, землю отваливаю, борозду веду ровную, глубокую. Лошадка кауряя только пофыркивает. Я иду почему-то с длинной седой бородой, в длинной русской рубахе, не подпоясанной. А рядышком на завалинке хорошего большого сруба сидит Варя с кучей детишек мал-мала меньше, мне улыбается. А за мной грачи идут по борозде, червячков выискивают. Вдруг один из них – тят! – меня за пятку!

Проснулся я от этого, а жаль сон бросать, уж больно мне хорошо там, в нем, было, хочу опять заснуть, Варечку увидеть. Но сон прошел, как рукой сняло. Да и понял я, что не себя я видел, а Льва Толстого, прямо как у нас в школьном учебнике по литературе был! Да и впрямь, с чего бы сейчас боронить-то бороной, когда советская власть столько тракторов понаделала!

Как там она, Варенька? Жива ли? Все-таки фронт, что ни говори... Нет, наверное, жива, письма мои назад не возвращаются, значит, получает их. А вот что молчит? Может, завелся кто у нее? Она ведь девушка и видная, и характером привлекательная. Такую любой полюбит! А она, вон, меня выбрала... Неужто забыла или изменила мне?..

Сережа. 1943, 5 апреля

Не помню, кто из нас придумал испытывать себя на храбрость. Мол, сейчас война, поэтому нам нужно вырасти храбрыми. Началось все это еще в прошлом году. Сначала мы лазили на трубу котельной. Она высоченная, выше нашего пятиэтажного дома. Нужно было залезть на самый верх, а потом еще заглянуть внутрь. Ужас, какой страх!

А прошлой осенью с наступлением сумерек ходили на кладбище – тут неподалеку – собирать малину. Малина-то вкусная, но страшно: все время мерещится, что мертвяки из могил вылезают.

А вот теперь новое испытание кто-то придумал, кажется, Кирька-Конопатый. Живем мы в бывшем студенческом общежитии около сортировочной станции. Постоянно по путям курсирует маневровый паровозик и перетаскивает вагоны с места на место. Так вот, каждый должен был в свой черед лечь между рельсами и

ждать, когда над тобой проедет паровоз, обычно с двумя-тремя прицепленными товарными вагонами. Хотя это очень страшно, некоторые смельчаки делали это по два-три раза. Сам Кирька, я видел, ложился под паровоз три раза.

Мне было так страшно, что я оттягивал свою очередь и вообще надеялся, что это всем наскучит, а до меня так очередь и не дойдет. Но не вышло. Сегодня и мне пришлось...

Лег я на живот на шпалы между рельсами, весь к земле припал, руки по швам протянул, как по стойке «смирно», жду с замиранием сердца, когда же этот проклятый паровоз надо мною проедет. Лежу-лежу... Начал считать про себя, но от страха сбился со счета. Прошел, наверно, час... Сердце стучит аж в пятках...

Вдруг что-то касается моего плеча. Я замираю совсем... Но оказывается, это подошел все тот же Кирька и сказал: «Вставай, Серега, паровоз пошел не по той ветке. Но ты молодец, не сдрейфил!»

Катерина. 1943. 19 апреля

Жизнь идет размеренно-однообразная. Я продолжаю учиться в мединституте, куда я поступила еще до перевода Павла в Приуральский госпиталь. Времени свободного остается довольно много, так как дается много часов на домашние задания: зубрим по-латыни названия всяких органов вплоть до каких-то ничего не значащих костных бугорков на черепе. Мне все это дается легко, благодаря моей памяти, про которую многие говорят, что она у меня феноменальная.

Обычно я беру с собой Павла, и мы идем на улицу, садимся там на бортик детской песочницы, он дышит свежим воздухом – это необходимо для его легких, а я долблю ненавистную латынь.

Вот и сегодня мы вышли на улицу. Теплынь! Настоящая весна. Я предложила Павлу пройтись. Пошли потихонечку. У нас рядом кладбище – ну просто тебе Парк культуры и отдыха: по краям все заросшее, кусты малины, а внутри аккуратные тропиночки, деревья.

Павел идет какой-то печально-виноватый. Я решила взять быка за рога:

- Что всё свою фронтную потаскуху вспоминаешь?

- Не надо, Катя, это ты зря!.. Варя очень хорошая девушка. Она не похожа на других. Она чистая и невинная, ну, как... как...

- Как Святая Богородица! Одному только Господу-Богу отдалась, да и то непорочно, ха-ха!

- Нет, мы с ней очень дружили, но у нас ничего такого не было... Мы ждали, вот война кончится...

- Павлик, дорогой мой! Выбрось ты ее из головы, тебе жить легче будет. Ведь если бы любила, небось, за столько времени хоть разочек написала бы! Ну, кто ты? Старший сержант в отставке, а там вокруг нее в медсанбате капитанов да майоров – пруди пруди! Свято место пусто не бывает, а уж не свято – тем более.

- Может, ты и права, Катя... Вообще, кроме тебя, нет у меня настоящих друзей... Я тебе очень благодарен за это.

- Ну, вот и ладно. Вспомни, как нам с тобой было хорошо! Я ведь тебя и по сию пору люблю больше всех на свете.

Обняла я его за плечи, поцеловала в щечку. Верну я его, верну! Но на сегодня, решила я, хватит. Главное не перегнуть палку. Все опять наладится. Все опять будет хорошо.

Михаил. 1943, 12 июля

Война далеко еще не кончилась, но принято решение «наверху» нашу академию передислоцировать обратно в Москву.

Меня опять назначили начальником эшелона. Видимо, мой первый опыт, когда мы ехали в эвакуацию в Приуральск из Москвы, оказался удачным – я был тогда замом начальника эшелона. Кроме того, многие избегают и лишней ответственности, и лишних хлопот. Но ведь кто-то должен это делать! Я не привык отказываться.

Едем всей нашей прежней семьей, включая Павла. Он, было, собрался, когда совсем поправится ехать куда-то под Красноярск, там живут родители девушки, с которой он познакомился на фронте. Это он мне по секрету сказал. Хотел устроиться там работать и дожидаться ее возвращения с войны. Но почему-то его планы поменялись, я не расспрашивал, а он сам мне ничего больше не говорил.

Ну, да он человек взрослый, сам во всем разберется. Я вот думаю, что ему нужно в мою академию поступать: фронтовик, тяжелораненый, медаль «За боевые заслуги» после ранения получил. Прямой путь в военную академию, да и я смогу помогать ему в учебе –

ведь как-никак, а большой был перерыв после школы.

Сейчас я весь в заботах об эшелоне: составляю план размещения сотрудников и их семей, слежу за переоборудованием «телячьих вагонов» под перевозку людей, планирую дорожный рацион, договариваюсь с железнодорожным начальством о графике движения... Дел по горло.

Мне самому предложили с Катей и Сережей занять половину купе в одном из двух плацкартных вагонов «для командования», но я отказался. Во-первых, я не могу бросить Елену Степановну с Ксеньей одних, а во-вторых, мне сподручнее ехать в середине эшелона и быть с остальными людьми, чтобы лучше понимать их нужды. В результате мы все, включая Павла, разместились в уголке «геплушки», а всего в нем едет четыре семьи, тоже по четыре-пять человек. В тесноте, да не в обиде!

Главное, что возвращаемся в Москву! У всех приподнятое настроение. Хотя ожидается, что еще возможны фашистские бомбардировки, но этого никто не боится. Все говорят о том, что даже в тяжелое время боев под Москвой в городе продолжали строить новые станции метро. И потом ведь Сталин никуда не уезжал из Москвы, продолжая командовать из Кремля, хотя все правительство эвакуировалось в Куйбышев.

Да, трудное время! Но у России вся история такая, не легкая. Все время враги, то татары, то шведы, то ляхи, то французы, то немцы!.. А стоит, Матушка-Русь, держится, хоть и поистрепана вся...

**Ты и радость моя, ты и грусть,
Беспашная, нищая Русь!..
Капли слёз – твой купола.
Крест, как меч, небеса раскроил пополам,
И колотят уныло колокола...
Тьма и мрак... И монгольского ига мгла...
Жар пожарниц от края до края пылал...
Всё ты сдюжила и перемогла!
И надув парусами церковей купола,
Вопреки и назло, ты, как вечность, плыла.
И звонили во здравие колокола:
Ты смогла даже то, что и смочь не могла!
Только всё же, как слёзы, церковей купола...
И какая-то на сердце тихая грусть...
И, как вечность, плывет неизменная Русь.**

Сереза. 1943. 25 августа

Со мной произошло чудо: я увидел настоящую сказочную фею! Мы только приехали из Приуральска, из эвакуации в Москву. Папе дали отличную двухкомнатную квартиру даже со своим умывальником. Это в семейном общежитии военной академии. В Приуральске мы все жили в одной комнате – папа с мамой, бабушка, Ксенька и дядя Павел, когда его выписали из госпиталя. А здесь – две комнаты на пятом этаже!

И вот спускаюсь я однажды по лестнице вниз. Лестница у нас такая: в середине дыра для лифта, а самого лифта нет. А навстречу мне поднимается удивительная девочка: красивая, ужас! Глаза голубые, ресницы офигенные, светлые косички с белыми бантиками, матросочка с белой юбочкой, носочки беленькие... Я посмотрел на нее и обмер. И она посмотрела на меня и улыбнулась. Что со мной случилось, не понимаю. Я как будто одурел! Я остановился и смотрел ей вслед, пока она не скрылась на четвертом этаже.

Я разузнал, что зовут ее Алла Бойко, что живет она почти под нашей квартирой.

Теперь мы часто встречаемся на улице, но я с ней ни разу не заговорил. Как-то не получается. Правда, иногда по вечерам сидим мы, мальчишки и девчонки, на длинной скамеечке около входа в дом. Девчонки с одной стороны, мальчишки с другой. На этой скамейке днем старушки сидят, отдыхают и о чем-то говорят. А мы вечером сидим, всякую чепуху друг другу рассказываем. Но ни разу не получилось, чтобы я и она оказались рядышком.

Я очень люблю играть в футбол. Играю в вратарем. Меня все зовут «тигром», как Алексея Хомича. Я бросаюсь за мячом тоже, как Хомич. И даже ходить начал немного вперевалочку, как он. Почестному, он больше похож на орангутанга, а не на тигра, но вратарь потрясающий! Меня принимают играть даже старшие ребята, все знают, какой я вратарь.

И вот, когда Алла проходит мимо, то я могу вытворять такие чудеса! Я смело бросаюсь под ноги этим здоровым парням и выхватываю у них мяч из-под самых ног. А недавно я взял пеналь, когда играли двор на двор.

По-моему, Алла замечает меня, когда я играю в футбол. Мне кажется, что между нами натягивается тоненькая ниточка. А может, мне только кажется. Или хочется, чтобы так было...

Иногда она идет по улице, я иду следом за ней и смот-

рю ей в спину. И она вдруг оборачивается, а я тогда нарочно смотрю в сторону, а сердце мое стучит быстрее, чем всегда. А если вдруг наши глаза встречаются, то у меня начинает сладко сосать под ложечкой...

Михаил. 1943, 12 сентября

Вот мы уже в Москве, вернулись из эвакуации. Наши перешли в наступление, по крайней мере, отогнали немцев от Москвы. Пока еще оконные стекла заклеены крест-накрест полосками из газетной бумаги, но надеемся и их скоро снять.

А вообще война идет пока с переменным успехом. Враг оказался сильнее и организованнее, чем нам говорилось по радио в начале войны. Конечно, в нашей победе никто не сомневается, но понятно, что достанется она нам огромной кровью...

Серезка совсем большой, пошел во второй класс, хотя там ему делать нечего – он бегло читает, знает наизусть массу стихов, благодаря Елене Степановне, умеет считать даже в уме, знает латинский алфавит – это он у Кати с Ксенией научился: обе учатся в медицинском институте.

Павла, как участника и инвалида войны удалось без конкурса устроить в Военно-воздушную академию. Его приняли без всяких разговоров, хотя сдал он слабенько, но он – участник войны. Хоть наград он особых и не заслужил, но желтая «лычка» тяжелораненого у него всем видна. Ну, и я замолвил словечко, хотя его бы, почти уверен, и без моего вмешательства приняли.

Он немного странный парень, но возможно сказалось сильное ранение – он ведь чудом выжил! Он очень привязан к нам, Катерина его любит, как младшего брата, переживает за него. Правда, иногда мне кажется, что она чересчур с ним как-то по-женски ласкова. Да и он в ее присутствии млеет, уши горят, как флаги... Надо бы Кате сказать, что не стоит парня испытывать – влюбится еще, чего доброго! Это ей все просто забава – она еще в школе любила парнями крутить-вертеть, а потом над ними же надсмехалась.

А вообще мне повезло с семьей, не могу нарадоваться: Елена Степановна – просто золото! Ксеничка – воистину мне, как младшая сестричка: ласковая, добрая, благодарная. Павел тоже хорошо вписался: Ксения относится к нему, как к родному брату.

С Катей какие-то нелады у меня продолжают. Я невольно вспоминаю все время Наташу Семиглазову, думаю, как могла бы сло-

житься моя жизнь с нею. А тут еще эта Оля-Оленёнок!.. За ней все выются как мухи над медом, а она приклеилась ко мне. В столовую – со мной, я на лестницу покурить – и она, как хвост. С одной стороны приятно, лестно, а с другой... Я уж ей говорю: «Оленька, неудобно, я же женатый человек, у меня сыну десять лет». А она на это отвечает: «Вот и хорошо, я тебя и не боюсь, а мне защита нужна от этих “ухажеров”!» И взяла теперь моду у других спрашивать: «Вы не видели моего женатика?» Сначала все хихикали, а потом привыкли: ну, что, право, она мне в дочери годится! И мне с ней хорошо, какое-то тепло от нее исходит. Но все это не то... Мне нужна любимая женщина рядом, все время...

А моя семейная жизнь? А какая нормальная семейная жизнь в таких условиях может получиться: на шесть человек всего две комнаты. Да и Сережа совсем взрослый парень, ему с нами в одной комнате спать нельзя. Как мы ни комбинировали, ничего лучшего не придумали: Елена Степановна с Ксенией на одной кровати в маленькой комнате, там же и Сережа, а мы с Катей в столовой, где за шкафом в другом углу спит Павел. Хотя это тоже ужасно... Ну, а что еще можно придумать? Ведь все мы, кроме Елены Степановны и Сережи, по вечерам сидим, занимаемся – все учатся, а я диссертацию решил писать, пока готовлюсь.

В таких условиях не до исполнения «супружеского долга». Может, поэтому Катя со мной и такая бесстрастная. Да, поневоле вспомнишь Наташу, ее жаркое тело, ее неистовые поцелуи...

Катерина. 1944, 8 июля

Кажется, Павел капитулировал! На Варвару он в глубокой обиде, она не отвечает на его письма. Он, оказывается, даже ей в Сибирь в деревню писал, но и оттуда нет ответа. Конечно, не говорить, же ему, что я трижды письма от Варвары находила в нашей ячейке в общем почтовом ящике, что на первом этаже... Письма ни о чем – я их все прочитала, прежде чем разорвать, но все равно от *нее*. Впрочем, там были такие за душу берущие слова, что не дай Бог, попались бы они на глаза Павлу!

Как-то Павел решил мне душу излить, опять стонал, что мы с ним грешим, а у него, мол, был свет в окошке да погас. Я его, чтобы выбить дурь из его башки, сказала, что иного и ожидать было нечего: молодая, красивая баба, мужиков вокруг полно вьется... Как ей устоять?

Да, здорово мне повезло, что тогда мне удалось перехватить Варвару! Иначе Павел бы точно пропал из моей жизни.

По-моему, я его все еще сильно люблю. Но иногда возникает мысль, что это просто играет во мне чувство собственности: даже если он мне и не очень-то нужен, все равно он – мой! Да нет, нужен он мне, нужен! Никого другого у меня ведь и нет.

Недавно, когда остались одни, я вспомнили свои «уроки». Опять завела Павла так, что он голову потерял. Ну, я же знала, что молодость свое возьмет – нужна я ему!

Но происходило все в спешке, он все время боялся, что кто-нибудь придет. Может, из-за этого у него все плохо получалось. Он даже расстроился, но я его успокоила, сказала, что после сильной контузии половые потенции восстанавливаются медленно. Он, вроде, моим аргументам поверил. А я-то сама боюсь, что у него это связано с переживаниями из-за Варвары.

Ну, ничего, буду постепенно «лечить» его.

Сережа. 1 сентября, 1944

К началу нового учебного года папа подарил мне несколько классерных альбомов для марок и большую карту Мира, которую повесил на стену над моей кроватью. Я не понял, зачем мне так много пустых альбомов, но вечером, когда папа пришел с работы, он достал из ящика своего письменного стола огромную коробку из-под монпансье, полную марок!

Мы сели с ним за наш огромный обеденный стол и разложили на нем все это богатство. Я уже копил марки, и папа знал об этом, поэтому такой подарок для меня был бесценным. Я увидел такие марки! Там были даже марки таких стран, о которых я даже никогда не слышал, а некоторые из государств даже уже и не существовали вовсе. Как это звучало: Шлезвиг-Гольштейн, Вюртемберг, Ньяса, Германская Зюйд-Африка, Королевство Сардиния... Маркам Королевства Сардинии было уже почти сто лет, если не больше, они были рельефные, тисненые с профилем тогдашнего короля. На них еще даже и клей тогда не наносили.

Папа сказал, что он советует мне все марки стран, которых уже нет, поместить в один самый маленький классер и никогда никому их ни на что не обменивать, потому что эти марки ценности страшной!

Потом он объяснил, что карта мне для того, чтобы я маленькими булавочками с флажками отмечал, какие страны у меня в коллекции есть. Он мне сказал, что коллекционировать марки просто так, не имеет смысла – их сотни тысяч, не хватит ни времени, ни

денег, ни терпения. А вот собрать хотя бы по одной марочке каждой страны – это уже достижимая цель. К тому же заодно и географию выучу!

Потом мы с ним вместе сделали одну страничку моих будущих альбомов. Папа взял энциклопедию, нашел «Лихтенштейн» и на отдельном маленьком листочке размером с большую марку папа написал: Княжество Лихтенштейн. Столица – Вадуц. Площадь – 157 кв.км. Население – 24 тыс. чел.

Он вставил этот ярлычок в кармашек кляссера, а под ним разместил несколько марок Лихтенштейна. Он сказал, что место справа от ярлычка стоит оставить, чтобы потом найти и нарисовать маленький флаг страны и вставить туда.

Потом он сказал мне, что мы поедем в выходной на Кузнецкий мост к филателистическому магазину, где «барыги» продают и обменивают марки, и купим несколько марок экзотических стран, например, острова Фиджи, Святой Маврикий, Бутан, Гоа – что удастся. Он подвел меня к карте, показал эти и некоторые другие крохотные государства и колонии и кое-что рассказал мне о них.

Эх, скорее бы настало воскресенье!

Ксения. 3 сентября, 1944

Сегодня выходной, к нам приезжал в гости Костя Рыбаков. Он сильно возмужал, стал еще красивее. Все такой же скромный и добродушный парень. Его у нас дома все любят, Сережка от него просто без ума. Костя привез Сережке настоящий футбольный мяч и пошел на несколько минут поиграть с ним футбол. Сережа был вратарем и уж такие вытворял чудеса, чтобы понравиться Константину! Потом во дворе собрались мальчишки и начали играть, разбившись на две команды, а Костя вернулся к нам.

Мы посидели вместе со всеми, выпили воскресного чайку, а потом пошли в кинотеатр «Динамо» на какой-то трофейный фильм. В кино он нежненько взял мою руку, наши пальцы сплелись, и мы просидели так до конца фильма... О чем был фильм я и не помню.

Я так люблю Костю! Он такой нежный, внимательный. Сейчас он заканчивает летное училище, станет летчиком. Я думаю, что когда он кончит училище и получит направление, то я поеду с ним.

Он живет по-прежнему со своими родителями в Мытищах. Его брат, Михаил, женился, у него уже маленький сынишка.

Я тоже очень хочу поскорее уехать и начать свою собственную жизнь. Неудобно на Мишиной шее сидеть – я ведь совсем взрослая. Да и трудно Мише – экую семью один на своих плечах тащит! Хоть и семижильный он, но и его пожалеть надо. А ведь кроме него, никто не работает. Правда, Павел получает что-то как слушатель академии.

Живем мы довольно тесно, все в двух небольших комнатах. Я с мамой сплю на одной кровати в маленькой комнате. В той же комнате спит и Сережа на детской еще кровати, у которой сделали дырку в задней стенке, куда он протягивает ноги и кладет их на табуретку.

Посреди большой комнаты стоит большой дубовый стол, который путешествует всюду с нами. Он громоздкий, с толстыми резными ножищами, но очень удобен для нашей семьи: мы все одновременно можем за ним обедать, а по вечерам все сидим за тем же столом со своими занятиями. Мы с Катей зубрим наши медицинские учебники, Миша пишет свою диссертацию, Павел готовится к завтрашним занятиям в академии, а Сережка обычно сидит и читает: он все уроки быстро делает сразу после школы. Мама сидит тут же и что-нибудь шьет или строчит на своем «Зингере» у окна, выходящего на балкон. Машинка хоть и очень старенькая, но очень надежная и удобная, на колесиках, ее, куда хочешь, можно легко передвинуть. А Миша ей еще сварганил что-то вроде настольной лампы – прямо такая рука с локтем-шарниром: можно так согнуть, что освещает, что надо.

Из «гарелки», которая висит на стене, все время льется какая-нибудь музыка или говорят последние известия. Иногда и интересные спектакли передают. Тогда невольно отрываешься от своих дел и слушаешь. Но нужно сказать, что этот постоянный шум никому не мешает, мы к нему привыкли. Даже трудно представить себе жизнь без радио: мы с ним просыпаемся и с ним же ложимся спать.

За вечер мы несколько раз пьем чай, устраивая перерыв. Миша наловчился колоть сахар на мелкие-мелкие кусочки. Получается, что мы пьем чай почти «приглядку». Но иначе на скудный карточный паек не проживешь: на всем приходится экономить.

Но зато как дружно мы живем! Когда у меня будет своя семья, я обязательно нашу жизнь устрою вот так же: всегда все вместе, всегда каждый готов помочь другому. Правда, у нас-то сейчас только Миша может помочь каждому из нас, даже нам с Катей: он иногда объясняет нам значения некоторых иностранных слов, вклю-

чая медицинскую латынь. Но не мудрено, он самоучкой освоил немецкий, французский и английский: говорит, что ему очень это нужно для написания диссертации.

А какой это праздник, когда мы все вместе садимся за этот наш стол делать пельмени! Пельмени – это наше семейное блюдо. Мама раскатывает тонюсенькие листы из теста. Миша нарежет коньячной рюмкой махонькие кружочки, Катя накладывает в заготовки пельменей мясной фарш – буквально с горошину на каждый пельмень, а остальные – Павел, Сережа и я заняты менее ответственной работой: мы лепим сами пельмени. Пельмешки получаются маленькие, размером с вишню, но зато этих пельменей мы иногда делаем штук пятьсот!

А штук в пять закладываются вместо мяса либо катышки черного хлеба, либо просто смятая бумажка. Сколько бывает бурного веселья, когда кому-нибудь достается «пустой» пельмень! Однажды все пять таких фальшивых пельменей достались Павлу. Все мы хохотали до слёз, особенно Катя. Но потом все поняли, что она, раскладывая пельмени по тарелкам, умудрилась рассмотреть все фальшивки и положить их Павлу. Когда он это понял, то надулся, вышел из-за стола и ушел в маленькую комнату, откуда его с угрозами привела обратно мама, отругав предварительно Катю.

Вот так мы живем. Дружно, весело. Сегодня у нас тоже были пельмени. Костя вместе с нами лепил пельмени. Потом мы всей семьей сидели за нашим огромным столом. Косте очень понравилось у нас. Он потом сказал, что хотел бы жить в такой семье. Ну, что ж, вот будем жить отдельно, кто нам мешают наладить такую же семью? Может, и маму с собой возьмем – поможет нам попервоначалу. А потом я малыша хочу... Как тут без маминой помощи?

Катерина. 1944, 7 сентября

Мне постепенно удастся опять вернуть Павла к обычным нашим взаимоотношениям. Когда мы остаемся одни, он уже смелее и раскрепощеннее, но все же что-то не то, что-то не то... Видать, сломала в нем что-то Варвара. Но признаться, и во мне что-то хрунуло. Еще не сломалось, но трещинка какая-то появилась.

Самое неприятное во всей этой ситуации, что мы все время находимся под неусыпным оком мамы. Да и Михаил ведет себя так, будто он обо всем знает или, по крайней мере, догадывается.

Да... Что-то такое я закрутила, что ниточку и не распутать и не оборвать... Все мечтаю о жизни, о перемене. А разве *это* жизнь?

Сереза. 1944, 17 сентября

Мне очень нравится Алла. Мне хочется видеть ее каждый день, хочется заговорить с ней, но на это у меня не хватает смелости. Каждый день, когда у нас мало уроков, я выхожу на балкон с биноклем и начинаю смотреть в сторону Масловки, где расположена женская школа, в которой учится Алла. Девчонки обычно идут стайкой, о чем-то болтают, размахивая портфелями. Бинокль у меня слабенький, театральный, но я и в маленьких фигурках сразу же угадываю Аллу. Когда они подходят к дому, я уже могу разглядеть ее лицо. А лицо нее удивительное: она почти всё время улыбается, а глаза ее будто светятся.

Когда девчонки входят в подъезд, я выхожу на нашу лестницу и дожидаюсь, пока Алла не появится на первом этаже. Тогда я начинаю медленно спускаться вниз и встречаю ее где-нибудь на полпути. Я даже не всегда смотрю при этом в ее сторону, но сердце все равно выскакивает из груди!

Иногда она заходит к своей подруге Галке Бутковской, которая живет на втором этаже. Тогда я ее не встречаю на лестнице, и у меня на весь день испорчено настроение.

А сегодня... Что было сегодня! Мы иногда играем в довольно нелепую детскую игру – «ручеек». Это, конечно, игра для первоклашек, но у нас это получается почти как приглашение на танец на балу. Игра простецкая. Все строятся парами друг за другом, держась за руки и подняв их в виде арки. Кто-то один остается без пары – нужно, чтобы было нечетное число – проходит, нагнувшись и, выбрав кого-то, берет его за руку и ведет за собой в хвост очереди. Делается все в быстром темпе, так что со стороны похоже, будто кто-то чулок выворачивает наизнанку!

Играем чаще всего так, чтобы мальчишек и девчонок было поровну, причем выбирать можно мальчику только девочку, а девочке – только мальчика. Начинается этакое «немое объяснение в симпатиях». Ну, в общем-то, это не так, поскольку если будешь выбирать одну и ту же девочку, то тебя потом задрязнят.

Я обычно в эту игру не играю, как-то стесняюсь. Да и кого я могу выбрать, кроме Аллы, а до нее мне и дотронуться страшно! Но сегодня я встал вместе со всеми, и Алла была тоже. Когда у меня уводили партнершу, наступала моя очередь выбирать. Я выбирал, кого попало. И вдруг, когда была очередь Аллы выбирать, она вы-

брала меня! Она тянула меня за собой за руку в хвост «ручейка», и я, согнувшись, бежал за ней. «Ручеек» был довольно длинный, и когда мы бежали, ее юбка несколько раз скользнула по моему лицу, отчего меня каждый раз как будто электрической искрой долбало... Когда мы встали в самом конце, я посмотрел на нее. Она была разгоряченная, щеки у нее горели, и она, оттопырив нижнюю губу, несколько раз сдувала волосы, падавшие ей на лоб. Ее горячая, немного потная рука крепко сжимала мою...

И так повторилось еще два раза. Я не находил себе места от нахлынувшего на меня восторга! Мне хотелось, чтобы эта игра продолжалась бы вечно. Но вскоре кто-то принес волейбольный мяч, и началась игра в кружок.

Елена Степановна. 1944, 20 сентября

Опять я в глубоком расстройстве... Опять Катерина начала свои «игры» с Павлом. Опять я их застала во время того, как они занимались любовью. Я ничего не видела, но когда открыла входную дверь, то вдруг услышала, что Катя крикнула: «Мама! Сюда не входи!» и прикрыла дверь в нашу с Сережей и Ксеньей спальню. Я поняла, что что-то неладно, прошла в большую комнату.

Я села за стол, стоящий посреди комнаты, но никак не находила себе места. Через некоторое время из маленькой комнаты быстро выскочил Павел и вышел из квартиры. Спустя буквально минуту, за ним вышла немного смущенная, как мне показалось, и раскрасневшаяся Катерина. Она вошла в большую комнату, где я сидела и спросила меня: «Ну, что?»

Я, конечно, опять выложила ей всё, что я о ней думаю. Она молчала, опустив глаза, а потом промолвила: «Мама, я всё знаю... Я всё понимаю...»

Я стала говорить, что все это не просто грязно, а подло: Миша в командировке, значит, его и обманывать не грех?! А если бы Сережа застал их в такой ситуации?

Катерина молчала, как воды в рот набрала... Да и что скажешь?

Я не знаю, что мне с Катериной делать... Как я переживаю за Мишу!..

Михаил. 1944, 22 сентября

Что-то стало мне казаться, что у Павла с Катериной не совсем нормальные отношения: не такие, как у брата с сестрой. Да и смущается Павел как-то, когда я его что-нибудь про Катерину спрашиваю, да и сам с ней старается при мне с ней не разговаривать.

Да и с Катериной продолжается что-то неладное. Она и никогда-то особенно пылкой со мной не была, а теперь и вовсе. Отношения наши начали ломаться давно, пожалуй, еще до Сережкиного рождения. Потом после родов она год, если не больше, ссылалась на недомогания. Но дело даже не в постели. Что-то треснуло в наших взаимоотношениях, и трещина эта все шире и все глубже...

Но я и подумать не могу, что все это из-за Павла. Может, спросить ее все же, что происходит? А что сказать? Начнешь говорить с ней, скажет, что я с ума сошел. И правильно скажет: разве это мыслимое дело – подозревать собственного брата и ее?

Впрочем, у Кати и раньше были «взбрыки», еще до нашей женитьбы: то всё хорошо, а то вдруг она от меня устает и бросается в сторону. Может, это сущность женской природы? Кто знает, как другие-то живут? Ведь «на миру» у всех всё прекрасно, никто сор из избы не выносит. А как на самом деле? И ведь ни с кем на эту тему не поговоришь, не посоветуешься.

Жаль, Валерия Савицкого рядом нет. Сели бы, выпили, поговорили. Он единственный, кому я бы мог открыть свои сомнения. И он единственный, кто бы правильно меня понял.

**Мы современны – это верно.
От всех мы прячем, словно скверну,
Порывы страстные души.
Мы современны – это скверно!
Как было б хорошо, наверно,
Жить дикарем в лесной глуши,
Быть искренним, любить безмерно,
И быть себе хотя бы верным,
И чувств друг к другу не глушить...**

Сережа. 1945, 5 мая

Сегодня по Ленинградскому шоссе гнали колонны пленных немцев. Окна нашей школы выходят как раз на шоссе. Мы открыли их и смотрели, а потом учительница отпустила нас с урока, и мы побежали на улицу. Шли фрицы хоть и строем, но кто в лес,

кто по дрова: не в ногу, одеты кое-как. Не то, что наши! Красноармейцы с винтовками шли по бокам длиннющих шеренг, ведя этих извергов, которые жгли наши города и села и убивали советских людей.

Мы с ребятами страшно возмущались, когда старые женщины подбегали к шеренгам «фрицев» и совали им, кто кусок хлеба, кто вареную картофелину... Как можно кормит врагов?! Тем более, в достаточно голодное время, когда и сами-то досыта только изредка наедались.

Я пришел домой и рассказал обо всем своей бабушке. Рассказал и про то, как мы с ребятами прямо кипели от гнева. Моя бабушка сказала мне:

- Сереженька, это трудно объяснить, но попробую... Нельзя жить, будучи ожесточенным. Нужно уметь прощать. Иначе ты перестанешь быть человеком.

- А они нас разве прощали? А разве они наших не убивали?

- Мне их по-своему жалко: ведь это же солдаты, их не спрашивают, когда посылают на фронт. Страшны не солдаты, страшны те, кто ими управляет и заставляет преступать человеческие законы.

- А те солдаты, которые убивали женщин, стариков и детей?

- Не все убивали. Поверь мне: не всякий человек может убить беззащитного... Конечно, среди тех, кого гнали по улицам, были и такие, которые заслуживают самых суровых наказаний. Но разве ты смог бы уничтожить всех этих пленных, зная, что среди них есть пятьдесят хороших добрых людей, которые не заслуживают суровой кары?

- Ну, если пятьдесят, то не стал бы...

- А если их было бы на пять меньше?

- Нет, наверное, и если было бы сорок пять, то не стал бы...

- Ну, а тридцать? А двадцать? А десять? Вот так ты и дойдешь до того, что нельзя, чтобы хотя бы один невиновный погиб незаслуженно. А кого казнить, кого миловать – это военный суд решит.

- Ну, ладно не надо их убивать, но зачем эти женщины давали им хлеб, отрывая этот кусок от себя и от своей семьи?

- Представь себе, что ты бы попал к врагу в плен. И там чья-то мать оказалась к тебе милосердна. Может, она представила, что такое же могло произойти и с ее сыном. Разве ты не был бы ей

благодарен за это? Разве у тебя не наступило бы раскаяние, если ты что-то делал не так? А потом во все времена считалось, что к врагу, славшемуся нужно проявлять милосердие...

Я не со всем был согласен, что говорила мне моя бабушка, но в чем-то она глубоко права: надо учиться быть добрым.

Михаил. 1945, 10 мая

Вчера по радио объявили об окончании войны. Ликованию нет предела, на улицах незнакомые люди поздравляют друг друга, обнимаются. Был грандиозный салют, а вечером народное гулянье допоздна. Даже Сережка весь вечер проболтался по улицам. Рассказывал, что они были с приятелями на Красной Площади. Народу там было, сказал он, как на стадионе во время матча «Спартак» - «Динамо». Это я представляю!

Павел был вчера при всем параде: гимнастерка с желтой лычкой на рукаве, на груди медаль, а не обычная планка. Я ему в чем-то завидую. Как я ни рвался на фронт, меня не пустили: ни разу не смог пройти медкомиссию. У меня еще случаются головокружения безо всякой причины, и часто побаливает голова. Последнее-то скрыть легко, а вот пройти по прямой с закрытыми глазами или достать до кончика носа – это для меня все еще проблема. Говорят, что последствия контузии все еще дают себя знать и даже сказали, что «не удивляйтесь, если у вас начнутся головные боли». Куда уж мне удивляться! Они меня уже давно мучают, да я никому не говорю.

Я понимаю, что я не годен к службе в действующей. Но все равно на медкомиссии два года назад я со зла выпалил им:

«А знаете, это лучшая форма избежать призыва: рваться в бой, а на комиссии умышленно не смочь пройти с закрытыми глазами по прямой! Смотрите в оба, умный человек об этом догадается!» На это мне председатель комиссии молча постучал пальцем по моей истории болезни...

Но я все время переживаю, что мне так и не удалось выполнить свой долг перед моими родными, перед моей страной, перед памятью моего отца...

Вечная память!

Тем, кто головы сложил на поле брани...

Тем, кто замучен в звериных застенках...

Тем, кто погиб от каторжного труда...

Тем, чьи души растаяли дымом по небу...

Вечная память вам...

И низкий поклон от нас,

ныне живущих...

Низкий поклон

И от тех, кто родится потом

От нас, ныне живущих...

Вечная память!

И низкий поклон...

Сереза. 1945, 1 июня

Меня послали в пионерский лагерь под Москву. Я в лагере первый раз, и мне нравится. Все очень интересно, у меня много новых друзей. Мы играем в футбол, ходим купаться на речку. У нас отличные пионервожатые.

Но сегодня со мной произошел случай, который заставил меня глубоко задуматься над вопросом: кто я? Об этом случае я никому никогда не расскажу, потому что мне за него будет стыдно всю жизнь. Может, только бабушке. Она у меня мудрая, и успокоит и посоветует, как жить дальше. Для себя я решил, что с этого дня я зверей – и домашних, и диких – обижать не буду, буду делать им только добро. А дело вот в чем.

Около нашей лагерной столовой постоянно вертелась беспородная собака с отвисшими едва ли не до земли сосцами. Она была голодна вечно – отбросов было мало, все съедала сама кухонная обслуга. А ей, бедной собаке, еще кутят надо кормить...

Мы обычно выносили малюсенькие объедочки и давали ей. Принимала она пищу от нас со страшным самоуничижением: сгибалась кренделем, прижимала уши и хвост и ходила кругами. За это собаку ту мы прозвали «Подхалимом». Когда мы бросали ей еду, она обычно резко хватала ее еще на лету, как чайка, и неслась

прочь.

Однажды во время одного такого кормления «Подхалима» кому-то захотелось несчастную собаку догнать и почему-то излупить прутьями. Все мы заранее запаслись прутьями, и как только собака схватила брошенный ей кусок и метнулась в сторону, мы гурьбой бросились за ней. Собака неслась в сторону леса, мы за ней. Бегал я быстрее всех, поэтому вскоре мы уже только вавоем с «Подхалимом» неслись по лесной тропинке.

Собака была настолько истощена, что мне удалось ее настичь. Я бежал за ней и на ходу начал лупить ее прутом в каком-то безумном исступлении...

Собака остановилась, замерла, прижалась к земле, а потом перевернулась кверху брюхом... Я увидел глаза беззащитной собаки, в которых была мольба о милосердии. Я застыл, как вкопанный. Меня охватила какая-то паника, раскаяние, в общем, что-то ужасное. Потом я бросился на землю и истерически зарыдал. Мне было мучительно стыдно, больно, тошно...

И вдруг я почувствовал, как теплый ласковый язычок лижет мою соленую от слез щеку. Собака при этом поскуливала, как бы жалея меня. Я ее обнял, и мы еще долго плакали вместе. И она продолжала слизывать мои слезы...

Я вспомнил те бабушкины слова, которые она говорила мне про пленных немцев. Я начал понимать, как сильна сила прощения. Даже собака, по отношению к которой я был так жесток, простила меня! Я постепенно успокоился, обнимая собаку. Она ласкалась ко мне, и я гладил ее, гладил, обещая больше никогда не делать ей больно. Я с ней разговаривал, как с человеком, и мне казалось, что она всё-всё понимает...

Павел. 1945, 17 июля

Вот уже неделю мы на Кавказе, в Чимитаквадже, или как тут все называют, – в «Чимитке». Мы – это группа моих друзей, слушателей Военно-воздушной академии, в которой я учусь: Витя Захаров, Олег Орлов, Петька Сартаков да Револьт Трахтенберг. С нами поехала и Катя с Сережей: уговорила Михаила, что так им с Сережей в компании будет веселее.

Все ребята от нее без ума – она веселая, всех заводит, бегают, как мальчишка, в море ныряет с высокого выступающего над водой камня. Это она еще в Заволжске научилась: у нас там крутые берега с глубокой водой под ними.

В общении со всеми она очень смела – то во время танцев обнимет партнера, то голову ему на плечо положит, а то и поцелует в щеку, по окончании танца. Но танцует, правда, только с нами, со своими. Танцы здесь каждый вечер. Ну, а что еще и делать? Не книжки же читать!

Живем мы весело, все пятеро в одной комнате, спим на привычных солдатских кроватях. Виктор – признанный лидер, он хороводит. Парень он с сильным характером, командует всеми, кроме меня – этому мешает мое фронтовое прошлое. Но я не прочь, когда мною командуют – привык уже... Олег – человек очень образованный, из интеллигентной семьи, говорит по-немецки, играет на пианино танго и фокстроты. Петька он и есть Петрушка, всех вечно веселит, хотя порой и глуповато.

Револют, которого мы зовем «Рёва», добрый парень, но над ним все потешаются. Однажды ему под одеяло запустили полоза, так он, бедняга, вскочил, как ошпаренный, и вопил в истерике: думал, что это настоящая змея к нему в кровать заползла. А однажды ему вместо компота поставили стакан, в котором была намешана горчица, а сверху для вида положили сухофруктики из настоящего компота. Вот была потеха! Но он отходчивый, потом быстро всех простил. Ну, да при его комплекции поневоле станешь отходчивым – его, как говорится, соплей перешибить можно!

В академии он, потому что у него отец был какой-то герой Гражданской, да и сына назвал в честь революции и Ленина. Правда, Виктор как-то пошутил: «А у тебя буква «Г» в имени, не в честь ли Троцкого?» Револют аж вспыхнул весь, надулся и выбежал из комнаты. Тут Петр рассказал историю про своего друга, которого родители вообще назвали «по-иностранному» – «Мэлсор», что означало в сокращении Маркс-Энгельс-Ленин-Сталина-Октябрьская-революция».

Олег добавил, что он знал парня, которого звали «Трактор», а одна его знакомая звалась до войны «Индустриализация». Потом, правда, когда пришло время получать паспорта одумавшиеся родители упростили «Трактора» поменять на Трофима, а «Индустриализацию» на Елизавету, поскольку ее все равно сокращенно звали «Лиза». А Петр божился, что он знал одну семью цирковых дрессировщиков, которые сына назвали в честь своего любимого слона «Чанг». Якобы он спросил их, а как же будет отчество у их внучки: «Чанговна»? Посмеялись мы все вдоволь!

С Катей побыть одному никак не удастся, все время ребята вокруг. Да тут еще около нее генерал вьется, с которым они с

Сереей сидят за одним столом в столовой. А мне опять не хватает ее ласк - привык к ее ласкам! Правда, Варю вспоминаю часто, но уже без прежней горечи. А все же жаль, что не приехала она тогда в Приуральск! Не попал бы я, правда, в академию, да на кой мне она нужна?

Катя здесь с Сереей в отдельной палате. У Серееи образовалась хорошая компания: еще два мальчика погодка его возраста отдыхают со своей мамой, так он к ним прибился. Катя видит его только в столовой да в их комнатке, где они спят. Катерину это, конечно, устраивает: свобода полная! Правда, она часто берет Сереежу с нами на пляж, но ему скучновато, и он рвется к своим новым друзьям.

Катя все время в толпе поклонников, к которым присоединились и мои друзья. Это меня немного раздражает: сама меня приучила к своему вниманию, а теперь мной пренебрегает! Она совсем не обращает на меня внимания. Да еще этот генерал... Что-то они часто с ним прогуливаются вместе. Правда, Сереежа всегда с ними. Но я-то Катерину знаю! Она мастер!

Вон Михаил десять лет ни о чем не догадывается. А может, все знает, да плонул?

Катерина. 1945, 19 июля

Михаил послал нас с Серееем на Кавказ в дом отдыха Военно-воздушной академии. Хотел послать в Крым, но я уговорила его, чтобы он послал нас на Кавказ, куда собралась большая группа слушателей академии – друзей Павла. Все же в компании веселее. Он согласился со мной, хотя, по-моему, был не совсем доволен. Я все думаю, не поговорила ли с ним мама из желания сделать всем добро? Вечно родители во все лезут! Я уж скоро сама бабушкой стану, а меня все учат уму-разуму!

Когда мы приехали в Чимитку то в столовой нам с Серееей долго не могли найти, где нас посадить. Тогда один симпатичный солидный уже человек, который сидел один за столом, предложил нам подсесть к нему. Он представился по имени, кивнув как-то по-военному головой, потом отодвинул мой стул, чтобы мне было удобнее сесть, затем усадил и Сереежку. Оказалось, что это известный в академии профессор – генерал Георгий Удальцов.

Вот уже больше недели, как мы знакомы: встречаемся за столом по три раза в день. Иногда он подходит к нашей компании на пляже. Все приятели Павла сначала вскакивали, как по команде,

но он им строго запретил это делать: «Здесь, на отдыхе, правила, как в бане – нет ни рядовых, ни генералов! Все без лампасов и без золотых погон».

Частенько мы с пляжа ходим с ним вместе, порой выбирая не самый короткий путь. Мне кажется, что я ему нравлюсь. Он очень рассказывает о своей очень интересной и насыщенной жизни. Он воевал, у него куча орденов, только что Героя Советского Союза нет. Командовал он на фронте, кажется, авиаполком. Правда, генерала он получил уже после войны, когда его назначили начальником факультета в Военно-воздушной академии.

Он меня очаровал!.. Вот это настоящий мужчина! За ним, наверное, как за каменной стеной! Что еще нужно женщине? А каков он сам: подстать своей фамилии! Брови как крылья, волос вороной, фигура статная. Ему, он мне сказал, исполнилось пятьдесят, то есть он ровесник моей мамы. Но когда он стоит рядом со всеми этими Петями-Олегами, то он выглядит, как хороший спортсмен среди школьников.

Фронтовой офицер, а играет на пианино так, что даже Олег при нем тушует. Читает на трех языках – немецком, французском и английский, на немецком свободно говорит.

Пишет смешные эпиграммы, неплохо рисует.

Оказывается, он хорошо знает моего Михаила, хотя тот работает и на другом факультете. Отзывался о нем, как об очень перспективном ученом.

Сережка с него глаз не сводит, заворожено слушает его рассказы, особенно про войну. Он называет его «дядя Георгий», потому что Удальцов объяснил, что «Жора» звучит для него немного вульгарно. Ну и, действительно, какой он «Жора»? Он – Георгий-Победоносец!

Да, уж не влюбилась ли я в него?.. Да нет, просто я устала от этих напряженных и двусмысленных отношений с Михаилом и Павлом? Вот бросить бы все к черту и умчаться хоть на край света вот с таким Победоносцем! Представляю, как на него бабы вешаются!

Да и я сегодня не удержалась. После ужина я пошла укладывать Сережку. Он у меня молодец – в девять уже дрыхнет, как медвежонок, и так до самого утра. Правда, встает рано, около шести, но меня не будит, а тихонечко книжку читает. Зная, как он их быстро буквально проглатывает, я взяла ему целых три тома Жюль Верна, но первую книжку он буквально проглотил в первую же неделю.

Уложила я Сережу, выхожу из своего номера, чтобы пойти на танцы к своим парням, а навстречу по коридору мне попадается Георгий: у него номер в самом конце, угловой с балконом на море. Остановились.

- Куда, изволите спросить, красавица путь держит?

- На танцы...

- Не наскучили ли вам эти ежедневные однообразные время-провождения?

- Ну, а чем еще заняться можно? Вот сына уложила, освободилась...

- А не хотите ли ко мне зайти? Угощу вас рюмочкой прекрасного грузинского винца, кинзмараули. Слыхали?

- Нет, не слыхала. И вообще я не пью.

- А я вас не пить зову, а попробовать, если угодно – пригубить настоящего вина, которого вы больше нигде и не попробуете. Это мне друг из Тбилиси прислал. Говорят это любимое вино самого Сталина!

- Ну, если Сталина, то другое дело! – Отшутилась я.

Зашли к нему в номер. С нашим номером, а тем более с тем, где мои парни живут, не сравнить: трюмо, широченная деревянная кровать, около нее коврик. На тумбочке около кровати в беспорядке лежат книжки на иностранных языках, узнала я пару из них немецких. Над центром спинки кровати – бра. Занавеси на окнах тяжелые, плюшевые, как в театре. Через балконную дверь на морском горизонте видна полосочка уже почти догоревшего заката. Честно говоря, даже сердце защемило: живут же люди!

- Георгий Александрович, а не скучно одному-то в таких хоромах?

- Во-первых, если не на публике, то зовите меня просто Георгием, хорошо? А во-вторых, я не один, а с вами. – И он с хитрецей так улыбнулся.

- Ну, хорошо, Георгий, я имею в виду, вы здесь отдыхаете один, без друзей...

- Ну, даже и от хороших друзей иногда нужно отдохнуть...

Я стала его расспрашивать, как он проводит время, почему его иногда не видно на пляже, а вечером он никогда не появляется на танцах.

- Ну, на танцах мне делать нечего, только стенки подпирать, а я это дело не люблю...

- Ну, почему же стенку-то подпирать: вы мужчина видный, с вами любая за честь сочтет потанцевать....

- Ну, спасибо, Екатерина, за комплимент. А на пляж я хожу, но не провожу там день-деньской – скучно! Иногда, когда все жарится на пляже, я прошу, мне открыть клуб и играю там на пианино. Вот приходите как-нибудь послушать. Я очень люблю Шопена и много из него знаю. Вам он нравится?

- Георгий, и вы, если не на людях, говорите мне «ты».

Мне будет и удобнее, и приятнее, ладно?

- Хорошо, Катя, договорились. Вот у нас с тобой и первый разговор произошел! – Улыбнулся он. – Ну, а ты-то Шопена любишь?

- Да, я очень люблю его «Лунную сонату»...

- Ну «Лунная» – это, правда, Бетховена... Но я могу тебе и ее сыграть, правда, только первую часть. Я очень ее люблю, «Лунную»! Давно уж ее не играл, ну, да простишь мне некоторые огрехи...

Он подошел к столу, взял бутылку вина, откупорил ее и налил в два тонких чайных стакана примерно по четверти. Один из стаканов он подал мне.

- Ой, как много!

- А ты пей потихонечку, смакуй. Вино легкое, как виноградный сок. Не бойся!

Я начала потягивать вино. Оно мне очень понравилось. До этого я пила только портвейн, да и то рюмку, максимум две за вечер, а кислотину эту, что красную, что белую – терпеть не могла. Это вино было, действительно, совершенно иного рода. Оно было и сладковатое и терпкое, пилося легко. Я и не заметила, как постепенно опустошила свой стакан.

- Ну, что, понравилось? Я же говорил! Давай еще немножко подолью. Ты не стесняйся! Мои друзья знают мою слабость к хорошим винам: мне по одной бутылке не присылают. Так что если не хватит – откроем еще одну!

- Ну, что вы, Георгий, нам и этой не осилить.

Я заметила, что несколько раз видела его с мольбертом. Он

ответил, что немного рисует для души. Рисунки у него чисто любительские, но рисование доставляет ему большое наслаждение. Он показал мне несколько своих акварелей. Я узнавала места и даже догадывалась, с какой точки он делал рисунок. Мне они показались очень хорошими. Были среди рисунков и несколько обнаженных женских фигур.

- А кто вам позировал?

- А зачем? У меня все держится в голове! А с натуры я делаю зарисовки только моей жены.

Я сразу вспомнила Илью, как он рисовал меня обнаженную, вовсе и не раздевая меня. Но то, что можно вот так нарисовать по памяти, меня поразило. Мы продолжали пить за нашей беседой, и тут я заметила, что Георгий достал из-под стола вторую бутылку и откупорил ее. Неужели мы уже одну бутылку так незаметно выпили?

- Георгий, а жена у вас очень молодая? – Как-то невпопад спросила я.

- Нет, мы с ней почти одногодки. Но за свои пятьдесят лет я повидал немало красивых женщин. А забыть красивую женщину трудно!

- А какие женщины вам нравятся больше всего?

- Вопрос трудный для ответа. Ведь женщина – это не манекен для ношения нарядов. Иная и не так красива, но интеллигентна, интересна и умна... У меня отношение к женщине – это, прежде всего, отношение к личности. Но конечно, сначала обращаешь внимание на лицо, фигуру, походку... Тут уж ничего не поделаешь – как говорится, половые инстинкты срабатывают.

- А какого возраста женщины интереснее всего?

- Ну, Екатерина, ты мне прямо интервью устроила!.. Ну, что ж отвечу: больше всего люблю я женщин твоего, балзаковского возраста: вы уже все знаете и все умеете, а в то же время, еще так свежи и привлекательны! Ну, чего смутилась?

Тут меня, что называется, понесло! Я совсем потеряла голову. Этот мужчина действовал на меня опьяняюще! От него веяло такой удивительной силой, уверенностью и в то же время таким обаянием, что я стала терять голову.

- А я вам нравлюсь? – Вдруг совершенно неожиданно для себя спросила я его.

- Прежде, чем ответить на твой вопрос, я спрошу тебя: а я тебе нравлюсь?

- Очень!

- Ну, и ты мне нравишься очень, Екатерина. Был бы помоложе, да был бы один – не задумываясь, предложил бы тебе и руку, и сердце, и полный пансион, но потом бы запер в хрустальный замок и никому-никому не давал бы даже одним глазком на тебя взглянуть!

У меня захватило дух. Меня бросило в краску. Я чувствовала, что теряю над собой контроль и начинаю сходить с ума. Мелькнули мысли о Михаиле, о Павле, но тут же ушли... «Пляжный роман»? Да плевать! Такое случается раз в жизни. А вдруг что-нибудь серьезное? На этом мои мысли окончательно запутались...

Я встала со стула и подошла к нему... О том, что было потом, у меня осталось очень расплывчатое воспоминание. Я вознеслась от какого-то одурманивающего восторга буквально на седьмое небо. Я была счастлива, как никогда. Такого не было даже с Ильей!

Потом Георгий проводил меня к танцплощадке к моим друзьям. Как раз, когда мы подходили, раздалась завершающая Уте-совская песенка, которую всегда почему-то играли напоследок на танцплощадках и катках по всей стране: «...Доброй вам ночи, вспоминайте нас...»

Тропинка с танцплощадки к корпусам санатория была единственная. Мы с Георгием встали сбоку и ждали, когда подойдет «мои пажи», как он их назвал. Вот они и появились своей дружной компанией.

- Ну, вручаю вам вашу красавицу в целости и сохранности. – Сказал им Георгий. – А я сегодня ее совратил: дал я ей попробовать чуть-чуть настоящего грузинского кинзмараули. Ну как, Катерина, вкусное было вино?

- Очень! Я такого еще никогда не пила! – И я взглянула на Георгия с улыбкой, понятной только ему. – Спасибо, Георгий Александрович!

До корпуса мы шли все вместе. Мои мальчики слушали, как генерал, рассказывал им эпизод, произошедший во время предыдущей смены. Был тогда один Герой Советского Союза, который на пляже загорал, прислонив к груди вырезанную из газеты звездочку. «Зачем это делаешь?» – Спросил Георгий. «А что бы всем даже на пляже видно было, что я Герой Советского Сою-

за!» «А-а-а...» – Сказал Георгий, взял у того газету, оторвал две полосы и прикрепил сбоку к своим ногам: «Хорошая идея! Я вот тоже хочу, чтобы мои генеральские лампы тоже мог каждый видеть на пляже!» Ребята от хохота держались за животы. А я шла и все больше влюблялась в Георгия...

Ксения. 1945, 15 августа

Сегодня к нам в гости приходили друзья Павла из академии, с которыми он ездил на Кавказ: Виктор Захаров, Олег Орлов, и Револьт Трахтенберг. Как сказала Катя, когда они вошли: «Знакомьтесь, это мои верные пажии!» Она и правда, вела себя, будто королева, приказывала направо и налево, целовала их в щечки. Прямо, то ли мамочка для них, то ли старшая сестра!

Все троє обратили внимание на меня и стали со мной заговаривать о разных вещах, острили, каламбурили. Все они моего возраста, моложе Павла лет на шесть. Они пошли в академию прямо после средней школы. Павла они все очень уважают за то, что он воевал.

К концу вечера Катерина осталась без внимания «пажей» и, по-моему, даже немного расстроилась и немного фырчала на меня. Но ведь я же здесь не при чем: они сами выбрали меня для своих разговоров. Катя занялась какими-то разговорами с Павлом.

Ну, что сказать о ребятах? Когда мы первый раз встретились взглядами с Виктором, я почувствовала, что у меня ёкнуло сердце. Он очень симпатичный, похож на Маяковского: такое же умное и волевое лицо. Олег Орлов мне тоже понравился: такой тонкий, ироничный, галантный. Револьт, или «Рёва», как зовут его ребята, умный, но какой-то высокомерный, все у него идиоты. Он напомнил мне Джингля из «Пиквикского клуба», хотя он, видимо, не мошенник.

Потом пришел с работы Миша. Ребята ступевались, затопились уходить, но он их не отпустил. Мама пошла на общую кухню на этаже, поставила чайник. Пошли чай «с таким», практически даже без сахара. Но разве это важно! Миша молодец, он умеет общаться с людьми. Катька как-то заметила, что ему все равно, с кем общаться: с дворником он дворник, с профессором – профессор. А по-моему, это неверно: Миша просто всегда остается самим собой, умея общаться на равных с любыми людьми.

Катерина. 1945. 21 августа

С Георгием наши отношения бурно развивались после того незабываемого вечера 21 июля у него в палате санатория. Я даже число это запомнила, хотя при всей моей памяти на цифры, именно даты я не запоминаю.

Мы провели еще несколько раз вместе, иногда накоротке, но каждый раз для меня все проходило бурно и безоглядно. Он даже сказал мне, что такой женщины, как я, у него никогда еще не было. Перед отъездом он дал мне свой телефон и сказал, чтобы я ему звонила. Если подойдет жена, чтобы просила какого-нибудь Николая Иваныча или Василия Петровича, словом, будто ошиблась номером. Если же он снимет трубку и на мое приветствие ответит, например: «Нет, Колян, сегодня никак, мы с женой...» или что-нибудь в этом роде, то это значит, что он не может со мной говорить, жена дома.

Сегодня я позвонила часов в семь вечера из уличного автомата. Он подошел сам.

- Здравствуй, Гера! Это я!

- Здравствуй, здравствуй, Екатерина Великая! Рад тебя сегодня слышать.

- А ты знаешь, почему я звоню?

- По-моему, догадываюсь!

- Правда?

- Правда, правда! У нас с тобой сегодня в некотором роде юбилей: месяц нашего, как бы сказать, «тесного знакомства».

- И ты помнишь?..

- Такое не забывается! Я чувствовал, что ты позвонишь и даже вечерок свой освободил на всякий случай: разрешил жене к ее матери в Царицыно съездить, навестить старушку... А вот ты и позвонила! Умница!

У меня в глазах даже круги цветные стали разбегаться. Я опять потеряла голову, мне захотелось тут же, немедленно повидаться с Георгием, почувствовать его уверенные мужские руки, раствориться в жгучем поцелуе...

- Я к тебе приду! Жди! У тебя подъезд второй этаж седьмой, квартира 43? Жди! Что-что? Хорошо, хорошо: я иду на консульта-

цию!

Дом Георгия, который все называли «генеральским», находился минугах в пяти ходьбы от нас. Я забежала домой, села за книги, потом чертыхнулась и сказала, что мне нужно съездить срочно к Любе, моей институтской подруге за конспектом, чтобы подготовиться к завтрашним занятиям. Михаил молча кивнул, даже не глядя на меня. Павел посмотрел вопросительно, но я уже была в дверях, а когда вышла в коридор, то с часто стучащим сердцем быстро- быстро пошла, почти побежала по коридору к лестнице...

Вот и «генеральский» дом. Вахтерша, сидевшая у лифта, прекратила вязание, строго поверх очков зыркнула на меня и спросила, к кому это я собралась. Я ответила, что иду к профессору Удальцову Георгию Александровичу на консультацию. «Ну, иди, иди, - ответила она, - седьмой этаж, квартира 43». Я вошла в лифт, сердце мое рвалось наружу, я с трудом нашла нужную кнопку и понеслась ввысь, на седьмой этаж, как на седьмое небо!

Не успела я позвонить, дверь открыл Георгий, в шикарном плюшевом халате шлепанцах на босу ногу. Я это быстро отметила, даже съязвив про себя, что он уже готов во всеоружии. Мы обнялись, поцеловались, потом я скользнула в ванную, спросив, каким полотенцем можно воспользоваться после душа. Он сказал, что можно взять его, и показал мне на огромное махровое полотенце с синими полосочками.

Дальше было то чудо, к которому я уже так привыкла, что мне трудно представить, как можно без этого жить...

Мы сели друг против друга за небольшой обеденный стол, который был уже накрыт, на нем стояли вазочка с каким-то вареньем, на тарелке лежало несколько эклеров, сыр... Извинившись, Георгий пошел на кухню ставить чайник.

У меня было время оглядеться. На комод, который стоял в столовой, я увидела фото в витиеватой серебряной рамочке: Георгий, видимо, со своей женой – старой уже и не очень-то красивой женщиной. Фотография была, наверное, трех или пятилетней давности. Глядя на это фото, я поняла, что Георгия влечет ко мне: красота, молодость, энергичность. И правда, как, наверное, трудно и безрадостно жить с такой мымрой! Во мне проснулся восторг победительницы: разве Георгий не видит этой огромной разницы, просто пропасти между мною и его женой? Может, его останавливает от решительных действий то, что я замужем, что у меня есть ребенок? Я ведь никогда не говорила ему, что готова за ним хоть на край света.

Да и пересудов, которые начнутся в академии, если он решит остаться в Москве, я тоже не боюсь! А уж чего мужику то бояться? Вон даже начальник академии генерал-полковник Сокольникович поменял свою старуху на молоденькую лаборанточку из той же академии. Да она ему во внучки годится! И ничего.

А как чудесно было бы жить с таким человеком, как Георгий! Ничего, что он намного старше меня он все еще крепкий и здоровый мужчина, который даст сто очков вперед и Павлу и, особенно, его друзьям-молокососам. К тому же Георгий умен, остроумен, галантен. А жить в таких шикарных условиях!.. Об этом можно только мечтать: ни штопанных-перештопанных одежек, ни этой скудности домашней обстановки... Да, мы бы составили с ним отличную пару – сплав зрелости и молодости...

За всеми этими мыслями и застал меня Георгий, вернувшийся с чайником. Затем он опять вернулся на кухню, откуда вернулся с заварочным чайником и двумя чашки без блюдец. Потом он подошел к серванту и достал оттуда початую бутылку вишневого ликера, разлил чай, добавил по две чайных ложечки ликера и сел напротив меня:

- Сахар по вкусу! Я предпочитаю чуть-чуть. Возраст!

- Не стыдно тебе, Гера, про возраст говорить? Ты же совсем молодой мужчина!

- Мерси боку, мадам!

Наступила небольшая пауза. Я обдумывала, с чего бы начать этот жизненно важный для меня разговор. Я почувствовала себя сильной и уверенной, но нужно было найти правильные слова.

- Гера, а это – в рамочке на комодe – ты со своей женой?

- Да, это три года назад, когда мы с Дуняшей отмечали нашу серебряную свадьбу. Мы же с ней познакомились еще на Гражданской.

- Гера, я не знаю, как начать... Ты знаешь, что я тебя очень люблю. Ты тоже любишь меня... Я готова бросить все к чертовой матери, забрать Сережку и придти к тебе...

- Но я же женат, Екатериночка!

- Ну, и что? И я замужем... пока!

- Ты не понимаешь... Дуняша мне очень дорога... Она совершенно исключительный человек. Я никогда ее не брошу ни ради

кого!

- Но ведь у тебя была масса женщин, со всеми ты спал!
А у нас с тобой – настоящая любовь!

- Прости меня, старого циника, но спать с женщиной и быть ее мужем – это разные вещи. Я ведь с другими женщинами не изменяю своей Дуняше, – тут он как-то с усмешкой крикнул, – а просто сравниваю их с нею и каждый раз убеждаюсь, что мой первоначальный выбор был правилен!

- Я что-то не понимаю, что ты говоришь...

- Мы живем с Дуняшей уже почти двадцать восемь лет вместе. У нас есть сын и дочь, у которых уже свои семьи. У нас есть внуки... Наконец, у нас с ней есть прошлое, какого уже никогда не будет ни с кем другим! Никогда! Так уж устроена жизнь...

- А как же я?..

- Ты мне очень нравишься, Екатерина, и ты об этом знаешь. Но ты слишком все серьезно воспринимаешь. Я не хочу тебя мучить. Давай останемся друзьями и разойдемся...

- «Как в море корабли»?..

- Да, «как в море корабли»... Так будет легче и тебе, да и мне. Ты же понимаешь, что мы расставили все точки над «я». После этого любая наша новая встреча будет мучительна для каждого из нас.

... Когда я шла домой, то я была совершенно потеряна. Уже были густые сумерки. Я шла по дорожке Петровского парка, которая вела к моему дому, но, не дойдя до конца, повернула и побрела обратно. Мне нужно было время собраться с мыслями, прийти в себя... Я подумала: а на что я надеялась? Это же наивно думать, что зрелый мужчина вдруг все бросит, поставит под удар свою семью, свою удачную карьеру, свою репутацию среди коллег и друзей и бросится за молодостью.

Одумайся, Катерина! Да, это удар, но удар не по жизни, а по мечте. От этого никто еще не умирал. Возьми себя в руки! С этими мыслями я резко повернула обратно и уверенно зашагала по направлению к нашему дому.

Павел. 1945. 7 ноября

У нас с Катей опять во всю раскрутился роман. Собст-

венно, это не роман, а тщательно скрываемая греховная связь. Если уж называть все своими именами, то мы с ней

любовники. Тьфу! Мне всегда казалось, что от этого слова как-то дурно пахнет, а теперь вот и сам туда же!

Иногда Катя просто сходит с ума. Вот и сегодня. Пошли мы всей семьей после салюта, который смотрели с балкона, прогуляться по Ленинградскому шоссе, где по праздникам происходит настоящее народное гуляние.

И вот только мы вышли из подъезда, вдруг Катя говорит: «Ой, я забыла кофточку взять, а на улице прохладно! Павел, давай сбегаете вместе, а потом всех догоним, а то мне одной будет страшно».

Пошли мы, я ни и чем и не догадывался. Быстро поднялись по лестнице к нам на пятый этаж, вошли в квартиру. Катя тут же заперла входную дверь на ключ: «Это на всякий случай!» А потом увлекла меня на мой диван.

Мне было хорошо, но я все время боялся, что кто-то вернется, и нас опять застанут врасплох. Вообще, мне это все, честно говоря, не очень нравится. Все время страх, все время ощущение вранья и предательства. Даже радости от этих жгучих минут с Катей стало меньше: все исподтишка, все в спешке, где попало...

Все уже кончилось, а она не торопилась. Я сказал ей:

- Пойдем, нас ведь ждут!

- Глупенький, могли же мы их не найти? Вот дай отдышаться, и пойдем!

Там, где мы договорились встретиться, наших уже не было: ясно – не дождалось. Мы с Катей вышли на аллею Ленинградского шоссе, и пошли в сторону Белорусского вокзала: это обычный маршрут всех гуляющих. Действительно, около стадиона «Динамо» мы встретились со своими. Катя спросила:

- Ну, что же вы нас не дождалось?

- Да мы ждали на Стрельне!

- Как на Стрельне? А разве мы не у Петровского Дворца договорились? – быстро наплась Катя.

Кажется, и на этот раз все обошлось, хотя Елена Степановна не проронила ни слова и, как мне показалось, плала с поджатыми губами. От нее ничего не скроешь... Она умная женщина, обо всем до-

гадывается со своим тонким чутьем...

Сережа. 1946. 18 сентября

Лежу в гипсе уже ровно месяц. Замотали мне в гипс всю правую ногу и дальше – аж почти до самой груди... Живот так перетянули, что чуть поем, начинает болеть. Мама мне ножницами выстригла кусок гипса до пупка, наверное, теперь нормально. Правда на третью неделю стала подошва левой ноги чесаться. Мама сделала маленькую дырочку около пятки и вязальной спицей чесала мне подошву. Ух, как приятно было! А еще через неделю у меня страшно заболела ступня и пальцы под гипсом. Никакой пирамидон не помогал, я не мог спать, ногу стало дергать, как будто она – это сплошной нарыв. Тут мама опять ножницами да кусочками сняла мне гипс по щиколотку. Нога у меня была уже какого-то почти зеленоватого цвета, потом приходили врачи, делали, какие-то уколы, хвалили маму, что она во время освободила мою ногу, а то уже началась гангрена. Потом почти сутки была боль еще похуже прежней – похоже было на то, как отогреваются замерзшие руки после игры в снежки, только в сто раз сильнее.

А произошло вот что: восемнадцатого августа я упал с высокого дерева у нас во дворе. Был выходной и к тому же День авиации. Вот я и отметил «полетом» праздник!

Мы с ребятами полезли на дерево ловить каких-то букашек-таракашек. Мне, конечно, нужно было залезть выше всех. А дерево, которое стоит у нас во дворе – это какая-то странная «сухопутная ива». Она никакая не плакучая, у нее просто листочки длинные и узкие, как у ивы. Она тянется вверх, а ее ствол почти у самой земли раздваивается. Очень странная ива. А может, это вовсе и не ива.

Залез я высоко, почти на самую верхушку, аж до уровня нашего пятого этажа. Через открытую балконную дверь увидел маму и помню только, как крикнул: «Ма-ма-а!» Вдруг раздался треск, а потом все пропало... Говорят, что меня без сознания отнесли в академическую медсанчасть, там наложили гипс, а очнулся я уже где-то к вечеру дома. Рядом сидела заплаканная бабушка и держала мою руку. Когда я открыл глаза, она крикнула: «Катя! Катя! Пришел в себя!» Тут же из другой комнаты примчалась мама.

Рассказали, что со мной приключилось, сказали, что у меня вколоченный перелом шейки бедра. Мама мне объяснила, что если

бы мне не повезло, и перелом был бы не вколоченный, а простой, то было бы очень плохо: моя нога стала бы бездействующей. Бабушка сказала, что меня Бог бережет. Я на это пошутил: «Передай ему от меня привет и большое спасибо». Правда, Бог не уберег до конца: я себе сломал еще два ребра, заработал несколько трещин в тазу и даже в челюсти, плюс сотрясение мозга, отчего теперь часто болит голова.

Это то, что я помню о первом дне после моего «полета». Потом пошли обычные дни. Я не хотел отставать от своего класса, мама сходила в школу и договорилась, что я буду делать все домашние задания – и устные, и письменные, а в конце второй четверти у меня будет что-то вроде экзамена по всем предметам. Дело в том, что врачи сказали, что мне разрешат ходить только в начале декабря.

Но все это фигня. Самое страшное, это то, что происходит у нас дома... Очень часто дома остаемся мы втроем: мама, дядя Павел и я, а остальные расходятся по своим делам. Тогда они переносят меня в большую комнату, где около входной двери за ширмой стоит кровать, на которой спят папа с мамой. Там, и правда, хорошо: кровать мягкая, широкая, воздуха много, а если открыта балконная дверь, то, как раз, видно то дерево, с которого я звезданулся.

После этого мама с дядей Павлом уходят в маленькую комнату, где всегда спим мы с бабушкой. Мама говорила мне, что они идут туда заниматься. Я сначала удивлялся: ведь там нет стола, только моя и бабушкина кровать да ножная швейная машинка «Зингер», которой, как говорит бабушка, в обед сто лет.

Потом мне стало не нравиться, что дядя Павел и мама выходят оттуда какие-то раскрасневшиеся и взбудораженные. Я уже большой, мы с мальчишками обсуждаем все эти взрослые дела и все знаем. У нас даже поговорочка такая есть: «Ну, конечно, детей приносит аист!»

Иногда я нарочно громко кричал, звал маму, чтобы она дала мне попить или еще за чем. Она обычно отвечала: «Иду, иду!», но приходила позже. Меня это злило, я нервничал. А однажды, когда я притворился спящим, я видел, как дядя Павел снимал презерватив... Я знаю, что это такое: однажды Юрка стащил у своих родителей несколько штук, мы наливали в них воду и бросали в окно на прохожих из коридорного окна на шестом этаже.

Так вот, когда я увидел то, что увидел, мои сомнения кончились. Я понял, что происходило в маленькой комнате. Я начал откровенно злиться на маму по любому поводу, чтобы она поняла, что

я все знаю. Я огрызался и грубил дяде Павлу. Но мало, что изменялось: они продолжали уединяться в той комнате. Может, они не понимали?

Я не знал, как мне быть, а потом решил писать записки папе и класть их ему под подушку, когда меня опять переносили на родительскую постель. Записка была всегда одного и того же содержания: «Папа, дядя Павел не должен жить с нами. С.»

Поскольку ничего не помогало, сегодня я прямо сказал маме, когда она мне опять предложила перенести меня в большую комнату, что я никуда не пойду. Я начал тихо презирать ее за то, что она делает, а дядю Павла я просто возненавидел. Мне было очень обидно за папу. Неужели он ничего не подозревает? Но ведь не мне же говорить своим родителям обо всем этом?

Надо посоветоваться с бабушкой. Ведь папа все время шутит, что он только деньги зарабатывает, а глава семьи у нас она.

Елена Степановна. 1946, 12 ноября

Сегодня пошла «выгулять» Сережу первый раз на улицу. Он уже начал ходить по дому, хотя и на костылях. Сначала он даже стоять не мог – от долгого лежания у него кружилась голова – ведь пролежал он в гипсе больше трех месяцев. На улице зима, скользко. Поэтому мы только вышли из подъезда и сели на лавочку. Он молчал-молчал, а потом и говорит: - Ба, мне нужно тебе что-то сказать...

- Погоди, Сережа, вот придем домой, расскажешь, а то наглотаешься с непривычки холодного воздуха, не дай Бог, захвораешь.

- Не-а. Дома я не могу, потому что это секрет только для тебя...

- Ну, давай, говори, но побыстрей!

- Ба, а почему мама папу не любит?

- Ну, с чего ты взял, глупенький?

- Я знаю, я видел...

И тут я рассказал про все мои прежние наблюдения, которые так истерзали мою душу. Конечно, я не про все говорил своими словами, но бабушка все поняла, как-то погрустнела и сказала:

- Хорошо, что никому сам ничего не сказал. Ты должен быть в стороне от этой истории. Я самая старшая, мне и надлежит в доме порядок блюсти. Я подумаю, что сделать. И я тебе обещаю, что поговорю со всеми. Успокойся, все будет хорошо. У тебя очень хороший и добрый папа. И мама у тебя хорошая. Просто у взрослых не такая простая жизнь, как у вас, детей. Вот вырастешь, тогда многое поймешь сам... Будь таким, как твой папа. Думай о том, чтобы всегда оставаться человеком. Многие живут, не думая о душе, но их всегда за это Бог наказывает.

- Ба, а ты веришь в Бога?

- Не знаю, внучек... Я верю в то, что в человеке должен быть Бог. Вот твой папа в Бога не верит, а Бог в нем есть. Ведь главное не в церковь ходить и не крест носить. Главное быть добрым, честным и милосердным человеком. А там, есть Бог или нет... Какая разница?

Пошли мы домой. Сережа замолчал, видно, обдумывал, что я ему сказала. Он уже большой, все понимает.

А я думаю, что и как сделать, с кем и как поговорить... Бедный мальчик!..

Катерина. 1946, 4 декабря

Сегодня мама, когда мы остались дома одни, позвала меня на балкон, чтобы поговорить без лишних ушей. Она тут же закурила, что она обычно делает или когда очень устает, или когда сильно нервничает. По ее виду я догадалась, о чем будет разговор. Скорее всего, ей что-то рассказал Сережа... Мне этот болван, Павел, признался, что Сережка, кажется, видел, как тот снимал презерватив. Вот идиот, поверил, что парень спит и не поостерегся. В конце концов, мог бы это сделать и в уборной!

Может, Сережка давно до всего догадался? Ведь не зря же я эти таинственные записки нахожу под Мишиной подушкой, когда убираю постель.

Так оно и вышло. Мама говорила о моих отношениях с Павлом. С мамой хорошо, с ней можно говорить обо всем открыто, и она спокойно и внимательно меня слушает, даже если не согласна со мной. Другая бы мать разоралась, руками размахалась – вот и весь разговор. У нас было иначе, но, тем не менее, разговор был тяжелый и очень для меня неприятный:

- Мама, а что же мне делать? Сделала я, как ты советовала, родила Михаилу сына. Он-то счастлив, а у меня ничего не прибавилось. Сережку-то я люблю, души не чаю, а Миша как был, так и остался какой-то чужой...

- Я не знаю, что тебе делать, но то, что вы вытворяете с Павлом – это недостойно, это грязно! В конце концов, разведись с Михаилом и выходи замуж за Павла, если уж у вас такая неуёмная любовь. Ведь ты понимаешь, что сейчас ты ведешь себя, как последняя шлюха! А какие раны ты наносишь сыну? Ты об этом подумала?

- Да как я за Павла выйду замуж? Кто он? Он и академию не кончил. Он и прокормить семью не сможет!

- Значит, ты считаешь допустимым вместе с Павлом сидеть на шее Михаила и при этом изменять ему с его собственным братом?! Хоть ты мне и дочь и я люблю тебя, но скажу, что порядочные женщины так не поступают!

В это время хлопнула входная дверь: Ксения пришла из института. Разговор наш с мамой, к моей радости, закончился. Но я поняла, что загнала себя в угол.

Но что делать? Разводиться с Михаилом глупо: как я проживу с Сережкой одна? Хоть Михаил в свое время и настоял, чтобы я окончила мединститут, но я и года не проработала, ушла из-за какого-то дурацкого конфликта с заведующей. Жила потом, как все офицерские жены, за мужниной спиной.

Павел сам – ни кола, ни двора, слушатель академии. Себя-то еще прокормит, а уж на нас с Сережкой у него силенок не хватит.

Вот подвернулся бы кто-нибудь вроде Георгия- Победоносца! Я бы и минуты думать не стала! И уж стала бы верной женой.

Михаил. 1946. 8 декабря

Ну, оказалось, что мои подозрения не столь уж беспочвенны. Вчера, когда я пришел с работы, со мной беседовала Елена Степановна. Она сказала мне, что беспокоится о судьбе моей семьи и считает, что не может не сказать мне о некоторых неприятных фактах. Она сказала мне, что отношения Катерины и Павла выходят за допустимые рамки, что чем быстрее это пресечь, тем будет лучше для всех, а в первую очередь, для Сережи.

До чего же деликатна эта женщина! Она смогла в небидной и интеллигентной форме намекнуть мне о таком, что я просто обалдел. Она сказала, что берет тяжелый разговор с Катериной на себя, а мне, как старшему брату, надлежит поговорить с Павлом.

И вот около восьми вечера я предложил Павлу прогуляться вдвоем, сказав, что у нас с ним есть о чем поговорить.

Когда мы вышли, я долго не знал с чего начать. Павел шел, понурившись, будто догадываясь, о чем пойдет речь. И что-то мне его даже стало немного жалко: приехал совсем пацан, а тут взрослая женщина стала им крутить. Ну, конечно, и своя голова на плечах должна быть, но в таком возрасте это еще не полноценная голова, а так, придаток к спинному мозгу!

- Павел, твои отношения с Катериной выходят за рамки приличия. Ты – мужчина, подумай над ответственностью за свои поступки. В отношениях между нормальным мужчиной и нормальной женщиной, за все отвечает мужчина. Ты уже не семнадцатилетний мальчик. Понял?

Он молча кивнул. Вид у него был потерянный. Я помолчав добавил:

- Надеюсь, это наш последний разговор на эту тему.

Я был потерян, раздавлен, уничтожен, унижен... И это родной брат! Ведь это же немыслимое предательство! Даже не просто предательство, а двойное предательство, в результате которого я потерял сразу двух близких мне людей – жену и брата...

Я развернулся и пошел, куда глаза глядят. Не мог я после этого разговора придти домой. Ноги меня дотащили почему-то до пивной, которая нелепо стояла напротив Петровского дворца, на противоположной стороне от Ленинградского шоссе. Была эта пивная на скрещении пяти улиц, вернее, улочек, поэтому в народе называли ее «На пяточке». Мы туда частенько заходили с коллегами по академии выпить по кружечке пива с соленькими сушками.

Пивная уже закрывалась, но я хорошо знал начальника пивной», поскольку тот жил в нашем доме и даже в нашем крыле.

- Васильич, угости кружечкой пивца!

- Ну, Платоныч, только тебе, а то ведь вздрючат меня по первое число, если узнают, что я после полдевятого торгую...

- И будь другом, еще сто пятьдесят...

- Не положено, Платоныч!

- Знаю, знаю, но сегодня, будь другом, сделай исключение. Я же знаю, что у тебя под прилавком всегда есть. Заплачу сверху...

- Что с женой нелады?..

- Будешь много знать, скоро состаришься... Наливай!

- Да я уж и так не молод, Платоныч. Ну, выпей, выпей, дружок. Может, полегчает.

Домой я пришел уже после одиннадцати. Развезло меня с голодухи... Где-то я упал, перепачкал китель... Ай, как не хорошо! А вдруг, не ровён час, военный патруль? Потом не отмоешься...

Пришел, снял сапоги, гимнастерку да брюки – и в постель... Хорошо, что выпил... Я тут же заснул, избежав ненужных взглядов и разговоров...

Хорошо, что сегодня воскресенье, а то на работу в таком виде и не явишься. Башка разламывается...

Льет дождь

Беспробудно.

Бьет дрожь,

Словно в бубен.

За что ж

Эти будни?

Чем дальше –

Тем хуже:

Страшная

Стужа,

И кашель

Натужен.

Стакан

Всё не выпит.

Тоска –

Криком выпи.

Оскалом –

Улыбки...

Надежда,

Молимая:

Как прежде,

Люби меня!

Но где ж ты,

Любимая?..

Павел. 1946. 8 декабря

Я встал сегодня едва ли не раньше всех, хотя ночью почти не спал. Сказал Елене Степановне, что мне надо пойти в библиотеку. Хотя, какая к черту библиотека – сегодня выходной!

Вышел на улицу. Холодрыга. Ну, да если очень уж замерзну, можно зайти в метро отогреться. Домой возвращаться страшно, вернее, стыдно. Надо побыть одному, хотя от этого не становится легче.

Вчера произошел этот ужасный разговор с Михаилом... Он не сказал ни слова конкретно, но было понятно, что он все знает. Потом он куда-то ушел, оставив меня одного. А потом, когда он после нашего разговора вернулся домой вдребезину пьяный часа через три...

Нет, надо что-то делать. Что значит страшно? Что значит неудобно? Нужно было об этом раньше думать! Надо поговорить с Катей... Когда я вернулся, Катя собиралась с Еленой Степановной в каптерку отовариваться. Я попросился им помочь, Катя промолчала, а Елена Степановна сказала, что, конечно, идем с нами. Очередь была длинная, и она сказала нам с Катей, мол, погуляйте полчаса в парке. Похоже, что она поняла, что мне надо поговорить с Катей и даже поняла, о чем.

Я набрался решительности и сказал Кате, что наши отношения зашли так далеко, что продолжать все, как было, мы не имеем ни права. Во всяком случае, пока я не закончу академию, ни о чем больше не может идти и речи, а там можно будет пожениться и уехать куда-нибудь, хоть к черту на рога и жить там спокойно без этой всеобщей нервозности.

Катя психанула, сказала, что до окончания академии еще ждать да ждать. Я спросил ее, а что она предлагает, на что она ответила, то я мужчина, мне и предлагать, а ее дело – соглашаться или не соглашаться.

Тут вернулась Елена Степановна, и наш разговор на том и кончился. Но для себя я решил, что надо, действительно, поступить по-мужски. У меня созрел план... Эх, жаль, что не могу с Мишкой посоветоваться – он бы наверняка что-нибудь мудрое сказал! Ладно, надо записаться на прием к начальнику академии, говорят он хороший мужик.

Катерина. 1947. 1 января

Жизнь у меня дала трещину. Кто послабее, давно бы уж в петлю залез на моем месте... Михаил стал мне совсем чужим, Георгий исчез с горизонта, Павел тоже совсем потерял себя после того, как мама «засекала» нас. Домой приходит только на ночь. Со мной не разговаривает, заявил как-то за ужином, что ему обещают место в общежитии, и он в начале января должен туда переехать.

Я зла на весь мир... Хочется всем мстить. А за что, собственно? За то, что собственными руками сломала себе жизнь?

Вчера справляли мы Новый год у дальних Мишиных родственников – Буслаевых, Юрия и Екатерины. Катя Мише приходится какой-то троюродной или четвероюродной сестрой, одним словом, седьмая вода на киселе, как мама говорит. Юрий, хотя и всего полковник, но занимает какой-то важный пост и живет в том же «генеральском» доме, где и Георгий, но в другом подъезде.

На Новый год, кроме меня с Мишей, и человек восьми соседей, пригласили и других наших дальних полуродственников уже по маминей линии – Марию Ласточкину с ее мужем Гурием. Тут вообще голову сломишь, какая это родня: она сестра первого мужа тети Клавы, маминей сестры.

Ее зовут Матрена Егоровна, но она себя переименовала в Марию Георгиевну, чтобы звучало не так по-простолоудински. Признаться, ей больше к лицу была бы фамилия Бегемотова, чем Ласточкина, поскольку она безобразно толста и неповоротлива.

В прошлом Матрена-Мария – актриса-неудачница, высшим достижением которой было чтение по радио в течение года каких-то нанайских сказок. Но гонору у нее, как у Народной артистки! Да и ведет она себя, будто особа голубых кровей: жесты плавные, властные, а своего Гурия совсем с дерьмом смешала: сделай то, подай это...

Муж ее, Гурий Иванович, симпатяга парень. Жена его лет на пятнадцать старше своего муженька. Мама рассказывала, что Мария окрутила своего «суженого-ряженого», когда тот был еще совсем юным восемнадцатилетним студентом Московской Консерватории, где он учился в одной группе со Святославом Рихтером. Когда Гурий закончил учебу, она женила его на себе, отбив его у молодой красавицы и умницы Любове Белозёрской. Конечно, тридцатилетняя баба может запросто закружить голову мальчику-девственнику! Но вот они уже чуть не двадцать лет живут вместе. Теперь она выглядит да-

же не как мать Гурия, а почти как бабушка, ха-ха!

Гурий же моих лет, очень приятной наружности, в манерах своих даже элегантен. Преподает в балетном училище при театре Станиславского и Немировича-Данченко. На такого должны все молодые студенточки сами вешаться! Интересно, он, наверное, страшный повеса, думала я.

Перед наступлением Нового Года, посидев немного за праздничным столом, устроили танцы. Гурий играл веселенькие мелодии, импровизировал на любую тему. Потом сели за стол, выпили за старый год, потом за наступающий, а после боя часов со Спасской башни – и за уже наступивший. После этого, начался обиход галдеж, все встали из-за стола и разбились на парочки и тройки, о чем-то возбужденно беседуя.

Квартира у Буслаевых огромная. Есть даже темный чуланчик для домработницы, огромная кухня. Балкон с видом на Петровский парк, где сквозь голые зимние деревья виднеется вдалеке Петровский дворец.

Я приклеилась к Гурию и, судя по всему, он был не против: галантности его не было предела, он все время заглядывал мне в глаза и гладил ручку. Наверное, тот еще ловелас! Вышли на балкон, он тут же набросил на меня свой пиджак, поскольку было холодно, и даже аккуратненько обнял меня за плечи.

Потом мы вернулись с балкона, и я предложила ему пойти посмотреть квартиру. Вот тогда-то мы и набрали на чуланчик, который оказался открытым. Я включила выключатель и под высоким потолком зажглась тусклая лампочка без какого-либо абажурчика. Мы вошли внутрь, я притворила дверь, мы начали о чем-то вполголоса шушукаться и хихикать, не помню над чем. Потом я спиной будто бы случайно зацепила выключатель, свет погас, я почувствовала Гурия рядом, обняла его и поцеловала. Он, сопя, как паровоз, видимо, от возбуждения, ответил мне тем же.

В моей голове пронеслись в один миг вся горькая цепочка моих любовных неудач – Анатолий, Илья, Михаил, Павел, Георгий... И мне захотелось тут же, сейчас же отомстить всему миру! Но Гурий вдруг стал отодвигать меня от себя и говорить:

- Катя, Катюша, не надо! Это грех... Ты мне очень нравишься, но меня Машенька за это проклянет... Меня Бог накажет...

Я отпрянула от него, открыла дверь и вышла из темноты на свет. Он еще эту жирную корову «Машенькой» называет, идиот! Гурий вышел за мной, притворив дверь, продолжая говорить

мне:

- Катюша, не сердись на меня, я ведь Машеньке обет верности дал, когда мы венчались в церкви. Она мне сказала, что если я ей изменю, меня Бог покарает. Она даже запретила мне с Любонькой моей видаться или даже переписываться... Это невеста моя была, мы с ней обручены были, а уж как любили друг друга!..

- И ты, Гурка, веришь в весь этот бред? Да эта старая ведьма тебя страшит этим несуществующим Богом, чтобы держать тебя, как собачонку, на поводке!

- Не говори так, Катюша, не гневи Бога!

- Да пусть наказывает! Вот она я, давай, спускайся с верхней полки, Господи! – сказала я, подняв глаза к потолку. – Нет его, нет его, этого вашего Бога! Да и Михаил мне то же самое говорит: это все выдумки для слаботервных. Эх, Гурий!..

Мы вернулись ко всем. Наше отсутствие замечено не было. Да хоть бы и было: я сегодня чиста перед всеми, даже – тут я хмыкнула – перед Богом.

Павел. 1947, 3 января

Еще в середине декабря я записался к начальнику академии на прием по личным вопросам, который бывает раз в неделю по пятницам. Подготовился, как полагается – не зря же в армии служил вестовым да адъютантом. Нарисовал план нашей квартиры: один, как есть, а второй – как вроде бы намечается: Сережа с родителями в одной комнате должен быть, поскольку все еще излечивается от своих травм, Елена Степановна с Ксенией во второй комнате, а мне, натурально, просто нет места.

Пришел я к начальнику при полном параде: и медаль, и гвардейский знак, и желтая лычка на рукаве. Изложил я все четко, хоть и заикался сильно, но очень помогли мои схемки, которые я заготовил. Начальник академии спросил меня, на каком фронте я воевал, как получил ранение, не следствие ли контузии мое заикание.

Потом на моем рапорте что-то написал в уголке, позвал адъютанта и сказал всего одно слово: «Срочно!»

Потом немного еще со мной поговорил, рассказал, что он служил командиром авиаполка на том же фронте, но в сорок

третьем, когда Военно-воздушную академию вернули в Москву, его откомандировали в тыл, назначив начальником академии. Потом он поднялся, протянул мне руку и сказал: «Желаю вам успехов» и пожал мне руку. Когда я выходил из кабинета, адъютант начальника хитро так подмигнул мне, и я понял, что все уже решено.

Катерина. 1947, 25 января

Павлу дали общежитие... Наверное, Михаил воспользовался своими связями, иначе кто бы стал думать о каком-то курсантишке!

Он часто заходит к нам, иногда не один, а со своими друзьями. Ему-то хорошо – сбежал и все тут, а я осталась одна... Михаил ведет себя вроде нормально, внимательный, предупредительный, но я-то понимаю, что все сломано навсегда! Мама немного успокоилась, но укоризна в ее глазах так и осталась. Сережка немного поутих, но все равно иногда волчком смотрит. Теперь льнет к отцу; они много времени проводят вместе. То с альбомом с марками возятся, то в зоомагазин за какими-то живородящими рыбками ездят, то на футбол на стадион «Динамо» ходят вместе...

Одна Ксения – невинное дитя! Живет в своем мире, ее ничьи тревоги и заботы не затрагивают. Понятно – у нее началась своя жизнь.

И все же без Павла мне плохо... Я не знаю, в конце концов, что такое любовь... Но почему же у меня не получилось ничего такого, что было, например, у мамы? А было ли у нее? Может, человек придумывает для себя то, что хочет и внушает себе, что именно так, как он придумал, и было?

Ну, хорошо, даже если это так, то почему же я для себя не могу придумать жизнь, которую я хочу?

Елена Степановна. 1947, 8 мая

Сегодня к нам приходил Ксеничкин Константин, принес огромный букет цветов. Они о чем-то долго говорили с Ксенией, потом он заглянул ко мне, попрощался и ушел. Ксеничка пришла ко мне в слезах. Бедная девочка: Костя сделал ей предложение, а она так и не сказала ему ни «да», ни «нет»... Я ее понимаю: выбор трудный между Виктором и

Константином, оба очень хорошие мальчики.

Костю Рыбакова я лучше знаю, и его маму встречала, когда

мы жили еще до войны в Мытищах. Но он для меня, как был хороший мальчик, так и остался мальчиком. Виктор, по моим представлениям, солиднее, взрослее. Но что тут скажешь? Вон у меня Збруев тоже был солиднее моего Сенички, а разве могла я сменять Сеню на видного купца с деньгами и положением? Нет, никогда! Сердцу не прикажешь... Что я могу посоветовать? Пусть сама решает...

А пока я приголубила ее, приласкала, но она ни о чем меня не спрашивала, а я ей ничего не сказала.

Ксения. 1947, 9 мая

Сегодня праздник – День Победы. Пришел Виктор ко мне с букетом цветов и сделал предложение... Вчера Константин, сегодня Виктор... Они что, сговорились, что ли?

Я этого ждала и боялась одновременно. Ждала, потому что Виктор мне очень нравится, я даже просто влюблена в него, а боялась, потому что у меня живет ощущение какого-то предательства по отношению к Константину.

Я и Вите, как и Косте, и не отказала, и не дала согласия. Я ответила, что мне нужно подумать, посоветоваться с мамой, что он мне очень нравится, но я так сразу не могу. Виктор очень хороший парень, он все понимает.

Он сказал: «Хорошо, Ксеничка», дал мне в руки цветы, улыбнулся, немного виновато и откланялся. Он знает про Костю, и, мне кажется, понимает, чем вызвана моя нерешительность. Ну, да что же я могу с собой поделать? Они оба – и Костя, и Витя – мне очень нравятся. Был бы это восьмой или девятый класс, я бы с ними обоими дружила! Но ведь сейчас нужно выбирать одного и на всю жизнь...

Михаил. 1947, 12 мая

Ходил я сегодня в Большой на «Хованщину». После пластинок, которые мне давным-давно ставила Наташа, я и полюбил Мусоргского! «Борис Годунов» и «Хованщина» стали моими любимыми операми, я был на них уже много раз. Очень люблю и «Картинки с выставки», особенно в оркестровой обработке Мориса Равеля. Из других опер я люблю «Фауста». Очень хороша музыка к «Кармен», но сама история этой чувственной самки с ее животными ин-

стинтками мне претит... А вот Мусоргский, вернее Мусоргский, как мне объяснила в свое время Наташа, для меня так и остался «первой музыкальной любовью».

Хожу я в оперу один, поскольку Катя оперу не любит, предпочитает оперетту. Я с ней ходил пару раз на оперетту, но не смог даже до конца высидеть, сбежал в буфет, где – благо не было очереди – купил бутылочку пива и наслаждался в тишине и в одиночестве до конца представления. Катя театры вообще не очень жалует, но в «Немировича» похаживает с Павлом и его друзьями по академии.

Сегодня на «Хованщине» во время последнего антракта я спустился со своего третьего яруса на уровень партера, чтобы полюбоваться залом снизу, и столкнулся ... с Наташей Семиглазовой! Могу сказать, что рад я был страшно, как будто встретил очень родного человека. Мы обнялись, она погладила меня ладошкой по щеке, будто проверяя, что я действительно существую, взяла меня за руку, и мы начали фланировать по фойе вместе со всеми. Она привела меня в буфет, где подошла к одному из столиков и сказала: «Жорик, познакомься, это мой школьный приятель, Миша!» Тот, кого она назвала дурацким именем «Жорик», оторвался от стакана с пивом, поднялся и представился: «Семиногов!» Я чуть удержался, чтобы не упасть от напавшего на меня смеха: сменила Наташа Семиглазову на Семиногову! Уж хоть бы Осьминогова нашла... С трудом удержавшись, чтобы не расхохотаться, я ответил так же официально: «Макаров». Антракт подошел к концу, раздался первый звонок, я рванулся на свой третий ярус. Наташа успела мне прокричать вдогонку: «Мы тебя подождем у выхода!»

После спектакля, когда я вышел из Большого, то на ступенях меня поджидали Наташа со своим Жориком. Они, оказывается, живут совсем рядом, на углу улицы Горького и Страстного бульвара, в «Доме с балериной». Про эту скульптурную балерину на верхушке дома шутят, что Пушкин на своем пьедестале наклонил голову, чтобы не подглядывать ей под юбку. Ну, да чего не придумают столичные острословы и мастера злословия! К тому же, я думаю, что именно Пушкин в данной ситуации не потупил своего взора.

Как только я подошел, Наташа сказала: «Жорик, ты поезжай домой один, а мы с Мишей пойдем пешком и по дороге поболтаем: как-никак почти двадцать лет не виделись!» Жорик со словами: «Честь имею» и, козырнув как-то по-юнкерски, как в фильмах про революцию, пошел, не оборачиваясь, к ожидавшему его в отдалении черному ЗИЛу. Я так и не понял, кто он – киноактер или

высокого ранга начальник. Но ведь не царский же офицер! Хотя вряд ли киноактер – при такой-то машине да еще с шофером!

Мы шли с Натальей по тихой, почти ночной Москве. Прохожих на улице Горького было мало. Она взяла меня под руку и прильнула ко мне. Мне стало, признаюсь, ужасно приятно, как в те далекие года! Мы долго шли молча. Потом она сказала:

- Боже, как давно это было! Семнадцать лет тому назад!

- По-моему, это было даже где-то в начале мая...

- Нет, Мишенька, это было двадцать восьмого апреля. Я тот день запомнила на всю жизнь... Какая я была тогда святая и чистая! Как и моя любовь к тебе...

- Наташа, ты для меня всегда была и навсегда останешься святой и чистой...

- И ты для меня, Миша... Ведь мы были первыми друг для друга... Впрочем, что значит «первыми», – вдруг взорвалась она. – Мы же не скаковые лошади на ипподроме! Ты для меня был единственным! И останешься навсегда единственным...

- Ну, что ты, Наташа...

- Да, да, да! Если бы ты сейчас предложил мне уйти с тобой, я бы ни на секунду не раздумывая, бросила бы все эти министерские коврижки, все эти никому не нужные лимузины, всю эту «светскую» суету... И ушла бы, ушла бы хоть на край света – в глухомань, в нужду... Лишь бы с тобой!

- Наташа... Я тоже часто вспоминаю про тебя... Видишь, даже встретились мы на Мусоргском, и это неспроста. Каждый раз – а хожу я на Мусоргского очень часто – я вспоминаю тебя.

- Мишенька, ты не понимаешь... Я брошу Жорика, я отрекусь от всего, чтобы быть с тобой...

- Наташа, ты всегда жила жизнью, как бы это правильнее сказать, аристократической, что ли, светской. Я не смогу тебя обеспечить тот уровень жизни, к которому ты привыкла... Я не неудачник, но я обычный советский военнослужащий. К тому же на мне семья, у меня растет сын...

- Нет, ты ничего не понимаешь...

Она замолчала, о чем-то глубоко задумавшись. Вдруг она неожиданно спросила:

- А ты все еще с Екатериной?..

- Да...

- Брось ты, извини за выражение, эту... эту... – подбирала Наташа уместное, но приличное слово, - эгоистичную самку... Да что там выбирать выражения! Просто суку! Она же ногтя твоего не стоит! Она никогда тебя не любила, она любит только себя!..

- Наташа, дорогая! Я всё понимаю, что ты говоришь. И не в Кате дело... Я опустошен до предела... Я сам сейчас ничего не стою. Я любой женщине могу принести сейчас только несчастье. Я часто думал о тебе, я жалел, что у нас все тогда оборвалось... Вернее, что я тебя так подло бросил... Мне очень жаль, но возврата к прошлому нет: ты никогда не простишь мне мое предательство тогда в далеком тридцатом году, когда я бросил тебя... А я всегда буду терзаться своим предательством...

- Может, ты и прав... Но как-то жаль, что жизнь проходит... Нам с тобой уже почти под сорок, а ощущения, что жизнь получилась, так и нет...

Мы уже подошли к ее дому. Через улицу, под старомодными фонарями стоял в своей обычной задумчивой позе Александр Сергеевич...

Наташа посмотрела на меня каким-то просветленным взором, взяла меня своими ладонями за щеки и поцеловала в губы. Потом, сказала:

- Прощай, мой единственный на всю жизнь... Дай Бог тебе счастья! Может, еще и перекрестятся наши дороги... Но помни меня, Миша! Я всегда любила только тебя, да и сейчас люблю!

С этими последними словами она юркнула в свой подъезд. Я постоял немного, а потом пошел в сторону Маяковки, чтобы там сесть на метро и поехать домой.

На душе у меня скребли кошки. Я страшно жалел, что не сказал Наташе чего-то важного. Но чего? Я почти с ужасом думал, что я могу больше никогда в жизни ее не увидеть. Это приводило меня почти в паническое состояние... Ощущение почти смерти близкого человека.

Но что я мог сделать? Принять ее предложение и умчаться с ней на край света? Даже если бы я смог сделать невозможное – а я ведь не могу предать ни Сережку, ни Елену Степановну, ни, в конце концов, Катерину – даже если бы я смог это сделать, что бы это была за жизнь с Наташей? Каждый из нас жил бы не чувством, а воспоминанием о чувстве. А потом, как могут жить вместе тот, кто предал, и тот, кого предали?..

Я дошел до Маяковской, но не вошел в метро, а пошел дальше, до Белорусской. Мне нужно было побыть одному...

По пути зашел в магазин, купил бутылку массандровского портвейна. Перед самым домом сел на скамейку, где обычно вечером сидят кумушки-старушки и перебивают косточки, и прямо из горлышка выпил всю бутылку. Домой пошел побыстрее, чтобы не опьянеть и не свалиться на улице... Я ведь совершенно не умею пить – а тут, как-никак, целая бутылка крепленого...

На душе кошки скребут. И правда, уже почти сорок... Лучшая половина прошла... И любовь моя единственная, заслонившая все в моей жизни, оказалась несостоявшейся... Катерине я не нужен. Но вот я приду и скажу ей все, что я о ней думаю! Все, что происходит между ней и Павлом – это ее штучки! Она его окрутила, а он, щенок зассанный, не удержался! Как это у Шолохова? Ах, да: «Сучка не захочет, кобель не вскочит!» Нет, сейчас же, сейчас же все ей в глаза скажу!.. Вот только в пьяном виде не стоит, пожалуй: потеряется смысл, будет вроде пьяного бреда... Нет, до этого опускаться не стоит.

Эх, Наташа, Наташа!.. Может, упустил я с тобой настоящую жизнь?

**Закатное небо рубили домов топоры.
Венера уже свой фонарь на небе зажгла.
И в это время внезапно, как ветра порыв,
навстречу женщина шла...**

**Какое-то странное всколыхнулось чувство,
будто под ногами стало пусто,
будто наткнулся на риф...
И стало уже не до рифм!**

**Идет женщина,
а я вижу ее такой же девчонкой,
какой знал много-много лет назад.
Нет, не такая немного –
в глазах появились грустинки,
и лучики около глаз поблекли,
стали морщинками.**

**Но я вижу девочку, как тогда,
такую же близкую и одновременно далекую.
И сам почувствовал себя мальчишкой...**

**Но все же, зачем это воспоминание,
Оживившее и разбудившее
какие-то утихшие чувства?**

**А может, это так и нужно,
чтобы проверить и оценить
настоящее,
прошлое
и будущее?..**

Ксения. 1947, 14 мая

Что же мне делать? Что же мне делать?.. Виктор или Константин? Один привлекает меня своей мужской силой, а второй – силой первой моей девичьей любви...

Я пыталась говорить с мамой. Она сказала мне: «Ксеничка, в таких вопросах не советуют! Следуй велению своего сердца!»

Я и к Мише пришла с тем же вопросом, как к своему старшему брату. Он мне сказал: «Ксеничка! Ведь никто не может решить этот вопрос за тебя. Ведь любой совет другого человека – это «если бы я был на твоём месте, то я бы выбрал»... Но ведь каждый, кто советует, он на своём месте, а на твоём месте – только ты! Только ты сама можешь принять окончательное решение. Так что не спрашивай больше никого: сколько людей, столько и мнений. Положись на свою интуицию, свои чувства, свой рассудок».

«Мудрый он человек! Сказал, по сути, то же, что и мама, но как-то все по полочкам разложил... Но что же мне делать, что же делать?» – Думала я.

Взвесив все, я решила и поехала на Ярославский вокзал, чтобы поехать в Мытищи, к Рыбаковым и сказать Косте, что я согласна быть его женой.

Я купила билет и села в электричку. Оказалась она со всеми остановками... Я и так-то не решила твердо, что же мне делать, а тут: «Москва-третья»... «Лосиноостровская»... «Лось»... «Перловская»... «Тайнинская»... Что ни остановка, то новые сомнения, новые колебания!

«Следующая станция – Мытищи». – Объявил машинист по поездной радиосети. Я сорвалась со скамейки и едва успела выскокить на платформу... Я брякнулась на скамейку, у меня от нервного

напряжения тряслись руки и ноги в поджилках. Я сидела на скамейке, и слезы текли по моим щекам. Мне было просто жалко саму себя: что же мне делать? Что же мне делать?..

Я посидела-посидела, а затем перешла железнодорожные пути, купила обратный билет и поехала в Москву... Я выбрала Виктора.

Времена года: ЗРЕЛОСТЬ

Вот и отгуляло буйное лето... Отцвели последние осенние цветочки, поморило зноем траву, пожухла она, будто пригорюнилась. Правда лес еще бушует красками: желтое, красно-оранжевое, зеленое. Осень, она как женщина в свои сорок: уже и морщинки у глаз появились, и талия не та, что раньше, и кое-где лишние складочки появились, но нет, полна она жизненной энергии, новой еще не виданной красоты, ума необычайного... А иногда и вовсе, как бес какой-то вселяется в природу: солнце, как в июне, теплынь невероятная, снова пичужки оживают и верещат на радостях. Словом – юный май опять на дворе! Кратковременны эти вспышки, но тем и притягательны, тем и привораживают. И не зря называют эту пору «бабье лето». И правда, приходит на ум женщина того «осеннего» возраста, в которой вдруг, пусть и ненадолго, просыпается задор, блестят глаза, движения ее легки, и она зачаровывает вас так, как не может того сделать юная красна девица.

Осень приносит плоды того, что долго и кропотливо выращивало для нас лето. Все, что цвело – отцвело и созрело, плоды висят сочные, мянуще, зовущие к сбору урожая. А все, что даже успело перезреть, – попало наземь, не дожидаясь ни холодных злых порывов ветра, ни жестоких обжигающих морозов зимы.

Хорошо в это время поехать за город, побродить по лесу, пособирать случайных грибов, хороших отборных боровичков, не в корзину даже, а просто в пригоршню, или же набросать их в узелок из носового платка. Не для жарки даже и не для сушки, а так, показать домашним, порадовать их глаз. Найти позднюю ягоду, почти уже засохшую, а от того и еще более душистую и желанную...

А если есть дачка, пусть не каменные хоромы, а небольшая развалюшка с терраской и, конечно же, непременно с разошедшей печкой,

сложенной когда-то еще при царе-Горохе, то поехать туда. Сойти с обшарпанной электрички и узкой змейкой-тропинкой пойти от платформы напрямик через редкий осиновый лесок. Отпереть висячий замок на двери – замок не от воров, а от тех варваров, которые войдут, нагадят, перевернут все вверх тормашками, да и уйдут, оставив на полу бутылки изпод выпитого... А потом!.. Положишь в печурку бересты, сверху прутиков сухих, а на них пару полешек, подпалишь их, да и присядешь на корточки, глядя на разгорающийся огонь... И вот уже затрещали поленья. Сквозь многочисленные щели в печи поползли заметные струйки дыма, идущего не вверх, но вниз. А ты сидишь и вспоминаешь догорающее лето...

А позже, когда уже и дом натоплен к ночи, и все уже угомонились, выйдешь на не застекленную терраску, сядешь на ступеньки и, закинув голову вверх, отыскиваешь на иссиня-черном безлунном небе знакомые звездочки: вон Орион, вон Стожары, вон Волосы Вероники, вон Лебедь... Уж про Медведиц и не упоминаю, они первые в глаза лезут.

Моменты этой, начальной поры осени, незабываемы и как-то удивительно неизбывно грустны. Какое-то чувство, похожее на ожидание момента расставания с хорошим другом, уезжающим куда-то за тридевять земель, надолго, на год, на два, а может, и навсегда... И вот никак не можешь вдосталь наговориться, насмотреться на него...

Потом наступает пора нудных проливных дождей, то назойливо моросящих без перерыва, кажется, что днями, то вдруг ливень такой, что хоть потопа жди. Но такие дожди обычно коротки. Чем-то они даже похожи на летние грозы, но в летней грозе присутствует какая-то пьянящая атмосфера шаманского танца, какая-то волнующая, хотя временами и грозная радость жизни. А здесь свинцовое небо выливает на тебя неусмиряемые потоки воды, как бы говоря, что лучше тот моросящий дождь, чем я, все разрушающий и все потопляющий...

Но проходит и это... Прав был Царь Соломон, сказавший «Пройдет и это». Невелика мудрость, конечно, да вот сформулирована красиво!

И вот уже у красавицы осени поутру там и сям появляются заиндевевшие прядочки, которые, правда, легко пропадают с первыми же лучами уже не такого жаркого солнца. Но время идет, и вот уже снежная седина покрывает осеннюю землю, она не тает за день, поскольку холодный ветер сдул покров теплого воздуха, защищавшего землю. Снежные пряди эти лежат еще не везде, да и те, что легли, за два-три солнечных дня все же сходят на нет.

Но дни все короче, все меньше спасительного тепла достается

Земле...

Прошло и это... Прощай, осень!

**Да, цвела весна рассветом,
Но прошло, прошло всё это...
Жило в пышных красках лета,
Но прошло, прошло всё это...
Лист янтарный гонит ветром.
Но пройдет, пройдет и это...
В этом мире все не вечно.
Только время бесконечно.**

Михаил. 1947, 9 октября

Прямо, как в шестнадцать лет! Чувствую, что мне не хватает любви! Правда, чисто плотская любовь, как и всегда, мне мало интересна: без истинной духовной связи эти чисто животные «случки» меня не интересуют. Утолить «половой голод»? Разве что! Но это дело нехитрое... После того, как наши отношения с Катериной сломались все мои принципы дали трещину. Я уже дважды «грешил» с молоденькими женщинами-лаборантками из нашей академии. Они как почувствовали, что у меня что-то неладно дома! Но я сразу говорю, чтобы никаких планов на мой счет не строили: я и разводиться не собираюсь, да и даже если, то уж второй раз не женюсь: спасибо!

Ведь и Олечка пыталась мною овладеть, хотя делала она все искренне, почти по-детски. Попросила она меня как-то проводить до метро «Динамо», я согласился – это недалеко. Дошли до Северного входа, почему-то пошли дальше, дошли до касс кинотеатра «Динамо». Она и говорит: «Миш, пойдем на восьмичасовой? Кино, говорят, хорошее, трофейное». - «Не могу. Мне домой надо, Оля».

Прошли мимо касс, она меня держит под руку и поворачивает в динамовский парк. Вошли, пошли по аллеям, потом сели под кустом сирени или акации на скамеечку. И тут она разрыдалась, говорила сбивчиво, ее лицо было близко-близко, а огромные глазницы смотрели на меня умоляюще и жалобно. Она, захлебываясь скороговоркой, выпалила, что она меня любит, что ей хорошо

со мной, потому что я умный, сильный и справедливый...

Я ее успокоил, как ребенка, стал говорить, что я совсем не сильный, просто жизнь у меня была трудная, и я привык бороться, а не хныкать. Я обнял ее за плечи и начал тихонько поглаживать ей плечо, пытаясь ее успокоить. Тут она не сдержалась, прильнула ко мне и стала безумно меня целовать. Я был не готов к такому бурному натиску... Потом и меня захлестнула эта головокружительная волна. Я обнял ее и почувствовал ее податливое и трепещущее тело...

Но здравый смысл проснулся и остановил меня. Конечно, ничего страшного не произошло бы: в парке было много гуляющих. Но я понял, что нельзя расслабляться и давать потакать Оленьке в ее иллюзорных мечтах, нельзя давать ей возможность подумать что-то не то. Я, отстранившись, быстро начал опять ее успокаивать и говорить ей, что она хорошая, добрая, красивая и ей нужен кто-то действительно сильный и красивый, что она обязательно найдет свое счастье.

Когда она успокоилась, я проводил ее до Южного вестибюля метро. Уже внутри вестибюля, она посмотрела на меня как-то, как мне показалось, виновато и сказала: «Спасибо, Миша...» - «За что?..» Она не ответила, а только порывисто поцеловала меня в губы и, не оглядываясь, побежала на эскалатор...

А вот на платоническую любовь мне повезло. Меня просто покорила Катя Буслаева: умная, интеллигентная, выдержанная и к тому же очень красивая. Она приходится мне троюродной сестрой. Мы довольно часто встречаемся семьями, они заходят к нам, мы бываем у них. Я чувствую взаимную симпатию, перехватываю ее взгляды, понимаю, когда ее реплики говорятся вроде бы всем, а предназначены мне одному...

У нас с ней отношения, как у брата с сестрой. Как это здорово, что не нужно ничего скрывать, что не нужно играть и обманывать: ни у нее, ни у меня за душой нет никаких «треховных» помыслов! Я и Юре, ее мужу, сказал, что мне очень нравится его жена, и что я рад, что у меня нашлась сестра да еще такая умная и красивая. Он, по-моему, все прекрасно понял и не подумал ничего плохого.

Ни я, ни она даже и не помышляем о каких-либо плотских отношениях: это ни мне, ни Кате Буслаевой не нужно. Она у меня не вызывает никаких желаний, мне просто очень хорошо с ней, приятно видеть ее, приятно слышать ее голос...

**Я рад, что в этой жизни гнусной,
В толпе сплошных полулюдей,
В угаре призрачных идей
И в окруженьи правды грустной,
Где только власти торжество,
Где любят, вовсе не любя,
Я встретил божество –
Тебя.**

Катерина. 1947, 7 ноября

Михаил, по-моему, совсем потерял голову от Кати Буслаевой. Меня это почему-то сильно злит. Казалось бы, у нас с ним все уже определенно лопнуло, по крайней мере, с моей стороны, но что же происходит? Какая-то ревность к нелюбимому человеку. Опять же «собственность»? Но эту Катюку я ненавижу! Эти ее томные глаза, загадочные улыбки... Знает, как можно мужика охмурить!

Как-то на днях зашла я к Буслаевым в воскресенье. Встретил меня Юрий в дверях: «Проходи, проходи! Вот не ждал! А я тут один сижу: Катюка укатила в Загорск к подруге!»

Зашла я, сняла пальто, Юрий предложил чаю, я не отказалась. Он пошел на кухню ставить чайник.

Он вообще-то кобель порядочный, все об этом знают. Да и я сама на себе чувствую его масляный, липкий взгляд... И тут я подумала: отомщу-ка я всем за мою «поруганную честь» – и Катюке, и Мише, и Павлу. Почему я одна из всех страдаю?

Я вышла на балкон, было свежо, почти прохладно. Юрий вышел за мной, «Зябко!» – сказала я. Он вышел в комнату и принес мне Катину пуховую шаль, накрыв мне плечи.

Странные эти мужики! Прямо тебе рыцари: была бы я не Михайлова жена, давно бы меня уже в постель уволок! Я поежилась под шалью, он обнял меня легонечко, я прислонилась к нему... Ну, а дальше все пошло по известному сценарию...

Месть моя удалась! Я еще его напоследок кобелём обругала. Он весь был какой-то потерянный, жалкий. Ничего, дружок, чтобы месть была полной, я еще и Кате твоей расскажу, как ты без нее на жену друга набросился!

А вообще-то, месть мстью, а кому и за что я отомстила? У Мишки с Катей, я уверена, ничего нет и не будет – оба блаженные. Павлу? Так он никогда и не узнает. Кому же? Так вот и получается, что только себе самой! Вот так месть!

Михаил. 1948. 23 февраля

Сегодня опять были с Катериной в гостях у Буслаевых, отмечали День Красной Армии. Катерина начала свой обычный флирт с Юрием. Остальные гости все были чем-то заняты. Мы с Катей Буслаевой оказались одни, без какой-либо компании. Катя предложила мне выйти, проветриться, я согласился. Она нашла Юрия, заигрывающего с моей Катериной, и сказала ему, что мы выйдем прогуляться.

Мы оделись и вышли. Падал мягкий, ласковый снег, который звонко скрипел под ногами. Мы шли долгое время молча, Катя взяла меня под руку и держалась за меня крепко-крепко, будто ища какой-то защиты от кого-то.

Потом она заговорила:

- Со мной недавно говорила твоя Екатерина...
- О чем она могла с тобой говорить? Вы ведь такие разные люди!
- Она сказала мне, что Юрий подонок и бабник, что он меня не любит...
- Ну, Катенька, не принимай это близко к сердцу. Я думаю, что Юрий нормальный мужик, ну, заигрывает с женщинами, но я думаю, дальше этого не идет.

- Но твоя Екатерина рассказала мне, как он соблазнил ее...
- Ну, что тебе сказать...
- Знаю, знаю, Екатерина твоя – тоже тот еще подарок!

Тут она замолчала, потом остановилась, повернулась ко мне лицом и вдруг разрыдалась:

- Миша!.. Спаси меня! Мне надоела вся эта грязь, все эти измены. Хочешь, я брошу к чёрту Юрия, заберем Сережу и будем жить с тобой? Я Юрия не люблю, да и он меня не любит. Он за любой юбкой готов приударить. В этом твоя Екатерина права. Я ему просто удобна: скандалов за его похождения ему не устраиваю,

да вдобавок еще «на безрыбье» он просто использует меня... Пойми, что для меня это каждый раз просто-напросто насилие!

Я знаю, что у тебя, может, нет ко мне настоящей любви, той, которая все сжигает в своем пламени. Но тебе со мной будет все равно лучше, чем с твоей Екатериной... Она тебя совсем не любит. Да ты и сам это знаешь...

- Успокойся, успокойся, Катя... Ты все преувеличиваешь. Юрий такой же, как и другие. А Катя... Ну, что с ней поделать?

- Нет, нет, я больше так не могу... И детей у нас с ним нет. Он панически боится потерять свою свободу и удобства этакой холостяцкой жизни женатого мужчины. Смешно, да? – Сказала она, продолжая заливаться слезами и всхлипывая. – У меня в жизни нет никакой отдушины. Вся моя жизнь – пустота...

- Катенька, Катюша, ну, успокойся! Ты добрая, светлая, чистая. Все будет хорошо. Не может быть, чтобы у такого человека, как ты, все было плохо. А нам вместе, если мы даже и решились бы на совместную жизнь, не было бы хорошо так, как ты думаешь: нельзя любовь заменить состраданием и чувством благодарности. Давай мы и дальше будем любить друг друга, как брат и сестра. Мне большего и не надо, да большего я и не заслуживаю...

Мы вернулись вскоре. Остаток вечера мы провели вместе. Я старался делать все, чтобы Катеньке было легче справиться со своим ужасным настроением.

**Не печаль глаза, не надо!
Время лечит всё и вся...
Только сердца канонаду
Вот никак унять нельзя!**

**Мы с тобою – вне пространства.
Мы с тобою вне времён.
Остальное, как ни странно,
И без лиц, и без имён...**

Притча о Пророке: ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ

Настал же день опресноков, в который надлежало заклать пасхального агнца, и послал Пророк Петра и Иоанна, сказав:

- Пойдите, приготовьте нам есть пасху.

Они же сказали ему:

- Где велишь нам приготовить?

Он сказал им:

- Идите в город, и при входе вашем в городские ворота,

попадется вам навстречу человек, несущий кувшин воды. Последуйте за ним в дом, в который войдет он, и скажите хозяину дома: Пророк вопрошает тебя, где комната, в которой бы он мог есть пасху с учениками своими? И покажет тот человек вам горницу большую и уже устланную, где вы и приготовьте.

И пошли ученики Его, и пришли в город, и нашли того, про которого Пророк сказал им, и приготовили пасху.

И собрались ученики с Пророком своим в саду Гефсиманском, и принялись за трапезу пасхальную.

Пророк долго оставался в неведении касательно отношений между Магдалиной и юным Иоанном, поскольку они тщательно скрывали все от глаз его и глаз учеников его. Однако тайное рано или поздно становится явным. Первым заметил сие Иуда и заболел душою за Учителя. Опечалился он, что грешная земная жизнь неотвратно уводила Пророка прочь от его же собственного учения, погружая его в суету мирскую.

Прозрел, в конце концов, и Пророк, заметив взгляды вязкие и неотвязные, коими обмениваются Магдалина с Иоанном. И решил он испытать Иоанна, сказав:

– Брат мой наилюбимейший, приди, возляг на грудь мою, как раньше ты это делал.

Смутился Иоанн, но отказать Пророку не смог, пришел и возлег на грудь его.

– Какой недуг тебя мучит, брат мой? Ты весь, как в огне... Дай налью тебе кубок вина холодного, от коего полегчает.

Взял Иоанн кубок серебряный в руку правую, а рука дрожит, едва вино не выплескивается на белый хитон Пророка. Пьет Иоанн, а зубы по кубку стучат, будто холод его пронзает, а не жар. Не выдержал Иоанн

пытки такой, вскочил и убежал.

И тут подошел к Пророку Иуда и сказал ему шепотом:

– Есть у меня слово к тебе, Пророк. Выйдем в сад, где нет ни лишних глаз, ни ушей лишних...

Вышли они в сад, и тут Иуда, склонив голову, говорил:

– Ты Учитель наш, твоё учение нам, твоим ученикам, всем в души проникло, да и среди людей распространяется оно, как по сухой степи огонь, подгоняемый ветром. Скоро не останется и уголка на земле, где бы не нашло учение твоё своих последователей.

Но сам ты, того не ведая, отходишь от самого себя, от учения своего, погружаешься в суету житейскую. А ведь кто, как не ты, учил нас, говоря: «Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть».

Завяз ты, как конь с повозкой в топи болотной, в своих отношениях с блудницею Магдалиной. А теперь узнал ты и то, что Магдалина предала тебя с младшим твоим братом, Иоанном. Мирские невзгоды заслоняют для тебя учение твоё, и не в силах ты совладать с собой.

Гибнет, гибнет идея, ради которой все мы готовы пожертвовать всем, даже жизнь свою. Что же делать нам? Что делать тебе? Только великая жертва с твоей стороны, со стороны Учителя нашего, может спасти наше общее дело. Только смерть мученическая твоё может возвеличить твоё учение и позволит сохранить имя и образ твой светлыми и незапятнанными в веках.

И у меня есть план, который ты должен принять ради бессмертия учения твоего, которое уже стало и учением нашим. Ты должен стать святым, ты должен стать знаменем для своего собственного учения... А что нужно, чтобы стать святым? Ты и сам знаешь: нужно чтобы тебя убили твои враги и чтобы кто-нибудь из твоих самых близких людей предал бы тебя в руки врагов твоих. Люди своекорыстны, но они не могут не любить тех, кто жертвует собой ради них. Стань жертвою, Пророк!

И чтоб ты не думал, что я отправляю тебя на заклятие одного, ради спасения нашего учения, я – как твой самый верный ученик – тоже жертвую собой. И делаю я это потому, что вера в твою невинную мученическую смерть будет сильнее, если будет известен и злодей, который тебя предал. Вот им-то в глазах людских и стану я. Именно я предаю тебя за деньги римским стражникам, которые схватят тебя и предадут тебя казни. И чтобы убедить толпу в моем предательстве, я после того, как распнут тебя, пойду и повешусь, будто в раскаянии, выбросив при этом деньги на дороге под деревом, на котором я прилажу свою петлю.

Вот и будет красивая притча для последователей твоего прекрасного учения: жертва –Учитель и предатель – Ученик. Так и войдем мы с тобой в историю навеки, хотя и по разные стороны от линии, разделяющей Добро и Зло...

Ну, готов ли ты отдать жизнь свою за светлую идею, Пророк?..

– Да... Прав ты, Иуда, нет у меня выхода иного...

– Так что мужайся, Пророк! Готовься к подвигу жизни своей! Сейчас я уйду и приведу стражников. Они уже ждут меня за воротами сада, ибо решил я все сделать ради нашей общей теперь веры, в которую обратил ты нас, даже если ты откажешься в последнюю минуту. Чтобы указать стражникам на тебя, я подойду к тебе и поцелую тебя, это будет им знак. А заодно, Пророк, это еще усилит будущую притчу о моем предательстве – это войдет в историю как «поцелуй Иуды»...

Выслушав Иуду, Пророк, не отпуская руки его, вернулся вместе с ним за трапезный стол и говорил он своим ученикам:

– Наступил, братья мои, срок расстаться мне с вами: призывает меня Отец мой к себе. Не далее этого вечера, попаду я в руки злодеев, вершащих неправду. И предаст меня целующий меня.

– Уж не я ли? – спросил Иуда, еще не отошед от Пророка.

– Ты сказал, не я сказал, – молвил Пророк.

– Да и вы, остальные, меня предадите...

Тут Петр вскричал и вскричал:

– Я, я не предаю тебя!

– Прежде, нежели пропоет петух, трижды ты отречешься от меня!

При разговоре этом Иуда Искариот, незамечен, вышел вон. Но уже вскоре он вернулся и, подойдя к Пророку, поцеловал его. Тут же из-за кустов на Пророка набросились стражники, возложили на него руки свои, взяли его, связав веревками, и потащили прочь...

И только у Иоанна мелькнула несправедная мысль. Да, он нарушил одну из заповедей Пророка: «Не возжелай жены ближнего...». Но ведь если же не станет того ближнего, то и жена ближнего станет уже не женой, а лишь одной из женщин, желать которую и владеть которой не есть грех...

Павел. 1948, 8 марта

Опять у нас с Катей началась бурная жизнь... После какого-то затишья она опять обрушила на меня свои безудержные ласки. А я по слабоволию не сопротивляюсь, хотя внутри все время сидит какое-то нехорошее чувство: неправильно все это!

Но если признаться, то хорошо, что она есть. Без женщины не проживешь, а найти кого-то мне психологически трудно: мешает воспоминание о Варе и страх перед ревностью Катерины...

Ну, да недолго осталось ждать: вот скоро уже окончу академию, получу назначение и уеду. Даже если будут оставлять в Москве – все равно уеду! Постараюсь начать новую жизнь. Ведь мне уже тридцать лет, пора подумать о семье, о детях. Да и жизни нормальной хочется, чтобы любить не украдкой, не по-воровски, а честно. Да и это предательство по отношению к Михаилу нужно прекратить...

Катерина. 1948, 9 апреля

Михаил защитил кандидатскую. Меня удивило, что на титульном листе он сделал надпись от руки: «Моей Катюше». У меня сразу же мелькнула мысль о Кате Буслаевой! Меня он давно уже, кроме как «Катя» или «Катерина», по-другому не называет, а тут, видите ли, «Катюша»!

Сегодня дома устроили небольшой праздничный ужин, на который пригласили несколько человек из академии, включая научного руководителя Михаила и оппонентов. Все домашние, кроме мамы были отпущены «погулять», чтобы под ногами не болтались. Мама была главной по хозяйству – без нее я, конечно, не справилась бы.

Говорили много приятных тостов о Михаиле. Он, видимо, действительно очень одаренный человек. Но вот шел он слишком много, вскоре был совсем пьян. Слава Богу, гости рано разошлись, потому что к концу вечера Михаила совсем «развезло». Я стала расспрашивать его про его отношения с Катей Буслаевой, хотя вижу, что она от него, вроде бы, отвязалась.

Он что-то начал бормотать, потом расплакался. Говорил, что она святая, что у них ничего не было и быть не может. Потом он начал упрекать меня, говорить, что я сломала ему жизнь. Из его слов я поняла, что он все знает про нас с Павлом. Все знает и молчит! Ну, хоть бы врезал мне когда, пощечину дал, а то все святого из себя корчит! Устала я, устала...

ЧАСТЬ 3

Михаил. 1948, 15 июня

Вот уже две недели, как я на новом месте: в Рижском авиационном училище. Очень много произошло за последнее время такого, о чем вспоминать не хочется... Да и просто стыдно.

На первомайские праздники я был назначен дежурным по Военно-воздушной академии. Обязанность не тяжелая, хотя и не очень приятная: все сидят за праздничным столом в кругу семьи или с друзьями, а ты с группой слушателей, как сторожевая собака, ходишь вокруг квартала, следишь, не произошло бы чего, да проверяешь постовых.

Заступили мы на дежурство в шесть вечера. Сделали несколько кругов, все спокойно. Да и что могло произойти? Все эти дежурства делаются, по-моему, просто для профформы.

Около восьми кто-то из моих подопечных офицеров слушателей предложил пойти «на пяточок» к Васильичу. Пошли, выпили, как всегда пивка, сдобренного водочкой. И на мою беду – то ли япил на голодный желудок, то ли нервы были никуда, то ли водки добавили мне больше – но я отключился. Отключился так, что и не помню, как меня дотащили домой, раздели и уложили в кровать... Как потом с негодованием говорила мне Катерина, у меня были мокрые штаны... Неужели и Сережа это видел? А слушатели, которые приволокли меня домой? Какой позор!

Старший после меня по команде доложил обо всем начальству. Сделал это он совершенно правильно, поскольку скрыть факт было невозможно, а ему нужны были инструкции сверху для продолжения несения караула. К тому же обычно в чрезвычайных случаях, когда дежурный по академии по каким-либо причинам не может исполнять свои обязанности, то должен быть назначен новый дежурный. А так как команда состояла, как правило, из одного старшего офицера-преподавателя и нескольких офицеров-слушателей, зам дежурного обязан был сообщить по команде, чтобы прислали запасного дежурного для продолжения несения дежурства.

Потом был офицерский суд чести... Меня не разжаловали совсем только благодаря хорошей в прошлом репутации и участию в боевых действиях на Халхин-Голе... Но и то, что сделали – сильный удар: понизили в звании с полковника до подполковника и перевели из академии служить в авиационное училище в Ригу...

Вот и живу теперь бобылем... Купил кое-какую мебель, жду, когда Катя с Сережей переедут жить ко мне. Правда, почему-то ответов от Кати на свои письма не получаю. Сегодня вызвал Катю на переговорный пункт, поговорили 10 минут, но я вразумительного ответа от нее так и не получил. Говорила она что-то про Сережину школу, про Ксению и Елену Степановну. Я сказал, что места хватит всем: мне же на семью дали трехкомнатную квартиру: такая роскошь никому из нас никогда и не снилась! К тому же, подумал я, и проблема с Павлом будет автоматически решена: с глаз долой – из сердца вон, как говорится...

А может, Катя из-за этого-то и не хочет ехать в Ригу?

Неужели все так далеко зашло?

Может, дело в Елене Степановне и Ксении? Но ведь все равно они и сейчас живут на моем попечении, а жить вместе, одной семьей – это же для всех лучше. На два дома это разве жизнь? А Ксении здесь будет неплохо: доучится год, а потом – вольная птица! Мединститут и здесь есть, перевестись не трудно. Да она-то могла бы и в Москве остаться на год, а там – все равно замуж.

Хорошо, подожду еще. Ведь им сниматься с места и ехать в полную неизвестность и правда, нелегко, их можно понять!

Плохо мне было последнее время... Очень плохо! Но ведь еще хуже было, когда Катя убежала со своим поклонником в Ленинград. А потом я приехал и все наладилось. Может, и теперь придет, сменит обстановку и можно будет постепенно залечить все эти раны последних лет... Конечно, забыть эту измену я не смогу никогда... Но нужно попытаться все наладить ради нашего сына, ради Сережи...

Как мне ни плохо сейчас, я стараюсь совсем не пить. Я понял, что если я дам себе послабление, то опять что-нибудь может произойти, на этот раз непоправимое. К тому же я и не могу нормально пить: меня «развозит» даже от пары кружек пива натошак. А на прошлой неделе собирались кафедрой, выпил вместе со всеми бокала два-три шампанского, так меня под руки довели до дома... Какой позор!

Нет, есть только один выход – не пить вообще.

А Катя?.. С ней плохо, а без нее еще хуже. Наверное, я совсем «домашнее животное». Я уже не любви жду, я жду покоя... Да и что такое любовь? Ведь прошли те восемнадцать-девятнадцать лет, когда сердце выскакивало из груди от прикосновения любимой! Да и кто она такая - «любимая»?

**Без тебя в нашем доме
Так глухо и пусто мне...
Без тебя в нашем доме
Такая тосчища!**

**Как по камере,
Мерю шагами без устали,
Отмеряя унылую
Тыщу за тыщей.**

Катерина. 1948. 18июня

Говорила на днях с Михаилом по телефону. Я понимаю, что ему трудно там одному, что он искренне хочет, чтобы мы с мамой и Сережей переехали жить к нему. Но я не могу! Между нами образовалась пропасть. Пусть по моей вине, но какая разница: ничего исправить нельзя.

Я не хочу ехать и не поеду. Я уже провела некоторую работу с Сережей. Сказала, что мы можем к Михаилу ездить в гости на все праздники и на лето, но переезжать нам нельзя, потому что тогда мы потеряем московскую прописку. Ведь если мы уедем насовсем, то он навсегда расстанется со своими школьными друзьями. Спросила я, как бы невзначай, о том, есть ли у него девочка, которая ему нравится. Он вспыхнул, смутился, и я поняла, что нашла у него еще одно слабое место!

Нет, я должна сохранить сына любой ценой! Это единственная безусловная ценность в моей жизни. Я знаю, как Сережа любит отца, они с ним настоящие друзья. Но все равно, отец не даст ребенку столько, сколько может дать мать!

Михаил. 1948. 25 августа

Сегодня узнал, что не стало Кати Буслаевой... Трудно терять друга, тем более так. Рассказывают, что Катя, вроде бы, вешала белье на балконе, не удержала равновесия на табуретке и упала с пятого этажа на асфальт.

Версии рассказывают самые разные и неправдоподобные. Если она вешала белье, то почему самого белья не оказалось на балконе? Зачем было вставать на табуретку, когда веревки эти были на довольно низкой высоте? Я помню, что держался за них полусогнутой рукой, как за кольцо в трамвае, когда бывал у них на балконе. Рассказывают, что Юрий в слезах колотил в запертую дверь. Почему в слезах? Почему колотил в дверь, а не просто звонил или просто не открыл ключом, как всегда? Где он был до того: внутри или снаружи? Говорят, что Юрий шел домой на обед. Если он видел, как Катя упала, то он был бы внизу, около нее.

Если же он не видел, то почему плакал перед дверью?

Вопросов много, но у меня почти мгновенно созрела своя ужасная версия: это самоубийство... Просто Катя не выдержала: постоянные измены мужа, невозможность завести ребенка, общий психический надлом. Скорее всего, она в гневе выставила его за дверь, уже через закрытую дверь погрозила, что бросится с балкона, а потом не отвечала на его звонки в дверь. Он поверил в реальность угрозы и стал ломиться в дверь, чтобы предотвратить то, о чем грозила Катя.

Но и я чувствую грех на своей душе: уж лучше бы я согласился тогда с ней, когда она звала меня уехать с ней незнамо куда. С ней, и верно, было бы жить вместе легко. Она человек ласковый, душевный, от нее веет какой-то святостью. То, что у меня к ней было чисто платоническое чувство – это ерунда. Главное, что она все понимала и даже шутила: «Ты не только сам Платоныч, у тебя и любовь ко мне платоническая!» И чего я боялся потерять? Того, что уже безвозвратно потеряно? Ведь Катерины у меня все равно нет. И Сергей, как всякий ребенок, тяготеет больше к матери. Да и меня он почему-то избегает... Сколько я ему не пишу, он мне не отвечает.

Мог, мог я спасти Катю Буслаеву. И жили бы мы с ней хорошо, дружно, лучше, чем живут многие так называемые «счастливые» пары.

Но ничего уже не вернешь...

Пустота и усталость –
Это все, что осталось.
Мне бы самую малость,
Только все поломалось...
Губ усталая алость,
Глаз печальная жалость –
От тебя лишь осталось...
Сердце обручем сжалось –
Пустота мне досталась...
Пустота и усталость...

☆☆☆

Опять нахожу отдохновение в прогулках по рижским окрестностям. Пожалуй, спасают от безысходности только стихи. И лучше всего помогают стихи, обращенные к природе.

Наступает некое философское умиротворение. Мысли переключаются с житейской суеты на ощущение вечного, неизбывного... Ведь себя можно жалеть, можно доходить до иступления отчаяния, если представляешь себя центром мироздания... Если же думать о природе, даже не думать, а просто погрузиться в нее, то наступает облегчение.

Не сродни ли это тем чувствам, которые испытывают верующие люди? Возможно...

Стога, стога...
Зеркальность озёр.
Изморось паутиной.
Низкие облака.
 Тишина. Простор.
 Осени половина.
 Свинец небес.
 Яшма полей.
Сталь Даугавы.
Сосновый лес
В ожиданьи дождей.
Балтийский август...

☆☆☆

Притча о Пророке: РАСПЯТИЕ

И как настал день, собрались старейшины народа, первосвященники и книжники, и ввели Пророка в свой синедрион и сказали: ты ли Пророк?

Он отвечал им своим обычным любимым ответом:

– Вы сказали, не я сказал...

И отвели затем связанного Пророка к Правителю Римскому над Иудеей. Боясь Пророка и ища его гибели, обвинили его первосвященники и старейшины иудейские в том, что Пророк якобы провозглашает себя среди народа Царем Иудейским, а за этот бунт против власти один путь - на Голгофу.

Могли бы они организовать и просто побиение Пророка камнями – толпа падка на дикие поступки – брось искру и вспыхнет пламя ненависти. Видимо, скучная жизнь ожесточает людей настолько, что готовы они искать виноватого в их бедах среди любых других, если тем паче те другие отличаются формой носа или цветом волоса. Но не просто смерть его была нужна первосвященникам, а смерть позорная, смерть от руки власть предержащих, а не от обезумевшей толпы.

И спросил Правитель приведенного к нему Пророка:

- Правда ли, Пророк, что ты говоришь, что ты Царь Иудейский?

- Ты сказал, не я сказал... - Ответствовал ему Пророк.

И больше не ответил ни на один вопрос Правителя Римского, чем немало удивил его.

Тогда, созвав первосвященников и начальников, сказал им Правитель:

– Вы привели ко мне человека сего, как развращающего народ. Я при вас исследовал и не нашел человека сего виновным ни в чем том, в чем вы обвиняете его. Отправляю я его к Ироду Антипе, откуда родом Пророк, пусть он рассудит, опасен ли этот блаженный.

И спустя время, вернули Пророка от Ирода Антипы, и удостоверил тот, что нет никакой вины на том. И призвал вновь Правитель Римский первосвященников и сказал второй раз: все я проверил и перепроверил – нет вины на человеке сем, сказал он о Пророке. Но первосвященники продолжали настаивать на своем.

И грязно выругавшись, сказал на это Правитель: «Ваша страна, ваши порядки... Ненавистно мне все, что вы творите даже во благо...» – и

подписал приговор невинному.

И настал день казни. А день тот совпал с иудейским праздником Пасхи. И по обычаям той страны давали право народу, собравшемуся перед дворцом Правителя, помиловать одного из осужденных. И воля эта народная считалась даже между первосвященниками иудейскими.

И вот уже собрался народ на придворцовой площади и гудел подобно улью пчелиному. А кроме Пророка, было еще трое приговоренных, совершивших истинные злодеяния. Правитель вышел на балкон и произнес народу:

– Итак, наказав Пророка плетьюми, отпущу его, ибо он истинно невиновен.

Но весь народ стал кричать:

– Смерть ему! Смерть! Отпусти нам Варавву!

Тогда был в узах некто по имени Варавва со своими сообщниками, которые во время мятежа сделали убийство.

Правитель снова возвысил голос, желая отпустить Пророка:

– Чем же виновен перед вами этот безобидный человек?

Но толпа по-прежнему кричала:

– Распни, распни Пророка!

Правитель в третий раз сказал им:

– Какое же зло сделал он? Я ничего достойного смерти не нашел в нем.

Но народ, потерявший лик человеческий и забывший о том добре, которое изливал на них Пророк, продолжал с великим криком требовать распятия Пророкова. Толпа неистовствовала и кричала, потеряв разум:

– Да будет распят! На крест! Распни его!

И превозмог крик толпы, подталкиваемой первосвященниками. Тогда Правитель, видя, что ничто не помогает, но смятение увеличивается, попросил воды и, сказав:

– Истинно невиновен я в крови праведника сего – смотрите!.. И умыл руки свои перед тем народом. А потом по прошению их, отпустил им Варавву, посаженного за убийство в темницу, а Пророка предал в их волю.

И надели на Пророка багряницу и возложили на голову ему венец терновый, а в руку правую дали посох, как бы изображающий царский жезл. И били его, и плевали в лицо его, и бранными словами назы-

вали, а он молчал и не отвечал, шествуя к месту распятия.

Так он уже был слаб телом, что крест его на Голгофу заставили нести проходившего мимо случайного прохожего – некоего Киринаеянина Симона, шедшего тогда с поля в дом свой.

... И вот распяли Пророка на кресте, и привязали руки его к кресту, а ладони прибили большими гвоздями железными к дереву креста. Потом подняли крест и укрепили его. Высоко стоял крест на Голгофе, отовсюду был виден, а посему и Пророк мог смотреть в обширную даль, открывавшуюся перед ним.

Под ногами его толпа злословила и издевалась:

– Других спасал, а себя самого спасти не может!

– Если он Царь Иудейский, пусть теперь сойдет с креста, и уверуем в него!

И многое другое обидное и злое кричали ему. А вдалеке стояла безмолвная толпа тех, кто говорил, что верил в него; тех хворых, кого он исцелил от всяческих недугов; тех бедных, кого он накормил... И все молчали, равнодушно или испуганно. Истинно сказано, пуще врага убивающего и друга предающего бойся равнодушного, ибо лишь с его молчаливого согласия и враг убьет, и друг отворачивается.

И вот увидел Пророк Магдалину, стоящую в стороне, совсем одну и плачущую безутешно. И стало ему жаль ее, и простил он ей грехи прелюбодеяния и измены: он все еще любил ее и любил, может быть, сейчас еще сильнее, чем прежде...

Но не нашел он в толпе всех учеников своих, а может, просто уже слеза застила очи его, а смахнуть ее было никак невозможно...

Вечерело, солнце уже зашло, и только кроваво-багровая полоса заката еще жила на небе. В шестом же часу настала тьма по всей земле и продолжалась до часа девятого. Шло время... Два злодея на соседних крестах уже испустили дух. В девятом часу возопил Пророк громким голосом:

– **Элоу! Элоу! Ламма савахфани?** - что значит: Боже Мой! Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил? – Как можно громче прокричал Пророк...

Будто Господу – если он хочет слышать – не достаточно было бы и тихого шепота! Но не было ответа с небес. Не разверз Элоим уста свои, промолчал...

Пророк же, опять возопив громким голосом, испустил дух.

Какой-то стражник подошел к Пророкову кресту и острием копья поддел его под правые ребра. Пророк был мертв...

И вот затрещал хворост, положенный горкой у подножия креста, огонь осветил ступни его и руки, напомилавшие сломанные крылья. Языки пламени, как змеи, потянулись к ногам Пророка, но он уже не мог чувствовать боль, ибо душа его отлетела, Бог знает куда...

Так ушла в небытие (или же в Царствие Небесное?) жизнь еще одного праведника...

Да...

Люди не прощают сделанного им добра...

Катерина. 1948, 9 ноября

Я сижу в поезде Рига-Москва. Вагон СВ, так что мы с Сережей едем без соседей. Он залез на верхнюю полку и сначала смотрел в окно, а потом быстро уснул. Я же сижу, сна ни в одном глазу. Смотрю на мелькающие за окном огоньки и думаю о прошедших днях, проведенных у Михаила.

Как я и обещала Сереже, мы на первые же праздники съездили погостить к Михаилу. Встретил он нас «по первому разряду», он умеет все красиво устроить.

На машине начальника училища нас с шиком довели до дома, где живет Михаил. Дом отличный, еще довоенной постройки, из настоящего кирпича, на фронтоне барельеф: рабочий и работница, похожи на Мухинскую пару, которая стоит на ВДНХ. В таких домах в буржуазной Латвии жили рабочие расположенной неподалеку трикотажной фабрики. Ну, может и не совсем рабочие, а какие-нибудь управляющие да начальники, но в городке таких домов много. Может, и вправду, рабочие тоже жили.

Квартира шикарная! В общей комнате на обеденном столе огромный букет дивных хризантем в хрустальной вазе. В нашей спальне еще букетик поменьше. В спальне для Сережи – новенькая кровать и письменный стол-парта, а на стене громадная карта мира, как у Сережи в Москве, но громадная – наверное, раза в четыре больше, во всю стену.

Вечером Михаил принес в судках вкусный ужин из офицерской столовой, на столе оказалось три хрустальных бокала, бутылка «Советского шампанского» для нас и несколько бутылок рижского портера с фарфоровыми «застегивающимися» пробками для Сережи. Это такой вкусный, немного забродивший напиток наподобие нашего кваса.

Михаил был очень внимателен, предупредителен. Потом мы уложили Сережу спать, а сами вышли на балкон. Михаил непрестанно курил, мы долго молчали, каждый не решался начать говорить первым.

Потом он заговорил:

- Видишь, условия отличные... Мама с Сережей могут спать в Сережиной комнате, Ксене оборудуем диванчик в столовой.

Я молчала, не зная, как сказать ему, что я не хочу к нему ехать. После паузы он стал опять говорить:

- Я уверен, что все еще можно наладить. У нас есть сын, ради которого мы должны быть вместе... Ну, что ты молчишь?! Если бы ты представляла, как мне тут одному трудно: без вас, без знакомых, в чужом городе, в чужой стране!

- Миша, мне нужно время подумать, посоветоваться с мамой...

- Ну, о чем думать? О чем советовать с мамой? Мама сделает так, как ты скажешь! Я уверен, что она будет за переезд. Ведь мы же семья, мы должны жить вместе...

Потом мы вошли с балкона в комнату. Предстояла еще одна попытка – ночь... Мы вошли в нашу спальню. Он подошел тихонько ко мне, обнял меня за плечи и также тихонько поцеловал. Я не вырвалась, но и не ответила ему, хотя и сказала:

- Не надо, Миша... Не надо...

Он погладил меня по плечу, мне показалось, что у него на глазах наворачиваются слезы. Он сказал мне почти шепотом:

- Спокойной ночи, Катя...

Сам пошел в столовую и лег там на диване...

Вот все и решилось само собой... Слава Богу, не было ни длинного разговора, ни упреков, ни слез. Наверное, он очень устал ото всего.

Потом был еще один мучительный день и еще одна мучительная ночь, а потом в Москву, домой...

Нет, Михаил никогда меня не простит, будет всю жизнь жить с немим упреком. Правда, и Павел, даже если я буду с ним, долго будет залечивать свое чувство вины перед братом.

Впрочем, так ли он мучается этим? Хотя он и решился на уход в общежитие, но мне кажется, что это Михаил на этом настоял: ведь Павел – просто бесхарактерная тряпка! Но зато им легко управлять.

Ладно, поживем – увидим! Но, по крайней мере, у меня есть сын, которого я очень люблю.

Михаил. 1948. 10 ноября

Вот и уехали Катерина с Сережей... Я так ждал их приезда, я на что-то надеялся... На что?!

Жизнь кончилась... Вернее, пропал смысл жизни. Было трудно, была ревность, но все время жила, теплилась какая-то надежда. Но вот и эта призрачная, эфемерная надежда растаяла, испарилась, как утренний туман над болотом...

Больше всего то, что нет со мной Сережи. Наверное, я был плохим отцом для него. У меня не оставалось времени: работал все время, как лошадь, а потом еще эта дурацкая диссертация. Ну, кому она нужна?

И единственный духовно близкий мне человек погиб... Конечно, тонкая, ранимая натура Кати Буслаевой не вынесла этой фальшивой жизни. Не является ли ее смерть подсказкой для меня? Может, эта жизнь, когда потеряна жена, сын, когда ты никому на свете не нужен, вовсе и не жизнь? Стоит ли за нее цепляться?

Развода Катя не просила, но попросит – дам... А что делать? То, что ушло, того не вернешь... Я всю жизнь жил ради нее. Я был счастлив в своей новой семье, ее мама, ее сестра стали мне самыми близкими родственниками. А теперь...

Иногда мне кажется, что я начинаю ее тихо ненавидеть. Когда-то в юности я хотел, чтобы с ней случилось какое-нибудь несчастье, чтобы она стала калекой, и я смог бы посвятить всю свою жизнь ей... А теперь я боюсь, что случись с ней что-нибудь, я буду даже втайне рад этому. Но я гоню от себя эти скверные мысли.

Как я ни обещал себе не пить, сегодня не сдержался. Завтра на кафедру не идти... Напился, как сапожник, плакал навзрыд... А

ведь, если сознаться, то права Катерина: ничего уже не поправишь! Так и будет висеть над нами эта история ее двойного предательства. Зачем это? Ради Сережи? А не сломает ли ему жизнь то, что он будет смотреть на наши с ней взаимоотношения – либо отчужденные, либо фальшиво-нормальные? Вон я-то у матери с отцом научился любви, а чему мы с Катериной научим Сережу? Тому, что семейная жизнь – это сплошная ложь, сплошной обман?

**Ты мне жена –
И не жена.**

**Ты и нежна –
И не нежна.**

**Ты мне нужна
И не нужна...**

**И я тебе совсем не муж –
Не упасу от зимних стуж
И слякоти осенних луж...**

**Так для чего ж улыбок ложь,
Цена которым – медный грош?
И фальшь, как в спину финский нож...**

Сережа. 1948. 20 декабря

Мы остались с мамой одни. Живем теперь в том же доме, но на втором этаже в однокомнатной квартире. Нас переселили, а хотели вообще прогнать на улицу. Дело в том, что дядя Павел кончил академию и уехал. Ксения и Виктор поженились, и они вместе с моей бабушкой уехали куда-то к черту на рога, под Москву. И вот тогда нам прислали из ЖЭКа уведомление, чтобы мы, как не имеющие никакого отношения к Военно-воздушной академии, за две недели освободили жилплощадь.

Мама плакала, говорила, что в Ригу она не поедет. Рассказала мне про отца несколько таких историй, что мне его видеть не хочется вообще: как он ей изменял, как он пьет, посылает нам деньги нерегулярно, поэтому нам так трудно жить. Пишет он мне не пишет. Мама сказала, что он даже потребовал у мамы, чтобы мне сделали анализ крови, чтобы проверить его ли я сын. Я понимаю маму и целиком на ее стороне. Жаль, конечно, что отец мой оказался таким подлецом. А я его еще так любил!

А дело было так. Я подумал, что не могут же нас взять и вы-

бросить на улицу? И тогда решил пойти на прием к начальнику академии генерал-полковнику Волкову. Я записался к нему на прием по личному вопросу, написал заявление и неделю тому назад ходил на этот прием.

Мне мой друг Толя Волкоедов говорил, что этот генерал неплохой человек. Когда он принял академию и знакомился с преподавателями, то была смешная история с его отцом. Начальник академии знакомился со всеми, пожимал руку и называл свою фамилию: «Волков». Дошла очередь до Толиного отца и была такая история:

- Волков.

- Полковник Волкоедов.

- Серьезно?! – Улыбнулся начальник академии.

- Серьезно, товарищ генерал-полковник. Но это не опасно: в принципе-то я вегетарианец... – Пошутил Толин отец.

Волков громко засмеялся и сказал собравшимся:

«Фамилию Волкогинов я знал, а вот Волкоедова встречаю впервые! Рад, рад с вами познакомиться, товарищ Волкоедов».

Пришел я в проходную к назначенному времени. Паспорта у меня еще нет, но я взял мамин паспорт и свою метрику. Меня пропустили и показали, как найти кабинет начальника академии.

Секретарша, посмотрела на меня с некоторым удивлением и сказала, как взрослому: «Проходите, товарищ Макаров, генерал-полковник Волков вас ожидает». Я вошел и увидел в торце длинного Т-образного стола сидел симпатичный молодежавый человек в форме и что-то писал. Я дождался, пока он не поднял на меня глаза.

- Здравствуйте, товарищ генерал!

- Здравствуйте... Извините, как ваше имя-отчество?

- Макаров Сережа... Сергей Михайлович.

- Я знал вашего отца, Сергей Михайлович... Можно я буду называть вас просто Сережей?

- Конечно, товарищ генерал.

- А вы меня зовите Александр Иванович, по- граждански, хорошо? Да вы садитесь, садитесь, Сережа – в ногах правды нет... Ваш отец был очень хороший преподаватель, честный и порядочный человек. Я его лично не знал, но прослышан о Михаиле Платоновиче.

Волков достал из папки мое письменное заявление, про-

читал его и сказал:

- Понимаете Сережа, дом в котором вы живете с мамой, ведомственный. В нем могут жить только семьи сотрудников академии. Вы утратили все связи с академией, а поэтому мы по закону просто вынуждены попросить вас освободить жилплощадь.

- Александр Иванович, я учусь в школе. Мне сказали, что съехав, мы и прописку московскую теряем. Тогда меня из московской школы отчислят посреди года. Если нас с мамой выкинут на улицу, я просто пропущу год. Я хотел просить вас разрешить нам дожить хотя бы до весны: в середине четвертой четверти меня из школы уж точно не прогонят, дадут доучиться...

- Хорошо, мы дадим вам отсрочку до весны. Я обещаю. А за это время пусть ваша мама постарается найти что-нибудь. Но вам придется все же переехать в однокомнатную квартиру. Поймите меня правильно, у нас в академии дефицит с жильем.

А почему вы с мамой не едете к вашему отцу в Ригу? Я знаю, что у него там отличные жилищные условия: я сам просил начальника Авиационного училища устроить Михаилу Платоновичу хорошую трехкомнатную квартиру.

Я промолчал, не зная, как объяснить нашу сложную ситуацию. Волков, видимо, понял и сказал мне:

- Я понимаю, понимаю. Есть вещи, о которых трудно говорить. Ну, Сережа, давайте считать, что мы вашу проблему решили, хорошо? Я сейчас же отдам распоряжение, чтобы вам срочно подыскали однокомнатную квартиру, в которой вы будете спокойно жить до весны. Всего вам доброго. При случае, кланяйтесь отцу.

Так все и прошло мирно и спокойно. А ведь я заготовил гневную речь о том, что в Советском Союзе не имеют права выбрасывать людей на улицу, что мы живем не в какой-нибудь Америке, а в стране рабочих и крестьян, что забота о человеке это главная цель нашего общества и еще много чего.

А оказалось, что мы хорошо поговорили, и я добился всего, чего просил.

Катерина. 1949, 20 апреля

В конце марта нам все же пришлось съехать с квартиры в

академическом доме. Живем мы сейчас в Загорянке у Ксении. Они с Виктором снимают две комнаты в довольно большом доме дачного типа. Мама живет с ними. Ксения буквально на сносях: вот-вот ждет ребенка. Мы живем в одной комнате с мамой, но нам не привыкать: нам никогда не удавалось пожить свободнее. Мама меня жалеет. Не понимает, почему мы с Сережей не едем к Михаилу в Ригу. Она очень расстраивается, что у нас с ним все развалилось. Она винит во всем меня. Ну, она права, но что я могу сделать?

Сережа очень переживает, что мы уехали из Москвы.

Ему еще месяц надо доучиваться в своей прежней школе.

Каждый день ему приходится почти два часа добираться из дома до школы, а потом те же два часа обратно: сначала месит грязь от дома до станции, потом пятьдесят минут на электричке, потом еще полчаса на метро да еще три троллейбусных остановки от метро «Динамо» до школы... Но он молодец: практически все домашние задания, кроме письменных делает в электричке по пути домой.

Как ни устает он от езды, как ни тяжело ему ездить на этой треклятой электричке, он не пропускает ни одного выходного, чтобы не поехать в Москву к своим школьным друзьям.

А учится он на одни пятерки. В этом смысле, Сережа весь в Михаила: упорный и трудолюбивый. И очень много читает. Какой-то он прямо двуязычный! Я им горжусь. Иногда я думаю, что с отцом ему было бы хорошо, они так похожи, но он после моих рассказов его почти презирает. Может, нехорошо, что я немножко стусила краски? Ну, да зато он со мной, а это единственный свет в моей жизни!

Да и письма ему от Михаила я не передаю: зачем травмировать ребенка? А так – нет отца и нет! Как говорят, на нет и суда нет.

Сережа. 1949, 28 апреля

Как мне нравится моя школа! У нас такие замечательные учителя. А друзей у меня сколько! Самый лучший мой друг – Лёня Мурза, «Мурзилка», как его зовут все. Я познакомился с ним в первый же год, когда мы вернулись из Приуралья летом сорок третьего года. Он был самым первым, кого я увидел у нас во дворе. Потом уже в школе я познакомился с другими отличными мальчишками и со многими подружился, мне кажется, на всю жизнь. Я пока еще не представляю, что такое «вся жизнь», но так говорят. А друзей у меня сейчас действительно много.

В нашем классе учится отличный парень Илюшка Гольберг. У него отец журналист, в доме полно интересных книг, альбомы с репродукциями, много пластинок в основном с классической музыкой. Классику слушать трудно. Не зря Лёнька говорит, что это – как работа: нужно даже заставлять себя слушать, даже через не хочу, но зато потом, когда привыкнешь, будет очень приятно.

У Женьки Светланова мать работает корреспондентом в «Литературной газете». Он приносил как-то в класс «Антологию поэзии XX века». Там, правда, собраны стихи только до конца двадцатых годов, но сколько новых для меня имен! Северянин, Бальмонт, Мережковский, Ахматова, Пастернак, Гиппиус... Мы в школе про это даже и не слышали, хотя у нас отличная учительница по литературе.

А Мишка Королев! Мы зовем его «вододем», потому что он хорошо умеет говорить на любые темы. На уроках он так импровизирует, что не поймешь, то ли он действительно знает, то ли заливает! Я думаю, что его «вододем» дразнят частично из зависти: хотел бы я иметь такой дар!

Очень яркая фигура – Толик Курашов, которого за манеры поведения мы зовем «Граф». Он старше всех нас года на два. С ним очень интересно, поскольку он уже совсем взрослый. В нашем седьмом классе «А» он признанный лидер.

А в параллельном классе тоже много интересных ребят: Славунчик Архангельский, Гарик Книжник, Юрка Ачкасов, Мишка Липкина, Лёвка Белоусов... Но про них как-нибудь в следующий раз.

Я считаю, что мне в жизни повезло, что я общаюсь с такими интересными людьми: у них можно многому хорошему научиться.

Почти все выходные я провожу во дворе своего бывшего дома. Сначала я захожу к Лёне-Мурзилке, а потом мы вместе с ним идем гулять. Иногда я вижу Аллу. Как всегда, сердце мое сладостно замирает, но я не показываю вида. Наверное, это странно, что она мне нравится со второго класса, а до сих пор мы с ней ни разу ни о чем не говорили и даже не здороваемся, хотя когда я ее вижу, всегда вспоминаю ту детскую игру в «ручеек» и, будто наяву, ощущаю тепло ее руки... Я никого еще не встречал лучше ее!

Но вот стал я испытывать угрызения совести: не предаю ли я Аллу? А дело вот в чем. Я езжу в школу в одной электричке с Валькой Морозовой, соседкой по даче, в которой мы живем. Иногда мы даже идем с ней вместе, но чаще всего встречаемся прямо на платформе: мы садимся в один и тот же вагон, откуда удобнее всего

бежать на метро. Таких умников полным полно, поэтому наш вагон буквально уграмбован, стоим, как сельди в бочке. Естественно, мы с Валькой часто оказываемся прижатыми друг к другу с такой силой, что я чувствую, как она дышит. Мы стараемся отодвинуться друг от друга, но это редко когда удается. Обычно я ощущаю ее всю: грудь, живот, ноги... Особенно сильно нас прижимает друг к другу, когда электричка тормозит или же наоборот набирает скорость. А остановок до Москвы больше десятка! И мне приятно это ощущение ее тела, хотя сама она мне ни капельки не нравится.

Мы пытаемся с ней о чем-то говорить, чтобы меньше чувствовать неловкость положения. Мне кажется, что я ей нравлюсь, но от этого мне еще хуже: я же не должен пользоваться чьей-то слабостью. Но самое главное, мне кажется, что этими прикосновениями к Вальке я предаю Аллу.

И, тем не менее, если быть честным, я не стараюсь избежать этой физической близости с Валькой, хотя каждый раз и возникает чувство какого-то неудобства и даже стыда.

Ксения. 1949, 9 мая

Перед самым выпуском Виктора из Военно-воздушной академии, мы с ним поженились. А в мае у нас уже родилась дочка, которую мы в честь моей мамы назвали Еленой. Леночка – прелестная девочка, уже видно, что она вырастет красивой. Хотя у кого бывают некрасивые дети?

Витя – образцовый муж и отец. Он и пеленки стирает, и Леночку пеленает, и нянчится с ней без конца.

Сегодня у нас был гость: приезжал Костя Рыбаков перед отъездом в Одесское летное училище, где он будет работать старшим инструктором: он кончил летное училище и летает на реактивном самолете МИГ-15.

Когда он появился, первым его, еще не вошедшим в калитку, увидел Сережка, который с Катей временно живет с нами. Он, сломя голову, помчался Косте навстречу с криком «Ура!» Костя появился, как всегда, со своей доброй улыбкой. Он очень естественно представился Виктору, увидев у него на руках Леночку, поздравил с дочкой. Все было на редкость хорошо, я была рада, что оба они – и Константин, и Виктор – ведут себя, как подобает вести себя настоящим мужчинам.

Спустя какое-то время, Костя попросил разрешения у Вити подержать Леночку. Она пока еще такая крохотуля, что мне и самой

бывает страшно ее держать, все время хочется поддержать ее головку. Но Костя вел себя так, как будто он всю жизнь нянчил грудных детей. Он посадил ее себе на руку, прислонил к плечу, а второй рукой придерживал ее головку. И тут произошел конфуз: Леночка описалась! На рукаве и на рубашке Константина расплылось пятно.

Я перехватила Леночку, Витя бросился за салфеткой, чтобы промокнуть мокрое. Но Костя улыбнулся, достал из кармана брюк чистый носовой платок, промокнул мокрое пятно и сказал: «Ну, вот. Этот платочек я сохранил на память. Буду Леночку вспоминать. Очень хорошая у тебя дочка, Ксеничка!»

Костя побыл у нас совсем недолго. Мы попили все вместе чайку, и он заторопился: он еще дома не побывал, где его ждет мама и брат.

Когда мы расстались, у меня заныло сердце. Вроде все хорошо, Виктора я люблю без памяти, но какое-то щемяще-грустное чувство проснулось в моей груди... Ведь профессия военного летчика на реактивном самолете такая опасная! Мне показалось, что Костя выбрал эту профессию специально, чтобы этим постоянным риском заглушить в себе боль разлуки со мной...

Но сердцу не прикажешь: я люблю своего Виктора больше всех на свете. Пора девичьей любви прошла, хотя и оставила неизгладимый след в моей душе. Я подумала:

«Костя, как говорится, дай тебе Бог удачи и счастья в жизни!»

Катерина. 1949. 31 мая

Где же я оказалась в результате? У разбитого корыта?

Что делать? Как жить дальше? С Михаилом я жить не могу. К нему пути отрезаны, даже если бы я вдруг и захотела. Павла отправили в какую-то украинскую военную летную часть главным инженером. Он будет, я думаю, рад, если я к нему приеду, но я не желаю жить в какой-то Тмутаракани! Да и Сережку жалко: способный парень, ему надо в Москве учиться или хотя бы под Москвой, здесь он получит нормальное образование. Но о чем я говорю? Ведь если честно, то я в своей жизни всегда меньше всего думала о Сережиных удобствах и о его судьбе...

А как жить? На что? Я привыкла жить за спиной мужа. Да и сейчас Михаил присылает ежемесячно почти полторы тысячи. Это не так уж много, если учесть, что мы снимаем комнату, но перебиться можно. К тому же это больше официальных алимен-

тов. Сама я так и не работаю. После

окончания мединститута я начала работать микропедиатром в роддоме, но не ужилась с директором, гнусной и сквальбжной бабой. А потом больше и не пыталась устроиться.

Надеяться на то, что удастся за хвост поймать какого-нибудь нового «Победоносца»? С Жар-птицами хорошо только в сказках! В жизни попадаются одни воробьи да вороны!..

Жизнь уходит. Мне уже тридцать семь. Чего я ищу в этой жизни? Я мечтала о красивой благополучной жизни... Но мечты так и остались мечтами. Пока я так ничего и не нашла, но вижу, сколько уже потеряла...

Михаил. 1949, 28 сентября

Что может быть хуже одиночества?.. Теперь я понял, что пожизненное заключение – это хуже смерти. Одиночество и четыре стены. От этого, наверное, можно сойти с ума.

Я часто сажусь на электричку, даже в будние дни, когда выдается свободное время, и еду в Юрмалу, схожу где-нибудь, чаще всего в Дзинтари, и хожу вдоль кромки моря. Серое море, пронизывающий сырой ветер, затянутое свинцовыми тучами прибалтийское небо. Осень здесь не лучше ленинградской... Но в моем нынешнем состоянии такая погода даже хороша: походишь, промерзнешь, вымокнешь, и внешние неприятности немного заслоняют психологические невзгоды...

Иногда опять тянет к бутылке, но я научился сдерживать свои слабости. Отдохновение нахожу вот в таких поездках к морю. Хожу по мокрому песку один, хожу до изнурения. Мерзну, но терплю. А холодный прибалтийский мелкий дождичек в лицо успокаивает, как рыдания.

Вот так находишься, намерзнешься, намаешься – и домой! Там – горячая ванна, и снова как бы обретаешь спокойную радость жизни...

Вообще то здесь, в прибалтике, очень красиво. И совсем не похоже на Россию – всё чистенько, всё оричесано,, Люди вежливые, хотя ведь мы для них, что ни говори, оккупанты.

И опять же сами собой слагаются стихи...

Сосны,
Как свечи –
 Просто
 И вечно.
В сером
Просторе
 Севера
 Море...
Дюны
Усталые
 Юные,
 Старые...
Чайки
Навстречу,
 Случайные,
 Вечные.
Берег
Безбрежен
 Вереск
 Всё реже.
Дождь
Льёт.
 Дрожь
 Бьёт.
Ветер
Обмяк...
 Светит
 Маяк.
Небо –
Свинец.
 Небыль...
 Конец...

Павел. 1949, 13 июля

Ну, и в дыру же я попал! Когда мы в школе проходили Гоголя я думал, что Миргород – это выдуманное место. Но, оказывается, такое место есть, хотя городом его не назовешь – так себе, скорее большое село. Специально перечитал Гоголя. Собственно, это обязательный ритуал для всех вновь прибывших в часть. Без этого не будет понятен даже местный армейский жаргон, который базируется на гоголевских текстах и гоголевских ситуациях.

Начну с того, что фамилия командира части – Собачкин, поэтому его, естественно, называют заглазно Собакевичем. Он человек беззлобный, но по-своему ехидный: нашел в своей части трех Иванов Ивановичей и даже одного Ивана Никифоровича и назначил их служить в одно подразделение. Приходя к ним по любому поводу всегда спрашивает: «Ну, кто тут кого у вас «гусаком» обозвал?» Всем новичкам сначала смешно, но старожилам это уже оскомину набило.

Но, пожалуй, самое удивительное в Миргороде то, что в центре города возле рынка вечно стоит та самая огромная лужа, про которую еще Гоголь писал. В этой луже вечно валяются здоровенные, размером чуть ли не с корову, огромные хавроньи да хряки.

Их басовитое хрюканье заполняет всю округу.

Конечно, наши сослуживцы оживляют этот захолустный городок. Народ затейливый, большинство пьет, не просящая. А по пьянке творят черти-то. Один наш офицер напился до такой степени, что на спор проехался верхом на огромном борове по центральной улице. Правда, тот был «необъезжен» и скинул незадачливого седока как раз почти посреди той самой исторической лужи. За такие шутки могли бы и разжаловать – ведь подрывается престиж советского офицерства! Но здесь ограничились строгачом да «губой»: ведь этого уволишь, потом жди, пока кого-нибудь новенького не сыщут.

Поскольку я не пью, то друзей у меня мало. Даже наоборот, сочиняют про меня всякую напраслину, злословят, придумали даже кличку «москаль», хотя я всем объяснил, что я только учился в Москве, а сам из Заволжска. Правда, когда я на День Победы появился со своей единственной, но все же боевой медалью «За боевые заслуги» и медалью «За победу над Германией», все прикусили языки, а ближайшие сослуживцы даже порасспросили про войну и про финскую кампанию, после чего отношение ко мне переменялось. Но все едино, окружен тем же вакуумом – в друзей у меня нет.

Вчера получил письмо от Кати, спрашивает, как я устроился. Даже спросила, удобно ли будет, если она с Сережей придет погостить на недельку. Я, конечно, ей ответил, что буду безумно рад. Я по ней соскучился. В конце концов, у меня ведь больше никого в этом мире нет из близких людей...

Сергея. 1950, 27 октября

К сожалению, из моей любимой московской школы меня отчислили, так как к началу нового учебного года нужно было представить справку с места жительства, а нас уже выписали из Москвы. Мама устроила меня в школу на станции Перловская, а потом и переехать нам туда пришлось, чтобы мне не ездить на электричке. Школа эта – смешанная.

Я с девочками вместе учился только в первом классе в Приуральске, но это не в счет.

Посадили меня за одну парту с самой лучшей ученицей в классе Ниной Зарецкой. Это была и самая яркая девочка в классе, хотя и не в моем вкусе: жгучая брюнетка, с большими восточными глазами. Сидеть с девочкой на одной парте для меня очень необычно. То и дело мы задеваем друг друга и от этого и у меня, и у Нины, как мне кажется, проскакивают какие-то искорки. А может, это и есть на самом деле разрядки статического электричества.

Меня активно обхаживают две девочки: Нина, а еще Рита Битова. Эта, в противоположность Нине, чистая блондинка, будто крашенная перекисью, с очень красивым, тонким профилем. Все их попытки разговорить меня, расшевелить, приводят меня в смущение и даже смятение. Но в общем это приятно.

В смешанной школе отношения между мальчиками и девочками очень простые и естественные. Например, девочка может спросить парня при всех: «Ну, пойдем сегодня на вторую серию “Гарзна”?» И это нормально. Я еще не научился отказываться, поэтому и Нина, и Рита меня уже звали, и я с ними ходил. А один раз мы ходили даже втроем, потому что сначала позвала Нина, и я согласился. А потом позвала Рита, я, объяснив, что уже иду с Ниной, сказал ей: «Хочешь с нами?», и она не отказалась. Что уж при этом подумала Нина – не знаю. Кино не помню: весь сеанс просидел, как между двумя печками – каждая из них то и дело что-то мне комментировала на ухо, прижимаясь ко мне грудью. Со мной творилось что-то невообразимое!

Может, «мода на меня» в классе началась после моего первого домашнего сочинения про Обломова, которое учитель по литературе восторженно зачитал перед всем классом. А на самом деле я использовал прием Миппки Королева: в сочинении про Обломова перемывал косточки герою второй недописанной части «Мертвых душ», похожего на Обломова. Идея-то была не моя, я ее вычитал ко-

гда-то, кажется, у Добролюбова.

Но вот по другим предметам у меня были даже конфликты. Математик упорно ставил мне четверки за все мои устные ответы. Мне это надоело, и я спросил его, почему он ставит мне четверки за правильные устные ответы и даже иногда за домашние работы без поправок. Он сказал, что еще плохо знает меня, а поэтому не рискует ставить пятерки. Шло у нас повторение материала за прошлый год, и я сказал ему, что готов, чтобы он меня спросил по всему прошлогоднему материалу на следующем же уроке. Он так и сделал, хотя это было больше похоже не на обычный ответ, а на публичную экзекуцию. Я этот экзамен, который продолжался почти целый урок, выдержал успешно. Учитель меня перед всем классом похвалил, после чего уже меня в течение года ни разу меня к доске не вызывал, а только спрашивал, когда кто-то ошибался: «Макаров, где здесь ошибка?» За каждый такой мой односложный ответ в журнале появлялась пятерка. Мне, конечно, было нелегко: на уроке не расслабишься. Я даже на математике от Нины отодвигался, чтобы касания ее бедер меня не отвлекали.

В начале октября у нас был полуфинал школьного кубка по футболу. Я играл вратарем за команду нашего восьмого «В». В финал вышли мы и десятый «А». Конечно, по сравнению с нами десятиклассники выглядели, как взрослый мужики. Пришлось мне туго, но я старался вовсю. Я «намертво» взял пенальти, отбивал corner в высоких прыжках. Однажды при выходе со мной один-на-один форвард противников врезал мне бутсой в грудь, и я даже «отключился» на несколько мгновений... Проиграли мы с разгромным счетом -- 8:0!

Но после матча десятиклассницы подбежали ко мне и буквально засыпали меня цветами, которые были приготовлены ими для своих одноклассников-победителей. Так, проиграв, я стал героем матча и немножко даже героем школы.

Тогда я понял, что в жизни не всегда главное -- победить, главное бороться и не сдаваться.

Все это интересно, все это хорошо, но я очень тоскую по своей московской школе. И продолжаю по воскресеньям ездить к своему Мурзилке, а там мы тоже играем в футбол или просто шатаемся по улицам.

Ксения. 1950. 12 ноября

Вчера узнала трагическую новость: выполняя боевое задание, в Корее погиб Костя... Для меня это был страшный удар, со

мной случилась такая истерика, что Виктор не мог меня успокоить, наверное, целый час. Потом мама напоила меня валерьянкой, дала понюхать нашатырь, и я немного пришла в себя. Сегодня выходной, и мы с Витей поехали в Мытищи. Я решила, что должна навестить Рыбаковых, а Витя боится отпускать меня одну, куда бы то ни было.

Приехали, Витя сказал, что мне удобнее зайти одной, а он будет прогуливаться по улице и ждать меня. Когда я вошла Евдокия Ивановна, Костина мама, со слезами бросилась ко мне, обняла меня, уткнулась мне в плечо и беззвучно зарыдала. Я тоже заплакала. Потом подошел Миша, Костин брат и стал нас обоих успокаивать.

Я попала к ним в тот день, когда у них было что-то наподобие поминок. На столе стоял графинчик с водкой да нехитрая закуска: селедка, соленые огурцы, черный хлеб... Мы все молча выпили по подрюмочки водки за светлую память Кости. Тут уж я просто-напросто разревелась. Потом Миша рассказал, что приезжал друг Кости по авиационной части и сказал, что Костя вылетел на боевое задание и не вернулся.

Летели они вдвоем, лавируя между горными хребтами. На одном из поворотов снизу оказался американский вертолет, который выпустил несколько ракет. Одна из них попала в Костину машину. Его напарник видел, как Костин самолет задымился и стал резко падать.

Костина мама рассказала мне, что Костя в Одессе женился и что накануне его отправки в Корею, жена его, Мила, была уже на седьмом месяце беременности. Уезжая, Костя сказал, что если родится мальчик, назовите его Миша в честь брата, а если девочка, то Елена. Сказал, что ему это имя очень нравится. «Вроде у нас и в родне нет ни одной Лены, – сказала Евдокия Ивановна, – да и среди Костиных знакомых не припомню...»

Родилась девочка, уже после Костиной гибели. Как он и просил, назвали ее Леной. «Вот Мила скоро приедет к нам с малышкой, хотим, чтобы жила с нами. – Сказала Костина мама. – Она ведь детдомовская, у нее никого, кроме нас, на свете – то и близких нет».

Я, конечно, поняла, в честь кого Костя хотел назвать свою дочку...

Когда я засобиралась уходить, Миша сказал, что проводит меня до электрички. Мне неудобно было ему отказать, хотя

Виктор и поджидал меня на улице. Когда мы с Мишей вышли на улицу, нам навстречу пошел Витя. Он подошел, я даже не успела произнести: «Познакомьтесь», как они молча протянули друг другу руки... Все происходило молча. Я едва сдерживала слёзы.

Мы втроем молча дошли до станции, и буквально тут же подошла электричка. Парни опять молча пожали друг другу руки, а под конец Миша сказал: «Виктор, береги Ксеничку, она очень хорошая девушка... Костя любил ее больше всех на свете». Витя молча кивнул, мы вошли в двери и прошли в вагон. Оттуда мы помахали Мише рукой, я опять не смогла сдержать рыданий. Перрон побежал назад, оставляя с собой и Мишу, фигура которого становилась все меньше и меньше...

Я вспомнила, как в тот давний день я не доехала одной остановки до Мытищ, когда в последний раз ехала к Косте...

А если бы электричка была не со всеми остановками, то и моя, и Костина судьба могла бы коренным образом перемениться... Но ведь я так люблю Виктора! Какие могли возникать «если бы»! Я сквозь слезы, опять нахлынувшие на мои глаза, сказала Вите:

- Знаешь, Вить, у Кости родилась дочка, которую назвали по его просьбе Леночкой. Понимаешь почему? Но он так и не узнал, что у него есть дочь... Она родилась уже после его гибели.

Я заплакала, Витя обнял меня за плечи... Вот и Загорянка. Хорошо, что путь до дома от платформы долгий и длинный, я смогу прийти в себя. Как трудно будет рассказывать маме, Кате и Сереже про этот визит!

Катерина. 1951. 9 мая

Пожалуй, больше всего от отчаяния, чем от какой другой причины, я решила поехать с Сережей к Павлу на День Победы. После моих рассказов об отце, Сережа стал более терпимо относиться к Павлу, хотя напряжение между ними осталось. Но во многом виноват, видимо, Павел: ведь хоть Сережа и большой уже, но это дело взрослого мужчины налаживать отношения, а Павел ведет себя с ним странно, не пытается заговорить «по душам», не интересуется Сережиними делами. Что это – чувство вины или обычная его форма общения, не пойму.

Съездили мы с Сережкой в Миргород. Большой дыры себе и представить трудно: большая грязная деревня! Нет, сюда я ни за что не поеду. Мне, в конце концов, не нужна роскошь, но жить в дерьме – нет, это уж извините!

И подумала я: какая же я дура! Уж лучше бы спокойно сидела в Риге, в нормальных условиях, ждал бы у моря погоды, пока вдруг само собой что-нибудь яркое не появится на горизонте, какой-нибудь новый Георгий, который не так цеплялся бы за свою старуху! А и не появится, можно было бы обойтись и чем-нибудь поменьше. А от этой романтики да погони за принцами одни разочарования... Да, честно, говоря, и с принцами у меня в жизни слабовато!

Конечно, если бы Павел был в Москве, все проблемы были бы решены. Мне бы его хватило. Лучше синица в руках, чем никто в небе... Про журавля я и не говорю!

Ксения. 1951, 20 мая

Виктор узнал, что многих выпускников Радиофакультета Военно-воздушной академии с того курса, который кончали они с Павлом, приказом Министра обороны перевели в Москву для работы в новом КБ по разработке отечественных радиолокаторов. Ему предложили, но он отказался, так как у нас на Чкаловской, где мы сейчас живем, хорошая квартира и у него интересная работа и хороший начальник. Он мне сказал: «Не бывает хорошей работы, бывает хороший начальник». Когда его вызвали в кадры Министерства обороны и предложили перевод в Москву, он вежливо уклонился, но рекомендовал Павла, охарактеризовав его, как наиболее трудолюбивого и дисциплинированного слушателя во всем их выпуске. Витя очень уважает Павла как фронтовика, но характеризуя его, он, мягко говоря, преувеличил достоинства Павла. Тем не менее, его поблагодарили и сказали, что они внимательно рассмотрят кандидатуру Павла Макарова.

Когда я сообщила об этом Кате, она, по-моему, была на седьмом небе от счастья. Она только попросила, чтобы ни я, ни Витя не говорили Павлу, как все получилось, сказав:

- Ты же знаешь, что у Павла и так комплекс неполноценности: он и учился с трудом, и направили его чёрти-куда и работа не ахти какая. Пусть он думает, что его выбрали наверху за его личные качества, а не по рекомендации Виктора. Даже лучше сказать ему, что мне удалось устроить ему протекцию через генерала Удальцова, которого я случайно встретила на улице и разговорилась.

Ну, если Кате так удобнее, пусть так и будет. Я, конечно, пообещала молчать о том, что знаю, и передать ее просьбу Вите.

Михаил. 1951, 5 июля

Катерина попросила развод. Может, это и к лучшему.

Пора кончать с этой неопределенностью. Придется налаживать жизнь заново. Крутом, конечно, много добрых и милых женщин, но все это не то... Часто вспоминаю Наташу с ее искренним чувством, с ее дикой, но при этом какой-то невинной страстью. Иногда с грустью вспоминаю Катюшу Буслаеву... Ведь и с ней было бы хорошо, уютно и спокойно. Может, моя братская к ней нежность переросла бы потом во что-то большее.

А пока ясно только одно: жизнь поломана. Что будет дальше? Однако, как у нас говорит начальник кафедры:

«Лучше ужасный конец, чем ужас без конца».

**Когда подступают недуги
И край ощущаешь спиною.
Тогда начинаем друг друга
Мы мерою мерить иною.**

**Вся жизнь, как известная пьеса,
Где роли расписаны гладко...
Но скоро антракт – в неизвестность...
Ведь пьеса у нас... одноактная!..**

Катерина. 1951, 20 июля

Павла перевели в Москву! Я рассказала ему, как мне удалось все организовать. Пришлось соврать, но пусть лучше будет благодарен мне, может эти как-то укрепят наши отношения, которые начали незаметно разрушаться.

Я ему наплела с семь коробов:

- Помнишь, в Чимитке был генерал Удальцов? Я как-то случайно встретила его около «генеральского» дома, где живет Юрий Буслаев. Он, оказывается, живет в том же доме, представляешь? Ходила навестить Юрия в день рождения Кати: ты же знаешь, что он отмечает не день ее смерти, а день ее рождения. В этом

есть свой смысл, правда?

Так вот, встретила я Удальцова и к счастью даже его отчество – Георгий Александрович. Мы поздоровались, он, по-моему, мне даже обрадовался. А потом говорит: «Кажется, ваш брат, который отдыхал в одно время с нами в Чимитаквадже, кончал Радиофакультет?» Я поправила, что ты не мой брат, а брат мужа, и спросила его, почему он об этом вспомнил. Он на это мне сказал, что в академии составляют списки для отдела кадров Министерства обороны для формирования какого-то нового КБ. Спросил, хочу ли я, чтобы тебя перевели в Москву: «По старой памяти я для вас легко сделаю эту небольшую любезность». Я с радостью согласилась и даже поцеловала его в щечку.

Видишь, как выгодно не забывать даже случайно встреченных людей!

Только бы Ксения с Виктором не забыли о нашем уговоре! Пусть Павел думает, что это все благодаря мне получилось.

Павел. 1951, 25 июля

Катя смогла устроить так, чтобы меня перевели в Москву. Помог тот самый симпатичный генерал из академии, которого мы встретили в Чимитке в сорок пятом году. Вот и пригодилось Катино умение располагать к себе мужиков: запомнил ее, старый хрен, да еще и просьбу ее выполнил, а ведь прошло с тех пор лет пять!

Работаю я теперь ведущим инженером в ОКБ Генерального Конструктора Заплетина в отделе по разработке наземных радиолокаторов. Сразу же дали жилье: шестнадцатиметровую комнату в трехкомнатной квартире, где живет еще две семьи.

Но самое главное, пожалуй, не это, а то, что мы с Катей поженились. Я чувствовал просто моральные обязательства перед ней: я ведь сломал ее семейную жизнь... Но уж и не знаю, став ли я, правильно ли сделал. Ведь мне уже тридцать два, у Кати взрослый сын, который зовет меня «дядя Павел». Ну, а кто я ему еще? Отношения у нас с ним неважные: ведь Катя из-за меня бросила его отца. Своих детей у меня уже не будет – Кате уж скоро сорок, о каких детях тут думать?

Вроде бы все утряслось, наконец, а я опять частенько с тоской вспоминаю Олю. Как было бы хорошо жить с ней, вдали ото всех, на природе... Физического труда я не боюсь, даже люблю: ненавижу сидеть над бумажками, да и голова у меня не так устроена...

Жили бы мы с ней. Где? Да хоть в Миргороде! К этому времени у нас бы уже трое-четверо детишек под ногами шныряло...

Детей нужно вовремя заводить. Я теперь не очень-то представляю себе даже самой семейной жизни... А особенно с Катей: почему-то все представляю, как мы тайком на кухне... Надо же, какая чертовщина в голову лезет! Ну, да все решено, теперь – хочешь, не хочешь – надо быть счастливым! В конце концов, это лучше, чем спиться в N-ском гарнизоне и кататься там на боровых по лужам!

Катя настояла на том, чтобы я тут же подал заявление в жилищную комиссию нашего «ящика» на расширение жилплощади. Но мне сразу, как отрезали: вы знали условия перевода, у нас все так живут!

Один человек определенно счастлив – это Сережа. Дело в том, что дом, в котором мы сейчас живем, соседний с его школой, где он проучился до восьмого класса. Он настолько этому рад, что, кажется, даже простил меня, не смотрит уже на меня таким волчком. Он теперь сможет окончить школу здесь.

А как мы будем с Катей жить? Не знаю... Ведь уже семнадцать лет я живу в рабстве нашего с ней греха. Она почему-то легко все это переносит, по крайней мере, виду не показывает, что терзается чем-то. Я привык, что все за нас обоих репает она: что делать, что говорить, к чему стремиться... Стоит мне высказать любую мысль, не совпадающую с ее, как она тут же выпаливает: «Балда ты, Павел!»

Но ничего тут не поделать: наверное, такова моя судьба... Теперь уж поздно сожалеть, надо привыкать.

Катерина. 1951. 30 июля

Павел, мне кажется, проглотил мою версию с его переводом. Ну, и хорошо. Лишнее чувство благодарности не помешает! Надеюсь, что теперь его комплексы поулягутся, а то он совсем испереживался: «нехорошо то», «нехорошо это»...

А я для себя решила, что надо кончать метаться и пора начать нормальную жизнь. Ведь скоро уже сорок, а живу, как беженка: ни кола, ни двора, кочуем с Сережкой с места на место!

Павел, правда, какой-то недостаточно радостный. Почему? Ведь, вроде бы, мы с ним к этому всю жизнь стремились, а теперь, получив всё, он не рад? Может, думает, что у него жизнь не удалась? То, что я старше его почти на шесть лет – это ерунда! Я и сейчас любой бабе его возраста дам сто очков вперед! Хотя, конеч-

но, тридцать восемь, это не двадцать восемь и даже не тридцать два...

Давно, еще говоря мне про свою «фронттовую подругу», Павел однажды разоткровенничался и сказал, что мечтал уехать в деревню и наплодить детишек. Конечно, странная фантазия, но объяснимая: мужики всегда думают, что они детьми закабаляют жену, делают ее рабыней.

Ну, что ж! Воспользуемся их же тактикой: рожу я Павлу ребенка. Поздновато, конечно, в сорок лет-то рожать, риск большой, что что-нибудь может быть не так, но что поделывать: НАДО!

Михаил. 1951, 25 августа

По-прежнему посылаю Катерине алименты, хотя Сережа и вышел из детского возраста. От Катерины получаю коротенькие открыточки, обычно в три-четыре слова типа: «Деньги получила. Спасибо. Катя».

Недавно вызвал ее на переговорный пункт. Спросил, почему не отвечает на мои письма Сережа. Она сказала, что не знает: он все мои письма получает, но отвечать не хочет. Вот добавилась горечь еще одной утраты: потерял и сына...

Опять вспомнил своих родителей. Что могло бы меня отратить от любого из них? Отец был для меня символом всего светлого, а маму я любил больше всего на свете. Я, конечно, не могу представить, чтобы мои родители когда-либо развелись, но я уверен, что мои отношения с каждым из них остались бы прежними. И они бы любили меня, невзирая на разные личные обстоятельства... Почему же у меня не так? Чем же я провинился перед своим сыном, что он вычеркнул меня из своей жизни?

Был бы верующим, пошел бы помолился... А впрочем, кому молиться, перед кем унижаться? Если Бог – допустим, он существует – позволяет себя такую несправедливость, наказывая меня и поощряя блудодейство, то какой же он, к чертовой матери, Бог? Нет, мой истинный Бог – мой отец. И он еще даст мне силы, его светлый образ поможет мне выжить в этой тяжелой обстановке...

Сережа. 1951, 30 ноября

Учусь я опять в своей любимой школе! Дом, в котором мы живем, стоит бок о бок с моей школой: это даже в самом счастливом сне не могло присниться!

Дядю Павла перевели в Москву и дали комнату, где мы те-

перь живем втроем. Они с мамой поженились. Могу сознаться, что мне стало морально намного легче: все же мать не изменяет отцу с кем-то на моих глазах – тем более с родным братом своего мужа. Просто она разлюбила одного и вышла замуж за другого. Чу, что же, в жизни все бывает. Я ей не судья в этом случае, но у меня же есть какие-то внутренние, хотя, может, еще и не осознанные внутренние моральные принципы, которые не позволяли мне спокойно переносить то, что было раньше!

Потом мне мама столько рассказала такого про моего отца, что я его ни видеть не хочу, ни слышать о нем не хочу. И бабник, и алкоголик, и неудачник, но самое главное – я ему совсем не нужен: за все это время он не прислал мне ни одного письма!

Вот отношения с дядей Павлом у меня стали еще более странными, чем были до того. Мама сказала, чтобы я его называл «папа», а не «дядя Павел». Но какой он мне папа?! Мне уже семнадцать лет, все это время он был для меня дядей Павлом и вдруг стал папой? Не смешно!.. Не называет же он меня «сын».

Так мы и живем, я обращаюсь к нему без имени, он перешел на такое же обращение. Может, обиделся? Но он же претендует на роль отца, мог бы иногда и что-нибудь ласковое сказать, похвалить, когда надо или просто общаться не как с квартирантом. Может, он все еще чувствует свою вину передо мной? Ну, так это правильно – виноват. Но хоть бы «хвостиком повилял», раз виноват!

Мама говорит, что я должен его любить и уважать, потому что он для меня много делает. Во-первых, я был готов к определенному сближению с ним, но он сам не пошел и не идет навстречу, а во-вторых, что такое особенное он для меня делает: кормит, одевает, дает 30 копеек на кино раз в неделю? А что, мог бы не поить, не кормить и постелить подстилочку в коридоре?

Так что, при двух папашах я остался без единого! Мама меня любит, но как будто боится этого показать дяде Павлу.

Ну, да ладно, вот кончу школу, может, пойду работать, сам буду зарабатывать, стану независимым, может, в общежитие устроюсь. Но вообще-то хочется в институт поступить. У нас все мальчишки уже о будущей учебе говорят.

Катерина. 1952. 27 апреля

У меня родился второй сын. Большой, здоровенький. Павел, конечно, был рад. Чтобы сделать его окончательно счастливым, я назвала сына в его честь – Павлом. Так что появился на

свет еще один Павлик.

Я Павлу все уши прожужжала, что теперь надо еще настойчивее добиваться отдельной квартиры, а то здесь ни пеленки замочить, ни развесить их. Соседи тоже ходят, нос воротят. Да и без того отношения с ними не блестящие, хотя все, вроде, интеллигентные люди, с высшим образованием. Оба мужика – военные, как и Павел.

Вопреки моим ожиданиям, Павел не сходит с ума от появления сына: он рад, но не нянчится с ним, не играет, гукается, как это делают нормальные папашки. Вон как Михаил Сережку все свободное время буквально на руках носил!

Правда, Павел очень устает, приходит поздно. Обычно поест – и спать. Только по выходным мне удастся вытащить его на прогулку с коляской. А один он почему-то не ходит гулять с Павликом. Может, стесняется? Кто его поймет!

А вот Сережка искренне обрадовался появлению младшего братишки. И помогает мне очень по хозяйству, и бегает за детским питанием, и пеленки замачивает... А ведь у него сейчас ответственный период – кончает девятый класс...

Сережа. 1952. 12 сентября

У меня появился братишка. Очень забавный, ему уже скоро полгода, но он уже и сейчас, хотя и совсем крохотный, но человечек. Очень смешно улыбается. Я с ним много вожусь, и мама не нарадуется, глядя на нас вдвоем.

А вот от отца своего я уже не помню, когда и последнее письмо получил... Я недавно написал ему коротенькое письмецо, спрашивая, почему он мне ничего не пишет. Убегая в школу, я попросил маму отправить его, поскольку дома не было марок. Она все равно собиралась на почту за чем-то и обещала все сделать. Но пока – ни ответа, ни привета.

Странно получилось, что после того, как у меня образовался второй «папа», мне взгрустнулось по родному отцу. Ведь для меня он был не так уж и плох. Ну, то, что было у них с мамой – это их личное дело. Я уже достаточно взрослый, чтобы это понимать. Но мне с ним было хорошо: он со мной много занимался, гулял, рассказывал интересные вещи. Да и вообще, мне кажется, что он меня очень любил! Что же произошло? Вот мама говорит, что у мужчин нет сильной привязанности к детям. Может, она и права: вон дядя Павел к

Павлику относится как-то холодно: ни понянит, ни погукается...

Но что же мне-то делать? Я должен с ним напрямую выяснить наши отношения! А может, подождать?.. Представляю себе такую картину: вот станет он старым, больным, никому ненужным, тогда я приду тогда к нему и скажу: «Папа, это сын пришел к блудному отцу. Ты меня забыл, а я тебя все это время помнил. Давай опять станем отцом и сыном!»

Кстати, это он мне и рассказывал притчу про блудного сына. Он очень странный – в Бога не верит, а Библию знает от корки до корки. Он рассказывал, что его отец, Платон Андреевич, верил в Бога и даже служил кем-то в церкви. А сам папа перестал верить в Бога, когда дедушку Платона забрали чекисты и расстреляли.

Михаил. 1953. 12 января

Как только стало известно, что я развелся и живу один, на меня стали буквально вешаться бабы. Мне все это даже противно: мне никто не нужен, а уж тем более эти молоденькие хищницы. Я их даже побаиваюсь: забеременеет нарочно, куда потом деваться? Поэтому я веду себя так, как, наверное, ведут себя импотенты: со всеми веду себя достаточно свободно, но дальше определенной границы – ни-ни!

Но, если сознаться, то если не душа, то тело требует кого-нибудь хоть изредка... Противно это, но что делать – жизнь есть жизнь.

Сошелся я с одной женщиной примерно моих лет, даже чуть старше. Зовут ее Галина, милая такая спокойная женщина, довольно начитанная, с ней и поговорить интересно. У нее приятное лицо, живые черные глаза, хорошая спортивная фигура.

Она в таком же положении, что и я: живет одна, сын уже взрослый, учится в Москве. Работает она в том же Авиационном училище, на соседней кафедре ассистентом. Мы и познакомились и сблизились с ней на работе. Но оба мы понимаем, что лучше всего отношения наши не афишировать, а не то такую грязь разнесут, что потом никогда и не отмоешься!

Я живу в доме, где практически нет никого из училища: по просьбе начальника московской Военно-воздушной академии мне здесь предоставили «генеральские хоромы».

Это делает удобным для Гали приходиться ко мне вечером, а иногда и оставаться на ночь с тем, чтобы потом пораньше уйти

домой, а оттуда уже на работу. Иногда, по выходным мы встречаемся с ней на вокзале и едем куда-нибудь подальше на побережье.

Нас обоих устраивают такие отношения. Кто знает, может это и перерастет когда-нибудь во что-то большее, хотя, честно говоря, я в это не верю. Я уверен, что любовь либо вспыхивает буквально с первого взгляда, либо никогда не наступает. Все остальное – союз от ума или, что хуже, брак по расчету. Ну, пожалуй, время для функционального брака по расчету, как некоего бегства от одиночества в старости, для меня еще не настало.

Больше всего мне нравится в наших отношениях с Галей, что мы оба не рассматриваем наши отношения как своеобразный трамплин к браку. Хотя, возможно, я и ошибаюсь: ведь женщины гораздо более «домашние животные», чем мужчины.

Глажу бёдра твои точеные,
 Обнимаю за плечи гладкие,
 И глаза твои вижу чёрные,
 Вижу всё... Но не вижу загадки я!
 Слишком стали мы все учёные,
 Ну, а значит, – немного гадкие.
 С сердцем собственным разлучённые,
 А на тело чужое падкие...
 Было светлое, стало чёрное –
 Уж какие там, к чёрту, загадки!
 Где ж вы, чистые, утончённые?..
 Где ж вы, строгие?.. Где ж вы, сладкие?..

Катерина. 1953. 27 февраля

Относительно быстро по нынешним меркам, Павел получил отдельную квартиру в новом доме, построенном рядом с его предприятием. Он говорит мне, что очень помогло то, что в нашей семье появился новый жилец – Павлик. Наша комната сразу же стала «перенаселенной», и Павлу, как фронтовику, дали новую двухкомнатную квартиру ко Дню Красной Армии.

Но я-то думаю, что не это было главным во всей этой истории. Просто трехкомнатная квартира, в которой мы жили с соседями, очень удобная и расположенная в чудесном месте, очень понравилась, кажется, заместителю директора по кадрам. Ведь не только нам, но и остальным двум семьям, жившим в нашей старой квартире, дали отдельные двухкомнатные квартиры, а ведь у них-то ниче-

го не изменилось!

Вот так и нам «терепало с барского стола»!

Елена Степановна. 1953, 10 марта

Ну, слава Богу, Катерина, кажется, утомилась!

Конечно, рожать почти в сорок – дело для женщины довольно сложное, но у нее все обошлось без осложнений.

Павлику – так она назвала сынишку – уже около года. Когда Павлу с Катей дали отдельную квартиру, они позвали меня к себе. Я согласилась: у Ксении Леночка уже подросла, там и без меня можно обойтись...

Сначала я помогала Кате с малышом, но потом у меня начались болезни: недержание мочи и общая слабость с головокружением. Так я из помощницы превратилась в обузу.

Катерина нервничает из-за этого, кричит на меня, что я за собой не слежу, что от меня пахнет... Павел молчит, он Кате и слова против сказать не может. То ли это любовь такая, то ли он бесхребетный...

Один Сережа ко мне ласков и внимателен, как всегда. Мне даже показалось, что он был просто счастлив, что я появилась в их семье. Люблю я его очень... А он даже, когда мы одни, опять меня «мамой» называет. Вспомнил!

Мы с ним вместе спим в маленькой комнате с отдельным входом в коридорчик. Дверь между комнатами Катерина заставила горкой с вновь купленным хрусталем, так что получилось две изолированных комнаты. Наконец-то она дорвалась до более или менее материально обеспеченной жизни. Правда, хрусталь этот, по-моему, еще ни разу не был в употреблении. Но смотрится красиво. Сейчас у многих стала мода на огромные настенные ковры, чешский хрусталь да китайский фарфор. Понятно: люди стали лучше жить, запросы повысились. Теперь уже настенный коврик с лебедями ни у кого не увидишь – «мещанство»! Ну, а что нынешние ковры да хрусталь только для серванта – не мещанство что ли?

Мне очень интересно узнать, как живет Михаил. Вот уж был человек с тонким вкусом! Часто вспоминаю его с благодарностью... Сколько он для всех нас сделал! Катя его как-то «святым» назвала, имея в виду его постоянное самопожертвование. А он ведь и

впрямь святой – такой крест на себе тащил и еще радовался, что делает добро людям...

С Сережей мы много говорим по вечерам. Он мне вверяет свои тайны и мечты, понимает, что мне все можно излить и дальше никуда не пойдет. Да и куда может пойти? И я много ему рассказываю про свою жизнь, про родственников наших. Он слушает все, буквально затаив дыхание.

Вот кто бы взялся написать про все это! Тут такая бы «Сага о Форсайтах» получилась, что Голсуорси и не снилась!

Ну, да кому мы интересны: провинциальные простолюдины...

Уо за Катерину я искренне рада: теперь всё хоть благопристойно... Хотя то, что было, не забыть и не простить. Бедный Михаил! Дай ему Бог счастья, которого заслужил этот добрый и воистину святой человек!

Сережа. 1953. 23 июня

Вот и кончились счастливые школьные годы. Что там ждет впереди? Куда идти учиться? Почему-то мысли о том, что надо идти работать, не возникает. Ведь если не учиться, то всю жизнь будешь делать что-нибудь рутинное, неинтересное. Но куда идти? На мехмат? Не настолько я люблю чистую математику.

В Физтех? Чувствую, что не потяну, там такие, как Ленька Мурза нужны. На журналистику? Там конкурс двадцать три человека на место, провалюсь...

А сегодня произошло большое событие в моей жизни, которого я ждал долгие годы! Прогуливались мы с моим школьным соседом по парте, Юрой Малышевым, по Петровской аллее и вдруг встречаем идущую нам навстречу Аллу!

Если б не Юрка, то и на этот раз прошли бы мы с ней мимо друг друга, может, даже не поздоровавшись. А Юрка предложил ей «прошвырнуться» с нами до «Динамо» и обратно. Она согласилась и пошла между нами, взяв нас под руки.

Я не знаю, как только мое сердце не выскочило из грудной клетки! Она шла справа от меня, ее рука лежала около моего локтя. Я нес эту руку, как нечто очень драгоценное и хрупкое, как пушинку, которую может сдуть с моей руки малейшим дуновением ветра...

Итак, за девять лет моей безответной «немой» любви к Алле я впервые почувствовал ее руку, если не считать, конечно, той давней игры в «ручеек»! До сих пор я чувствую на сгибе своего правого локтя тепло от ее пальцев...

Притча о пророке: ВОСКРЕСЕНИЕ

На Голгофе все стихло, все трое казненных, склонив головы, как бы скорбно смотрели вниз на землю со своих крестов застывшими глазами, в коих уже не было ни выражения ужаса, ни мольбы. Толпа все еще не расходилась, и римские легионеры преграждали подходы к холму.

Еще и до вечера было далеко, но вдруг внезапно закрылось солнце черным грозовым крылом. Резко стемнело, и вдруг огненные зигзаги раскололи твердь небесную с ужасающим грохотом. И следом за этим хлынул ливень, которого по силе не могли припомнить и старожилы. Оставшиеся зеваки понеслись, сломя голову, в сторону городских ворот. Легионеры с большим достоинством, но все же поспешая, быстрым маршевым шагом устремились за ними.

Один, никем из легионеров не замеченный, остался около крестов с распятыми - это был Иуда Искариот, затаившись за одним из больших валунов. Когда скрылись вдали последние фигурки легионеров, Иуда, скользя по камням, падая и подымаясь, казалось придавливаемый ливнем к земле, достиг креста, на котором был распят Пророк. Подняв лицо навстречу струям вод, Иуда спросил:

«Пророк! Я пришел... Слышишь меня?» У него вдруг промелькнула какая-то несбыточная надежда на то, что Пророк и взаправду сейчас воскреснет и сойдет с креста.

Но эта тщетная мысль уже через мгновение покинула Иуду. Он достал заранее припасенный нож и, разрезав на ногах и руках Пророка веревки, которые того держали на кресте, снял тело Пророка.

Иуда хорошо продумал свой план. После того, как Пророк заявил ученикам своим о том, что он будет распят, но воскреснет, Иуда решил, что он выкрадет тело Пророка после распятия и похоронит в одном ему ведомом месте. Он давно уже приметил глубокую расщелину в камнях большого холма по пути от Голгофы в сторону Гефсиманского сада. Тело,

брошенное в расселину и засыпанное камнями, никем и никогда найдено быть не может. А горка камней, необходимых для надежного захоронения была им уже заготовлена.

Иуда нес тело Пророка в сторону найденного им места захоронения Пророка. Гроза все никак не унималась, идти было трудно, ноги разъезжались, спотыкаясь о камни, Иуда несколько раз падал. Но каждый раз, бережно подняв тело Пророка, продолжал идти дальше...

Вот уже показался и тот самый холм. Последний земной путь Пророка приближался к концу...

Подойдя к расщелине, Иуда подтащил тело Пророка к расщелине и сбросил его туда. Из глубины донесся глухой звук упавшего тела. Иуда, сдерживая рыдания, стал таскать камни и бросать их в жадный зев расщелины. После первых беззвучных бросков слышны стали удары камня о камень – тело погибшего Пророка было уже погребено под слоем камней. Но Иуда неистово продолжал засыпать расщелину заранее заготовленными камнями.

Когда последняя дань была Пророку отдана, Иуда распрямылся и только тогда заметил, что гроза прошла, небо просветлело, хотя и светились еще последними лучами умирающего заката...

Иуда быстрыми шагами, не разбирая дороги, пошел прочь. Рыдания душили его... Он выбрался, наконец, на дорогу, ведущую к городским воротам. Вот начался и его, Иуды, последний путь на этой земле. И тут он почувствовал, что ему хочется верить в загробную жизнь, что ему хочется верить, что он еще встретится с Пророком...

Вдали одним черным контуром на фоне уже догоревшего заката возник Иерусалим. Выбрав стоявшее чуть поодаль от дороги крепкое дерево, Иуда направился к нему. Он достал из-за пазухи веревки, те самые веревки, которые он срезал с ног и рук Пророка, связал их вместе в одну. Проверив, прочно ли они, связаны, он затем, залезши на дерево, привязал один конец веревки к толстой ветке, а на свободном конце веревки соорудил петлю. Делал он все спокойно и рассудительно. Потом он достал мешочек с тридцатью монетами, которые он получил от Иерусалимского Первосвященника, и бросил монеты в придорожную пыль. В голове его пронеслась мысль:

«Может, кто-то, найдя меня повешенным, а деньги выброшенными догадается, что я не предавал Пророка?» Но он тут же прогнал эту мысль и даже пожалел, что бросил деньги на видное место. Но уж теперь поздно. Нет, нет! По его плану для победы учения Пророка нужно, чтобы произошло именно то, что произошло: Пророк предан и распят, ночью он вознесся с креста, а Иуда – предатель повесился в раскаянии... Вот только эти монеты! Зачем я их сгоряча выбросил, не подумав? Ведь это так неле-

по – предать ради денег, а потом выбросить эти деньги!.. Иуда надел петлю на шею...

Сережа. 1953. 25 июня

Сегодня я увидел себя в списке принятых на радиофакультет Московского авиационного института. Вот так неожиданно-негаданно, не терзаясь, куда же пойти учиться, я оказался в МАИ!

А дело было так. После выпускного вчера в соседней женской школе мы пробазарили всю ночь, выпили, конечно, хотя и вполне в меру, сходили с девочками на Красную Площадь, а где-то около шести утра, когда мы уже вернулись домой к моему школьному другу, Славе Протопопову, он сказал, что сегодня же утром он идет на собеседование в МАИ. Были мы оба золотые медалисты, и удачного собеседования было достаточно для зачисления в институт. МАИ казался мне вполне заслуживающим внимания – буквально в двух шагах от дома да к тому же и пойти за компанию...

Спросил я Славу, на какой факультет он собирается. Оказалось, на радиотехнический. И конкурс там высокий (значит, не самый плохой факультет).

Ну, радиотехнический – так радиотехнический! «Голос Америки» и Би-Би-Си слушал, ручки крутил, значит, радио люблю... Авиационный? Ну, «первым делом, первым делом, самолеты, ну, а девushки, а девushки потом!» И какая вообще разница, куда?

Пришли мы на собеседование почти раньше всех, буквально прямиком с Красной Площади. Наступила вскоре и моя очередь. Как я уже сегодня выяснил у ребят, которые толпились у той же доски со списками принятых, попал я вчера «на зубок» к самому декану факультета.

Собеседование шло весьма гладко, по крайней мере, мне вчера так показалось.

- Почему вы решили поступать в МАИ?
- У меня отец связан с авиацией...
- Значит, потомственная профессия?
- В некотором роде... – Соврал я, поскольку мой отец всего-

навсего преподавал в Военно-воздушной академии, но к авиации, кроме этого, никакого отношения не имел.

Видимо, было естественным, поступая на что-то об этом чем-то хоть что-то знать, что и привело к дополнительным вопросам.

- Когда и кто изобрел первый самолет?

- Можайский в 1840 году...

- Так-так... А кто и когда изобрел радио?

- Попов в 1911...

- Ну, ладно, товарищ Макаров, с историей все ясно... А по какой траектории полетит бомба, сброшенная с самолета, летящего горизонтально, прямолинейно и с постоянной скоростью?!

Ожидаемый ответ был: «По параболе», но золотой медалист сказал: «Ну, это надо подумать...», чем вызвал недоуменный взгляд экзаменатора.

А дело было в том, что в десятом классе у нас вел физмат кружок выпускник нашей школы тогдашний старшекурсник Физико-технического факультета МГУ Иридий Квасников. (Наградили же Квасниковы-родители своего сына причудливым «менделеевским» именем!)

Он дал нам основы интегро-дифференциального исчисления, и одним из детальнейше разобранных примеров было именно падение бомбы (а не идеальной материальной точки!). А тут и меняющееся с приближением к Земле притяжение, и сопротивление воздуха, зависящее от скорости, и прочие никому не нужные детали. Не помню, но возможно он и пример-то этот давал, чтобы показать, сколько факторов в принципе участвует в реальной задаче, но что почти все это на практике чужь собачья, не нужны они – достаточно знать параболу...

Одним словом, когда я минут через двадцать пришел к столу с моим решением, экзаменатор взял мой листок, изучил его, взглянул потом на меня поверх очков и пошел кому-то показывать, что я написал. Вернувшись, он меня отпустил.

Когда я вышел, толпа страждущих и все еще ждущих решения своей судьбы, набросилась на меня: «Что спрашивали? Что спрашивали?» Я рассказал вопросы вместе со своими ответами. Оказалось, что Можайского я заставил изобрести самолет, когда тому было всего пятнадцать лет раньше, а зато Попов изобрел радио через пять лет после своей благополучной профессорской кончины...

Я был в полном нокауте. Я и сегодня-то пришел только за компанию со Славой... И вот на тебе – приняли!

Зато я понял, что уверенность в себе очень важна в жизни. Не зря говорят: нахальство – второе счастье!

Михаил. 1953. 25 августа

Только что в Талине закончилась конференция по теоретически вопросам электротехники. Среди делегатов была красивая молодая женщина, на которую я тут же «положил глаз». В ней было что-то тонкое и проникновенное, вдобавок немного грустное, как в Ботичеллиевой Афродите. Только волосы ее были не рыжие, как у той, а пепельно-золотистые...

Мы как-то случайно обменивались взглядами, а однажды мне даже показалось, что она слегка мне улыбнулась. Я это списал на свое положение – известный специалист, руководитель секции.

Женщина эта с ее добрым и спокойным взглядом как-то сразу запала мне в душу. Опять пронзила меня какая-то неизбывная тоска, тоска по жизни, тоска по любви... Может, я просто изголодался по хорошему доброму отношению к себе? Но пора иллюзий у меня прошла, я понимал, что что-то прошло безвозвратно... Сердце заныло в какой-то тоске: вот есть же такие красавицы, но все уже разобраны, все чьи-то, а тебе на них только со стороны можно смотреть!

На следующий день, когда начали работать секции, эта умопомрачительная женщина подошла ко мне и представилась: «Мария Кастальская. Я выступаю на вашей секции. Мой доклад последний по очередности». Она была элегантно одета в строгий светло-бежевый костюм, удивительно сочетающийся с ее необычными пепельными волосами, небрежно разбросанными по плечам, хотя в этой небрежности виделся определенный замысел художника. Никакой косметики, кроме, возможно, слегка подкрашенных ресниц. А глаза!.. Серо-голубые, глубокие.

Немного грустные, хотя они прекрасно сочетались с ее теплой улыбкой. Возникла какая-то загадочность... Ну, прямо тебе мои любимые ленинградские Сфинксы!

Походка спокойная, с достоинством, но без этих претензий на сходство с моделью. Но она ходила так, как не смогла бы ходить ни одна модель: грациозно и с огромным достоинством!

И вот ее доклад, последний на моей секции. Не знаю, что меня дернуло за язык, но я сказал:

- А теперь, товарищи, с докладом выступит Мария Кастальская. Доклад ее, правда, несколько не по теме, но зато вы сможете либо немного отдохнуть, либо созерцать эту воистину красивую женщину.

Не знаю, куда меня понесло! Народ в зале одобрительно зашумел. Вышла Мария и с ироничной улыбкой произнесла:

- Я чувствую, что наш председатель секции слегка утомился. Со своей стороны, я полагаю, что если он и поспит на моем докладе, я в обиде не буду.

После ее доклада, я подошел к ней и начал сбивчиво и нелепо извиняться, сказав все же при этом, что я действительно давно не встречал столь привлекательных женщин. Она достала пачку сигарет, привычно щелкнув по дну пачки, выбила пару сигарет и одну из них предложила мне. Я отказался, сказав, что не курю. Пытаясь сгладить свою бестактность на секции, я пригласил ее в бар на легкий коктейль. И она согласилась!

Дело происходило в шикарной гостинице «Выйру», бар находился почти под крышей, откуда с высоты птичьего полета открывался удивительный вид на ночной город. Мы сидели за столиком для двоих, около окна, напротив друг друга.

Тусклый ночничок на столе освещал только поверхность стола, покрытую светлой салфеткой. Нежные отражения света от белой скатерти, покрывавшей столик, ложились на шею и подбородок Марии. Перед нами стояли бокалы с каким-то замысловатым напитком.

У меня вдруг буквально вспыхнули стихи, стихи об этом красивом городе, стихи для Марии. Я взял меню и на обратной стороне застрочил строчку за строчкой. Мария смотрела на меня, ничего не спрашивая, понимая, что меня сейчас прерывать нельзя... Когда я кончил писать, она протянула свою руку, положила на мою и сказала тихонько: «Прочитайте...», будто она знала, что это написано именно для нее. Я прочел:

Талин, Талин...

Крыши рыжи,

Небо, море – цвета стали.

Хлещет дождь седьмые сутки!

Правда, редко в промежутки

**Что-то светит вроде солнца
Между тучами в оконце.**

**Море – серое, как небо.
Небо – серое, как сталь...
И плывет вся эта небыль
Тихо в сказочную даль.**

**Будто древние фрегаты
В тихой гавани стоят:
Шпили крыш зовут куда-то
В моря даль, где тонет взгляд.**

**Черепица, черепица –
Рыбой в красной чешуе...**

Никуда не торопиться...

Всё лишь суета сует...

**Давят древние оковы,
Давит купол цвета стали.**

**Спит в дожде средневековом
Дряхлый старец – Вана Талин.**

Она почти шепотом поблагодарила меня:

- Спасибо, Михаил, замечательный экспромт...

- Это написано для вас.

- Спасибо еще раз... А вы где-нибудь печатались?

- Конечно, нет! Хотя у меня стихов понаписано много. И честно говоря, я все их коплю, даже ранние юношеские. Я к ним отношусь не как к творчеству, а как к дневниковым записям.

- Интересно бы почитать... Я не знаю остальных стихов, но если судить по этому, то вы вполне могли бы опубликовать свои стихи...

Посмотрев на меня сквозь сигаретный дым, она сказала:

- Забирайте меня с вашим стихотворением, и пошли ко мне. Этот шедевр вы должны для меня переписать набело. А заодно выпьем по чашечке кофе, если не возражаете.

Мы вошли в ее номер, который оказался этажом выше моего. Мария вскипятила воду в стаканах своим дорожным кипятильником, размешала в них по чайной ложке растворимого кофе и извинилась за отсутствие сахара. Мы сели на краешек кровати и молча пили кофе, каждый думая о своём. Когда мы выпили кофе, я попросил у Марии чистый листок бумаги и, встав на коленки около

прикроватной тумбочки, начал переписывать стих, внося на ходу некоторые поправки и устраняя стилистические погрешности. Когда я переписал стихотворение, она взяла листок и долго его читала, по-моему, перечитывая некоторые строки по несколько раз.

- Михаил, я завидую вашей жене белой завистью. Как это, наверное, здорово – жить с талантливым человеком!

- Да я не женат, разведен... Ну, а насчет таланта... Во-первых, по отношению ко мне это преувеличение, а во-вторых, по-моему, счастье людей определяется чем-то иным... – Я помолчал и добавил, – А вот вы действительно очень красивая, а теперь я вижу еще, и очень тонкая женщина. И это важнее любого таланта!

- «Но я другому отдана...»

- «И буду век ему верна?»

Мы оба одновременно засмеялись этой внезапной шутке. Потом мы вышли на балкон, было свежо. Я набросил на нее свой пиджак, что она приняла без всяких знаков благодарности, будучи углубленной в себя. Я начал говорить ей, что я заметил ее с первого взгляда, что мне даже было досадно, что я такой старый, а она наверняка уже принадлежит другому человеку...

- Вы очень хороший человек, Михаил... Вы ведете себя совсем не как остальные... Подарите этот вечер мне, ладно? Только не надо вопросов... Может быть, когда-нибудь я вам все расскажу. Может быть...

Она погладила меня по щеке, и мы ушли с балкона...

Я не помню, кто сделал первое движение, кто сказал первое слово. Я был, как в бреду. Потом мы долго лежали в темноте, освещаемые только тусклым уличным светом.

Мария дала мне адрес своей подруги и сказала, что я могу на этот адрес посылать ей свои стихи, если захочу. Она будет их ждать...

Придя к себе в номер, я лежал и долго не мог заснуть.

Мне стало обидно, что в моей жизни всё, что мне нужно, всё время проходит мимо меня. Вот и сейчас молодая, умная, обаятельная, красивая женщина поигралась со мной пользуясь своей безусловной силой надо мной. Да, наверное, я еще один экземпляр в ее коллекции...

Она, наверное, лет на двенадцать-пятнадцать моложе меня. Уедет и забудет все. Я у нее просто очередной мелкий эпизод в жиз-

ни... А как бы я хотел дожить свою жизнь вот с такой удивительной женщиной! Но Богу – богово, кесарю – кесарево, а Платонычу – платоническое, как говорила моя дорогая Катя Буслаева!

Сергея. 1953, 5 сентября

Узнал я недавно, что буквально через год после окончания школы Алла вышла замуж за выпускника Военно-воздушной академии. Для меня это был удар, но я быстро оправился, задав себе вопрос: а ты пытался за эти девять долгих лет хотя бы раз с ней заговорить? А на что ты надеялся?

Меня это известие сильно изменило. Будто какие внутренние оковы спали с меня. Пропало это чувство долга, запрещавшее мне нормально общаться с девчонками.

И буквально через пару-тройку дней у меня «закрутился роман» с Людой. Это девушка из нашей же группы. Я как увидел ее, так понял, что это моя судьба. Похоже, что у меня опять любовь с первого взгляда. И она, похоже, меня сразу же заметила. А дело было так. Пришел я первого сентября записываться в институтскую библиотеку и брать учебники, а там очередина: всем знания нужны и непременно сейчас. Вижу, почти в самом начале очереди стоит симпатичная такая девочка с косичками. Я, недолго думая, сделав вид, что запыхался от бега, подскочил к ней и сказал:

- Ох, слава Богу, вы еще не прошли! А я боялся!

Народ зашумел, завозмущался, что не видели мы, мол, тебя. А на это им девочка с косичками отвечает:

- Да нет, он стоял, стоял! Передо мной стоял. Как только я подошла и встала за ним, он побежал, сказав, что скоро придет, да вот задержался.

Получил я свои книжки и дожидаюсь девочку с косичками. Вот и она отошла, идет в моем направлении. Я к ней пристроился:

- Спасибо вам огромное! Так выручили, страсть не люблю в очереди за колбасой стоять... А как вас, если не секрет, зовут?

- Не секрет: Людмила. А вас?

- Ну, естественно, Руслан!

- Правда?!

- Да нет, нет! Шучу, шучу! Сергеем меня величают. А

на каком вы факультете и в какой группе?

- На радиотехническом, группа Р-62.

- Надо же! И я на радиотехническом и группа тоже Р-62!

- Опять шутите?

- Да вот те крест, истинная правда!

- Ну, ладно, мне туда. – Сказала она, показав в неопределенном направлении, и пошла от меня. Видно было, что она мне не поверила!

Когда она увидела меня на первом собрании группы, то вся аж вспыхнула. Я ей подмигнул, и с этого момента между нами натянулась какая-то струночка, которую мы с Людой оба постоянно чувствовали.

Оказывается, могу я и говорить с девочками, и даже «кадрить» их. Главное преодолеть страх и вести себя так, будто я на собеседовании: больше решительности, смелее говорить и, конечно, больше уверенности в себе.

Мария. 1953. 17 сентября

Живу я с Аркадием Кастальским, моим вторым мужем. С нами же и сын от моего первого брака. Брак наш с Аркадием вышел как-то сам собой, даже почти без моего участия. Но все по порядку.

Первый мой брак был с однокурсником, Владимиром Коршуновым, с которым у нас была, как и полагается в том возрасте, пылкая любовь. Сына, Олега, я родила буквально на следующий день после защиты диплома: боялась очень, что от волнения разрожусь прямо на самой защите! После окончания института нас с мужем послали в Каунас в НИИ приборостроения, или сокращенно НИИ ПС. Народ работал в основном молодой, преимущественно холостой, поэтому название института «острословы расшифровывали «НИИ Половых Сношений».

Владимир был парень видный, умный, общительный. Девочки сходили от него с ума. Будучи сам человеком очень интересным, он интересовался лишь интеллектуальными женщинами. Создавалось даже впечатление, что ему до женской внешности вообще нет никакого дела.

Когда мы иногда ходили в гости, попросив кого-нибудь при-смотреть за Олегом, он мог простоять в стороне от танцующих с какой-нибудь такой замухрышкой, что все диву давались этому «физиологическому мезальянсу». В основном он уделял внимание несчастным женщинам, я бы даже сказала, «социально убогим». Меня эта его моральная «благотворительность» беспокоила мало, я его ни к кому не ревновала: кто может ревновать мужа к страшилам-крокодилицам?

И вдруг, как гром среди ясного неба – в один из дней он заявил мне, что Анечка Бурштейн очень несчастный человек, он ее очень любит, а посему решил на ней жениться, разведясь со мной. Я была поражена: действительно, Аня была убогим человеком, ну, читала она много, но говорить не умела ни на какую тему, да и страшна была, как смертный грех: как говорится, ни кожи, ни рожи.

Конечно, развод я ему дала, не раздумывая. А Владимир, как человек благородный, оставил мне квартиру. Правда, его отец был директором соседнего института, поэтому даже в условиях дефицита жилья получить новое не было для него смертельной проблемой.

Жить с ребенком на зарплату мэ-нэ-эс, или, как у нас говорили, «мало нужного сотрудника», было трудно. Алименты Владимир платил мизерные с такой же, как у меня, мизерной зарплаты. Но я выжила: как только отдала Олежку в ясли, начала подрабатывать мытьем полов в институте, а иногда и на квартирах сотрудников. Меня всегда при этом выручала моя подрута, Лариса, которую Олечек любил и не боялся с ней оставаться.

Вся жизнь проходила в ежедневной суете, было тошно жить, но гордость не позволяла мне опускаться: я следила за собой, одевалась по мере возможности, как говорят, “простенько, но со вкусом”. Однажды ко мне подошел симпатичный парень, немного цыганистого типа, который только недавно поступил на работу в соседний отдел. Представился и спросил меня, люблю ли я езду на мотоцикле. Вопрос был странный, если даже не глупый, все равно, что спросить: а вы по вечерам не летаете на метле? Я хмыкнула и с насмешкой ответила: «Просто обожаю!» Он на это ответил: «Значит, замётано? После работы я жду в вестибюле. А в обед сбегая и принесу второй мотоциклетный шлем». Все было так неожиданно, что пока я собиралась с мыслями, чтобы опять съехидничать, он уже ушел в свой отдел. Ну, не бежать же мне за ним, чтобы сказать, что я пошутила!

После работы он действительно ждал меня с двумя мотоциклетными шлемами в правой руке. Мне ничего не оставалось делать,

как пойти с ним, хотя я предупредила, что мне через час самое позднее надо быть дома, так как из школы приходит сын, надо его накормить и проследить, чтобы он сделал все уроки. «Замётано!» - сказал Аркадий и усадил меня на заднее сиденье. Езда на мотоцикле мне даже понравилась: задыхаешься, как от волнения, когда тебе в лицо бьет тугая струя встречного воздуха, на поворотах никак не можешь совладать с собой и все время отклоняешься в сторону противоположную повороту...

Словом, эта поездка мне впрыснула в кровь некоторый адреналин!

Мы стали кататься с Аркадием чуть ли не каждый день. Потом он «приручил» и Олега, хотя его он сажал перед собой, чтобы была надежная страховка.

Если не говорить о некоторых полублатных полупровинциальных выраженьицах типа «замётано» и «а як же!», то Аркадий оказался интересным парнем, который любил музыку, даже классическую, много читал, с ним было интересно поговорить. Он зачастил ко мне домой. Когда Олег засыпал в своем малюсеньком «пенальчике», мы осторожненько закрывали дверь и сидели, попивая чай да ведя светские беседы. Понятно, что если молодая женщина и молодой мужчина – а Аркадий был на три года моложе меня – по вечерам пьют чай одни в комнате и ведут светские беседы, это всегда завершается одним и тем же...

Аркадий мне нравился, он всем был хорош: аккуратный, чистюля, внимательный, мне во всем помогал, золотые руки. Да и любовник он был неплохой, хотя каких-то чувств особых у меня к нему не было.

Все было хорошо. Меня такие отношения устраивали: «приходящий муж», он же слесарь, он же столяр, он же собеседник...

Но вот однажды он пришел из институтского общежития, в котором жил, с огромным рюкзаком и вешалкой, на которой были рубашки да пиджак, и сказал мне совершенно серьезно: «Мапа, мы с тобой уже несколько месяцев живем, как муж и жена, пора расписываться». Мои возражения на него не произвели никакого впечатления: он вывалил содержимое рюкзака посреди комнаты и спросил, куда он может повестить свои рубашки.

Вскоре мы расписались. Так началась наша совместная жизнь. Но на этом все не кончилось: перед самой моей поездкой в Талин на конференцию, Аркадий заявил, как всегда тоном, не терпящим возражений, что хочет иметь от меня ребенка. Я стала

объяснять, что мне хватает моего сына, но этот «эгоистический» аргумент не сработал.

Я решила, что, в конце концов, если с ним жить, то он прав. Хочу ли я с ним жить? Не знаю, человек он хороший, а сильные эмоции и азарт искать себе спутника жизни у меня уже прошли. С другой стороны, и для себя надо бы последнего ребенка, потом уж будет поздно: и рожать трудно, да и сил моральных на воспитание уже может не хватить. Я согласилась, сказав, что беру отсрочку только на конференцию в Таллин...

Потом стала немного бояться: я встретила того человека, которого смутно видела в своих грёзах. Это был Михаил Макаров, известный специалист в нашей общей с ним области и еще более известный жуир: про него ходили буквально легенды, как про Дона Жуана. Мне он показался тоже интересным, но как раз образ Дона Жуана к нему как-то не приклеивался: был он деликатным, ненавязчивым, немножко грустно-усталым. Хотя, возможно, это было просто следованием модели поведения мужчины, сформулированного Пушкиным: «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей». Не знаю, я с подобными типами мужчин пока не встречалась: большинство мужиков – самоуверенные бахвалы и трепачи.

Говорили, что Михаил то ли в разводе: то ли он ушел от жены или она от него ушла. В один из вечеров после моего доклада на его секции я потеряла голову, и произошло то, что и должно было в такой ситуации произойти. Когда мы расставались, я дала ему адрес моей подружки Ларисы: если захочется что-нибудь мне написать, то это надежный почтовый ящик!

И вот сегодня мне позвонила Лариска и сказала заговорщицким голосом, как будто нас кто-то на линии подслушивает: «Тебе из оргкомитета конференции пришло письмо. Зайдешь прочитать, или мне можно его выбросить?»

Я конечно, тут же примчалась. В конверте оказалось только небольшое стихотворение.

Лариса вся исходила от любопытства и спросила можно ли ей прочитать стихотворение. Я ответила ей, что, конечно, можно, более того, я хочу письма Михаила хранить у нее: не хочу, чтобы на них случайно или неслучайно наткнулся Аркадий. Еще я ей принесла на хранение и стихотворение о Таллине. Лариска почти с завистью мне сказала: «Счастливая ты, Машка! Тебе такие стихи пишут!»

А мне стало немного грустно, что кроме стихотворения в

конверте не было ничего, даже малюсенькой записочки. Я вспомнила, что давая Михаилу адрес, я сказала, что он может присылать мне стихи. Неужели он понял меня настолько буквально?

Михаил мне очень понравился... Даже больше, чем просто понравился. Я почувствовала, что пришло то, чего я так долго ждала... Дождалась, называется! Что из того? Я ведь у него просто еще одна экзотическая бабочка в его энтомологической коллекции! Ничего серьезного: ну, встретились, ну, переспали...

Но образ его не дает мне покоя, хотя и понимаю, что надо смириться с реальностью: ничего серьезного между нами быть не может...

Михаил. 1953, 10 ноября

Уже больше двух месяцев я пишу письма Марии. Мне это жизненно необходимо. Мне нужно о ком-то мечтать, кого-то хотя бы вот так «заочно» любить. Мария запала мне в сердце, я начал о ней мечтать: мне кажется, что это последний шанс в моей жизни...

Собственно я пишу ей не письма, а просто посылаю новые стихи. Старые стихи я ей не посылаю: у меня слишком много есть того, что хочется сказать непосредственно ей... Стихов я стал писать столько, сколько никогда еще не писал. Мария, как я и ожидал, мне не отвечает. Но я ее понимаю: для письма нужны время, подходящая обстановка и соответствующее настроение... А у меня этого добра предостаточно!

Глаза русалочки твои ли,
Иль голос тихий и манящий,
Мне сердце будто раздвоили
И заставляют биться чаще.
Я рад, что жизнь судьбу плетя,
Вела меня такой дорогой,
Что встретил я в пути тебя –
Такою страстной недотрогой...

Павел. 1953, 20 декабря

Все складывается в моей жизни, казалось бы, так, как я и мечтал когда-то: женат на Катерине, у нас растет сын, на работе все нормально... Вот с Сергеем никак не налаживается: мне все время, когда я

на него смотрю, мерещится, что это Михаил смотрит на меня с укором... А Сергей действительно похож на отца.

Но хоть все вроде бы и хорошо, а вот мучает какое-то подспудное ощущение несвершенности чего-то. Может, из-за того, что мне уже тридцать пять, а я только начал нормальную жизнь? А может, оттого что почти восемнадцать лет вел эту тайную греховную жизнь с Катериной и от этого психологически сломался?

Теперь она моя законная жена, каждый вечер ложимся в постель без страха, что кто-то войдет, кто-то увидит, кто-то услышит... А вот ощущение восторга и радости пропало! Оно, правда, пропало уже давно, тогда, когда Елена Степановна «застукала» нас... Когда это было? Давно... Кажется, что в декабре сорок шестого.

Катя продолжает от меня требовать прежней страстности, прежнего огня, а я не могу: перегорел, наверное. Может, все это потому, что я так и не жил все прежние годы своей жизнью, все было лишь ожиданием непонятого смутного «завтра». Все это время я был продолжением Катиного чувства ко мне. А, наверное, каждый человек должен прожить свою жизнь самостоятельно, а не идти за хозяином, как лошадь на поводу... А сколько раз я вспоминал Олю! И иногда даже вкрадывались крамольные мысли: не Катя ли написала ей что-нибудь оскорбительное, что та так резко вдруг перестала писать мне? Ну, да теперь это быльем поросло... У Кати не спросишь, да и что бы она ни сказала, всё будет плохо: скажет, что она действительно что-то сделала, я стану ее по-тихому ненавидеть, а скажет, что ничего не делала, я не поверю... Так что ничего и не остается, кроме как «молчать в тряпочку».

Да и вообще, о чем я думаю? Ведь я стольким Кате обязан! Она меня и в Москву выгнала, и сына ради меня родила. Да что там: она из-за меня свою семью разбила. Я же понимаю, как страдает Михаил... И вижу, как тяжело Сереже: я ему, конечно, никогда не смогу заменить отца!

Ну, что поделывать... Надо жить. А счастье? Наверное, я уже исчерпал свой жизненный лимит: слишком рано начал! Да и не так начал.

Катерина. 1954, 11 января

Вот я и добилась, чего хотела, к чему стремилась... Даже мама, по-моему, успокоилась. Сережу я, вроде бы, тоже убедил, что нам с ним жить лучше с Павлом, чем без него. Да и к братишке

своему он очень тепло относится, я даже не ожидала, думала, будет обычная ревность к младшему. Ну, да Сережа уже совсем взрослый парень, он все понимает! Ведь между ними разница почти восемнадцать лет – Павлик ему в сыновья годится!

Все хорошо, но я не понимаю, что творится с Павлом. Все установилось: мы муж и жена, у нас есть ребенок, он на хорошей работе. Казалось бы, живи да радуйся! Не могу пожаловаться: он внимательный, предупредительный. Немного, правда, с Павликом прохладен, но может, это он так себя ведет из-за Сережи, чтобы не вызвать у того чувства ревности? Сереже-то он вообще практически не уделяет никакого внимания, никогда ни о чем с ним не говорит, не спрашивает, как у того дела. Впечатление, что Павел Сергея просто боится. Надеюсь, что это все же временное.

Но вот со мной Павел – будто его слазил кто! Когда мы ложимся спать, он вроде меня боится. Вся его активность пропала, хотя, казалось бы, теперь все спокойно, никаких тебе опасений, никаких тревог... Я уж иногда думаю, что, может, он так привык к этой многолетней нервозности, что у него, как у собаки Павлова, слюна выделяется только в привычной обстановке темного коридора? Ох, что-то я уж слишком стала злая, точнее, злоязыкая...

Может, мы слишком долго ждали этого счастья? И вот пришло к нам, наконец, позавчерашнее наше счастье, а мы сами уже стали сегодняшними!

Ксения. 1954, 8 марта

Были сегодня с Виктором в гостях у Кати с Павлом.

Маленький Павлик здорово вырос, пока еще не говорит, но сообразительный парнишка.

Я очень по маме соскучилась, да и с Катей мы давненько не виделись. Сережа совсем взрослый, посидел с нами немного для приличия и умчался. Катя говорит, что у него девушка появилась. Ну, что же: возраст такой!

Все было хорошо, но когда уже ближе к вечеру собирались сесть за стол, то Катя стала что-то резкое и обидное говорить Павлу. Виктор не сдержался и обрушился на Катю с упреками: какое она имеет право унижать человеческое достоинство Павла. Катя что-то и ему сказала неподобающее.

Виктор вообще-то человек очень выдержанный, но тут аж

взорвался. Ворвался на кухню, где мы с мамой готовили какую-то закуску, и сказал: «Собирайся, Ксения, поехали. Мне это надоело! Нельзя так измываться над человеком!»

Когда мы одевались, в прихожей появился Павел, выглядывший каким-то побитым и расстроенным. Катя осталась сидеть в комнате и к нам не вышла. Мы попрощались с ним и поехали домой.

По дороге Виктор долго молчал, и было видно, что сильно расстроен. Потом будто извиняясь за свои резкие действия, сказал мне: «Мне искренне жаль Павла. Он не плохой человек, но совсем уж бесхребетный. Ты сама видишь, что Катерина согнула его в бараний рог, он не имеет ни права голоса, ни даже права молчания! Ты меня извини: я знаю, что их с Катериной отношения меня не касаются, но сегодня я уже выдержать не смогу!»

Мария. 1954. 13 марта

У нас с Михаилом идет роман в письмах... Он буквально завалил меня своими стихами. Стихи у него отличные! Или мне это так кажется, поскольку они все обо мне и для меня?..

Присылает он мне в конверте стихотворение, никакой больше записочки, ничего. Тем не менее, у меня часто возникает желание написать ему письмо. Но что я ему напишу, кроме того, что его стихи прекрасны: что он мне очень нравится, что я думаю часто о нем? А нужно ли это ему? Кроме того, даже если я и решусь на письмо, у меня нет ни места, где бы меня никто не трогал хотя бы полчаса, ни этого самого получаса свободного времени...

А вообще-то, нет у меня сейчас настроения письма Михаилу писать: я беременна... Как я и обещала Аркадию, мы запланировали ребенка сразу после моего возвращения из Талина. Он очень уж хочет иметь «собственного сына». Ожидаю я в середине июля.

Иногда я мечтала, чтобы этот ребенок был от Михаила. Но потом одергивала себя: что за глупая фантазия? Прежде всего, откуда я взяла, что у Михаила есть что-нибудь серьезное по отношению ко мне? А во-вторых, родился бы ребенок, похожий на Михаила и ничего общего не имевший бы с Аркадием... Что я скажу Аркадию? Что мальчик похож на моего прадедушку, ну просто копия, да? Что предписано судьбой от того не убежишь...

Михаил. 1954, 7 августа

Я не удержался... Нашел повод и махнул в Каунас. Я больше так не могу. Я должен видеть Марию, поговорить с ней, услышать ее голос... Я позвонил Ларисе и сказал ей, чтобы она передала Марии, что я приезжаю в Каунас. Я знаю. Что у нее ребенок, но для меня это... Как бы это сказать? Ведь ребенок любимой женщины – от кого бы он ни был! – это продолжение любимой женщины!

Я приехал, остановился в ближайшей гостинице. И сгорая от нетерпения, бросился туда, к тому дому, где живет Мария... Я бродил, как обезумевший, по дорожкам и тропинкам около ее дома и, наконец, увидел ее, идущую с коляской. Я бросился к ней, забыв про все: про приличия, про то, что ее муж может быть рядом, про то, что нас видят другие люди. Я подбежал к ней и, даже забыв поздороваться, стал поздравлять ее с рождением ребенка. Она сказала, что это дочь. Не знаю почему, я спросил:

- Ты назвала ее Дарья?

- Да... А откуда ты знаешь? Тебе Лариса сообщила?

- Нет, нет! С Ларисой я не общался давно. Я не знаю почему, но мне показалось, что твою дочь должны звать именно Дарьей!

- Странно, Миша... Как ты угадал? Это же не такое часто употребительное имя...

- Ну, может, я просто читаю мысли на расстоянии! – Сострил я, стараясь выйти из этого положения: мне и самому стало странно.

Я заглянул в коляску и увидел совершенно изумительное дитя. Я знаю умом, что все новорожденные дети страшны до ужаса. Но этот ребенок Марии показался мне и взаправду изумительно красивым.

Мы прогулялись немного по дорожке, между домами.

Мария сказала мне:

- Михаил, у тебя, наверное, много дел в городе?..

- Нет, Мария, я приехал специально, чтобы увидеть тебя!

- Михаил, ты сходишь с ума! Ты мне очень нравишься, но у меня семья, дети... Мне самой жаль, что все так обернулось в моей жизни... Но что можно поделать?..

- Я бы не приехал, если бы смог не приехать... Но я, наверное, правда, схожу с ума. Я понимаю, что поделать ничего нельзя. Но пусть даже так, редко, на ходу, но я должен видеть тебя. Прости

меня за это...

Опять стучат, стучат колеса,
Несется поезд по Литве.
И паровозный дым белесый
В осенней курится листве.
 И паровозный дым белесый
 Течет рекою по траве.
 И первых звезд тревожных блёстки
 Навстречу мчит холодный ветер.
И первых звезд тревожных блестки,
И сумрак пожирает свет...
И тает явь. И ярче грёзы
В моей безумной голове.
 И тает явь. И ярче грёзы.
 Опять, как прежде, я в Литве.
 И вешним ветром веют грозу,
 И радость всё, и всё привет...

☆☆☆

Я вернулся в свою треклятую Ригу. Моя жизнь в очередной раз показалась мне никчемной шуткой... Я был разбит... Я устал ото всего... Мне казалось, что жить было незачем...

В тот же вечер я послал Марии свое очередное стихотворение...

Я ждал тебя всю жизнь – и долгими ночами,
И днями, полными ненужной суеты.
Я ждал тебя всю жизнь.
Душа жила в молчанье.
Жизнь таяла, как на морском песке следы...

Мария. 1954, 10 августа

Михаил продолжает писать. Теперь он присылает не только стихи, но вкладывает и небольшие записочки. Он пишет очень аккуратно, просит, чтобы я не сердилась на его настойчивую

переписку, что для него это единственная отдушина в жизни.

А стихи у него такие, что каждый раз я реву, как сумасшедшая, читая их, и Ларисе стоит немалых трудов успокоить меня.

Я всегда любила творческих людей. Внешность мужчины мне была безразлична, хотя и первый мой муж, и второй – оба с завидной внешностью и очень нравятся женщинам. Да и про Михаила другого не скажешь: он очень видный, привлекательный мужчина. Видимо, в меня просто влюбляются красивые мужики, сама-то я их не ищу. Одним словом, совсем запуталась! Хотела я сказать только одно: мне суть человека важнее, чем его облик, хотя...

Но с Михаилом мне, как это ни грустно и как это ни больно, надо кончать. Нужно, наверное, прекратить отвечать на его письма... Смогу ли я? Мне ведь и самой это жизненно нужно... Нужны его письма, его стихи, нужны эти его безумные поездки из Риги в Каунас, чтобы повидаться со мной каких-то двадцать-тридцать минут...

Михаил. 1954. 20 августа

Вот и осень... В юности меня угнетала весна, теперь все время кажется, что осень – именно эта вот осень, которая сейчас на дворе – последняя моя осень... Наверное, это ненормально. Меня же все считают таким жизнелюбом! Да и сам я о себе ныл всегда такого же мнения. Но вот теперь в голову постоянно лезут глупые, а вернее – страшные мысли... Но что с собой поделаешь?

Мысли о Марии неотрывно преследуют меня. Я стал буквально больной: я ложусь с ее именем на устах, я просыпаюсь с ее образом в глазах... Что со мной творится? Мои сверстники должны о притуплении чувств, о появлении безразличия ко многим проявлениям жизни с возрастом. А у меня всколыхнулось чувство несоизмеримое и с первой моей юношеской любовью. Меня это даже страшит: вынесу ли я этот груз, который одновременно и сладостен и непомерно тяжел?..

Осень яркой свечкой тает.

Жизнь пошла на убыль.

Потянулись к югу стаи.

Рек сомкнулись губы.

Как распятыя, сеют трепет

Леса голые стволы.

И бредут в унылом небе

Туч усталые волны.

Время жаркой свечкой тает.
Жизнь пошла на убыль
И безжалостно листает
Нелюбимых губы.

Я распят, как на Голгофе,
Стигмы кровоточат...
Твой в туманной дымке профиль
Сердце болью точит.

Мария. 1954. 15 сентября

Я нашла повод по работе поехать в Ригу. Всего на день: мой обратный поезд был вечером того же дня. Я не могла не поехать: я хотела увидеть Михаила и по-честному, глядя в его глаза, сказать о своем решении. Надо смириться с судьбой, нельзя ставить под угрозу существование семьи. То, что я не абсолютно счастлива с Аркадием, это еще не аргумент вести двойную игру, изводить Михаила, к которому я так привязалась... Что за глупые слова! Да не «привязалась»! Я его по-настоящему сильно люблю. Но, тем не менее, продолжать все это нечестно, нечестно по отношению ко всем и, в первую очередь, по отношению к Михаилу.

Я не сообщила ему заранее о своем приезде. Я фаталистка, я решила, что если я его не застану, то значит, это судьба... Тогда я напишу ему последнее, прощальное письмо... Я позвонила с вокзала из автомата. Набрала номер с беспено колотящимся сердцем. Когда я услышала голос Михаила, у меня перехватило горло каким-то нервным спазмом, и я не смогла произнести ни слова...

- Алло. Алло... Мария?.. – Почти с надеждой, как мне показалось, спросил Михаил, видимо, каким-то непонятным чутьем поняв, что это звоню я.

- Да... Это я... – Смогла, наконец, промолвить я.

- Ты приехала? – Почему-то без колебаний спросил он меня.

- Да...

- Жди меня около справочной у входа в вокзал. Я буду максимум через десять минут. - И он, не дав мне ответить, повесил трубку...

У меня было десять минут, подумать, собраться с мыслями, успокоиться. Как я все это ему скажу? Моя решительность ку-

да-то пропала. Я не могла думать ни о чем, кроме как о том, что вот-вот я его увижу...

Он приехал раньше. Я видела, как он, сунув купюру таксисту, метнулся в сторону вокзала. Я вышла ему навстречу. Он подбежал, схватил меня в охапку и закружил так, что с моей головы свалилась моя беретка. Он не поцеловал меня, хотя мне этого очень хотелось: он был слишком деликатен, чтобы целовать меня на улице, под посторонними взглядами. А зря! Ведь могли же мы быть мужем и женой для всех этих безразличных куда-то спешащих людей?

Мы пошли пешком по направлению к той организации, в которую я приехала. Это было буквально в пятнадцати минутах ходьбы.

Дело у меня было пустяковое, всего часа на два: нужно было согласовать какие-то пункты совместной работы и завизировать окончательные документы. Михаил сказал, что он подождет меня на скамеечке в парке около здания.

Когда я, наконец, вышла, было всего около полудня.

Михаил сказал, что время обедать, но если я могу еще полчаса потерпеть, то мы сможем пообедать в Юрмале в уютном ресторанчике на берегу моря. Я с радостью согласилась, и мы поехали на электричке. Я все никак не могла начать этот решающий разговор, трусливо откладывая его на потом.

Пообедали быстро, поскольку в обеденное время ресторан работал в режиме столовой – обед был хоть и комплексный, но очень вкусный. В Риге вообще с едой хорошо, мы своей родной «кое-какошной» культурой еще не испортили до конца обаяния Прибалтийских республик.

Потом мы долго ходили по берегу моря, сидели на дюнах, глядя в серое северное море. С погодой нам повезло: дождь не моросил ни разу и даже большую часть времени светило скупое рижское солнце. А я все так и не решалась начать тот разговор, ради которого, как я себя убеждала, я и приехала в Ригу. Михаил вел себя так, будто он просто наслаждается жизнью. Он был весел, ироничен и, как всегда, легок в общении. Опять он отдал инициативу в мои руки, не пытаясь ни обнять меня, ни поцеловать. И это было хорошо, ибо я была так взволнована мыслями о предстоящем разговоре и так боялась его начать.

Когда стало попрохладнее, и солнце спустилось уже довольно низко, он накинул на меня свой пиджак и предложил поехать город.

Чтобы согреться, Михаил предложил зайти в кафе «Луна» на площади Свободы рядом с «памятником свободе», как шутят латыши. Он рассказал мне, что эта стилизованная женская фигура, держащая в вытянутых вверх руках три скрепленных звезды по числу исторических латвийских провинций – Курляндии, Латгалии и Видземе, символизирует первое в истории существование независимого государства Латвия.

Мы зашли в уютное кафе, сели за маленький столик и заказали кофе и миндальные пирожные. А кофе в Риге, а особенно в этом кафе, исключительно вкусное! После кофе по телу побежали приятные теплые струйки. Момент для того разговора, который я собиралась начать, был совсем неудачный. Получилось, что я добилась прямо противоположного результата: Михаил может подумать, что я не смогла удержаться и приехала повидаться с ним... Ну, что же, в некотором смысле так оно и было!

Когда мы вышли из кафе, Михаил повел меня на площадь перед Домским собором. Михаил говорил мне как-то, что в каждом городе, где он жил, у него всегда было место, которому он как бы доверял свои самые сокровенные помыслы и мечтания. В Риге таким местом для него была эта площадь.

Все же, наконец, справившись с духом, я начала что-то говорить о неразрешимости ситуации, о сложности и двусмысленности своего положения, о том, что я много думала... Слава не складывались, речь моя была сумбурна и вряд ли понятна вообще. Я замолчала, а Михаил шел, будто погруженный в свои мысли. Мне показалось, что он понял, о чем я пыталась ему сказать...

Вот мы и вышли к собору, который появился совершенно неожиданно, когда мы вышли на площадь из какого-то кривого переулочка. Уже наступили густые сумерки, и флюгер-петушок почти сливался с темным небом. Я шла, задравши голову и глядя на купол собора, придерживая одной рукой беретку. Вдруг я споткнулась об один из камней, которыми вымощена площадь, и едва не упала. Михаил ловко подхватил меня одной рукой под локоть, а второй поймал меня за талию, не дав упасть.

Я оказалась лицом к лицу с ним... Мне ужасно хотелось, чтобы он меня поцеловал. Но он, вместо этого, будто ответил мне на те мои невысказанные сомнения:

- Мария, а почему бы тебе не выйти за меня замуж?

Он продолжал держать меня и смотрел мне прямо в глаза. И я поняла, что это не случайно выравнившиеся слова, что он и

имеет в виду, именно то, что я услышала. Я ничего не ответила, он поставил меня на ноги. Я поправила в очередной раз беретку, и мы пошли.

Это было так неожиданно! У меня мелькнуло в голове, что это, и правда, может быть выход в создавшейся ситуации. Я никогда о таком варианте и не думала. Да у меня и не было такой возможности: я не принимала всерьез ухаживаний Михаила. Я чувствовала серьезность своих чувств и опасалась этого. А Михаил... Он ведь никогда до сего дня не говорил мне о своих чувствах.

А стихи? Ну, а сколько поэтов выдумывало себе муз? Как сказал однажды мой друг, «каждому Петрарке – по Беатриче!» Но ведь ни один из изнывающих от любви поэтов не хотел бы получить мечту, воспетую в стихах, себе в руки: о чем тогда стонать? Нет, тут же подумала я, по отношению к Михаилу мой сарказм не проходит: не я для его стихов, а его стихи для меня!

Времени оставалось как раз столько, сколько было нужно для того, чтобы не спеша дойти до вокзала.

Мое желание продолжать мною начатую тему пропало.

А ответить сразу на предложение я не могла. Мы оба сделали вид, что то, что было им сказано – было сказано, но что это был не прямой вопрос, а некое вырвавшееся восклицание. Итак, неопределенность сохранилась. Ответом на вопрос Михаила могло быть только действие... Но на такое действие я была совершенно не готова.

Михаил проводил меня до моего вагона. Я села в свое купе. Он стоял на перроне около моего окна, пока поезд не тронулся медленно-медленно. Михаил шел вровень с поездом, но вот он стал отставать, отставать... И пропал... И я пропала...

Михаил. 1954, 27 августа

Этот приезд Марии в Ригу позволил мне окончательно понять, что она мне нужна, нужна, как воздух... Конечно, она приезжала именно для того, чтобы сказать мне то, что так сбивчиво пыталась выразить, когда мы шли из кафе к Домскому собору. Но ведь до этого было столько удивительных часов душевного слияния, какой-то умиротворенной духовной близости, которые просто так из жизни не выкинешь! И потом, когда у меня так неожиданно вырвалось

это мое предложение ей выйти за меня замуж, она ведь не отказалась. Мне показалось, что своим молчанием она говорила мне: «Подожди, подожди немного! Не гони лошадей!» Значит, я ошибался, когда думал, что во мне она увидела просто очередную жертву, очередного барашка для заклания в угоду своих страстей. Да и все ее поведение, даже ее редкие и скупые письма, да и сам приезд в Ригу – это подтверждение того, что у нее это была не игра, а тоже серьезное чувство!

Я нутром чувствую, что что-то в ее жизни не так. Она мечется, она в нерешительности. Ведь не случайно же она не сказала «нет». А может, все это – мои домыслы, попытки обмануть самого себя? О, если бы она решилась на этот шаг! Я понимаю, как это трудно, особенно для женщины с ее характером и с ее чувством ответственности решиться на такое... Но вдрут? Но вдрут?..

Утекают года.
Как меж пальцев вода...
Не вернуть никогда,
То, что было тогда...
Лишь вспльвут иногда
Юных лет города.
Лет летит череда,
Тают айсберги льда.
Если ты не спасешь –
На пороге беда...

Мария. 1954, 10 сентября

Что же мне делать? Я опять сидела у Ларисы и плакала, читая последнее письмо Михаила. Да он прав: на пороге беда. Что бы я ни сделала, кому-то от этого будет плохо. И я понимаю, что для Михаила эта беда будет страшней той, какая будет у Аркадия. Аркадий полон сил, уверен в себе, девочки по нему с ума сходят. Он будет, в первую очередь, уязвлен, будет нанесен удар по его мужскому самолюбию: им пренебрегли. Для Михаила же это может быть крушением его, возможно, последней надежды...

Но при чем здесь эти рассуждения о христианских состраданиях? Ведь, в конце концов, никто не женится и не выходит замуж за калек, только потому, что им плохо жить увечными! Семью нельзя строить на сострадании – это будет союз, обреченный изна-

чально на крах. Где здесь я? Кто мне дороже: Михаил или Аркадий? А если спросить саму себя честно: люблю ли я Аркадия? Смогу ли я жить с ним, постоянно думая о том, что я потеряла, отказавшись от любви Михаила?

Михаил. 1954, 21 сентября

Мария молчит. Я позвонил Ларисе. Она у нас с Марией доверенное лицо, которое знает, я думаю, больше каждого из нас, поскольку она знает все о каждом из нас. Она говорит, что Мария в подавленном состоянии, что она совсем запуталась...

Может, мне нужно прекратить все это? Один раз и навсегда: я же не христианин, для которого самоубийство грех. Если это избавление, и не только самоизбавление, но и избавление другого самого дорогого человека, то это не грех. Да и какой вообще, к чертовой матери, грех? Перед кем?

Только надо найти хороший, надежный способ. Это, конечно, не таблетки – откачают! Это не петля – вдруг оборвется! Вот дождусь очередного дежурства, получу оружие и совершу очередное должностное преступление... Только уж тогда некого будет разжаловать и сослать в очередную Кемь!

Когда осталось совсем немного,
Лишь до рассвета,
А там – дорога, одна дорога
Под стоны ветра...
А там уж скоро, совсем уж скоро
Готова плаха,
В руке жестокой трещит мой ворот...
Трещит рубаха...
Когда звездой последней тает
Ночной зенит...
И вот светает, совсем светает,
И ключ звенит...
Осталось только лишь скрипнуть двери...
Войдет палач...
И можно верить хоть миг в бессмертье
Сквозь скорбный плач.
В тот час рассветный, когда мне мерить
Жизнь на мгновенья,
Зачем храбриться и лицемерить –
Для всепрощенья?

Мне недожитого жаль до боли,
До грустной дрожи:
Не страх, не ужас – досада что ли,
Что мало прожил...
И знаю: солнце взойдет – и это
Мой путь на плаху...
И все же жду я те брызги света
Совсем без страха!

Мария. 1954. 23 сентября

Сегодня я написала Михаилу письмо. Я долго думала, потом выкроила время и пошла к Ларисе, попросила ее сварить мне кофе и не трогать меня какое-то время. Я курила сигарету за сигаретой и писала письмо.

«Дорогой Миша!

Прости, что я уже месяц не отвечаю ни на одно твоё письмо. Я много думала, много раз пыталась тебе написать, но все время была в нерешительности, правильно ли я поступаю. Но вот мои колебания окончательно завершились. Я решила покончить со своей прежней жизнью. Я ухожу от своего мужа, даже не к тебе, а просто ухожу. Он хороший и добрый человек, но я его не люблю. Что-то в нем не так. Может, он комплексует, что моложе меня? Может, он чувствует что-то и ревнует меня неизвестно к кому? Он разогнал всех моих прежних друзей: один еврей, другой пизжон, третий дурак... Мне это не нравится: я сказала: хорошо, дома они у нас бывать не будут, но я буду общаться со всеми своими друзьями, как и общалась.

Но все это, возможно, попытки объяснить себе самой, что меня в Аркадии не устраивает и даже раздражает. Дело не в этом. Я ухожу. Пойми меня правильно, я не хочу, чтобы мои дети были бы обузой для кого-то, поэтому ты свободен от каких-либо обязательств.

Если хочешь, приезжай. Поговорим серьезно. Я обещаю быть честной и искренней, какой я себя и считаю.

Мы с тобой достаточно зрелые люди, чтобы все спокойно обсудить и прийти к решению, которое будет приемлемо, если и не для всех (это невозможно), то, по крайней мере, для нас с тобой.

Мария.

Каунас, 23/IX-54».

Михаил. 1954. 27 октября

Сегодня – самый светлый день моей жизни: мы расписались с Марией!.. Все было сделано быстро: Мария развелась буквально на следующий день после письма мне, даже не дожидаясь какой-либо моей реакции. Ее муж недоумевал, что случилось? Она объяснила, что она просто решила уйти. На вопрос, к кому, она сказала, что это не имеет значения, потому что она просто уходит.

Как только я получил от Марии письмо в прошлом месяце, я тут же позвонил Ларисе и ... застал там Марию вместе с детьми – она уже уехала со своей квартиры, бросив все. Когда я спросил ее, почему же она даже не подождала моего звонка или не позвонила сама, она сказала, что для нее вопрос был решенный: во-первых, она надеялась на серьезность моего предложения, а во-вторых, у нее есть родители, которые всегда примут ее с детьми, как бы трудно это не было. Она позвонила им и рассказала про сложившуюся ситуацию. Ее мама плакала в трубку: что же за такая беспокойная у нее дочь – третий раз выходит замуж, а ведь всего-то ей тридцать с небольшим!

Мы подали заявление в ЗАГС по месту моей прописки: мне, как военному служащему, никаких препон из-за срочности брака, не ставили: никаких «испытательных сроков», никакой этой чепухи.

Когда Мария пыталась взять при переезде к Ларисе некоторые свои вещи, Аркадий повел себя не по-мужски: не разрешил ей взять из ее собственной квартиры ни коллекцию книг из серии «Всемирная литература», которую она собирала поштучно в течение многих лет, ни коллекцию картин и икон, которые оставил ей, уходя, ее первый муж...

Единственное, что он ей позволил взять, была детская стенка, но она-то как раз и не была нужна: не везти же ее с собой? Мария подарила ее своей подруге.

Когда я приехал в Каунас, чтобы забрать мою будущую новую семью, я встретился, наконец, с этой «телефонной Незнакомкой» - Ларисой и ее приятным интеллигентным мужем. Лариса с мужем устроили нам шикарный прощальный ужин. Мария сидела с Дашей на руках, Олег сидел с ней рядом. Он уже большой мальчик, ему уже около 12 лет.

Лариса, смеясь, рассказала, что в их небольшом отделе на работе произошел раскол на «тупоконечников» и «остроконечников», имея в виду две партии, описанных Свифтом в «Путешествиях Гулливера». Одни клеймили Марию за то, что она бросила молодого

го, но перспективного, поменяв его на старого, но уже кандидата. А другие говорили, что Мария не тот человек, который прельстится лишней сотней, значит, дело серьезное, и никто ей не судья.

Посидели, немножко выпили, совсем мало – чисто символически, потом все вместе поехали на вокзал. Лариса с мужем помогли нам сесть на поезд, и мы поехали в Ригу.

Уложили детей спать, закрыли дверь в купе и впервые сели рядом как два человека, решившие связать свою судьбу навсегда. Мария положила мне голову на плечо, я нежно поднял ее лицо за подбородок и тихонько поцеловал ее в губы...

- Как я устала за это время, Миша... Как я рада, что все это кончилось, что мы с тобой... Мне кажется, что сбылась, наконец, мечта моей жизни...

**О первая любовь весенняя!
О майских гроз до слёз смятение!
Когда вся жизнь еще, как вечность.
Когда бездумность и беспечность,
 Когда кричишь: «Всё иль ничто!»,
 В руке сжимая водки штоф.
И это не твоя вина,
 Что ты уж пьян и без вина.**

**И постепенно как-то это
Сползает тихо в буйство лета.
И мы всему безумно рады:
Сверканью солнца, блеску радуг
В цветах волшебных побежалости.
И рвем, и рвем цветы без жалости...
 Но я пою любовь осеннюю,
 Любовь, как будто осенение,
 Любовь, как будто озарение,
 Любовь, как будто одарение.
 Любовь не первая – последняя,
 Как днем осенним солнце летнее,**

**Когда ты ценишь каждый лучик,
Когда все понимаешь лучше:
Цену надежды и неверия...
Когда зимы уже преддверие,
Когда не думаешь, что вечен.**

**... И догорают тихо свечи...
Как короток осенний вечер!
И я пою любовь осеннюю –
Мое с Голгофы вознесение!..**

Сергея. 1954. 10 октября

Мама сказала, что отец женился на какой-то молодой женщине, чуть ли не моего возраста. Конечно, никто ему, кроме его самого, не нужен. Мама права, что ему на меня наплевать. А теперь у него еще двое новых детей, которых он усыновил от этой женщины, мне и вовсе нет места!

А эта баба хороша – нашла военного, кандидата, с квартирой... Небось, так окрутила моего отца, что тому и рыпнуться некуда. Бывают же такие хищницы!

Мною мой папочка совсем не интересуется, не пишет. Хотя и я ему не пишу. Не больно-то и нужно! Жаль, что дядя Павел такая размазня и амёба. Мне же хочется иногда пообщаться со взрослым мужчиной, посоветоваться или поделиться мнением. Ну, да что я! Ему и собственный-то сын до лампочки. Он ему не читает, не ездит с ним ни в зоопарк, ни в детское кино, а ведь Павлик уже большой, почти все говорит.

Михаил. 1954. 15 октября

Погода становится день от дня хуже. Правда, сегодня с утра выглянуло солнышко, может, в честь выходного дня. Мы быстро собрались, взяли ребят и поехали в Дзинтари. Дашу укутали получше – всё же ветерок кусачий. Олежек в новой куртке, которую ему купили для школы, выглядит уже не мальчиком, но мужем! Ему в его двенадцать вполне можно дать все пятнадцать.

Мария шла с Дашей, та, смешно топя по плотному песку, все норовила залезть ботиночком в воду. Мария ее ловила, подхватывала, поднимала в воздух, и обе заливались заразительным смехом.

Мы с Олегом шли сзади и говорили о древнегреческих мифах, которые он сейчас читает. Пришлось мне поднапрячься! Потом Олег перешел на физику, которая ему очень нравится. Пошли вопросы, которые оказались для меня более простыми, чем греческие

мифы: а откуда метр, а почему секунда, а почему вода кипит при ста градусах, а не при девяноста семи?

Рассказал я ему про Лапласа, про парижскую Палату мер и весов, про все эти логические построения: литр воды – это килограмм, в то же время это кубик с ребром длины десять сантиметров. Вот и завязались длина, вес и объем.

С секундой, минутой и часом было посложнее, потому что пришлось объяснять, что существует не только наша обычная десятичная система, что у древних шумеров была шестидесятеричная система. Пришлось начать объяснение с двоичной системы и удивить его, что когда ему будет шестнадцать лет, то в двоичной системе ему будет 10000 лет в двоичной записи, что его страшно развеселило.

И уж, по-моему, он был просто разочарован, что не вода кипит при ста градусах, а сто градусов выбраны для обозначения температуры, при которой кипит вода.

Но эта сухая лекция о метрической системе навела первый мостик в наших отношениях с Олегом. Парнишка он на редкость способный, очень напоминает мне Сережу...

Идем, идем... Замолчим. Впереди все также неутомонно Даша старается обмануть Марию и наступить башмаком на убегающую волну...

И у меня в голове опять сами собой складываются стихи. Наконец, это не стих-тоска, а нечто умиротворенное...

**Сосны, небо голубое
И песок янтарно жёлт...
Шепот тихого прибоя...
Я с тобою рядом шел.
Глаз сиянье голубое
И волос твоих янтарь...
Как одарен я судьбою,
Что иду сейчас с тобою
В голубую эту даль!**

Вечером Мария приготовила вкуснящий чай и поставила на стол гору изумительных рижских миндальных печений, которые мы купили по пути домой. Дети – раздумавшиеся, возбужденные. Дашенька что-то безумолчно тараторит на своем звонком птичьем языке.

ке. Мы с Олегом продолжаем обсуждением всяческих интересных для него проблем. Мария сидит и с неприкрытым восторгом смотрит на эту идиллическую картину. Как она умеет устраивать праздники жизни!

Сережа. 1955. 15 февраля

Сегодня произошел один из самых трагикомических дней в моей жизни: меня должны были исключить из комсомола, а в результате предложили вступить в партию... Но расскажу обо всем по порядку.

У нас в МАИ существует система шефства над младшекурсниками: наиболее активных комсомальчиков и комсодевичек курса назначают как бы «поводырями» над группами первокурсников. Я, правда, не очень понимаю, куда слепой поводырь может привести толпу слепых, но таков уж новаторский почин!

Вот и я был назначен таким «дядькой» для одной из групп первого курса. Я регулярно прихожу к первокурсникам, которых у нас зовут почему-то «козерогами», мы о чем-нибудь треплемся, иногда устраиваем нечто вроде собраний, где мне задают всякие дурацкие вопросы о жизни института, на которые я не всегда и ответить-то могу. Однажды на очередном таком собрании мне рассказывают историю, которой был возмущен весь первый курс.

Учился на курсе некто Каурый, сын Зама Председателя

Верховного Совета СССР Каурого. Иным словом, Каурый – «самый главный после Ворошилова», который является самим Председателем, то бишь, вроде Президента СССР.

Так вот, сын Каурого получил на первой же сессии три двойки на четырех экзаменах. По существовавшему положению, двух двоек было достаточно для отчисления за неуспеваемость. Однако сыну Каурого деканат разрешил пересдачу всех трех предметов, которые они за два дня и пересдал, причем на четверки, а один – даже на пятерку! Добро пожаловать, товарищ Каурый-младший!

Одновременно с ним такие же три двойки получил сын уборщицы нашего Радиотехнического корпуса МАИ. Того отчислили, не моргнув глазом.

Меня это тоже возмутило, и в очередном номере курсовой стенгазеты, редактором которой был, я поместил «Открытое письмо Заместителю Председателя Верховного Совета СССР тов. Каурому

Николаю Михайловичу».

В газету я приклеил машинописную копию, а первый экземпляр у меня хватило ума послать по адресу: «Москва, Кремль, тов. Каурому Н.М. (лично)». В письме, воздав, естественно, в начале должное «одному из выдающихся деятелей нашего государства», я, взяв быка за рога, дальше написал, что деканат и партбюро радиофакультета МАИ подрывают его, Н.М. Каурого, репутацию. Потом я описал вкратце ситуацию и закончил словами, что справедливость требует, чтобы сын уборщицы и сын Зампреда Верховного Совета имели равные права: либо оба должны были быть исключены, либо сыну уборщицы нужно разрешить пересдачу двоек, как это разрешили его сыну. Иначе, мол, в невыгодном свете ставят вас, уважаемый Николай Михайлович.

Повесил я газету утром, а уже к середине дня у нее побывали толпы студентов, включая и тех, которые учились на других факультетах в других корпусах. Не знаю, как институт, но уж наш факультет загудел. Кончилось тем, что около девяти вечера того же дня ко мне домой ввалились девчонки из группы. (А жил я рядом с институтом, минутах в десяти ходьбы.) Сказали, что меня срочно вызывают в партбюро факультета. Сознаюсь, что на душе стало мерзко, и я даже был страшно перепуган, но виду я им не подал. Я сказал им, что пошли бы они, куда подальше со своим партбюро, а я уже разделся и собираюсь спать.

Наутро вместо лекций я попал на экстренное заседание партбюро, где меня заклеили за неуважительное отношение к «выдающемуся деятелю партии и советского государства». Было объявлено, что в пятницу на открытом комсомольском собрании будет рассматриваться вопрос об исключении меня из рядов комсомола. На душе было погано... И куда лез? И кому она нужна, эта справедливость? Все это один выпендрёж – сидел бы себе и молчал в тряпочку! Из комсомола исключат, значит и из института автоматом отчислят. Жизнь сломана...

Через день на факультете появляется объявление: «В четверг состоится открытое партийное собрание. На собрании будет присутствовать тов. Каурый Н.М.» Это меня окунуло в еще большее уныние, хотя я и тут старался не подавать вида и как-то глупо хорохорился. Мне все, молча, сочувствовали...

Наступил день открытого партсобрания собрания... И вот «бурными, долго несмолкающими аплодисментами», стоя, весь зал «в едином порыве» приветствовал выдающегося деятеля партии и советского государства. У меня же, сознаюсь, в жизни еще не было более

мерзкой минуты...

Предоставили сразу же слово Н.М. Каурому. Вышел интеллигентный, усталый человек и начал сразу, взяв быка за рога, а меня, извините, за яйца: «Присутствует ли здесь товарищ Макаров?» Все замерли, затаив дыхание. Я с трудом поднялся, не чувствуя под собой ватных ног...

«Огромное вам от меня спасибо, товарищ Макаров!» Все с облегчением выдохнули разом. После небольшой паузы,

видно было, что и Каурый волнуется, он рассказал, что жена у него умерла во время войны, оставив его с двумя малыми пацанами. Сам он воевал, а определили в Нахимовское училище в Ленинграде.

- Я много упустил в воспитании своих детей. К сожалению, многие, стараясь мне помочь, оказывали медвежью услугу: покровительствовали моим сыновьям, портя их и ставя меня в неудобное положение.

Товарищ Макаров совершенно прав: отношение к студентам не должно зависеть от того, кто у них родители. Если мой сын заслуживает исключения, его нужно исключать, как и сына уборщицы. Если же моему сыну дали возможность пересдать экзамены, такая же возможность должна быть и у сына уборщицы. Но ясно одно, что то, что сделано – сделано неправильно.

Я хотел бы пожелать вам, чтобы все вы были такими же честными и принципиальными, как ваш товарищ.

Он посмотрел в мою сторону:

- Спасибо вам еще раз, товарищ Макаров.

Вот уж тут зал воистину взорвался шквалом оваций... А я подумал: «Уважаемый Николай Михайлович! Нет, дорогой Николай Михайлович! Как же вовремя вы отреагировали на мое письмо, зная наши советские порядки экстренного отсечения враждебных голов! Ведь завтра пятница, завтра уже свершился бы общественный суд надо мною. Спасибо вам, спасибо!» Но все это я произносил про себя. На кого я был в это время похож – не знаю.

Сразу после этого собрания меня окружили члены партбюро.

- Сергей, пиши заявление в партию! Ты честный, принципиальный человек! Такие нам в партии нужны!

- Подождите, завтра же меня исключают из комсомола...

- Ерунда! Какое исключение? Кого? Тебя? Ха-ха!

Пиши заявление.

- Я не чувствую себя готовым к такому шагу...

Отцепились...

Вот такие случаются метаморфозы!

Мария. 1955, 27 февраля

Я и не заметила, как Михаил смог написать докторскую диссертацию. Защитил он ее, как говорят, с блеском. Рассказывают, что у него и кандидатская была для того времени блестящей.

Банкетик очень небольшой, всего человек на двенадцать, «отгрохали» дома. Были только самые тесные его коллег по кафедре да оппоненты. Михаила после первого тоста за него, встал и произнес очень длинную и очень трогательную речь о том, что он никогда бы не только не защитился, но и не подумал бы о защите, если бы меня не было рядом с ним.

Закончил он этот тост коротким стихом в мою честь.

**Я ждал тебя всю жизнь – и долгими ночами,
И днями, полными ненужной суеты.
Я ждал тебя всю жизнь...
Душа жила в молчанье.
Жизнь таяла, как на морском песке следы...
Мой век перевали уже давно за полдень,
Но и на утро юности б его не променял.
Теперь я жаждой жизни переполнен.
И это ты,
Ты сделала таким меня!**

Все захопала в ладоши, смотрели на меня, будто видели впервые... Я же не знала, куда деть глаза, полные слез счастья, любви, признательности и много еще чего...

После этого тоста он встал еще раз и произнес тост за всех трех оппонентов, из которых, как он сказал, он бы не смог выделить самого главного. Все поняли его деликатность, поскольку все три оппонента представляли три различных научных группировки, претендовавшие на звание истинной научной школы.

Михаил. 1954, 27 февраля

Сегодня у меня была защита очередной диссертации. Если бы не Мария, я бы никогда на это не пошел: зачем? Кому это нужно? Но она, само ее присутствие рядом просто вдохновляют меня. Я не знаю, как мне благодарить ее за ту жизнь, которую она вдохнула в меня!

Потом собрали у нас дома небольшой банкетик, на котором была единственная женщина – Мария. Она была не только хозяйкой, но и признанной всеми королевой вечера. Она умело развлекала всех, переходила от одного к другому, одним словом, очаровала всех. Я был счастлив и горд.

Собрались все довольно быстро, практически все пришли прямо с заседания Ученого Совета. Мария, как только пришел последний гость, позвала всех к столу. Она у меня отличная хозяйка: всегда все убрано, в квартире красивый интерьер, а уж готовит так, что все искренне поражаются, насколько все вкусно.

Только все сели за стол, как кто-то не дожидаясь даже момента, пока все утихомирится, предложил тост за соискателя, как и полагается по негласному ритуалу. Практически сразу же, по армейскому принципу: «Интервал между первой и второй рюмками не должен превышать сорока секунд», я встал со вторым тостом. Уж я-то нарушил все правила приличия: вместо того, чтобы выпить за оппонентов, я предложил тост за Марию и закончил его заранее написанными для этой okazji стихами.

Поскольку все открыто восхищались Марией, то мое отступление от правил было прощено. Более того, все по очереди подходило к Марии и либо прикладывались к руке, либо даже целовали в щечку.

Ей вечером я написал экспромтом стих-благодарность: ну, что бы я без нее сделал?

**Февраль... А в воздухе – весна.
И мы с тобой опять без сна,
Как после длительной разлуки.
 А за окном луны блесна
 На небе ловит тучу-щуку.
От солнца по утрам капель
Последние сугробы сушит,
Как будто не февраль – апрель
Уже стучится в наши души.**

**А днем теплынь и благодать.
И птицы в звонкой перепалке
О счастье начали гадать,
Как древнеримские весталки...**

Сергея. 1955, 23 мая

Сразу после Первомайских праздников мы с Людмилой расписались. После ЗАГСа с ребятами из группы ходили в кафе, отметили этот день вкладчину: договорились, что это нам вместо свадебного подарка. Но все же кто-то вопреки уговору насобирал денег на «столовое серебро»: симпатичный набор ложек, вилок и ножей из нержавеющей стали.

Мама была категорически против моего брака: а где вы будете жить? Мне всегда казалось, что такой проблемы нет: жили же мы вшестером в двухкомнатной квартире! Но, как сказала мама, дядя Павел считает это ненормальным. В результате родители Люды приняли нас, а ведь сами жили в одной комнате в коммуналке, где обитали еще три семьи! Так и жили мы впятером в одной комнате: Людкины родители, ее сестра, которая была всего на четыре года моложе Люды, да мы с Людой.

Жизнь началась напряженная: не дай Бог, кровать подозрительно скрипнет, или дышать начнешь неровно – тут же кто-то начинает ворочаться или вздыхать, будто молчаливо намекая: нельзя ли не заниматься любовью в общей комнате?

Ну, конечно, мы по молодости находим выход и из этого трудного положения!

Михаил. 1955, 23 августа

После защиты докторской, дождавшись сорокапятилетия, я подал в отставку. К тому времени я уже имел приглашение в Ногинский Академгородок, куда меня пригласили заведовать лабораторией.

Мне очень хорошо! Я почувствовал себя настоящим мужчиной: сильным, нужным и щедрым. Моя любовь к Марии становится с каждым днем все сильнее и сильнее. Все мои чувства к ней разрастаются в страстную и ненасытную любовь. Она отвечает мне тем же. Наверное, более счастливыми, чем мы с ней, уже

быть просто невозможно. Я никогда даже не представлял, что любовь к женщине может быть одновременно и столь возвышенна и чиста, и в то же время столь опьяняюща и безудержна!

**В кружках глиняных налито
Терпкое вино...
Наше чувство в жаркий слиток
Нежно сплетено.
 В третьей кружке свечка тает
 В дымке голубой...
 Тени по стенам витают,
 Вторя нам с тобой...
Завтра будет снова вечер,
Вместе будем вновь.
Зажигать мы будем свечи,
Будем пить вино.
 Снова нам с тобою тени
 Будут отвечать.
 И, как будто бы в смятеньи,
 Задрожит свеча...**

Мария. 1955, 12 сентября

Михаил такой нежный и заботливый. Даша сразу стала называть его «папа». Олег называет его по имени-отчеству, Михаил Платонович, а не «дядя Миша». Мне Миша объяснил, что его сын, Сергей, называл его брата «дядя Павел», и после той ужасной истории, про которую он мне рассказал, его коробит подобное словосочетание.

Михаил очень переживает, что его сын почему-то не поддерживает с ним никаких связей. Поэтому мы с ним сразу же решили, Олег с Дашей будут избавлены от такой судьбы. Олег должен иметь возможность всегда видеться со своим отцом, когда бы кто из них не пожелал того. Если Олег полюбит Михаила и сблизится с ним – это хорошо, но ни в коем случае нельзя ограждать его от Владимира, не причиняя боли ни тому, ни другому. Вот Владимир зовет Олега на зимние каникулы, и мы с Мишей всячески поддерживаем эту идею. Мы с Михаилом все время говорим Сереже о Владимире только хорошее, хотя Михаил-то еще и в глаза Владимира не видел.

То же мы решили и в отношении Даши. Захочет Аркадий с ней повидаться – милости просим! Захочет ее в гости к себе пригласить – пожалуйста, правда, это только когда чуть-чуть подрастет, хотя бы лет до восьми.

Миша без ума от Дашки! Она не идет с его рук, что-то все время щебечет. Говорит она очень чудно, Миша даже стал записывать, говорит, что Даше самой будет очень интересно это прочитать лет через пятнадцать.

- А писиму ворона так громко кукушает?

- А писиму сабака лужу кушает?

- А писиму желтые листочки спать легли, а зеленые нет?

А недавно начали происходить странные вещи. Даша почему-то стала просыпаться и просить есть. Я лежу с края, чтобы легче было вставать, если Даша проснется. Она часа в три каждую ночь будит меня и просит: «Идем на кухню. Я хочу позавтракать». Я, конечно, по своей слабыхарактерности послушно брела с ней, открывала холодильник и спрашивала, чего она хочет. Поевши и разгулявшись, она иногда еще и чай просила, а потом долго не могла уgomониться. После этого ночного «завтрака» следующий день у меня был полностью сломан...

Михаил, узнав про это, лег сам с краю, и когда Даша пришла будить меня, она разбудила Михаила. Тот встал, объяснил, что мама очень устала и ей надо поспать, а он сделает все, что Даша просит. Я в это время лежала лицом к стенке и с ужасом ждала, что же будет дальше. Михаил взял Дашу на руки и понес ее в кухню. Предварительно с вечера он все убрал из холодильника в ящики стола, поэтому там было – хоть шаром покати.

Даша просит есть, а Миша показывает, что ничего нет. Она начала капризничать, но он стал ее баюкать и вскоре – о чудо! – Даша засопела, и он переложил ее в кроватку. Так продолжалось, наверное, с неделю. Михаил ходил не выспавшийся, но довольный. Потом Даша перестала просыпаться: мы победили! Собственно, не мы – Михаил, я сама никогда бы не смогла.

Михаил совсем душой оттаял... Сколькo в нем накопилось теплоты и добра за эти годы одиночества! Одно только его гнетет: он очень страдает, что Сережа не хочет с ним общаться...

Ксения. 1955. 18 сентября

Мне все время хотелось повидать Михаила, я ведь так ему благодарна за все, что он для меня сделал. Тут я от сослуживцев Виктора в каком-то случайном разговоре услышала, что Михаил переехал и живет где-то под Москвой. Я сделала запрос через Справочный стол и узнала его адрес: живет он, оказывается, в Ногинском Академгородке, телефона у него нет.

И вот в один из воскресных дней мы с Виктором отправились по адресу, надеясь, что застанем Михаила и его семью дома. Приехали, нашли дом, квартира оказалась на первом этаже. Звоним в дверь. Открывает дверь относительно молодая симпатичная женщина с приветливым взглядом.

- Здравствуйте, здесь живет Михаил Платонович Макаров?

- Да... Проходите, пожалуйста... – Сказала она, даже не спросив, кто мы.

Мы вошли, я представилась:

- Я Ксения... Не знаю, как уж представиться, кто я Мише... Кажется, это называется невесткой... Ну, я сестра его первой жены. А это мой муж Виктор...

- Да, да! Миша много о вас рассказывал. А меня зовут Мария, я Мишина жена. Миша вот-вот придет, он пошел погулять с детьми, а я вот готовлю обед.

Мария провела нас на кухню, где продолжала готовить:

- Вы уж извините, что я вас на кухню затащила. Это ведь лучше, чем сидеть одним, правда? А так мы хоть немного поговорим, а я скоро закончу, и мы пойдем в столовую. Учтите, что без обеда я вас никуда не отпущу, да и Миша с ребятами скоро уже придет.

Освободившись, Мария повела нас в общую комнату, где усадила нас на диван, дала семейный альбом с фотографиями, а сама, сев на стул рядышком давала комментарии. Вскоре раздался звонок в дверь, Мария побежала открывать.

- Мишенька, а у меня для тебя сюрприз! Угадай, кто к нам пришел?

- Неужели Валерий смог вырваться и приехал из Ленинграда?

- Нет...

- Ну, кто же? – Спросил он еще раз и вошел в комнату.

Он увидел нас с Виктором, раскрыл руки, и я с каким-то детским писком бросилась ему в объятия. Он окружил меня по комнате, потом поставил на пол и пожал руку Виктору.

- Вот радость, вот уж не ожидал!

Появились и дети, которых я сначала не заметила.

- А это Олег и Дарья, прошу любить и жаловать! С Машенькой, я вижу, вы уже и сами познакомились... Ну, что, Маша, зовешь к столу?

После обеда Миша предложил мне «прогуляться». Я поняла, что у него есть разговор, который он не хотел бы вести при всех.

- Ксеничка, ты видишь, что живу я хорошо, жена у меня умница и красавица, ее детей я люблю, как своих... Но меня угнетает, что у меня нет никаких контактов с моим собственным сыном... Я много ему писал, но ни разу не получил ответа. Я понимаю, что Сережа оказался в очень сложном положении.

Он может не понимать до конца ситуации и, во всем происшедшем у нас с Катериной обвинять меня. Может, его против меня как-то восстановили, не знаю.

Он замолчал. Было видно, что он говорит о давно наболевшем, но, тем не менее, не может найти слов.

- Ксения! Скажи ему, что я очень его люблю, что я вовсе не обижаюсь на его молчание. Я очень хочу его видеть. Дай ему мой адрес. Если он захочет меня повидать, я буду безмерно рад. Он же взрослый. Если у него и были в детстве какие-то необоснованные обиды на меня, пусть простит мне и забудет... Я его очень люблю... Сделаешь? Поговоришь с ним?

Я едва сдерживала слезы, только кивнула головой. Я сразу поняла, что Катерина каким-то образом мешала контактам сына с отцом.

Мы вернулись. Потом мы посидели с Виктором еще часа полтора и заторопились домой, объяснив, что обратный путь у нас не близок. Ждать автобуса, который не так уж регулярно ходит, потом ехать на метро с двумя пересадками на Ярославский вокзал, да и оттуда – не ближний свет!

Михаил извинившись, убежал куда-то, вскоре вернулся и ска-

зал:

- Наш институтский шофер добросит вас прямо до Ярославского вокзала. Не беспокойтесь, я с ним обо всем договорился. Он даже рад, что ему подвернулся такой случай.

Виктор в смущении пытался дать какие-то деньги для шофера, но Михаил с улыбкой похлопал его по спине и сказал, что вот приедут они к нам в гости в Чкаловскую, тогда распорядиться всем будет Виктор.

Мы сели в машину и поехали. На душе у меня было празднично: наконец-то я повидалась с Мишей! Теперь мы будем видеться с ним часто, я уверена.

Михаил. 1955. 7 октября

У нас сегодня с Марией юбилей: два года со дня нашей свадьбы. Мы погоревали немного, что до «серебряной» ждать долго, а уж про «золотую» и мечтать нечего. Но тут я вспомнил своего отца и рассказал, как они с моей мамой отмечали день свадьбы ежемесячно.

Марии эта идея ужасно понравилась. А я тут же ей сообщил, что, кстати, седьмого ноября этого года, т.е. ровно через месяц по нашему «новому календарю» будет как раз наша «серебряная» свадьба – двадцать пять месяцев!

Прочитал я ей стихотворение, которое я написал к годовщине нашей свадьбы:

Синь озёр в твоих глазах...
 И копна волос – пшеницей ...
 Лет семнадцать, так, назад
 На тебе бы мне жениться!
 Сколько тел промчалось зря
 В полумраке без тебя!
 Но, в конце концов, заря
 В грань оконного стекла
 Жаркой радугой втекла,
 Осветила всё и вся,
 Закрутила коромыслом...
 В душу, где огонь иссяк,
 Ты, тепло своё внеся,
 Поселила жизнь со смыслом...

Ей понравилось, но она очень уместно заметила, что «лет семнадцать назад» как раз ничего бы и не вышло: было ей тогда всего шестнадцать лет!

Сережа. 1955. 8 ноября

Недавно, когда мы с Людкой ходили в гости к моей маме, мы встретились там с Ксенией. Я ее очень люблю и хотя она мне формально «тетя», я зову ее по имени: да и старше меня она всего на одиннадцать лет: я воспринимаю ее, как свою старшую сестру. Она отозвала меня в сторонку, дала мне свернутую записочку и сказала, чтобы я ее развернул, когда мы с Людой поедем домой. Я так и сделал.

В записке было написано:

«Сережа!

Я виделась с твоим Папой. Он очень по тебе скучает и очень хочет тебя видеть. Он сказал мне, что очень расстроен, что ты ни разу за последние годы не ответил ни на одно его письмо. Он боится, что его письма до тебя не доходили.

Ты должен навестить его и наладить нормальные отношения. Твой отец – замечательный человек. Мы все ему обязаны по гроб жизни. Он тебя очень любит.

Его жену зовут Мария. У нее сын Олег, которому уже двенадцать лет, и двухлетняя дочка Даша.

Его адрес: Ногинский Академгородок, Березовая аллея, дом 11, кв. 7. Городского телефона у него нет. Сначала напиши письмо и сговоришься с ним о дне визита. Но можешь приехать и без звонка, как сделали мы с Виктором: у них всегда кто-нибудь дома, а твой папа может быть только на работе, откуда он может прийти фразу же.

К».

Она почему-то всегда подписывается «Кс», хотя имя не такое уж и длинное. Бабушка рассказывала, кто мой дед, Арсений, называл ее маленькую «котенок» и звал ее к себе: «Кс-кс!». Может, поэтому?

И вот сегодня, в праздничный день, я часа в три приехал к отцу – без звонка, без писем, просто так, как мне и посоветовала Ксения. Когда я позвонил, дверь мне открыла молодая красивая

женщина, которая вполне подходила под мамино определение «хищницы». Она довольно приветливо пригласила меня пройти в квартиру, представившись «Мария». Я сказал, что я Сергей, сын Михаила Платоновича. Мне показалось, что она то ли смутилась, то ли обрадовалась, но на лице ее появилась приветливая улыбка: «Вот досада! Михаила Платоновича срочно вызвали на работу: там какие-то нелады с экспериментом... Но он очень скоро придет!»

Я аккуратно, уголок глаза изучал новую жену отца. Ей нельзя было отказать в определенной красоте. Возраста она была примерно такого же, что и наша Ксения. Но предубеждение мое по отношению к ней было настолько сильно, что я почти злобно подумал про отца: женился на женщине, которая ему в дочери годится!

Мария сказала, что ей нужно разогреть обед к приходу моего отца и, извинившись, пошла на кухню. В это время в комнату влетела маленькая девчушка с радостными криками и улыбкой до ушей:

- А я знаю, кто ты! – Сказала она мне. – Ты, навелное, мой новый бвятик! А я твоя сествичка. Меня зовут Дафа. Мне папа пво тебя гоолил.

- Здравствуй, Дарья! Ну, что будем дружить?

- Давай! Я люблю двузниця. – И она шустро забралась мне на колени и обняла меня за шею.

Из кухни вернулась Мария:

- Ну, и моего участия в вашем знакомстве оказалось ненужным. – С улыбкой сказала она. – А попозже придет мой сын, Олег. За ним зашли его школьные друзья, и они куда-то умчались. Я думаю, вы и с ним подружитесь.

- Боюсь, что сегодня это не удастся, – сказал я, - завтра рабочий день, и я должен быть дома пораньше. Ну, да в следующий раз мы с ним обязательно познакомимся, если он не успеет прийти до моего отъезда.

Мы говорили о каких-то пустяках, Мария держалась очень непринужденно, дружелюбно. Спустя буквально минут двадцать, в дверном замке забарахтался ключ, и вошел папа. Я вскочил и бросился к нему. Мы обнялись. У меня глаза налились невольными слезами. Мы молча простояли, обнявшись, уж не знаю и сколько времени. Потом папа сказал:

- Как же я рад, что мы снова вместе!..

Голос у него срывался. Я почувствовал, что он тоже готов разрыдаться от счастья... Такая уж у нас макаронная порода: от горя и от боли не плачем, а от радости – сразу глаза на мокром месте!

Только тогда я обратил внимание, что Мария, забрав Дашу, деликатно ушла, оставив нас одних. Во мне впервые проснулось смутное чувство благодарности к ней.

Спустя какое-то время на столе появились тарелки, и Мария разлила в них душистый, блестящий звездочками масла борщ. За обедом папа уговорил Марию принести припасенную по такому случаю бутылку коньяка. Тут я вспомнил мамини слова о том, что мой отец алкоголик...

Налили по рюмочке. Папа встал, потом сел, сказав, что в семейном кругу можно произнести тост и сидя. Было видно, что он очень волнуется. Он долго молчал, то ли выбирая слова, то ли оттого, что не мог от волнения начать говорить. Наконец, он сказал очень коротко:

- Я счастлив, что мы, наконец, вместе...

На этом «алкогольная часть» обеда была завершена. Мы продолжили обед. Папа подробно расспрашивал меня про мою семью, про работу, но ни разу не спросил о маме.

После обеда папа показывал фотографии, которые он делал в Прибалтике. Кроме Риги, где я был однажды у него в гостях, я больше нигде в Прибалтике не был, поэтому с интересом рассматривал фотографии Таллина и Каунаса. Я отметил:

- Пап, у тебя прекрасные художественные фотографии. Они профессионально сделаны!

- Вы правы, Сережа... – Заметила Мария. - Я давно советую Михаилу Платоновичу начать рисовать: у него такой тонкий вкус, он так любит живопись, особенно импрессионистов. Почему бы ни попробовать? Так, для себя... А вы рисуете? – Спросила она меня.

- Когда-то папа устроил меня к учителю рисования, но я быстро бросил – глупый был. А вот теперь очень хочется попробовать!

- Я уверена, что у вас у обоих должно хорошо получиться! Сережа, почему бы вам с папой как-нибудь не порисовать на природе? У нас тут прекрасные Левитановские места. Даже вид прямо с нашей лоджии изумительный – берёзы, берёзы, берёзы...

После обеда мы посидели немного, поговорили о живописи

и поэзии. Мария восхищалась стихами моего отца, как мне показалось, вполне искренне. Стало уже резко темнеть, я заторопился домой. Папа сказал, что проводит меня до автобусной остановки. Мария, держа Дарью на руках, напоследок сказала:

- Сережа, приезжайте к нам еще, и жену свою привозите. Приезжайте в любое время и с ночевкой. Но уж непременно приезжайте на Новый Год. У нас тут изумительно!

Я поблагодарил ее и обещал приехать. Когда мы уже были в дверях, Дарья вдруг разревелась, спрашивая Марино, почему я не хочу жить с ней... Папа успокоил ее, сказав, что скоро я опять приеду, и буду гостить дольше.

Папа мне сказал, что он очень переживал все эти годы из-за того, что между нами не было совершенно никаких контактов. Он рассказал, как Ксения разыскала его, и как он попросил ее быть «парламентером».

До меня многое стало постепенно доходить. Одно сомнение порождало другое. Я начал прозревать... Мне стало горько, что мама меня обманывала. Зачем? Ведь я ее стал бы любить еще больше, если бы она не мешала общению моему с отцом! Эх, мама, мама!.. Что ж ты наделала? Ты лишила меня и отца радости общения в течение стольких лет...

Мария. 1955. 9 ноября

Приезжал Сережа... Славный мальчик, хотя сначала чувствовал себя не совсем в своей тарелке. Ну, да это понятно, столько лет не видеть отца!

Он так на меня недружелюбно посмотрел в первый момент, что я поняла, что он прошел через все испытания «психологической войны». Надо будет завоевать его сердце, размягчить, рассказать ему, какой у него замечательный отец.

А как счастлив Михаил! Он буквально светится радостью. Он ведь так ждал этой первой встречи и очень переживал. Но я уверена, что все наладится! Да что я говорю! Уже и так все прекрасно: отец обрел сына, и сын обрел отца – это настоящий праздник.

Я вот только никак не могу понять, зачем Екатерине нужно было все это делать? Сохранить сына? Ну, а разве сейчас она не ставит под угрозу свои отношения с Сережей? Дай-то Бог, чтобы у него не ожесточилось против нее сердце: ведь мать есть мать, никто никогда ему ее не заменит...

Сергей. 1956. 1 января

На празднование Нового года к папе мы с Людой приехали с утра 31-го числа. Опять дверь открыла приветливо улыбающаяся Мария:

- Проходите, проходите! Милости прошу! Михаил Платонович вот-вот придет: он побежал в институтский распределитель за полагающимся «новогодним пайком» – дефицитное шампанское, копченая колбаса, сыр и еще какая-то невидаль...

Они познакомились с Людой. Мы разделись и прошли в комнату. Скоро в дверь кто-то забарабанил ногой.

- Это мои дети пришли с гулянья! – сказала Мария и побежала открывать дверь.

В двери появился высокий симпатичный парень, а с ним снежный ком, который топал ножками и радостно верещал. Мария отряхнула Дарью, стряхнула веником снег с валенок, раздела ее, и та, разгоряченная с малиново-красными щеками, с криком: «Селёза!» бросилась ко мне. Я подхватил и закружил ее по комнате так, что валенки разлетелись в разные стороны под ее пронзительный хохот. Потом она с любопытством подошла к Люде:

- Здавствуй! – Сказала она. – А ты кто?

- Я жена Сергея, Люда...

- Знасит, моя новая сествителька?

Мы, засмеявшись, согласились. Тут подошел Олег, и мы с ним по-мужски крепко пожали друг другу руки. Красивый, высокий для своих лет парень, с добрыми ироничными глазами.

Некоторое время спустя, появился и папа с грудой пакетов в руках. Он проскользнул на кухню, оставил там все пакеты и, не раздеваясь, подошел к нам с Людой.

- Значит, вы – Люда? А я Михаил Платонович. Остальные все уже знакомы.

Только после этого он подошел ко мне и крепко-крепко меня обнял. У меня опять навернулись слёзы радости, но я, конечно, сдержался. Сегодня было гораздо проще это сделать, чем в первый раз.

Опять был обед, опять на столе появилась бутылка армянского коньяка, в которой я узнал ту самую, недопитую на Октябре-

ские праздники бутылку. «Вот так алкоголик!» - Подумал я про себя.

Налили рюмки. Опять папа произнес тост. На этот раз он встал, окинул всех нас взглядом и опять очень коротко, как всегда сказал:

- Провозглашаю этот тост за воссоединение моей семьи, нет, *нашей* семьи!

У всех невольно заблестели повлажневшие глаза.

А Даша, сидевшая на коленях у Марии, захлопала в ладошки и громко закричала: «Ув-в-а-а-а!»

После обеда все занялись своими делами: папе, как всегда, нужно было что-то срочно напечатать, Сережа побежал к друзьям по соседству, Люда с Дарьей вешали на елку последние еще не повешенные игрушки. А мы с Марией пошли на кухню покурить, закрыв дверь, чтобы дым не шел в комнаты.

Мария очень много меня расспрашивала про мою жизнь, про Люду, про Людиных родителей, про то, как мы с Людой познакомились. Мои ответы она выслушивала внимательно, понимающе кивая головой. Сказала, что ей очень понравилась Ксения, что они почувствовали сразу же симпатию друг к другу. Но при этом не было ни одного скользкого вопроса, ни одного комментария по поводу старой жизни папы. Мне это очень понравилось. Образ «хищницы» растаял в моем сознании полностью...

Мы закурили по второй сигарете. В это время в стекле кухонной двери показался папа. Я помахал ему рукой и показал сначала пальцем на часы, а потом растопырил пятерню. Он понял, что минут через пять мы придем. Мы продолжили наш разговор. Я себя чувствовал очень комфортно. Мария вызывала у меня все больше и больше симпатий. Я начал понимать, почему ее выбрал папа.

Потом мы встретили Новый год, шепотом прокричали «ура» после боя курантов, чтобы не разбудить Дашу, которая совсем недавно только утомилась. Легли мы где-то коло двух. Олег уступил нам с Людой свою комнату, а сам устроился на диване в столовой.

Хорошо, все-таки, иметь большую квартиру!

Когда мы легли, Люда сказала мне:

- Хороший у тебя папа! И мачеха у тебя неплохая...

- Ну, какая она мне мачеха? Она уж по возрасту скорее старшая сестра. Да и ведет она себя без всякого выпендрежа...

- А как же так вышло, что ты не получил от отца ни одного письма за все эти годы? Кто мог это сделать? И главное – зачем?

- Кто, кто... Дед Пихто! Давай спать.

Михаил. 1956, 21 января

Сегодня день рождения Марии. Даже трудно поверить, что мы женаты всего два с небольшим года! Столько событий, столько переживаний, что, кажется, что мы живем друг с другом целую жизнь. Все, что было до Марии, было будто не со мной.

Конечно, умом я не простил двойного предательства Павла и Катерины, но это теперь где-то далеко, и совсем меня не волнует. Я только иногда с ужасом представляю, а что было бы со мной, если бы не Мария? Собственно, что значит, «что было бы»? Да ничего не было бы, меня не было бы, вот, что было бы!

Сегодня я принес огромный букет белых роз. Я знаю, что Мария очень любит цветы, а особенно розы. И это теперь у нас традиция: каждый день ее рождения – букет белых роз, хотя среди зимы найти такое и невероятно трудно – только у заезжих кавказцев, которые и сами-то, по-моему, перекупают их в подмосковных оранжереях. А каждое седьмое число – в день «микро-юбилея» нашей свадьбы – тоже букетик, хотя и поскромнее.

**Минуты высших наслаждений
Ты каждый вечер даришь мне
И на стене мелькают тени,
Как крылья бабочек в огне.**

**И мы горим и не сгораем,
Чтоб завтра снова жить, горя...
Адам и Ева скучным раем
Пренебрегли совсем не зря!**

Павел. 1956, 18 июля

Мы втроем – Катя, Павлик и я – отдыхаем на Кавказе.

Елена Степановна не в лучшей форме, поэтому мы попросили ее сестру Прасковью приехать на время нашего отпуска из За-волжска.

Сергей на все лето командирован в Ленинград: там идут испытания какой-то военной системы, которую разрабатывают в почтовом ящике, где он работает. Поэтому Люда жила летом у нас, поскольку она была в декретном отпуске: у нас телефон, так что, если понадобится – всегда можно позвонить.

И вот вчера я зашел на почту, как всегда, идя с пляжа. Катя с Павликом пошли домой. Получаю срочную телеграмму от Люды:

«ЕЛЕНА СТЕПАНОВНА СКОНЧАЛАСЬ СЕГОДНЯ ТЧК ПОХОРОНЫ ЧЕРЕЗ ДВА ДНЯ ТЧК ЛЮДА».

Я долго колебался, не решаясь показать телеграмму Кате. Конечно, мать – это мать, но мы всего провели десять дней на юге. За жилье уплачено вперед.

Я решил сказать Катерине о телеграмме завтра утром. Но с утра сегодня я не решился, а опять зайдя на почту, сделал вид, что только-только получил телеграмму.

Катя заплакала, сказала, что надо ехать в Москву. Но потом вдруг сказала:

- Но чем мы можем помочь? Да и билеты поменять трудно – телеграмма-то не официальная. Да я и все равно уже не успеваю на похороны... Как-то все глупо... Я же ведь тетю Пану из Заволжска специально вызвала, да и Люда там... Может, Сережу вызовут из Ленинграда... А ты, Павел, что думаешь?

- Я не знаю... Но телеграмму мы получили. Нужно что-то решать и сообщить в Москву, едем или нет.

- Ну, телеграмма могла и не придти, или ее могли не в тот ящик на почте положить... Не на ту букву, например...

- Значит, молчим, как будто ничего не знаем, да?

- Ну, а что ты предлагаешь?

- Катя, я не знаю. Это твоя мать, тебе и решать...

И вот опять обман... Как я устал чувствовать этот постоянный гнет неправды, как он мешает жить!

Сережа. 1956. 21 июля

Вчера после работы я получил телеграмму от Люды о том, что умерла моя бабушка – мой самый близкий человек на Земле...

Я тут же помчался на Московский вокзал, купил билет на «Красную стрелу». С билетами в день отъезда было туто, пришлось впервые в жизни купить билет в «буржуйский» СВ. А на вечер у меня был давно уже куплен билет в Ленинградскую филармонию на «Реквием» Моцарта.

После суеты с билетом на Москву, до меня только уже в зале филармонии дошло, какая трагедия произошла в моей жизни: я потерял человека, которого любил больше всех в моей жизни. Бабушка была мне самым близким человеком. Она много мне рассказывала о своей жизни, беседа всегда, как со взрослым. От нее я узнал массу библейских притч, она воспитала во мне христианский дух, хотя я так никогда и не смог принять идею Христа как Божьего сына – это всегда казалось мне нарочито притянутым за уши. Она и сама верила в Бога своеобразно: она относилась к Богу как к высшей силе, которая творит не только добро людям, но и много зла. Она приводила примеры этой несправедливости Божьей, который забрал преждевременно ее мужа, был так несправедлив к родителям моего отца. Но при этом она говорила мне: «Но то, что творит Бог – это на его совести. А ты, несмотря ни на что, должен творить добро. Бери пример со своего отца: он хоть и неверующий, но истинный христианин». Так я и не понял, зачем же нужен Бог, если ты сам решаешь, что надо творить добро и любить ближних. Разве это не есть естественный закон нормального человеческого общежития?

Одним словом, бабушка моя была человеком, который учил меня добру и любви к ближнему.

Я сидел в полумраке зала, все эти воспоминания проносились передо мной, музыка надрывно рыдала, и я беззвучно плакал вместе с ней. Слезы стекали по моим щекам. Руки были сцеплены до боли...

Из Филармонии я по Невскому пошел на вокзал.

Время еще было. Был теплый июльский вечер, который своим ветром ласкал и пытался меня утешить... В голове продолжали звучать пронзающие душу Моцартовы звуки...

Сегодня, когда я приехал домой, дверь мне открыл Гурий Владимирович Ласточкин, единственный, которого смогла разыскать Люда по телефону. В плотно зашторенной комнате молча сидели у открытого гроба Люда и Прасковья Степановна. Откуда-то лилась тихая всепроникающая музыка. Оказывается Гурий, ожидая меня, поставил «Реквиемом». Я подумал: что за сверхъестественное совпадение?.. Не знаю...

К концу дня приехали и Ксения с Виктором. Телефона у них не было, а срочную телеграмму от Люды они получили только вчера вечером.

Гурий отозвался на Людин звонок сразу же и еще вчера вечером, бросив все, примчался. Он успокоил Люду и отослал ее на время похорон к родителям: не дай Бог переживания спровоцируют преждевременные роды. Оставив с покойницей тетю Пану, сам он окунулся с головой в похоронные дела. Когда наступила ночь, он послал тетю Пану отдыхать в другую комнату, а сам сел около гроба и при свечах просидел всю ночь.

Вот и сегодня я едва уговорил его хоть немного отдохнуть после тяжелого дня и бессонной ночи. Он долго сопротивлялся, но как только сел в кресло – заставить его лечь было невозможно – тут же уснул глубоким сном праведника.

Наступила моя пора ночного бдения. Ксения с Виктором тоже присоединились ко мне. Ксения все время тихонько плакала, а Виктор, обняв ее за плечи, беззвучно ее успокаивал...

Катерина. 1957. 1 января

Вот и очередной Новый год наступил... Провели мы его с Павлом вдвоем, если не считать Павлика. Друзей у Павла на работе практически нет, хотя относятся к нему сослуживцы неплохо. С соседями контакты как-то не наладились. Только Сергей с Людой забежали где-то пол-одинадцатого на десять минут, выпили с нами по бокалу шампанского за уходящий год и помчались справлять Новый год со своими институтскими друзьями.

Сереза с Людой после рождения дочки живут у ее родителей. Люда, было, заикнулась, что, может, после смерти мамы они смогут остаться у нас, но я была категорически против: ведь когда-то и нам с Павлом пожить надо одним! Я прямо так ей и сказала. На следующий же день, когда я вернулась из магазина, то нашла записочку от Сергея:

«Спасибо за все. Не смеем более мешать своим присутствием. С.»

Конечно, как-то плохо все получилось, но они молодые, им проще – у них все утрясется!

Люда тут однажды проговорила, что они с Серезей довольно часто ездят к Михаилу. Я знаю, что у него молодая жена, го-

ворят красивая и с хорошим характером. А чего ей быть с плохим характером? С двумя детьми, ни кола, и двора, а подцепила такого мужика! Да она на него молиться должна – вот тебе, откуда и хороший характер!

И вот сидим мы с Павлом за кое-как накрытым праздничным столом, хотя стол ломится от всяческой снеди. Вот уже по телевизору показывают Спасскую башню... «С Новым годом, дорогие товарищи! С новым счастьем!»

Ну, а как насчет старого счастья? Было ли оно? Я всю жизнь металась в поиске этого счастья, думая, что вот-вот это счастье и вырастет, как гриб после дождя... Но вот уже сорок шесть... Больше того, что имею, уже больше не получу от жизни. Настала пора терять, а не находить. А много ли я имею? Счастлива ли я?

Да какой смысл задавать себе все эти вопросы? Надо жить! Я получила, наконец, к чему стремилась в молодости. То это или нето, к чему я рвалась – какая теперь разница: время вспять не повернуть...

Сережа. 1957, 30 августа

Моей дочке, Свете, исполнился годик. Мы сейчас с нейодни: Люда загремела в туберкулёзный санаторий в Аразиндо, в бывший царский дворец, построенный для одного из наследников, страдавших чахоткой. Врачи сказали, что это надолго, может быть, месяца на три.

Живем мы все там же, у Людиных родителей: на тамошних восемнадцати квадратных метрах появился еще один жилец – наша дочка. Можно было бы, вроде, рассчитывать на расширение и получение маленькой квартирки, но по иронии судьбы, в очередь на улучшение жилищных условий ставят только тех, у кого меньше трех квадратных метров на человека, а у нас площадь 18,3 на шесть человек! Какие-то сотые доли мешают...

Жизнь у меня не из легких: утром надо Свету отвезти в ясли, после работы забрать, потом нянькаться, читать книжки... Конечно, без тещи я бы, наверное, не выжил: она и готовит, и стирает, и со Светкой много времени проводит...

На беду, в яслях Света подцепила стоматит: болезнь весьма неприятная. Участковая врачиха выписала «синьку» - противный кристаллический порошок ядовито ультрамаринового цвета. Дать такую

гадость собственному ребенку, не испробовав его на себе, я не имел никакого морального права. Рассудив, что моя доза должна быть раз в пять выше, чем детская, я проглотил пять порошков. Губы, язык у меня стали темно синими, зубы – голубыми, но жив остался. На работе надо мной потешались, но к самому факту жертвенного эксперимента отнеслись с уважением и интересом.

Вечером в кухне меня случайно встретила соседка и попросила больше не выливать чернила в унитаз, поскольку они оставляют плохо смываемые синие следы... Я страшно смутился и объяснил, что я не выливаю чернила, а... пишу ими. Действительно, после моего эксперимента с глотанием порошка я дня два писал темно синими чернилами, которыми хоть авторучку заправляй!

Соседка безудержно хохотала аж до слез... Вот так мы и живем: трудно, но весело!

Михаил. 1957, 23 октября

Мы живем уже почти три года в Ногинском Академгородке. Мне нравится работа здесь: в спокойном академическом ритме мы решаем интересные и полезные для промышленности проблемы. Мне даже нравится, что мы живем не в самой Москва, а в городке-спутнике. Даже улица у нас называется «Березовая аллея»... Квартира наша на первом этаже, но это даже хорошо: перед окнами нашей квартиры Мария устроила настоящий цветник: здесь есть все – и кусты шиповника, которые служат одновременно живой колючей оградой от незваных гостей, и многолетние и однолетние цветы, и аккуратненькая травка, как на английском газончике. Только-только сошли хризантемы, хотя и не без помощи «пиратов», вторгшихся в наши владения за соблазнительными осенними цветами. А по весне у нас расцветают и маки, и анютины глазки, и всевозможные маргаритки...

Одним словом, живем мы, как в раю, не хватает только Древа познания, но оно нам и не нужно: Адам с Евой давным-давно съели свое яблоко!

Я никогда не думал, что возможен такой необычный сплав небесной светлой любви и простой земной радости плоти. Теперь я понимаю, что одно без другого, по меньшей мере, убого!

**Луна. Цветы. Мерцанье свеч.
Твои глаза... Твои ланиты...
И волосы твои обвиты
Вокруг твоих покатых плеч.**

Мерцанье свеч. Цветы. Луна.
И рук волнующих извивы.
И в темноте едва видна
Ты вся изгибом дивной ивы...
Луна. Мерцанье свеч. Цветы.
Ланиты, волосы и плечи...
Всё в этом мире – только ты!
И пусть всю ночь пылают свечи!

Сережа. 1957. 20 октября

Сегодня я со Светланой пошел к своему школьному другу, Лене в тот самый дом, где и я когда-то жил. Иду я по лестнице на третий этаж, несу Свету на руках, и вдруг... Навстречу мне спускается Алла!

Я, как всегда, застыл, как вкопанный, сердце мое заколотилось почти так же, как в давние детские годы! И опять я бы так и не вымолвил слова, если бы не она.

- Здравствуй, Сережа! Это твоя дочка такая большая?

- Да, Алла, ей уже годик.

- Как ее зовут?

- Светлана...

- Красивое имя... А какая симпатюшечка!

- А у тебя, я слышал, сын уже большой, ему около пяти?

- Да, пять с половиной... Ну, я бегу! Мне нужно очень многое успеть сделать. Очень было приятно тебя встретить,

Сережа. Пока!

- До свиданья, Алла!

Вот тут я понял, что не зря говорят «Первая любовь не ржавеет»: столько лет прошло, а в груди еще смятение живет! А Алла – молодец! Она повела себя так, будто мы всю жизнь были самыми лучшими друзьями и не виделись каких-нибудь пару недель! А может, тогда, в далеком-далеком детстве, мне не казалось, что между нами натянута какая-то ниточка, а может, она действительно была?..

Михаил. 1959, 18 августа

Сергея со своими приехал сегодня на мой день рождения: сегодня вторник, поэтому они с Людой ушли с полдня с работы, а на завтра взяли отгул. Мария испекла традиционный яблочный пирог – она восстановила старую семейную традицию семьи Макаровых, за что я ей бесконечно благодарен.

Собственно, она все делает так, что у меня постоянно поддерживается повышенное настроение. Я обо всем этом рассказал Сереже с Людой, что им очень понравилось: они тоже решили завести какие-нибудь свои традиции. Тогда Мария рассказала им о том, что мы с ней каждое седьмое число отмечаем «месячину» нашей свадьбы. Это вообще привело ребят в восторг.

С легкой руки Марии, мы с Сережей начали рисовать. Он, правда, когда-то еще в школе учился частным образом у учителя рисования, но дальше этого не пошло. Нужно сказать, что те уроки не прошли все же даром: у Сергея хорошая композиция рисунка, умело подобранная цветовая гамма, поставлена рука. Я же леплю все, как попало, по наитию.

Спасает общая культура и любовь к импрессионистам: много насмотрелся, что-то запало в память, но вот техники явно не хватает, поэтому я обычно предпочитаю копировать, а не рисовать с натуры.

Когда Сергей приезжает, мы уходим из дома где-нибудь перед обедом часа на два порисовать, а в основном, чтобы пообщаться, поговорить по душам. Так же было и сегодня.

Мы опять рисовали «на пленэре»: вдаль через речку виднелась убогая подмосковная деревенька. А у меня почему-то перед глазами всплыл образ одной из картин моего любимого Мориса Вламинка, которая мне нравится больше всего: броские красные крыши под тревожным свинцовым небом... Я рисовал, а в голове слагались стихи.

**Вьется дорога.
В небе душно.
Тревога!.. Тревога
Закралась в душу...
Рвутся деревья
Ветвями все выше.
Вдали – деревня
С красными крышами.**

**Незряче, слепо
Свинцовое небо.
Лишь света полоска
Надеждою броской...**

Сережа. 1959, 18 августа

Сегодня мы втроем, Люда, Света и я, поехали к папе на день рождения. Свете уже около трех. Они очень интересно общаются с Дашей, которой уже почти шесть лет. Света бегаёт за Дашей хвостом, слушается ее, как старшую, а может, даже еще лучше. Мария смотрит на них со свойственным, наверное, только женщинам, умилением. Она часто играет с ними, а Свету она покорила своим вниманием и лаской: как только та появляется в доме, Мария хватается ее за руки, кружит по комнате, целует в животик, чем вызывает приступы звонкого безудержного хихиканья Светы.

Когда Даша увидела Свету первый раз, то спросила Марию: «Это моя новая сестренка?» Мария сказала, что Света моя дочь, а поэтому она Дашина племянница. Даше долго объясняли, что это значит. Выслушав все, в конце концов, она заявила: «Не хочу, чтобы Света была племянница. Пусть будет моя сестренка!» На этом все и договорились.

Я с каждым визитом к отцу все больше и больше не понимаю, зачем мама пыталась оторгнуть меня от него. Ведь я не стал бы ее любить меньше, если бы общался все это время со своим отцом. А так, когда я понял, что она делала, у меня возникает только чувство горечи...

Как благодарен я Ксении за то, что она вернула мне папу!

Как-то Люда по простоте душевной стала рассказывать папе что-то про мою маму. Он при всей своей деликатности прервал ее: «Я ничего не хочу слышать об этой женщине...» Я его хорошо понимаю, хотя для меня мать есть мать! Я люблю маму и многое ей прощаю, даже то, что она сделала по отношению ко мне, пытаясь разлучить меня с моим отцом.

Она хотела заменить его суррогатным отцом в лице дяди Павла, чтобы потом счастливо жить в этом фальшивом выдуманном мире... Мне порой становится ее даже жалко: ведь все, что она делает, показывает, что она глубоко несчастный человек, хотя сама себе

никогда в этом не признается. А может, это такая форма счастья? Кто знает, что такое счастье? Оно ведь у каждого свое!

Часа за три до обеда мы с папой пошли порисовать вдвоем. Мы так делаем почти каждый раз, когда я приезжаю, потому что есть вещи, о которых мы не можем говорить, не будучи одни. Спасибо Марии: это была ее идея сделать из нас «художников». Ясно, что художники мы никакие, но порисовать для души приятно.

Обычно мы вспоминаем разные смешные эпизоды из прошлой жизни, когда я был еще маленьким. Но сегодня он заговорил о другом. Он сказал, что ему нравятся наши дружеские и очень теплые отношения между мной и Марией. А потом рассказал, что она фактически спасла его в очень трудный момент его жизни, когда он почувствовал непереносимую тяжесть одиночества и никчемность жизни:

- Я был на грани отчаяния. Жена меня предала с моим родным братом... И ты молчал, не отвечал на мои письма. Это было тройное предательство... Именно в этот трудный период своей жизни я встретил Марию и полюбил ее, хотя она была замужем. Я догадывался, что ее личная жизнь не совсем благополучна, но мы просто вели переписку, которая поддерживала во мне хоть какое-то желание жить.

Но потом я понял, что остался один на один с жизнью, которая не нужна ни мне, никому. Я ждал очередного дежурства по училищу, чтобы совершить последнее в своей жизни должностное преступление... Ты же знаешь, за что меня уволили из Военно-воздушной академии? Там я нарушил армейский устав, напившись пьяным при исполнении обязанностей. Сейчас я говорю о другом виде преступления: я хотел воспользоваться огнестрельным оружием, чтобы свести счеты с жизнью...

Я принял твердое решение, но тут на следующий день пришло письмо от Марии, в котором она написала, что развелась с мужем... Она так и не знает об этом! Я не хочу ей об этом говорить: у нее такая тонкая, я бы даже сказал хрупкая структура психики, что я боюсь, что она будет слишком сильно переживать за прошлое! Ее начнет мучить мысль, а что могло бы произойти, напиши она письмо, скажем, на три дня позже?

Она, например, до сих пор без содрогания не может вспомнить о том, как однажды Олег чуть не попал под поезд. Это было лет десять назад, а у нее и теперь глаза наливается слезами, когда она вспоминает этот эпизод. И мне стоит больших усилий успокоить ее.

Мы стояли с папой на берегу речушки, какого-то притока Пахры, и рисовали подмосковную деревеньку, разбросавшуюся на другом берегу. Погода была немного пасмурная, моя палитра была подстать серому небу и блеклым краскам. Когда мы кончили рисовать и собрались домой, я посмотрел на картину папы: у него было нарисовано тревожное небо, затянутое тучами, которых на самом-то деле, когда мы рисовали, и не было, а крыши домов были пунцово-красные, будто черепичные, а не унылые серые...

Я подумал: а может, так и надо рисовать? Рисовать не то, что видишь, а то, что чувствуешь в данный момент? А может, дело не только в этом: ведь мой отец пишет стихи, а это означает определенный склад души.

Михаил. 1960, 18 августа

У меня сегодня юбилей – мне пятьдесят лет. Пятьдесят лет, а жизнь только началась! Сегодня опять собрались всей семьей: Мария с Дашенькой, Сережа с Людой и Светой. И Олег приехал из Ленинграда, где он учится в Техноложке. Приехала и Ксения с Виктором, но они рано уехали, поскольку завтра рабочий день, а им добираться – к черту на рога.

Олег приехал к нам на неделю. Он сейчас живет в Ленинграде у своего отца, который оказался очень порядочным и глубоко интеллигентным человеком. Мы познакомились с ним, когда Олег еще жил с нами, и тот приехал навестить своего сына.

И вот сегодня опять все в сборе! И главное – Мария рядом, согревающая своей любовью мою душу.

Воистину жизнь у меня счастливая и полнокровная, какую я бы хотел пожелать всем-всем!

**Я постепенно утопаю в счастье...
Писать стихи нет видимых причин.
Я стал к весне как будто бы причастен,
Ответствен стал за то, куда бегут ручьи,
Как светит солнце, набухают почки,
Щебечут птицы, и цветут цветы...
За то, чтоб ты меня любила очень,
Так, как любить умешь только ты...**

Серезжа. 1960, 2 сентября

Сегодня я опять поехал к Лёне и около дома встретил Аллу, шедшую с намотанной на руку авоськой – наверное, за хлебом. Она шла, глубоко задумавшись, никого и ничего не замечая вокруг. Я не стал отрывать ее от ее мыслей своим здоровканьем.

Лёню я не застал, поэтому опять вышел на улицу и стал прогуливаться вдоль дома. Варуг я увидел Аллу опять, входящей в дом, действительно, с парой батонов в авоське. Она быстро скрылась за дверью подъезда.

Тут во мне проснулась решимость: если она варуг выйдет еще раз, то – поклялся я себе торжественно – я подойду к ней и заговорю! (И все это происходило примерно так же, как тогда, 17 лет назад, когда я впервые увидел ее на той же лестнице!)

Я решил подождать десять минут. Они истекли... Я продлил себе срок ожидания еще на десять минут, потом еще... И – о чудо! – она вышла! Я смело, как и обещал себе, подошел и сказал: «Здравствуй, Алла...» – «Здравствуй, Серезжа...» Все произошло опять как-то просто и естественно, как в тот последний раз, когда я повстречал ее на лестнице со

Светой на руках. Алла как-то очень добро посмотрела на меня, будто и сама давным-давно ждала этой встречи. А может, мне и показалось... Ведь чего только не привидится, если этого очень сильно пожелать!

- Ты куда-нибудь по делу? – Спросил я.

- Да нет. Просто прогуляться...

- Может, пойдем в Петровский парк?

- С удовольствием! Это как раз по пути к моему дому... Я ведь живу в «генеральском» доме со вторым своим мужем. А сюда я приходила навестить свою маму.

Мы шли рядом, не касаясь друг друга, и говорили, говорили, в первый раз в жизни по-настоящему говорили! Она расспросила меня о моем житье-бытье, потом рассказала мне про свою жизнь... Жизнь у нее, по ее словам, вроде бы и во второй раз не очень складывалась...

- А ты знаешь, Алла, ведь я был в тебя безумно влюблен, когда мы учились в школе!

- А что ж ты ни разу даже никакого знака не подавал? Ведь ты

мне тоже очень нравился. Но ты был такой закрытый...

- Я помню, как я первый раз увидел тебя...

- И я помню: я бежала домой, а ты спускался по лестнице вниз...

- Не может быть! Ты помнишь это?!

- Что значит «не может быть»? Если было, то «может быть». – С иронической улыбкой заметила она.

- Значит, ты помнишь и тот «ручеек»?

- Конечно! Я тогда решилась и выбирала тебя три раза подряд.

- А потом... – Начал я.

- Да, а потом Петровская аллея... Ты что думаешь, если бы не ты был тогда с Юркой Малышевым, пошла бы я с ним?

Вот так мы с великим опозданием объяснились друг другу в любви... Я довел Аллу до ее дома. Я подал ей руку, она протянула свою, но потом вдруг порывисто обняла меня и чмокнула в щеку, а потом так же резко повернулась и побежала в свой подъезд. Открывая входную дверь, она обернулась и помахала мне рукой. Мне показалось, что глаза ее налились невольными слезами. У меня тоже зачесалась переносица, сердце как-то тревожно защемило. Я почему-то подумал, что вижу Аллу последний раз...

Я очень благодарен ей (да и себе тоже!), что мы не обменялись телефонами, не условились о следующей встрече.

Пусть сохранится эта первая любовь чистым и незапятнанным цветком, о котором всегда можно будет вспоминать с теплой и светлой грустью.

Катерина. 1962. 15 сентября

Мне уже пятьдесят... Можно сказать, что жизнь прошла. Что я в жизни видела? Вся жизнь была ожиданием какого-то «завтра». И вот «завтра» сбылось... Павел – верный муж. Без каких-либо пороков – ни курит, ни пьет, безропотно все выполняет, о чем бы я его ни попросила. Казалось бы, чего же больше? Но потерялось что-то, что склеивало нас в те далекие тридцатые... Та его пылкость, которая и меня зажигала, у него прошла. Впрочем, пылкость – удел зеленой молодости!

Живет Павел, будто отрешенный от реальной жизни. С Павликом он тоже не проявляет каких-то пылких чувств, какие бывают обычно к детям. Павлику ведь уже десять, ему нужен отец-партнер, который и посоветует, что надо, и поможет в трудную минуту.

Сереза к нам часто заходит с Людой и Светой. Девчонка – очарование. Иногда я даже думаю, что лучше бы у меня вторым ребенком была бы дочь, а не сын. Девочки мягче, они больше тянутся к матерям. Света вон совсем еще малышка, а как к нам приходит, все норовит меня чем-нибудь занять. Даже зовет меня «Мама-Катя».

Сереза по-прежнему ласков ко мне, но стоит спросить хоть слово про Михаила, замыкается и отвечает: «Мам, давай не будем об этом». Совсем душой к отцу приклеился.

Иногда удается с Людой поговорить, она по простодушию своему многое рассказывает: и что Мария очень добрая и очень любит Серезу, и что Сереза очень любит своих сводных сестру и брата, и что Михаил с женой часто бывают у них в гостях.

Говорила еще, что Ксения с Виктором часто у Михаила бывают. К нам Виктор приходит не любит, мы с ним все время цапаемся: сует он нос не в свои дела. Видите ли, я с Павлом плохо общаюсь.

Одна у меня отрада – Павлик, но он весь в отца, такой же тихий и молчун, живет, как на расстоянии: общается с друзьями, но их к нам не водит. Приходит после школы, уроки тят-ляп – и во двор гулять допоздна.

Хотела бы я с Михаилом повидаться, интересно, как он живет... Ведь столько лет прошло, мог бы меня и простить, мог бы и наладить нормальные отношения. Павлу бы я все объяснила... Да и не обязательно его и посвящать во все детали моей жизни!

А ведь я его и на самом деле любила, Михаил-то. Иногда и вспоминаю о нем со странным чувством чего-то несвершившегося в моей жизни.

Но, видимо, все это невозможно: сама в свое время все напроць отрубила... Может, зря?

Михаил. 1964. 5 сентября

Сегодня был на защите кандидатской диссертации Сергея. Выступал он блестяще, хотя, возможно, мое суждение и при-

страстно. Одно то, что у него оба оппонента были доктора, говорит о качестве работы, причем один из них – известный математик академик Владимир Борисович Вороной.

Конечно, Сергей волновался, но на все вопросы отвечал уверенно и четко. Оппоненты выступили очень кратко, отметив, что работа у них не вызывает никаких сомнений, а число публикаций превышает все обычные стандарты: у Сергея уже опубликовано около двадцати пяти статей и даже одна монография. Голосование было единогласным.

Потом был скромный банкет, на котором был только узкий круг его коллег. Но что было приятно, оба оппонента пришли и даже сказали несколько приятных тостов. Меня поздравляли с «таким замечательным сыном». Ну что ж, я – и правда – им горжусь.

Когда кто-то произнес тост в мою честь, я ответил алаверды, рассказав, как Сергей в детстве сделал свою первую «научную работу», изрезав два тома Брэма. Все долго смеялись, а академик Вороной даже заметил, что в таком случае «научный стаж» у Сергея всего на пять лет меньше, чем у него.

После банкета я поехал ночевать к Сергею, чтобы не тащить в Академгородок ночью. Решили, что в ближайшее воскресенье Сергей со всей своей семьей приедет к нам, и мы отметим это событие в семейном кругу.

Сережа. 1967, 4 декабря

Сегодня у меня огромное событие: родился сын, Игорь.

Отвез я Люду с утра в роддом, а сам помчался на работу – у нас проходит конференция молодых специалистов нашего «ящика», я же – Председатель Совета молодых специалистов, а по-сему должен открыть и вести ее работу. К Люде я намеревался поехать сразу же после работы.

Вот веду я конференцию, проходит несколько докладов. На первом ряду сидит наш директор – академик Сергей Владимирович Семенов. Все идет – лучше некуда. Вдруг к моему председательскому столу подходит мой друг и сотрудник моего отдела Феликс Фишман и шепотом на ухо сообщает, что звонили из роддома по просьбе Люды, что у меня родился сын. Я на радостях похлопал Феликса по спине. В это время Сергей Владимирович, который обладает феноменальной памятью и помнит чуть ли не всех сотрудников предприятия по имени (а их у нас несколько тысяч), говорит:

- Феликс, что ты там с Сергеем шепчешься? Это нехорошо! Скажи-ка всем нам.

- Сергей Владимирович, у Сергея родился сын...

- Ну, что ж товарищи, – сказал директор, – поздравим Сергея Макарова с сыном. Я думаю, что ему нужно срочно ехать в роддом забирать жену. А уж конференцию я закончу за него сам. Надеюсь, что у меня это получится, хотя, возможно, и с меньшим успехом, чем у Сергея Макарова.

Я помчался в роддом. Счастливая, хотя и уставшая от родов, Люда подошла к окну на втором этаже и в форточку прокричала мне, что выпишут ее не раньше, чем завтра утром. Тут подошла медсестра и, отругав Люду, закрыла форточку.

Я еще несколько минут видел Люду через проталинку в окне, но потом ее, видно, и оттуда прогнали. Я поехал домой и почему-то без всяких раздумий придумал сыну имя – Игорь. Не знаю почему, мне это имя всегда нравилось. Хотя, впрочем, скорее всего потому, что имя это было еще с детства и меня на слуху: опера «Князь Игорь» была любимой у моего папы.

Михаил. 1968. 15 мая

Что-то стал я довольно часто чувствовать странное недомогание: ни с того, ни с сего наваливается усталость, появляется одышка. Начал заниматься дыхательной гимнастикой йогов, вроде, помогает. Но мне говорят, что такая самостоятельность опасна, может породить какую-нибудь новую болезнь. На это у меня свой ответ: самая неизлечимая болезнь – это жизнь: сколько не лечись, все равно помрешь!

Но пока со здоровьем – тьфу-тьфу! – кроме этого, все нормально. Вон мой дед прожил почти до девяноста лет, а прадед так чуть ли не за сотню перевалил! Только отцу чекисты укоротили жизнь лет на пятьдесят...

Ну, да Бог не выдаст, свинья не съест! К тому же Бога нет, а свиней кормят комбикормами, чтобы на людей не покушались!

**По ладони земли, как по линии жизни,
Нас морщина дороги ведёт в никуда.
Мы становимся хуже, глупее, капризней,
И все туже сжимает болезней удав.**

**Впереди остается не так уж и много:
Жизни треть или четверть, а может, и день.
Все равно мы не можем представить иного:
Жизнь – огонь. А не прошлого тень!**

**И как птица, подбитая пулей неметкой,
Мы надрывно летим всё вперед и вперед...
И ни галльской, ни шведской душе,
ни немецкой
Не понять, почему нас ничто не берёт!**

Сергея. 1970, 18 августа

Папе сегодня исполнилось шестьдесят лет. Он, как всегда, заводной, жизнерадостный, веселый. Он так кипит энергией, что иной тридцатилетний ему позавидует! Мы опять приехали всей семьей. Приехали к обеду, а в семь ожидаются гости, вернее, папа снял столовую под импровизированный банкет.

Я советовался с Марией, что бы подарить папе. Она сказала:

-Сергея, подари отцу какую-нибудь свою новую книгу, он будет безумно счастлив.

- Знаешь, Мария, а это прекрасная идея! У меня сейчас как раз вышел перевод одной из книг в США и мне прислали авторский экземпляр!

Мы с Марией лет пять назад как-то неожиданно перешли «на ты». Я во время одного из наших ставших традиционными посиделок на кухне с сигаретами, оговорился, обратившись к ней: «Ну, Ксения, понимаешь...» Тут я осёкся, а Мария на это засмеялась и ответила, что хоть она и не Ксения, но ей тоже будет проще общаться со мной «на ты». Мне сначала переход «на ты» давался нелегко, но при всеобщей поддержке я освоился. А так и действительно проще!

Когда я вручил папе книгу, зайдя к нему в кабинет, он меня поздравил и поблагодарил за подарок. Потом прочитал мое посвящение: «Дорогому Папе. С любовью и бесконечной благодарностью за все, что ты для меня сделал в жизни. Сергей. 18/VIII-70». После этого он сказал:

- Давай разыграем с тобой спектакль: когда все соберутся в

столовой на наш банкет, подари мне эту книгу еще раз. Сделаем вид, что того, что было сейчас, не было вообще, хорошо? Ведь и Марии, и Люде, и Свете будет приятно, что ты у меня такой!

В нашу шутку была посвящена только Мария, которой папина выдумка понравилась.

На самом банкете мне дали тост первому. Я решил, что нужно процесс сделать более интересным, рассказал историю про написание папой кандидатской диссертации и одновременное кромсание мною «Жизни животных» Брэма для своей «Энциклопедии животных». (Конечно, это был плагиат: папа использовал эту же тему на банкете по случаю моей защиты кандидатской, но никто, кроме нас с ним, об этом не знал.) Вспомнил, как папа сказал, глядя на изрезанные книги, что наука требует жертв. Когда все насмеялись вдоволь, я преподнес папе американское издание своей книги, и мы трижды по-русски расцеловались под общие аплодисменты.

Потом были другие тосты за именинника, другие памятные подарки.

Но гвоздем программы был, конечно, папин ответный шуточный стихотворный тост «философского содержания», как он сам сказал.

Михаил. 1970, 18 августа

Мне исполнилось шестьдесят. Почему отмечают юбилей? Вот мне мой научный руководитель по кандидатской, академик Харкевич прислал сегодня чудную телеграмму:

ПОЗДРАВЛЯЮ ТЧК СОБОЛЕЗНУЮ ТЧК ЕЩЕ РАЗ
ПОЗДРАВЛЯЮ ТЧК ЕЩЕ РАЗ СОБОЛЕХНУЮ ТЧК ВАШ ХАР-
КЕВИЧ ТЧК

Лучше не скажешь!

Но, тем не менее, собралась вся честна компания: костяк моей лаборатории, некоторые близкие коллеги из академического института, ну, и, конечно же, свои: приехали к нам с Марией Сережа с Людой, Светой и уже трехлетним Игорем, Олег со своей женой, Ксения с Виктором и Леночкой. По такому поводу пришлось на вечер снять институтскую столовую. Шеф-поваром была, конечно, Мария, ей помогали Люда, Ксения и Жанна, жена Олега.

Сотрудники лаборатории выпустили фотомонтаж-коллаж

под названием «Куда наш Макар телят гонял». Внизу во всю длину этой стенгазеты был написан лозунг «Сто лят!»

Я про весь этот заговор и не знал, а Мария, оказывается, была в курсе дел: она даже снабдила ребят из моей лаборатории моими детскими и юношескими фотографиями. Увеличенные вдвое-втрое фотографии заполнили огромный клеенный лист размером, наверное, в пять ватманских листов! Были там и старые, еще дореволюционные фотографии моих родителей, и моя фотография времен учебы в академии в Ленинграде. Тут уж все потешались: «Михаил Платонович, а у вас, оказывается, раньше волосы на голове росли!» Потом были фотографии из Монголии, с Халхин-Гола, фотографии в бытность мою преподавателем в Военно-воздушной академии и в Рижском авиационном училище. Могу сознаться, что мне и самому было интересно попутешествовать во времени.

Потом сели за стол и начались тосты за меня, с пожеланиями здоровья и долгих лет жизни. Я был готов к алаверды, заготовив заранее юмористическое стихотворение:

Кругооборот козлов в природе

С возрастом козлам приходят мысли
о бренности бытия...

А. Шопэнгауер

**Маленький козлик скачет по травке.
Старый козел почивает в канавке.
Над ним, растопырив от злости глаза,
Стоит, негодуя, коза-дереза.
Очень уж зла
На мужа-козла:**

**В доме все пусто,
Ни листочка капусты,
Хлеба ни крошки!
А у козлят уже режутся рожки...**

**А юный козлик
Прыгает возле,
Собирает розочки
Для молоденькой козочки.**

А козочка аж млеет
И все бле-е-ет,
 бле-е-ет,
 бле-е-ет...

Ну, не коза,
А коза-егоза!

.....

... Старый козлище
Давно на кладбище.
С ним и коза,
Что была дереза.

Бурно пожили –
Мирно почили...
Мир да совет –
Тот еще свет!

Бывший юнец пообрюзг, поустал.
Любит подрыхнуть в тенистых кустах.

А где же коза,
Что была егоза?
Оттянуто вымя
Детями малыми.
Усталость в глазах
Да колтун в волосах...

Маленький козлик стал уж большой.
Козочек любит козиной душой.
Ясно, что с такими рогами
Козлику тесно в плену моногамии!

.....

И новый козленок скачет по травам!
Им, молодым, не жалеть по потравам.
Рад он цветочку, листочку и травке...
Но ждет его место в знакомой канавке...

Все посмеялись, и только один из сотрудников заметил: «А все это, конечно, грустно...» Я вообще-то был согласен с ним, но пришлось отшутиться, что каждому свое: одному по травке скакать, а второму уже в тенечке дрыхнуть, это совершенно естественно.

Времена года: СТАРОСТЬ

Всему приходит свой черед. Все, что зацветает, должно отцвести. Отцветший цветок дает плод. Плод созревает и падает на землю, чтобы потом дать начало новой жизни. И вот все засыпает, засыпает надолго, до пробуждения, до начала новой жизни...

Всякая весна приводит, в конце концов, к зиме, которая хоронит под своим белым саваном все то, что буйствовало цветением по весне, что потом звенело мириадами кузнечиков и цикад летом, что прельщало глаз своими пышными нарядами осенью... И так год за годом, жизнь за жизнью: старое уходит, давая место под солнцем новому, молодому, жадному до жизни.

Но и в зимнем успокоении есть своя задумчивая прелесть. Белый пух девственно чистых снежинок после ночного снегопада покрывает все вокруг – крыши домов, голые ветви деревьев, вчера еще блестящую зеркальным льдом реку.

Солнце светит своим холодным зимним светом через толщу низких зимних облаков. Да, нет вокруг ярких красок, все почти монохромно, как на картинах Питера Брейгеля Старшего: изломанные, как в страданиях, черные руки деревьев, воздетые в белесое небо, да белая бесконечность земного заснеженного пространства...

И музыка Вивальди светло и почти беззвучно струится в отдыхающем мозгу. Будто растекается она по окружающим полям и лесам, и поет она о том, что и зима – продолжение жизни, что нескончаемо бытие под небесами...

А бывает, что вдруг задует нудный и сильный ветрило и примется сыпать тебе в лицо колючую порошу, от которой индевеют брови и ресницы, а щеки покалывает, будто маленькими электрическими искрочками. Но и эта благодать Божья не обходится без подарков: иногда и солнышко пробивается, небо голубеет, становится светлее и веселее на душе. И если застыть на месте, вставши где-нибудь на защищенном от ветерка месте, то начинает постепенно пригревать. Вроде зима тебе показывает, что и она не только стужей ледяной богата, но и тепло у нее свое есть, только найти его, может, не все могут, да и тем, кто его находит, оно не всегда всем дается.

Но проходит, проходит зима... И жизнь проходит... Да, поди, уж почти прошла... Но на душе нет горечи или страха. Жизнь прожита интересная, полнокровная, в добре и любви. И не страшна смерть... К тому же сейчас-то все еще жизнь! Да разве и можно не жить, будучи живым? Если ты никогда не нес радости другим, не любил их, не дарил им свое тепло –

был ли ты жив? И разве бессмертие наше не в той памяти, которая остается у наших близких о нас? Разве не в той нашей фантомной любви наше бессмертие, в любви, которая продолжает согревать наших близких даже после того, как огонь любви физически загаснет с ушедшим человеком?

А там растут дети, внуки... Может, до правнуков и не дотянуть, но знаю, будет еще много весен, будет много радости. Пусть не у меня, но у тех, кого я люблю – моих детей и внуков, родственников и друзей – всех тех, чьей жизнью буду я жить до последнего своего дыхания...

**Да, цвела весна рассветом,
Но прошло, прошло всё это...
Жило в пышных красках лета,
Но прошло, прошло всё это...
Лист осенний гнало ветром,
Но прошло, прошло и это...
Зимний сумрак... Мрак без света...
Но пройдет, пройдет и это...
В этом мире все не вечно.
Только время бесконечно.**

Михаил. 1970. 8 ноября

Уж не помню, почему возник у нас сегодня разговор с Сережей о вере, о религии. Я вспомнил свою маму, глубоко верующего человека. Вспомнил также и глубоко верующего отца. Потом вспомнил, как несмотря буквально на святость моих родителей, Бог – если он есть – не удосужился их защитить от революционного произвола. Сказал, что именно тогда я решил, что если Бог есть, то мне такой Бог не нужен, а если нет, то зачем в него верить? Для себя я решил, что мой Бог – это мой отец. Когда мне трудно, я мысленно обращаюсь к нему за советом, беседую с ним, и в этой беседе нахожу ответы на свои вопросы. Я понимаю, что я просто рассуждаю в форме диалога, но сам по себе образ моего отца помогает мне своей добротой и своей любовью ко мне.

Я прочитал Сереже стих, который был написан мною в один из моментов размышлений о жизни, о совести и о Боге.

Своей души открою двери:

Я сам, признаюсь, в Бога верю.
Есть у меня мой личный Бог,
Который в жизни мне помог.

Он помогал, что было сил
И жертв дурацких не просил.
И совесть у него чиста –
Меня избавил от креста,

И сына не велел заклать,
Не слал жену в ломбард заклать.
Вот я какого Бога сын!
И я скажу – сей Бог един:

Со мной вошел он в этот свет,
И вместе наш исчезнет след...
Он Бог-Отец и Дух Святой,
А я же – Божий сын простой!

И мой пророк – не протокольный.
Он – просто мой Учитель школьный.
Второй Учитель и Пророк –
Тот, кто мне стать, кем стал, помог.

☆☆☆

Встав у церковного порога,
Как на распутии дорог,
Сыщи ты собственного Бога.
Он лучше, чем церковный Бог!
А впрочем, разве дело в вере?
Будь человеком, а не зверем.

С крестом ты, или без креста,
Но совесть быть должна чиста.
А коль душа твоя убога,
То много ль смысла в вере в Бога?

Твори добро, люби людей,
Не будь в плену дурных идей,
Душой будь светел, как кристалл,
И можешь не носить креста!

Сережа. 1974, 24 августа

Сегодня ходил с Игорем записывать его в школу. Поскольку школа около нашего дома с каким-то там уклоном, то для первоклашек устроили «собеседование». Чего только не понапридумают наши горячие головы из сферы школьного образования!

Я рассказал Игорю, что главное на собеседовании – это ошеломить экзаменаторов скоростью и неожиданностью ответов. Я даже в упрощенном варианте рассказал ему, как сам держал собеседование в МАИ.

В коридоре толпились будущие ученики с родителями. Вот дошла очередь и до нас: пригласили в класс, где сидела комиссия из трех человек. «Вот людям делать нечего в субботу!» - Подумал я. И вот из-за учительского стола пошла вопросы:

- Как твоя фамилия, мальчик?

- Макаров...

- А как тебя зовут?

- Игорь...

- А уменьшительное имя у тебя есть?

Игорь посмотрел вопросительно на меня, но я и не подал виду комиссии, что собираюсь помогать сыну. Дело в том, что у нас в семье как-то не в ходу уменьшительные имена.

- Егорий! – Вдруг выпалил Игорь. Я оценил, что он хорошо усвоил мой урок.

- А как твое отчество?

- Платонович! – Уже не задумываясь, брякнул он.

Молодец, подумал я: неверно, но быстро!

- Так, ну, а теперь тебе простая задачка: У тебя три курицы. Сколько будет в каждой части, если разделить на два?

Игорь не на шутку задумался... Я уже начал про себя ругать его последними детскими ругательными словами: мы же с ним делили и на три, и на пять, и на десять числа аж до тридцати... Он же все знает! Почему молчит? О чем тут думать? В этот момент Игорь спросил:

- А они варёные или живые?

- Ну, Егорий, какая разница? - Спросила одна из чересчур ум-

ных тётъ.

- Если они живые, то будет две и одна...

Все экзаменаторы засмеялись, а я подумал про себя: вот ведь молодец! Сам дошел до целочисленной Диофантовой арифметики. А эти глупо захохотавшие бабы, возможно о Диофанте и слыхом не слыхивали!

Михаил. 1974, 2 сентября

Вчера варут случился со мной острый сердечный приступ, сказали микроинфаркт. Мария без паники вызвала неотложку, и через десять минут я уже был в реанимационной академического госпиталя. Нужно сказать, что психика у Марии устроена удивительнейшим образом: она теряется при малейших неудачах, может переживать о давно минувших событиях, но зато когда дело касается серьезного инцидента, она принимает решения, как Наполеон на поле боя – быстро, решительно и главное – правильно.

В реанимации порядки строгие, Марию пустили ко мне всего минут на пять, да и то не дальше двери. Но зато уже сегодня, когда меня перевели в обычную палату, она пришла и сидела минут сорок, пока ее почти силком не вывели от меня. Она держится стойко, ободряет меня, а вот я впервые, когда она ушла, кончил хорохориться: звоночек прозвенел. А мне так хочется жить!

Дни идут, семена:

Утро. Поддень да вечер...

Каждый день для меня –

Это лишь ожидание встречи,

Открывается дверь. Без халата,

По-домашнемуходишь ты,

Озаряя светом палату.

Эта явь – лучше всякой мечты!

Я касаюсь тебя рукой,

Говорю какую-то чушь...

Время мчится бурной рекой,

А я, чтоб медленнее, хочу!

Но секунды слагают часы.

За окном проступает мгла.

Вижу – капельки, будто росы –

На глаза твои влага легла.

**Я бодрюсь. Говорю: «Пока!
У тебя еще много дел!»
Из сердца рвется тоска:
Я не то ведь сказать хотел.**

☆☆☆

**Затишают за дверью шаги.
Тишина наступает, звеня.
И секунду, как злые враги,
Начинают пытать меня.**

**Изнурительна каждая ночь...
Бесконечно длинны вечера...
Я сегодня жаду *завтра* точь-в-точь,
Как *сегодня* я ждал вчера...**

Мария. 1975. 3 августа

Вчера Михану опять было плохо. Опять сердце...

Опять неотложка. Сергей по каким-то своим каналам устроил отца в правительственный госпиталь. Говорят, там плохо все, кроме хирургии. А хирургия на высшем уровне, особенно с операциями на сердце – там работает лучший в Союзе кардиохирург.

Была сегодня с утра в госпитале. После операции Михаил лежал в реанимационном отделении. Меня пустили посмотреть одним глазком: в правительственном госпитале порядки помягче, чем в обычном. Зрелище было ужасное: в рядок, на высоких койках, разделенных занавесями от потолка до пола, лежали буквально трупы, опутанные проводами и трубочками. Над каждым капельница, около каждой кровати столик с какой-то аппаратурой. Все одинаково бледные, лиц не видно из-за кислородных масок...

С трудом узнала в одном из них Михаила. Хирург сказал, что операция прошла успешно, несмотря на «уже далеко не юношеский возраст пациента», как он выразился. Обещают уже вечером перевести в отдельную палату, где я его смогу навещать.

Мне его так жалко! Но расклеиваться нельзя. Врач сказал, что главное послеоперационное лечение – это хорошее настроение и жажда жизни. Настроение попытаемся создать: все от мала до ве-

лика рвутся его навестить, предупрежу, чтобы ходили, прочно надев на лица улыбки! Ну, а насчет жажды жизни – этого Михаилу не занимать.

Михаил. 1975. 5 августа

После операции дела явно пошли на поправку. Даже аппетит появился. Боль конечно жуткая: будто кто топором рубанул, как при разделке туши.

Представляю, как измучилась со мной Мария! Она по два раза на день навещает меня, если бы не она, не знаю, как бы и выжил. К тому же она работает диспетчером: ко мне, как по графику, приходят мои дорогие «посетители»: и Сережа с Игорем были, и Светлана приходила – какая она уже взрослая! Даже Олег нашел время приехать по каким-то якобы делам на день из Ленинграда, чтобы навестить меня. Были и Ксения с Виктором.

Да с такой командой мне ничего больше и не остается, как безоговорочно поправиться!

Госпиталь, в котором я лежу, находится в Москве, недалеко от того места, где живет Сергей с Людой. Они настояли, чтобы Мария с Дашей это время жили у них, чтобы Мария не моталась каждый день из Ногинского Академгородка. Ну, да скоро меня обещают уже и выписать: врачи очень довольны моим состоянием.

Начал опять писать стихи. Стараюсь писать пободрее и с юмором, но, по-моему, какую-то тревогу за ерничаньем скрыть не удастся. Однако Мария, прочитав, сказала, чтобы я показал свой стих и другим. Все, действительно, улыбались, когда читали. Правда, у меня подозрение, что это их Мария обрабатывает. Ведь не зря же говорят, что оптимист – это хорошо инструкторованный пессимист! Одним словом, все, как партия велела!

**Не раздастся стон
Из сомкнутых губ...
И последний стон
Будет серо-туп...
 Это будет... Будет?!
 Но еще не пора!
А пока разбудит
Яркий луч с утра.**

А пока в палате,
 В проводах, как в змеях...
 Врач торчит в халате,
 Жизнь на пульсы меря...
 Кровь течет по шприцу...
 Монитор в зигзагах...
 Мне б слегка побриться –
 Да листок бумаги!
 Напишу о вечном,
 Тайн сорвав покровы:
 О себе увечном,
 И о вас, здоровых!

Мария. 1975. 7 августа

У нас с Михаилом сегодня очередная «ежемесячная годовщина» нашей свадьбы. Получилось так, что в этот день я впервые принесла ему цветы, его любимые нарциссы. Он был просто счастлив!

Спустя какое-то время в палату вошла медсестра, принеся небольшой букет прекрасных белых роз в какой-то импровизированной вазочке, и вручила цветы мне. Я была очень тронута тем, что Миша даже в таком состоянии не забыл про нашу дату. Он ответил, что никак не мог забыть этот день, поскольку у нас сегодня круглая дата: 250 месяцев со дня свадьбы. И правда, в октябре будет двадцать один год, а это 252 месяца, а сегодня август, т.е. два месяца долой!

Я смотрю, он весь в отца, про которого вспоминает все время: понапридумывал семейных праздников, помнит все дни рождения. Недавно послал Сергею телеграмму:

«Поздравляю с очередной годовщиной». Когда тот приехал к нам и спросил, что за юбилей имеет в виду Михаил, он ответил: «А ты забыл, когда ты защищал диссертацию?»

Видимо, это правда, что Платон Андреевич его добрый Бог, который помогает ему в трудные минуты и разделяет его радость в счастливые моменты его жизни. Может, такой Бог и нужен каждому из нас? И в то же время, может, это и есть та самая пресловутая «жизнь после смерти»? Ведь и правда, пока жива память...

Михаил. 1975, 7 августа

Сегодня опять у меня была Мария, принесла цветы к нашему седьмому числу. А я со своим сюрпризом немного опоздал: попросил медсестру купить для меня небольшой букетик роз, но она принесла их мне, когда Мария уже была у меня. Но так получилось даже забавнее.

Отметили наше «двухсотпятидесятилетия» со дня свадьбы. Как время летит! Я не знаю, как мне благодарить судьбу за этот воистину бесценный подарок, который она мне подарила: за Марию!

**В окошке госпитального окна
Застыло небо, будто серая стена.
Из неба – глаз твоих не выкроить, увы:
Не хватит глубины, голубизны и синевы...
Из неба ж глаз твоих – я вот построить смог
Пространство, вечность,
 да и собственный свой рок...
В твоих глазах даль разбежавшихся дорог
И жизни неотмерянный покуда срок.
В твоих глазах – вся ты. А мир в тебе...
Так захотелось, видимо, моей судьбе.
Ты входишь...
Мысль является одна:
Спасибо, жизнь,
что ты пока не вытекла до дна!..**

Сергея. 1979, 17 сентября

Умер папа... Вчера была кремация, как он завещал... К Марии мы приехали все: я, Люда, Светлана и Игорек. Из крематория мы пошли с Марией и Дашей к ним домой...

Мария, рыдая, рассказала нам, что папа что-то плохо себя почувствовал, прилег на диван, а она пошла привести в порядок их небольшой садик перед окнами.

Папа очень любил этот небольшой клочок земли, отгороженный густым кустарником шиповника. Иногда вечерами Мария с папой ставили на улице под окнами два маленьких складных стула, садились и наслаждались почти лесной тишиной: их дом стоит в конце березовой аллеи, упирающейся в лесок, за которым течет реч-

ка, где мы с папой обычно рисовали пейзажи...

Мария говорила про все это с подробностями, будто переживая еще раз те счастливые минуты своей жизни.

Она рассказала и про то, как папа называл моего дедушку, Платона Андреевича, своим Богом, своим ангелом-хранителем. Он и сам мне про это рассказывал. «Вот, а теперь, – сказала Мария срывающимся от плача голосом, – и у тебя, Сережа, появился ангел-хранитель... Тут она опять разрыдалась, я обнял ее и стал успокаивать, как ребенка. Она уткнулась своим лицом в мою грудь и старалась, плакать молча, отчего ее плечи и спина содрогались еще сильнее.

Света с Дашей тоже разревелись. Один Игорь молча глотал слёзы...

Потом, немного успокоившись, Мария дала мне папину тетрадь с названием «Грустные стихи» и большую пухлую папку:

- Сережа, это папины стихи. Сделай себе копию на память о нем. Он был замечательный человек! В тетрадке стихи, которые он писал последние годы, а вот в этой папочке на листочках записаны стихи, которые твой папа дарил мне за время нашей долгой счастливой жизни... Да, я не оговорила долгой, ибо жизнь меряется не годами, а теми добрыми делами, которые делают люди в своей жизни.

Сделай с них копии, а сами стихи привези мне обратно: для меня они святы...

Тут она опять заплакала. Я опять стал ее успокаивать. Света с Дашей накрыли на стол, поставили чашки для чая. Мы сидели и молча пили этот чай. Наступил момент того удивительного единения людей, когда общее горе становится тем цементом, который потом на всю жизнь сплачивает этих людей воедино. Жаль, что не было с нами Олега: он находился во Франции на какой-то научной конференции.

Я открыл тетрадь и начал читать папины стихи. Даша со Светой подсади по бокам, и мы все втроем погрузились в грустные философские размышления моего отца...

**Наступила весна,
Чудом жизни звеня.
И с распятья, с креста
Тихо сняли меня...**

Я простил вас, иуды,
Весь апостольский съезд:
Буду жив я покуда
На Голгофе мой крест.

Буду жив я доколе
Веру в правду хранят,
И пока на престоле
Проклинают меня.

И пока Магдалина
Ждет ночами меня...
Ведь за сумраком синим
Вспыхнет всполох огня!

Если верить, что будет
За теменью свет –
Значит, жизнь нас разбудит!
... А может, и нет...

Может, зря я вознесся?..
Лучше б там, на кресте...
Ведь и ты вот проснешься,
А кругом – все не те!

Может, лучше не верить
В вознесения бред?..
Где последние двери –
Возвращения нет...

☆☆☆

В начале – вечный путь!
Конец его, как небыль.
Волненье давит грудь.
Глаза пронзают небо.

А там, вдали манит,
Как колдовской магнит,
Прекрасная вершина...
И распрямляешь спину,

И мчишь во весь опор
Без усталы, без страха,
Решая вечный спор
Успеха против краха.

Но вот достиг высот,
Застывши в упоенье:
Дух схвачен от красот,
В ушах – восторга пенье!

Но в путь зовет судьба –
Охота ль, не охота... -
Так, как зовет труба
Солдата в день похода.

Перевалив хребет,
Идя уже в долину,
Иначе видишь свет...
Согнешь устало спину,

Хоть под гору идти,
Скажу, куда как легче!
Но вот – конец пути...
И грустно горбишь плечи.

И каждый новый шаг –
Концу пути навстречу...
Иду я не спеша,
Но року не перечу:

Я видел свет вершин!
Я шел своей дорогой!
А то, что не свершил...
Так не судите строго!

☆☆☆

Я старых знакомых
Всё чаще встречаю
Не дома,
Не к чаю...

На мраморных досках
И в бронзовых бюстах...
Увидеться просто...
Увидишься – грустно...

☆☆☆

Мы постепенно таем все во времени,
Как корабли в морском тумане тают...
Все меньше остается нас из племени,
Чья жизнь былъем обильно зарастает.
 Не замечаем, как становится нам лестно,
 Когда нас хвалят за здоровье и умение.
 И чем мы ближе к немощи телесной,
 Тем нам приятней эти песнопенья...

☆☆☆

Как трудно верить, что вдруг когда-то
Не будет года, не будет даты,
Не будет звука, не будет света,
Зимы не будет, и не будет лета...
Не будет водки, не будет хлеба,
Не будет солнца, не будет неба,
Не будет радости... И даже боле –
Не будет боли...

И не проснуться – хоть как с похмелья! –
С дурной башкою, с ломотой в теле,
С трудом, как клещи, раздвинув веки,
С одним желаньем – уснуть навеки!

Но нет, не дрогнут во сне ресницы,
И даже сны там не будут сниться!
И это будет – увь! – уж скоро...
Так помяните же без укора!

Кого обидел – простите, люди!
А кто обидел меня – Забудем!

☆☆☆

Стихи уже не пишутся.
И что-то всё хуже мне дышится...
И сердце стучит с перебоями.
(Без всякой связи с перепоями!)

И давит все время усталость.
Ну, сколько еще осталось?
Скоро, уж скоро туда,
Откуда никто никогда...

Из праха... И станем мы прахом!
Только нет прежнего страха.
Я пожил уже довольно.
Не хочется только больно
 Сделать самым родным,
 Развеявшись в сизый дым...

Мария. 1979, 7 октября

Сегодня у нас с Михаилом была бы серебряная свадьба... Настоящая серебряная свадьба... Не дотянули... Вместо этого я стою здесь в Ленинграде, на набережной Лейтенанта Шмидта, между Сфинксами. Пришла я сюда с Олегом и Жанной, у которых и остановилась, приехав из Москвы. А в Москве меня провожали Сережа с Дашей.

Я рассказала всем детям про завещание Михаила с просьбой развеять его прах над Невой между его любимыми Сфинксами.

Когда я подошла к воде, Олег и Жанна деликатно поднялись по ступенькам и отошли в сторонку, чтобы оставить меня одну в момент прощания с прахом Михаила. Слез у меня не было, видно, все уже выплакала за эти долгие дни и ночи. Только горло было перехвачено спазмом, как петлей...

Потом мы пошли к Олегу домой. Их дочка, Лиза, только что пришла из школы. Большая уже! В пятом классе... Как хорошо, что я сегодня не одна, а с родными мне людьми... Пробуду у ребят денек, а потом обратно – в Москву... Там меня ждет Даша.

Эпилог

Спустя несколько лет, на похоронах Марии, которую кремировали по ее завещанию, Даша дала Сереже и приехавшему из Ленинграда Олегу конверт со словами:

«Мама просила передать это вам. Я это уже читала». На конверте было написано: «Даше, Олегу, Сергею». В конверте лежала коротенькая записочка:

«Дорогие мои дети!

Это мое завещание вам: после моей смерти кремируйте меня, а мой прах опустите в Неву, у Сфинксов. Вы знаете, что там же развеян прах Михаила по его завещанию. Собственно, это было не прямое его завещание, а стихотворение, которое он оставил мне. Я хочу раствориться в той же воде и навсегда слиться с моим незабвенным Михаилом.

Мама».

В том же конверте лежал и листок со стихотворением Михаила Платоновича Макарова. Стихотворение было отпечатано на пишущей машинке. Даты написания не было. Он вообще почему-то почти никогда не ставил даже года на своих стихах, не говоря уж о числе...

**Когда умру – меня не хороните:
Я не любил печальных панихид,
Цветов увядших на скупом граните,
Который восемь цифр слепых хранит.
Когда умру, меня не хороните:
Я не любил надгробные слова.
Слезу скупую лучше пророните,
Меня припомнив года через два.
Когда умру, меня не хороните,
Чтоб мне никто не застил синеву...
А прах из урны тихо уроните
Меж Сфинксами в холодную Неву.
Течет Нева, закована в граните...
Текла и будет течь через года.
И в памяти своей вы сохраните
Меня живым, как эта вот вода...
Когда умру, меня не хороните...**